Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (68)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2022

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 4 (68). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. – 215 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва); П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Г. Фролов – к.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); Н.И. Яшина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 4 (68)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2022

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 4 (68). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2022. – 215 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; V.G. Frolov – Cand. Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; N.I. Yashina – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Грудзинский А.О., Гуськова И.В., Серебровская Н.Е. Креативный человеческий капитал: оценка понятийного содержания и практики измерения 8
Летягина Е.Н., Перова В.И. Кластерный метод формирования эффективных управленческих стратегий развития олимпийских видов спорта с использованием инструментов искусственного интеллекта 17
Никитенкова М.А. Преодоление дефицита кадров для специальностей будущего: подходы к изменению представленности женщин в stem -образовании 24
Никитин Г.С., Скобелев Д.О. Эффективность государственных и корпоративных инвестиций в развитие реального сектора экономики 32
Пермовский А.А., Кузнецов В.П. Агрессивная внешняя среда как триггер к созданию новых механизмов управления промышленными предприятиями 42
Чкалова О.В., Большакова И.В., Копасовская Н.Г., Кундина Л.Ю. Управление ценностью торговых услуг интернет магазинов 48
Шинкевич М.В., Якунина Р.П., Лубнина А.А. Управление отраслевой конвергенцией в высокотехнологичном секторе 57
Яшина Н.И., Яшин С.Н., Плетникова А.Е. Развитие методик оценки результативности государственного финансирования образования, науки и инноваций: региональный аспект 63

Социологические науки

Маркова Ю.С., Гордеева С.С. Взаимосвязь организационного доверия и коллективизма в организации (эмпирическая оценка на примере промышленного предприятия г. Перми) 71
Артамонова Я.В. Структурные компоненты жизненного мира российской молодой семьи 78
Зернов Д.В., Шалютина Н.В. Типология интернет-практик молодёжи в социальных сетях: ориентации и режимы использования 84
Богдан И.В., Кузьменков В.А., Чистякова Д.П. Образ врача в массовом сознании (по материалам социологического исследования в городе Москве) 95
Грибанов С.В. Проблема коррупции в международно-правовой и внутригосударственной сферах: социальные истоки, закономерности 103
Исакова И.А. Киберугрозы здоровью детей и молодежи в эпоху гаджетизации 112
Ушакова Я.В., Матюгина М.В. Отношение молодежи к домашнему насилию: пережитый опыт и будущие практики 118
Нацун Л.Н. Дифференциация сформированности человеческого потенциала детей в зависимости от уровня дохода семей 126
Нешатаев А.В. Взаимосвязь форм досуга прародителей и их вовлечения в процесс воспитания внуков 135
Городнов А.В. Миграционные процессы в контексте социально-демографической ситуации в современной России 142

Педагогические науки

Андрианова А.С. Методическое и ресурсное обеспечение развития академической компетентности курсантов 154
Антипова Е.П., Габышева Л.К., Фоменко С.Л., Усольцев А.П. Трансформация образовательной среды СПО в условиях онлайн-образования 161
Градалева Е.А. Влияние научных мероприятий на английском языке на обучение студентов вузов 168
Маркова С.М., Кузнецова Е.А. Межпредметные связи блока математических дисциплин с блоком профессиональных финансово-страховых дисциплин для будущих бакалавров профиля «Финансы и страхование» 177
Родионов М.А., Кочеткова О.А. Подготовка будущих учителей к разработке и применению технологий дополненной и виртуальной реальности в профессиональной деятельности 183

Румянцева А.Ю., Тарутько О.А. Анализ влияния пандемии на образовательную экосистему 188
Цзинцзюань Лю Исследование путей обучения китайской культуре иностранных студентов из стран-членов ШОС 197
Червова А.А., Войкин И.А. К вопросу об использовании виртуальных тренажеров курсантами ВУЗов МЧС РФ при прохождении практики (на примере Ивановской пожарно-спасательной академии) 204
Щелина Т.Т., Лёвкина Е.В., Патрикеева Э.Г. Креативность преподавателя как фактор перспективности развития высшего образования 209

CONTENTS

Economic sciences

Grudzinsky A.O., Guskova I.V., Serebrovskaya N.E. Creative human capital: evaluation of conceptual content and measurement practices 8
Letiagina E.N., Perova V.I. Cluster method of forming effective management strategies for the development of Olympic sports using artificial tools intelligence 17
Nikitenkova M.A. New approaches of bridging the gender gap at stem education for jobs of the future 24
Nikitin G.S., Skobelev D.O. Efficiency of state and corporate investments in the development of the real sector of the economy 32
Petrovsky A.A., Kuznetsov V.P. The study of the internal and external environment of the production cycle as the main task of the controlling system at the enterprise 42
Chkalova O.V., Bolshakova I.V., Kopasovskaya N.G., Kundina L.Y. Value management of trading services online stores 48
Shinkevich M.V., Yakunina R.P., Lubnina A.A. Industry convergence management in the high-tech sector 57
Yashina N.I., Yashin S.N., Pletnikova A.E. Development of methods for assessing the performance of public financing of education, science and innovation: a regional aspect 63

Sociological sciences

Markova Y.S., Gordeeva S.S. Relationship of organizational trust and collectivism in organization (empiric evaluation on the example of perm industrial enterprise) 71
Artamonova Y.V. Structural components of the life world of the Russian young family 78
Zernov D.V., Shalyutina N.V. The typology of young people's internet practices in social networks: orientations and modalities of use 84
Bogdan I.V., Kuzmenkov V.A., Chistyakova D.P. Image of doctor in the mass consciousness (based on sociological research) 95
Gribanov S.V. The problem of corruption in the international legal and domestic spheres: social origins, patterns 103
Isakova I.A. Cyber threats to the health of children and youth in the age of gadgetization 112
Ushakova Y.V., Matyugina M.V. The attitude of young people to domestic violence: past experiences and future practices 118
Natsun L.N. Differentiation of the formation children's human potential depending on the income level of families 123
Neshataev A.V. Relationship leisure of grandparents and their involvement childcare 135
Gorodnov A.V. Migration processes in the context of the socio-demographic situation in modern Russia 142

Pedagogical sciences

Andrianova A.S. Methodological and resource support for the development of academic competence of cadets 154
Antipova E.P., Gabysheva L.K., Fomenko S.L., Usoltsev A.P. Transformation of the educational environment of SPO in the conditions of on-line education 161
Gradaleva E.A. The role of scientific events in English for university students 168
Markova C.M., Kuznetsova E.A. Inter-subject relations of the block of mathematical disciplines with the block of professional financial and insurance disciplines for future bachelories of the training profile «Finance and insurance» 177
Rodionov M.A., Kochetkova O.A. Preparation of future teachers for the development and application of augmented and virtual reality technologies in professional activities 183
Rumyantseva A., Tarutko O. Analysis of the pandemic impact on the educational ecosystem 188
Liu Jingjuan Study on teaching Chinese culture to foreign students from SCO countries 197
Chervova A.A., Voikin I.A. On the use of virtual simulators by cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation during practical training (on the example of the Ivanovo Fire and Rescue Academy) 204
Shchelina T.T., Levkina E.V., Patrikeeva E.G. Creativity of a teacher as a factor of perspective development of higher education 209

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 331.104
DOI 10.52452/18115942_2022_4_8

КРЕАТИВНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ОЦЕНКА ПОНЯТИЙНОГО СОДЕРЖАНИЯ И ПРАКТИКИ ИЗМЕРЕНИЯ

© 2022 г.

А.О. Грудзинский, И.В. Гуськова, Н.Е. Серебровская

Грудзинский Александр Олегович, д.соц.н.; проф.; директор Института экономики и предпринимательства, заведующий кафедрой университетского менеджмента и инноваций в образовании Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
aog@unn.ru
Гуськова Ирина Владимировна, д.э.н.; проф.; профессор кафедры университетского менеджмента и инноваций в образовании Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
guskova@iee.unn.ru
Серебровская Наталья Евгеньевна, д.психол.н.; проф.; профессор кафедры университетского менеджмента и инноваций в образовании Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
serebrovskaya@iee.unn.ru

Статья поступила в редакцию 21.10.2022
Статья принята к публикации 31.10.2022

В последние годы наблюдается увеличение роли креативных индустрий и их активный рост, а также развитие прикладной науки как глобальный тренд мировой экономики. В связи с этим возникает потребность в анализе и оценке креативного (инновационного) человеческого капитала. Научные исследования в области экономики труда, управления персоналом и развития человеческих ресурсов доказывают необходимость оценки креативного человеческого капитала и разработки для этого соответствующих методологии и инструментария. Целью исследования является оценка понятийного содержания и практики измерения креативного человеческого капитала. В статье проведен сравнительный анализ содержания понятий, характеризующих человеческую деятельность, в числе которых можно упомянуть рабочую силу, трудовые и человеческие ресурсы, человеческий капитал. Сделан анализ различных трактовок человеческого капитала. Установлено, что понятие «креативный человеческий капитал» является составной частью человеческого капитала и может применяться по отношению к работнику, организации и региону как некий агрегированный показатель. Авторами выявлен и обоснован существующий дефицит методов и инструментов для адекватной оценки креативного человеческого капитала, доказана актуальность поиска возможностей применения адекватных методов и инструментов его оценки, выбора приоритетов его развития как на макро-, так и на микроуровне. Рассмотрены основные подходы к оценке человеческого капитала, выявлены аспекты, отражающие разные уровни агрегирования, отмечены сложности сопоставления оценок креативного человеческого капитала в национальных экономических системах разных стран и в разных сферах деятельности.

Ключевые слова: креативный человеческий капитал, методы оценки, критерии креативного человеческого капитала.

Введение

В настоящее время цифровизация многих технологических и управленческих процессов, потребность формирования и развития импортозамещения в условиях сильнейших санкций обусловливают необходимость развития новых, перспективных, стратегически важных, обеспечивающих безопасность страны отраслей экономики. В последние 30 лет происходит сокращение численности населения на фоне «демографической ямы». Высокое качество и эффективность использования человеческого капитала дают возможность отвечать на возникающие угрозы более компетентно, производительно, своевременно отвечать на вызовы в сложившейся нестабильной макроэкономической и политической ситуации. В том числе за счет креативной составляющей человеческого капитала. Эта важная составная часть капитала предполагает обладание работниками профессиональными знаниями и опытом, интеллектуальными и творческими способностями, навыками осуществления инновационной деятельности, что соответствует требованиям современного рынка труда.

Уход иностранного бизнеса, отсутствие ему быстрой альтернативной замены внутри страны

определяют современные требования к качеству человеческого капитала. Все больше работодатели обсуждают вопрос нехватки высококвалифицированных специалистов, профессионалов своего дела, способных к творчеству, проявлению инициативы и самообучению, и самосовершенствованию. С одной стороны, такая нехватка обосновывается нерациональным использованием человеческого капитала работников, нацеленных на активное участие в инновационной деятельности организаций. С другой стороны, многие годы в качестве приоритетных качеств в построении карьеры как в бизнесе, так и в политике выделялись лояльность и преданность работника, принадлежность к команде. Неоцененность профессионализма приводит к снижению отдачи от инвестиций в человеческий капитал и уменьшает экономическую эффективность и конкурентоспособность последних, в том числе и экономических субъектов как на национальном, так и на международном уровне.

Недостаточная разработка методологии оценки человеческого капитала, полное отсутствие научных подходов к оценке креативной составляющей человеческого капитала, дефицит соответствующих инструментов для экспериментальных расчетов затрудняют рациональное и обоснованное принятие управленческих решений, направленных на эффективное развитие человеческого капитала, в том числе и креативной составляющей, и формирование способностей работников к решению инновационных научно-практических задач, стоящих перед российской экономикой и обществом.

Нерешённость этих проблем усиливает отставание экономического развития России. Такой вывод можно сделать на основании следующих данных: по Индексу глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума Россия в 2021 г. находилась на 37-м месте в мире [1], а в рейтинге конкурентоспособности талантов – лишь на 54-м месте [2]. Поэтому, на наш взгляд, проблема оценки креативного человеческого капитала является практически важной.

Теоретико-методологические подходы

Человеческий капитал как экономическое понятие рассмотрен в трудах таких ученых, как Б.М. Генкин, С.А. Дятлов, Р.И. Капелюшников, Р.П. Колосова, С.Г. Радько.

Исследованию проблем управления человеческим капиталом разных отраслей экономики посвящены работы Т.О. Разумовой, Н.Р. Хадасевич, Е.Г. Худяковой, С.А. Шапиро, В.П. Щетинина.

Во многих отечественных исследованиях человеческий капитал, тем более его креативная составляющая как ресурс, рассматривается и оценивается лишь с качественной стороны. Практически отсутствуют методы его стоимостной оценки. Малоизученными остаются количественные методы расчета креативного человеческого капитала.

В процессе нашего исследования применялись следующие методы: системный анализ, теория классификации, графическое моделирование.

Информационную базу исследования составили результаты анализа нормативно-правовых документов в области трудовой деятельности работников, статистические материалы Росстата, а также статистические сборники ВШЭ, Глобальные отчеты Всемирного банка по оценке человеческого потенциала и человеческого капитала, а также труды ВНИИ труда, крупных российских университетов (МГУ, ВШЭ и др.); использованы данные Всемирного банка, Глобального индекса конкурентоспособности талантов (GTCI), Глобального индекса человеческого капитала (Human Capital Index), Индекса человеческого развития (ИЧР) и др.

О человеческом капитале

Анализ современной научной экономической литературы показал, что при характеристике и выявлении роли человека (работника) в экономике рассматриваются и исследуются схожие по своей сути и содержанию понятия: рабочая сила, человеческие ресурсы, трудовые ресурсы, трудовой потенциал, человеческий потенциал, человеческий капитал и др. Многие исследователи оценивают их как на качественном уровне, так и осуществляют попытки количественного измерения. В целом эти понятия очень похожи, особенно для неопытного человека, но все-таки они не являются синонимами.

В XX веке с развитием сферы услуг, ускоряющимся научно-техническим прогрессом возникла и получила широкое распространение концепция человеческого капитала. Как самостоятельный раздел научного познания теория человеческого капитала сформировалась в 50–60-х годах XX века. Одним из основателей данной теории принято считать американского учёного Дж. Уолша, который впервые на основе математического моделирования обосновал влияние профессионального образования на рост уровня национального дохода страны [1, 3]. В это же время распространились исследования, осуществляющие оценку национального богатства, в которое кроме физических активов стали

включать и финансовые; при этом учёные пришли к необходимости анализа и описания знаний и навыков людей, так как они определяли способность и готовность к производительному труду, что в свою очередь предопределяло экономическое развитие. Качества личности стали рассматриваться как актив, который может увеличить экономическую эффективность. Расходы на образование и повышение квалификации определялись уже как «инвестиции в человека».

Одним из основоположников концепции человеческого капитала является Т. Шульц. По его мнению, улучшение благосостояния людей зависело не только от таких факторов производства, как земля, капитал и труд, который предполагал не только физические усилия, но и от знаний, которые он и определил как «человеческий капитал» [4]. То есть наиболее успешны те экономики, где наиболее активен, инициативен, деятелен и образован человек.

В этот же период Г. Беккер рассматривал различные аспекты человеческого поведения и принятия решений при помощи микроэкономического анализа [5]. В работах Т. Шульца и Г. Беккера исследовалась целесообразность инвестиций в человека, в его образование, навыки, здоровье, репутацию и прочие факторы, способные приносить благо самому человеку и обществу.

Среди российских ученых, развивающих теорию человеческого капитала, следует особо отметить С.А. Дятлова и Р.И. Капелюшникова. С.А. Дятлов определяет человеческий капитал как форму приложения производительных сил; Р.И. Капелюшников изучает процесс трансформации сущности человеческого капитала, а также его свойств. В его работах освещено развитие свойств человеческого капитала в современном мире. Исследователи М.М. Критский и Л.Г. Симкина рассматривают человеческий капитал в процессе жизнедеятельности человека, дается обоснование вывода о том, что важнейшим источником жизнедеятельности и фактором наращивания благосостояния человека является прежде всего интеллектуальная деятельность, то есть знания – источник богатства. По мнению В.П. Щетинина, человеческий капитал способен создавать новую стоимость и переносить ее часть на создаваемый продукт [6].

Существуют два основных подхода к сущности человеческого капитала. В рамках первого он понимается как производственная способность человека, точнее, как способность приносить доход. К составу человеческого капитала при этом большинство авторов относят врожденные способности и таланты, а также приобретенные в результате соответствующих инвестиций знания, умения, опыт, образование, квалификацию, репутацию, здоровье и т.п. [7]. Определение, предложенное Л. Туроу, относится именно к этому направлению: «Человеческий капитал – это способность людей производить предметы и услуги» [8]. Несколько иначе, но в рамках того же подхода, трактует категорию один из создателей концепции – Т. Шульц: «Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены сопутствующими вложениями, мы называем человеческим капиталом» [4]. Очевидно, что у Т. Шульца речь идет лишь о качествах, приобретенных в течение жизни, врожденные таланты он не учитывает.

В рамках другого подхода, применяемого многими отечественными учеными, происходит сближение и слияние двух категорий – человеческий капитал и рабочая сила. Б.М. Генкин считает, что человеческий капитал – это «совокупность качеств, которые определяют производительность и могут стать источниками дохода для человека, семьи, предприятия и общества» [9]. В.П. Щетинин определяет его как «имеющийся у каждого запас знаний, способностей и мотиваций» [6]; М.Г. Колосницына трактует его как «меру воплощенной в человеке способности приносить доход» [10].

Мы полагаем, что человеческий капитал можно определить как некий интегральный показатель разных составляющих: физиологического, образовательного, профессионального, креативного, социального и экономического капиталов. Именно в совокупности они используются в процессе экономической деятельности и приносят экономические итоги в виде продукта или финансовых результатов. И согласны с позицией Б.М. Генкина, в соответствии с которой компонентами человеческого капитала являются: здоровье, природные способности, образование, профессионализм, трудовая мобильность и деловые личные качества, востребованные на рынке труда [9].

Если человеческий потенциал – это совокупность физиологических, интеллектуальных, психологических возможностей человека, которые он может реализовать в течение жизни и трудовой деятельности, то стоит заметить, что человек может обладать не только трудовыми, но и предпринимательскими качествами и способностями, реализация которых предполагает успешную предпринимательскую деятельность. Предпринимательские качества достаточно специфичны, предприниматель должен обладать знаниями, навыками, опытом. Для него характерны особые личностные качества и черты характера, такие как предприимчивость, склонность к риску, настойчивость, лидерские

качества, способность воодушевлять людей своей идеей, нацеленность на успех, авторитет. В целом перечисленные качества можно назвать предпринимательским талантом, который является частью человеческого капитала. При этом следует понимать, что наемному работнику-специалисту некоторые качества, как, например, настойчивость и склонность к риску, не всегда полезны, хотя в управленческой деятельности многие из них востребованы.

Многие исследователи предполагают, что отдача от инвестиций в человеческий капитал является обязательной. Если она отсутствует или не покрывает произведенных затрат, можно сделать вывод о их нецелесообразности. Издержки, связанные с увеличением человеческого капитала, рассматриваются как поток настоящих и будущих доходов.

Следует учитывать, что отдача от разных компонентов человеческого капитала может выражаться не только в увеличении уровня доходов. Увеличившаяся эффективность труда не всегда приносит работнику большее денежное трудовое вознаграждение. Если рассматривать их в качестве инвестиций в человеческий капитал, то польза для общества от них очевидна, так как растет качество оказываемых образовательных или медицинских услуг, увеличивается число научных открытий, убыстряется научно-технический прогресс. Можно сказать, выявляются положительные экономические экстерналии. Фактор полезности наблюдается именно в результате анализа на уровне региона, отрасли и страны в целом [11].

Человеческий капитал можно исследовать как качественную и количественную характеристику использования человеческого потенциала, то есть каким образом тратится запас физического и психического здоровья, профессиональной подготовки и других приобретенных способностей работников.

Если утверждать, что в современном обществе увеличение человеческого капитала осуществляется на основе системы образования «через всю жизнь», то человеческий капитал – это не что иное, как совокупность знаний, умений, навыков и творческих способностей квалифицированных работников, которые используются для получения экономических результатов.

В процессе исследования было обнаружено, что возможности реализации заложенного в человеческом капитале потенциала во многом зависят не только от интеллектуального капитала наемного работника, но и от наличия возможностей и желания использовать его для создания объектов интеллектуальной собственности как им самим, так и организацией. Важен факт поощрения инноваций обществом и средой. В связи с этим важными факторами, определяющими человеческий капитал, способными его увеличить, являются организационно-предпринимательский капитал и связанный с ним человеческий креативный капитал (рис.).

Инновационное развитие экономики основано на процессе переосмысления имеющихся знаний, повышения когнитивности и наукоёмкости, креативности, роста приоритетности образования и обучения в обществе, информационности, унификации всех сфер жизни, стремления к национальной самоидентичности.

Для того чтобы обеспечить инновационный переход, необходимо наращивание человеческого капитала, что отражается в таких тенденциях на рынке труда, как востребованность новаторства, креативности, способности к самообучаемости персонала, виртуализация трудовой деятельности.

В этой связи тема развития человеческого капитала в части креативной его составляющей полностью соответствует веяниям времени и требованиям современной экономики труда.

Если человеческий капитал и трудовой потенциал работника как экономические категории достаточно подробно представлены в научных трудах, то креативный человеческий капитал, на наш взгляд, исследован недостаточно.

В некоторых работах говорится об инновационном компоненте капитала работника, который Б.М. Генкин трактует как «способности к генерации новых идей, методов, образов, представлений» [9]. В дальнейшем исследовании мы предлагаем принимать инновационный компонент как часть *креативного человеческого капитала.*

Таким образом*, креативный человеческий капитал есть результат инвестиций в человека, а его структура включает капитал образования, капитал здоровья, инновационный капитал, капитал культуры и пр., которые обеспечивают получение дохода посредством реализации всех его элементов в экономической креативной деятельности, результатом которой является инновационный продукт.*

Необходимо заметить, что креативный человеческий капитал – это не просто сумма инвестиций в человека. Необходимо учитывать возникающий синергетический эффект, который может быть разнонаправленным. Не все высококвалифицированные работники ориентированы на созидательный труд. Есть люди, которые имеют желание добиться через разрушение полезных традиций и командного духа в организации неформального лидерства и поднятия

Рис. Факторы, определяющие человеческий капитал
(составлено на основании материалов: Матвеева А.С. Формирование системы управления человеческим капиталом в национальных исследовательских университетах: Автореф. дис. … кандидата экономических наук. М., 2015)

своего личного авторитета. При инвестировании в креативный человеческий капитал не только растет эффективность труда, но и сам продукт труда носит *инновационный, новаторский, креативный характер*.

Немаловажное значение имеет и окружающая среда, в которой растет и работает человек, поощряется ли обществом и рынком такое развитие, имеют ли инвестиции в человеческий капитал положительный эффект в виде роста получаемого денежного вознаграждения. Нельзя отрицать значения, имеется ли экономический, политический и общественный заказ на инновации и креатив. Зачастую бизнес не заинтересован в инновациях при низкой цене труда и поэтому норма замещения труда капиталом является низкой.

Внедрение инноваций – процесс дорогостоящий, зачастую он связан не столько с поощрением самого создателя нового, сколько со сменой технологии, производственного процесса, ростом альтернативных издержек, наличием предпринимательских и финансовых рисков, административными барьерами (лицензированием, оформлением авторского и патентного права).

Наряду с этим выращивание талантливых людей – это сложный, трудоемкий, капиталоёмкий процесс. К тому же мотивация в отношении креативного персонала имеет более сложный характер, основана на стимулировании самосовершенствования, лидерства, самовыражения личности таких сотрудников.

Для обеспечения функционирования системы «привлечения, выращивания и удержания» креативного персонала необходимо создание соответствующих условий, которые бы поощряли развитие человеческого креативного капитала.

Следует понимать, что креативный человеческий капитал реализуется в виде креативного труда, который обладает рядом особенностей:

– наличие специальной профессиональной подготовки, необходимой для проведения креативной и инновационной деятельности, и использование имеющейся совокупности знаний для дальнейшего расширения сферы творческих результатов;

– творческий характер деятельности, обеспечивающий создание уникальных результатов;

– «высокая нерегламентированная интенсивность мыслительного процесса креативного персонала» [12];

– наличие высокого уровня аналитических навыков и способностей к поиску решений разного рода задач;

– потребность в непрерывном обмене знаниями в рамках деловых коммуникаций;

– необходимость мотивации креативной деятельности через получение профессионального экспертного признания личного вклада.

Методологический инструментарий оценки креативного человеческого капитала

На сегодня существуют разные подходы к оценке креативного человеческого капитала. Однако специальный методологический инструментарий такой оценки практически отсутствует. Чаще применяются методики, разработанные на основе классических подходов к человеческому капиталу, не учитывающие актуальные изменения в содержании и структуре человеческого капитала, в частности в отношении креативной его части. В рамках нашего исследования был проведен анализ значимых методических подходов с точки зрения их применения в отношении оценки креативного человеческого капитала.

К ним относится, в частности, *проект «Человеческий капитал»*, представляющий собой глобальную разработку, направленную на

Таблица

Измерение будущей производительности труда ребенка, родившегося в 2018 году [2] (максимальная производительность = 1)

Компонент		Страна, находящаяся		
		в 25-м процентиле	в 50-м процентиле	в 75-м процентиле
		по компоненту X, имеет показатель. . .		
	Компонент 1: выживание			
1	Вероятность дожить до 5 лет	0.95	0.98	0.99
A	Вклад в производительность	0.95	0.98	0.99
	Компонент 2: школа			
	Ожидаемая продолжительность обучения в школе (количество лет)	9.5	11.8	13.1
2	Баллы, набранные в ходе тестирования (из 600 максимально возможных)	375	424	503
B	Количество лет обучения в школе с поправкой на качество – Вклад в производительность	5.7	8.0	10.5
	Вклад в производительность	0.51	0.62	0.76
	Компонент 3: здоровье			
3	Доля детей, не страдающих низкорослостью	0.68	0.78	0.89
4	Показатель выживаемости взрослых	0.7	0.86	0.91
C	Вклад в производительность	0.88	0.92	0.95
	Общий индекс человеческого капитала	0.43	0.56	0.75

ускорение, увеличение и улучшение инвестиций в человека, на создание условий большей справедливости в условиях трудовых отношений и рост благосостояния общества. По состоянию на июль 2021 года 82 страны с разным уровнем жизни и доходов работали с исследовательской группой Всемирного банка над разработкой стратегических подходов к развитию и наращиванию человеческого капитала в рамках этого проекта.

Человеческий капитал в рамках данного подхода рассматривается как совокупность факторов (знаний, навыков и здоровья), в которые люди инвестируют и которые накапливают на протяжении всей своей жизни, что позволяет им в дальнейшем реализовать свой потенциал в трудовой деятельности.

В основе оценки человеческого капитала согласно методологии Всемирного банка лежит измерение будущей производительности труда следующих поколений. Рост производительности труда зависит от трех составляющих (см. табл.): выживание, школа и здоровье.

Индекс имеет значение в диапазоне от 0 до 1. Если значение равно 1, то это означает, что родившийся сегодня ребенок сможет достичь полноценного здоровья и может полностью реализовать свой человеческий потенциал в виде получения формального образования (учеба в хорошей школе 14 лет).

Если индекс человеческого капитала страны равен 0.70, то размер будущего дохода, на который может рассчитывать родившийся сегодня ребенок, составит 70% от той величины, которую он мог бы достичь при наличии полного образования и полноценного здоровья.

Человеческий капитал дополняет и запускает использование физического капитала, являясь важнейшим источником технического прогресса и экономического роста. Человеческий капитал сам обосновывает от 10 до 30% различий между странами в уровне ВВП на душу населения [9].

Сопоставление величины человеческого капитала происходит на основе индекса, который «измеряет уровень производительности следующего поколения работников в сравнении с потенциальной» [1].

На наш взгляд, данная методика имеет ряд недостатков, в особенности для оценки креативного человеческого капитала:

1. В условиях развития инновационной экономики важна не только общая производительность труда и возможность ее увеличения, но и склонность, а также способность к развитию знаний и навыков для инновационной и креативной деятельности у квалифицированных работников;

2. Трудно сопоставлять в данном случае высокоразвитые, технологичные страны и беднейшие страны мира в плане перспектив развития науки, высоких технологий. В итоге данный показатель оценивает вероятность работы в будущем и базовые знания, навыки потенциального работника. В данной методике нет оценки качества дополнительного образования, развивающего профессионально-личностные характеристики, а также «мягкие» компетенции и т.д.;

3. Индекс не учитывает влияние внешней среды, общества, ценностные ориентиры на уровне семьи, коллектива, социума, что являет-

ся немаловажным фактором, влияющим на рост креативного человеческого капитала;

4. Индекс привязан к конкретной стране, то есть расчет осуществляется на основе макроэкономических показателей. Однако креативный человеческий капитал связан в том числе и с отдельно взятыми личностью, организацией, регионом. Применить данную методику к оценке креативного человеческого капитала работника крайне сложно;

5. Не учитываются инвестиции в креативный человеческий капитал и возможности такого инвестирования как со стороны государства, так и со стороны самого человека;

6. Методика не предусматривает формирования аспектов трудовой этики, которые напрямую влияют на процесс развития креативного человеческого капитала;

7. Отсутствуют индикаторы, позволяющие оценивать степень выраженности способностей и таланта в той или иной профессиональной сфере, креативность работника.

Следующим подходом к оценке человеческого капитала является *методологический подход на основе учета вклада в экономический рост.* Данный подход базируется на объективной оценке знаний и навыков, которая выражается в изменении заработной платы. Показатель качества рабочей силы отражает фактическое повышение роли высококвалифицированных и эффективных работников для осуществления экономического роста. Однако такая характеристика не показывает причинно-следственную связь между требованиями и спросом на квалифицированный труд со стороны работодателей и социальными запросами самого общества. Стоимостные показатели оценивают взаимосвязь между затратами, произведенными во время формирования человеческого капитала, и его накопленным запасом.

Темпы экономического роста обусловлены вкладом всех факторов производства – затрат труда, капитала и совокупной факторной производительности (СФП). Совокупная факторная производительность увеличивается, когда реальные издержки на ресурсы, задействованные в производстве на единицу выпуска, сокращаются, то есть снижается себестоимость. Знания и навыки работника увеличивают производительность труда. Соответственно, в системе счетов роста национального дохода вклад знаний и навыков, влияющий на продуктивность труда работника, определяется в процентах в структуре агрегированного показателя экономического роста [13].

С нашей точки зрения, данная система оценки в отношении креативного человеческого капитала также имеет некоторые недостатки:

1. Методика не отражает особенности креативного человеческого капитала в разных сферах деятельности, не учитывает эффект инновационного или креативного труда, его значение для интенсивного роста экономики;

2. Сложно отследить взаимосвязь между инвестициями в креативный человеческий капитал, не связанными непосредственно с профессиональной квалификацией работника, но развивающими его личностные и профессиональные качества, нестандартность мышления и способность оригинально решать трудовые задачи;

3. Не ставится задача оценки креативного человеческого капитала в отношении, например, отдельной организации. Притом что существует актуальная необходимость такой оценки на микроуровне, позволяющей пересматривать и осуществлять стратегическое управление человеческими ресурсами на разных уровнях агрегирования: отдельный человек, организация, регион, национальная экономика;

4. Методика не позволяет разделить влияние внешних факторов на конечные результаты труда и рост эффективности социально-экономических систем разного уровня.

Креативный человеческий капитал можно рассматривать как инвестиционное решение. Любое инвестиционное решение обусловливается сравнением издержек и ожидаемых выгод или результатов от него. Издержки могут быть единовременными или многократными. Выгода выражается в ожидаемой разнице потока доходов и расходов на инвестирование в свой человеческий капитал.

Несомненное влияние на принятие решения о целесообразности инвестиций в человеческий капитал имеют такие расходы, как плата за образование и повышение квалификации, а также альтернативные издержки. В качестве альтернативных издержек рассматриваются упущенный доход в виде недополученной зарплаты за время обучения или прибыль в сфере предпринимательской деятельности.

К неденежным издержкам обучения можно отнести необходимость посещать занятия, связанные с этим учебный стресс при сдаче зачетов и экзаменов, предпринимаемые умственные и физические усилия. В качестве неденежных выгод человек получает удовольствие от процесса обучения, общения с умными и образованными людьми, хорошие шансы на получение престижной и интересной работы, карьерный рост и т.д.

Оценка креативного человеческого капитала на макроуровне стоимостным методом затрудняется отсутствием учета необходимых для расчета показателей, например заработной платы работника, повышенной в результате инве-

стиций. Трудно отделить креативную составляющую заработной платы.

Оценка человеческого капитала на региональном уровне была осуществлена экономистами на основе модели экономического роста Г. Мэнкью, М. Ромера и Д. Уэйла (модель MRW). Этот подход разъясняет целесообразность получения образования населением в школьном возрасте в отличие от возможности выхода на работу подростков, но совершенно не отражает вклад интеллектуального человеческого капитала [14].

Интеллектуальный капитал может оцениваться разными способами, например путем расчета суммарных затрат на создание и охрану нематериального актива. Другой определяет степень морального износа нематериального актива. Существует подход на основе расчета остаточной стоимости нематериального актива.

Научный интерес представляет подход к оценке человеческого капитала работников организации ученых из Мичиганского университета, в основе которого лежит оценка условной и реализуемой стоимости каждого работника.

В целом и стоимостные оценки имеют также некоторые недостатки:

1. Креативный труд связан с неденежными аспектами занятости: например, корпоративная культура, поощрение креативного труда, возможность самореализации, взаимоотношения в коллективе и т.д. Данные факторы сложно оценить в стоимостном эквиваленте, тем более определить отдачу в виде роста производительности именно креативного труда;

2. Трудно выделить продукт, подлежащий оценке в стоимостном выражении, который был создан именно креативным трудом и креативными сотрудниками, то есть выделить отдачу именно от креативного человеческого капитала;

3. Для проведения такой оценки зачастую отсутствуют многие данные, практически не выделяются современной статистикой.

В результате анализ имеющихся методик оценки человеческого капитала на всех уровнях агрегирования показал недостатки, которые заключаются в отсутствии необходимых данных для расчета, единой методики расчета показателей в разных странах в статистических базах данных, в большой вероятности возникновения двойного счета осуществляемых издержек в образование и получаемых от него выгод.

Поэтому можно предположить, что на сегодняшний день не решена научно-практическая задача оценки креативного человеческого капитала, которая позволяет выявлять, создавать и грамотно регулировать условия развития креативного человеческого капитала в России в процессе изменения социально-экономических условий развития общества, базирующихся на знаниях, инновациях и личностно ориентированном подходе в сфере трудовой деятельности.

На наш взгляд, данная оценка представляет собой комплекс показателей, которые характеризуют ту сферу деятельности, в которой функционирует носитель человеческого капитала, будь то сам человек, организация или регион и страна. Каждый вид экономической деятельности обладает своими особенностями и разным набором количественных и качественных показателей оценки успешности и эффективности его функционирования. Одной из часто применяемых методик отбора данных показателей является экспертная оценка.

Следующая сложная научная задача состоит в выявлении результатов именно креативного труда в данной сфере деятельности, отрасли и в данной конкретной организации.

Следующий этап – выявление взаимозависимости расходов в виде инвестиций в креативную составляющую человеческого капитала и определенных выше результатов креативного труда.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о возрастании интереса к проблеме трактовки содержания понятия «креативный человеческий капитал» в контексте классических подходов и новых научных тенденций и разработке методического инструментария для его измерения и практической оценки в реальных социально-экономических условиях отдельно взятой организации, отрасли, региона и страны.

По итогам проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Уточнена и обоснована взаимосвязь между понятиями «человеческие ресурсы» и «трудовые ресурсы», «человеческий капитал» и «трудовой потенциал», «человеческий капитал» и «креативный человеческий капитал», определены особенности креативного труда, заключающиеся в знаниеёмкости, интеллектоёмкости, информоёмкости, эксклюзивности, инновационности, а также увеличении мобильности.

Креативный человеческий капитал есть результат инвестиций в человека, а его структура включает капитал образования, капитал здоровья, инновационный капитал, капитал культуры и пр., которые обеспечивают получение дохода посредством реализации всех его элементов в экономической креативной деятельности, результатом которой является инновационный продукт.

2. Проведен критический анализ методических подходов к оценке человеческого капитала, выявлены особенности содержания, трудности и недостатки практического применения существующего инструментария оценки в отношении креативного человеческого капитала с

учетом координирования стратегического управления человеческими ресурсами страны, региона, организации, ориентированных на развитие инновационной экономики.

4. Выявлено, что практическая оценка человеческого капитала имеет недостатки, которые заключаются в отсутствии необходимых данных для расчета, единой методики расчета показателей в разных странах в статистических базах данных, в большой вероятности возникновения двойного счета осуществляемых издержек в образование и получаемых от него выгод.

Исследование выполнено в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», проект Н-426-99_2022-2023 «Социально-экономические модели и технологии развития креативного человеческого капитала в инновационном обществе».

Список литературы

1. The Global Competitiveness Report 2022 [Электронный ресурс]. URL: http://www.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2022.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

2. Global Talent Competitiveness Index (GTCI) 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.insead.edu/global-indices/global-talent-competitiveness-index (дата обращения: 30.03.2021).

3. Wolsh J.R. Capital Concept Applied To Man // The Quarterly Journal of Economics. 1935. № 2. P. 255–285.

4. Schultz T. Investing in People: The Economics of Population Quality. Berkeley, CA: University of California, 1981.

5. Becker G.S. Human Capital. 2nd edn. Columbia University Press, 1975.

6. Щетинин В.П. Человеческий и вещественный капитал: общность и различие // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 8. С. 55–61.

7. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика: Пер. с англ. М.: Дело ЛТД, 1993.

8. Thurow L. Investment in Human Capital. Belmont, 1970.

9. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. М.: Изд-во «НОРМА», 2006.

10. Колосницына М.Г. Экономика труда. М.: Магистр, 1998.

11. Троицкая А.А. Совершенствование оценки трудового потенциала организации: Автореф. дис. … к.э.н. М., 2022.

12. Феоктистова В.А. Нормирование научно-исследовательского труда: методологические подходы // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. Вып. 5 (24) [Электронный ресурс]. URL: http://naukovedenie.ru

13. Доклад о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда» [Электронный ресурс]. URL: https://openknowledge.worldbank.org/ (дата обращения: 20.07.2022).

14. Худякова Е.Г. Оценка человеческого капитала и эффективности его использования в интересах инновационного развития предприятия: Дис. … к.э.н. Уфа, 2019 [Текст из электронной базы объявлений о защите сайта ВАК, открытый доступ].

15. Grudzinsky A., Guskova I., Serebrovskaya N. Evaluation of creative personnel management practices in Russian and foreign companies // Dela Press Conference Series: Economics, Business and Management. 2022. 001 (023). URL: https://dpcsebm.delapress.com/index.php/dpcsebm/article/view/75 (дата обращения: 04.09.2022).

16. Грудзинский А.О., Гуськова И.В., Серебровская Н.Е., Марико В.В. О магистерской программе «Управление креативным персоналом»: методологические основания // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 11. С. 51–62.

17. Производительность труда и российский человеческий капитал: парадоксы взаимосвязи? Докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / В.Е. Гимпельсон (рук. авт. кол.), Д.А. Авдеева, Н.В. Акиндинова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 61 с.

CREATIVE HUMAN CAPITAL: EVALUATION OF CONCEPTUAL CONTENT AND MEASUREMENT PRACTICES

A.O. Grudzinsky, I.V. Guskova, N.E. Serebrovskaya

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In recent years, there has been an increase in the role of creative industries and their active growth, as well as the development of applied science as a global trend in the world economy. In connection with this, there is a need for the analysis and evaluation of creative (innovative) human capital. Scientific research in the field of labor economics, personnel management and human resource development proves the need to evaluate creative human capital and develop appropriate methodology and tools for this. The purpose of the study is to evaluate the conceptual content and practice of measuring creative human capital. The article provides a comparative analysis of the content of concepts that characterize human activity, among which we can mention labor force, labor and human resources, human capital. The authors made an analysis of various interpretations of human capital. It has been established that the concept of "creative human capital" is an integral part of human capital and can be applied in relation to an employee, organization and region as an aggregate indicator. The authors identified and substantiated the existing lack of methods and tools for an adequate assessment of creative human capital, proved the relevance of searching for opportunities to use adequate methods and tools for its assessment, choosing priorities for its development both at the macro and micro levels. The authors reviewed the main approaches to assessing human capital, identified various aspects that reflect different levels of aggregation, noted the difficulty of comparing estimates of creative human capital in national economic systems of different countries and in different fields of activity.

Keywords: creative human capital, evaluation methods, criteria of creative human capital.

УДК 330.354: 796.034+004.032.267
DOI 10.52452/18115942_2022_4_17

КЛАСТЕРНЫЙ МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ ОЛИМПИЙСКИХ ВИДОВ СПОРТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© 2022 г.

Е.Н. Летягина, В.И. Перова

Летягина Елена Николаевна, к.э.н.; доц.; заведующий кафедрой управления в спорте
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
len@fks.unn.ru
Перова Валентина Ивановна, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры математического моделирования
экономических процессов
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
perova_vi@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.10.2022
Статья принята к публикации 28.10.2022

Проведено исследование современного состояния летних олимпийских видов спорта в Российской Федерации в фокусе формирования эффективных управленческих стратегий, нацеленных на обеспечение качества человеческого капитала и сохранение здоровья населения в условиях больших внешних вызовов. Фундаментом эффективных управленческих стратегий развития олимпийских видов спорта являются следующие стратегические направления сферы физической культуры и спорта: развитие и модернизация объектов спорта; увеличение доли населения, систематически занимающегося физической культурой и массовым спортом; развитие спортивного резерва и спорта высших достижений; возрастание эффективности кадровой политики в сфере физической культуры и спорта. Актуальность исследования обусловлена весомостью человеческого капитала, относящегося к одному из ключевых внутренних индикаторов экономического потенциала России. Базу для выполнения исследования составили статистические данные, представленные на сайте Министерства спорта Российской Федерации. Авторами предложен креативный и эффективный метод кластерного анализа многомерных статистических данных на основе нейронных сетей – одного из существенных разделов искусственного интеллекта, с использованием информационных технологий. Результатом нейросетевого моделирования стала бифуркация объектов – летних олимпийских видов спорта РФ – по четырем кластерным образованиям, которые заметно разнятся по количеству объектов и по рассматриваемым показателям их развития. Приведена динамика результатов участия спортсменов России в летних Олимпийских играх, которая показала, что количество медалей, приходящихся на одного участника, является наибольшим (21.13%) на Олимпийских играх 2021 г. Авторы констатируют, что в условиях больших вызовов траектория развития летних олимпийских видов спорта в Российской Федерации отвечает, как показали результаты Олимпиады в Японии в 2021 г., наивысшим требованиям подготовки спортсменов. Практическая значимость результатов работы выражается: а) в установлении состояния развития летних олимпийских видов спорта в России в современных условиях больших вызовов внешней конъюнктуры; б) в использовании их при выработке стратегических направлений в области развития физической культуры и спорта с целью поступательного совершенствования и накопления человеческого капитала, являющегося одной из стержневых основ инновационного развития национальной, в том числе экономической, безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: эффективные управленческие стратегии, человеческий капитал, физическая культура и спорт, олимпийские виды спорта, регионы РФ, большие вызовы, искусственный интеллект, нейросетевое моделирование, кластерный анализ, информационные технологии.

Введение

На современном этапе в условиях больших вызовов социально-экономическое развитие Российской Федерации и других стран мира имеет сильную аффилированность с человеческим капиталом, являющимся одним из главенствующих базовых внутренних факторов в поступательном развитии стран [1–6]. Человеческий капитал аттестует качество жизни населения государств. Для его количественного измерения в международной статистике с начала 1990-х гг. широко используется индикаторный подход, в котором применяются различные индексы, показывающие качество жизни населения. Наиболее часто употребляется индекс человеческого развития (ИЧР) [7], который применяется на практике в ежегодных отчетах в масштабе Программы развития ООН (ПРООН) в различных странах [8]. ИЧР ориентирован на подчеркивание доминирующего влияния населения государств на их социально-экономическое

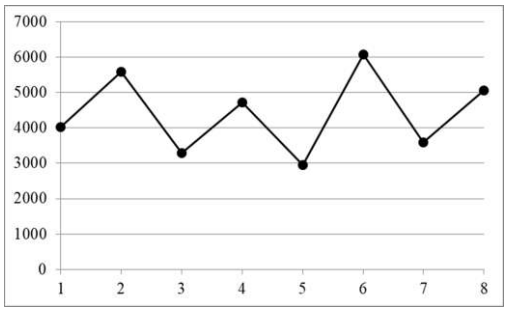


Рис. 1. Финансирование физической культуры и спорта на одного жителя в 2021 г., руб.: 1 – Центральный федеральный округ; 2 – Северо-Западный федеральный округ; 3 – Южный федеральный округ; 4 – Северо-Кавказский федеральный округ; 5 – Приволжский федеральный округ; 6 – Уральский федеральный округ; 7 – Сибирский федеральный округ; 8 – Дальневосточный федеральный округ

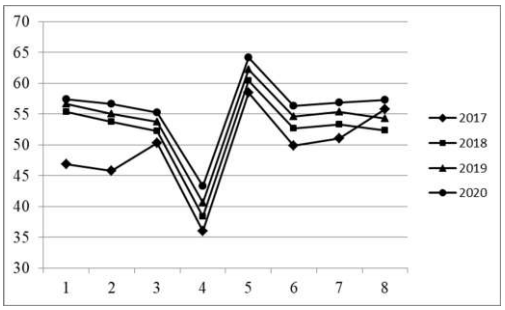


Рис. 2. Динамика развития ЕПС объектов физической культуры и спорта за период 2017–2020 гг., %: 1 – Центральный федеральный округ; 2 – Северо-Западный федеральный округ; 3 – Южный федеральный округ; 4 – Северо-Кавказский федеральный округ; 5 – Приволжский федеральный округ; 6 – Уральский федеральный округ; 7 – Сибирский федеральный округ; 8 – Дальневосточный федеральный округ

развитие. Он определяет показатели средних значений достойного уровня жизни граждан, их образованности и продолжительности здоровой жизни. При этом следует обратить внимание на то, что поддержание физической активности граждан и ее инкорпорирование в стратегии развития разных стран мира повышает качество человеческого капитала и способствует социально-экономическому росту государств [9–12].

На стимулирование ценностей здорового образа жизни, развитие массового спорта ориентировано Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020 г. [13], на укрепление здоровья населения России – Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21.04.2021 г. [14]. Физические упражнения и физические нагрузки помогают поддержать физическое и психофизиологическое здоровье и долголетие граждан [15–19], приводят к возрастанию удовлетворенности работой, эффективности и качеству принимаемых управленческих решений, особенно в условиях больших вызовов внешних обстоятельств.

Следует отметить, что финансовые вложения в физическую культуру, инвестиции в развитие человеческого капитала в спорте, в профессиональную и техническую подготовку в сфере спорта, а также инвестиции в охрану человеческого капитала в спорте имеют сильную положительную корреляцию с развитием физкультурно-спортивных организаций, с увеличением количества спортивных сооружений и будут стимулировать здоровый образ жизни граждан. Рисунок 1 иллюстрирует финансирование физической культуры и спорта на одного жителя в масштабе федеральных округов Российской Федерации в 2021 г.

Данные на рис. 1 показывают, что лидером по финансированию физической культуры и спорта на одного жителя (6071.1 руб.) является Уральский федеральный округ, а наименьшее значение (2959.8 руб.) данный показатель принимает в Приволжском федеральном округе.

На рис. 2 показана динамика состояния единовременной пропускной способности (ЕПС) объектов спорта в разрезе федеральных округов РФ.

Результаты, приведенные на рис. 2, свидетельствуют, что, несмотря на большие вызовы внешней конъюнктуры, в 2020 г. наблюдается увеличение ЕПС во всех федеральных округах России. Отметим важность инвестирования в физическую культуру и спорт на основе государственного и частного партнерства. Это будет способствовать не только росту уровня физического развития населения, но и развитию умственной деятельности [20], повышая качество человеческого капитала.

Увеличение численности населения, занимающегося физической культурой и спортом, повлечет возрастание количества граждан, занимающихся по программам спортивной подготовки по различным видам спорта, в том числе олимпийским. В связи с этим является актуальным проведение исследования развития олимпийских видов спорта в Российской Федерации в условиях больших вызовов.

Материалы и методы

Авторское исследование посвящено кластеризации летних олимпийских видов спорта России на основе нейронных сетей, являющихся одним из значимых разделов искусственного интеллекта. Для проведения исследования и оценки качества развития летних олимпийских видов спорта в условиях больших вызовов были взяты данные за 2020 г. с сайта Министерства спорта Российской Федерации [21]. Будем рассматривать следующие показатели:

Таблица 1

Дескриптивная статистика, 2020 г.

Показатели	X1	X2	X3	X4	X5	X6
Меры центральной тенденции (положения)						
Среднее значение	60621.7	1172.8	76.3	1183.5	7816.2	81.0
Медиана	14623	470	50	797	2319	36
Мода	#Н/Д	#Н/Д	0	134	#Н/Д	1
Интерквартильный размах (IQR)	58628	1194	84	1318,5	9141	92
Меры вариации (рассеяния)						
Дисперсия	8961943546	2416991	6849.3	1461137	1.3E+08	15179.1
Стандартное отклонение	94667.5	1554.7	82.8	1208.8	11369.5	123.2
Стандартная ошибка среднего	15158.9	248.9	13.3	193.6	1820.6	19.7
Коэффициент вариации	156.2	132.6	108.5	102.1	145.5	152.1
Минимум	831	28	0	47	67	0
Максимум	420431	6455	320	5234	40210	610
Размах вариации	419600	6427	320	5187	40143	610
Меры формы распределения						
Асимметрия	2.1	1.8	1.4	1.9	1.7	2.8
Эксцесс	4.6	2.9	1.5	3.8	1.7	9.1

– X1 – численность занимающихся физической культурой и спортом, чел.;

– X2 – число тренеров, чел.;

– X3 – результаты выступления на международных спортивных соревнованиях (медали: 1-е – 3-е место), ед.;

– X4 – результаты выступления на всероссийских спортивных соревнованиях (медали: 1-е – 3-е место), ед.;

– X5 – присвоенные спортивные разряды, ед.;

– X6 – присвоенные спортивные звания, ед.

Совокупность этих показателей дает возможность комплексно оценить развитие летних олимпийских видов спорта в России.

Решение многофакторной задачи осуществлено путем нейросетевого моделирования на базе самоорганизующихся карт (СОК) Кохонена [22–24], исполненных в аналитическом программном пакете Deductor. Нейросетевой метод представляет собой перспективный и высокоэффективный инструмент для исследования многомерных задач [25, 26] и причисляется к технологии интеллектуального анализа данных (Data Mining).

Осуществление кластеризации исходных многомерных данных предусматривает нахождение кластерного решения, которое состоит из подвергнутого бифуркации множества объектов в формате компактных групп (кластеров). В нашем исследовании объектами являются 39 летних олимпийских видов спорта.

Получение кластерного решения сопряжено с выполнением трех правил [27, 28]: 1) каждый объект должен присутствовать только в одном из кластеров; 2) характеристики объектов по совокупности рассматриваемых показателей развития летних олимпийских видов спорта, располагающихся внутри одного кластера, сходны; 3) объекты, размещенные в разных кластерах, имеют значительное отличие.

Актуальность применения кластерного анализа многомерных данных на основе методов искусственного интеллекта стимулирована тем, что в данном случае рассматриваемые данные, как показала дескриптивная статистика (табл. 1), не описываются нормальным законом распределения (законом Гаусса).

Из результатов табл. 1 следует, что распределения показателей скошены вправо, т.е. правый «хвост» толще левого и вершины смещены влево, а также имеют острые вершины и толстые «хвосты» по сравнению с нормальным распределением.

Метод исследования значительных объемов разнородных статистических данных на основе искусственных нейронных сетей характеризуется следующими важными особенностями: а) он не имеет модельных ограничений; б) его можно задействовать для линейных и нелинейных зависимостей. СОК Кохонена являются представителем класса искусственных нейронных сетей, обучаемых без внешнего вмешательства, т.е. без учителя. Алгоритмы их обучения позволяют визуализировать нелинейное многомерное входное пространство данных путем его

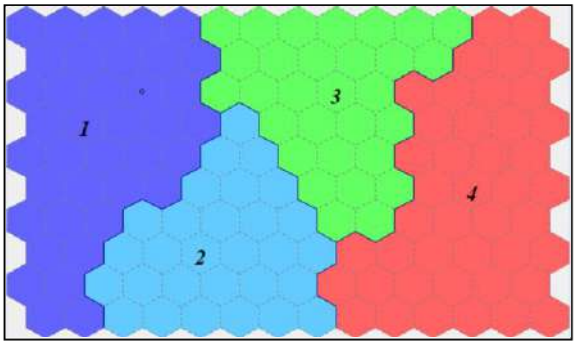


Рис. 3. Самоорганизующаяся карта сегрегации летних олимпийских видов спорта РФ по кластерам в 2020 г.

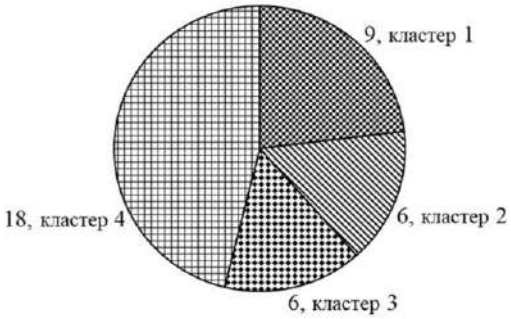


Рис. 4. Количество летних олимпийских видов спорта в кластерах

Таблица 2

Интеграция олимпийских видов спорта в России по кластерам в 2020 г.

Кластер	Вид спорта
№ 1	Баскетбол, бокс, волейбол, дзюдо, легкая атлетика, плавание, спортивная борьба, футбол, художественная гимнастика
№ 2	Велосипедный спорт, гребля на байдарках и каноэ, гребной спорт, теннис, тхэквондо, фехтование
№ 3	Бадминтон, каратэ, настольный теннис, пулевая стрельба, спортивная гимнастика, тяжелая атлетика
№ 4	Бейсбол, водное поло, гандбол, гольф, гребной слалом, конный спорт, парусный спорт, прыжки в воду, прыжки на батуте, регби, синхронное плавание, скалолазание, современное пятиборье, софтбол, стендовая стрельба, стрельба из лука, триатлон, хоккей на траве

проецирования в нейроны выходного слоя с сохранением топологического подобия. Нейроны выходного слоя, который носит название топологической карты, чаще всего формируют двумерную решетку.

Результаты кластерного анализа данных на основе нейросетевого моделирования

Для исследования исходных данных, характеризующих развитие летних олимпийских видов спорта в Российской Федерации, применен кластерный анализ на базе нейросетевого моделирования. Этот метод свободен от модельных ограничений и позволяет эффективно реализовать анализ многомерных статистических данных. В процессе исследования посредством нейросетевого моделирования с использованием СОК Кохонена и аналитического пакета программ Deductor шестимерное пространство данных, описывающих развитие летних олимпийских видов спорта в России за 2020 г., было проецировано с учетом топологии в двумерное пространство. Все 39 видов спорта по комплексу рассматриваемых показателей распределились на 4 кластера. Визуализация результатов кластеризации за 2020 г. показана на рис. 3.

Так как количество кластеров заранее неизвестно, критерием для объективной количественной оценки качества полученного кластерного решения был избран индекс Дэвиса – Боулдина [29], который аттестует внутреннюю проверку кластеров. Использование этого критерия показало отсутствие перекрытия кластеров, что является подтверждением обоснованности полученных результатов кластеризации.

Распределение 39 летних олимпийских видов спорта по 4 кластерам приведено на рис. 4.

Анализ данных, показанных на рис. 4, свидетельствует, что имеется сильная дифференциация летних олимпийских видов спорта по совокупности рассматриваемых показателей их развития за 2020 год. Наибольшее число видов спорта распределилось в кластер № 4, а наименьшее их количество образовало кластеры № 2 и № 3. При этом число исследуемых видов спорта в кластере 4 составляет практически половину от всего их количества. Подробные сведения о вхождении летних олимпийских видов спорта в кластеры представлены в табл. 2.

Таблица 3 демонстрирует статистику средних значений показателей развития летних олимпийских видов спорта по кластерам и средних значений по всем исследуемым видам спорта РФ.

Таблица 3

Статистика средних значений показателей развития олимпийских видов спорта по кластерам и по всем исследуемым видам спорта

Показатель	Среднее значение по кластерам				Среднее значение по всем исследуемым видам спорта
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	
X1	210739	20740	36414	6926	60622
X2	3669	595	873	217	1173
X3	111	199	53	26	76
X4	2656	1290	1288	376	1183
X5	26442	2604	5393	1048	7816
X6	188	72	60	37	81

Данные в табл. 3 констатируют, что средние значения показателей развития летних олимпийских видов спорта, образовавших кластер № 1, превышают значения соответствующих показателей видов спорта, составивших кластеры № 2 – № 4, за исключением показателя X3 – результаты выступления на международных спортивных соревнованиях (медали: 1-е – 3-е место). Это может быть связано с большими вызовами, такими как пандемия, повлекшими уменьшение числа международных спортивных соревнований по видам спорта, вошедшим в кластер № 1. Средние значения показателей развития летних олимпийских видов спорта, сформировавших кластер № 1, превосходят также показатели всех исследуемых видов спорта. Виды спорта, вошедшие в кластеры № 2 и № 3, имеют показатели, которые как ниже, так и выше по сравнению со средними показателями по всем рассматриваемым видам спорта. Летние олимпийские виды спорта, образовавшие кластер № 4, характеризуются показателями, которые не превышают и соответствующие значения в других кластерах, и общие средние значения по всем исследуемым видам спорта.

Заключение

Проведенное исследование создало целесообразную научную и практическую основу для анализа развития летних олимпийских видов спорта в ракурсе выработки эффективных управленческих стратегий по совершенствованию качества человеческого капитала в Российской Федерации. Предложенный в работе метод кластерного анализа многомерных статистических данных на базе нейросетевого моделирования является перспективным методом исследования, который свободен от модельных ограничений. Кроме того, применяемые в исследовании нейронные сети – СОК Кохонена – самостоятельно строят модель только на основе предъявляемой им исходной информации и не требуют постороннего вмешательства в процесс их обучения и работы.

Применение методов искусственного интеллекта в задаче исследования развития рассматриваемых видов спорта показало присутствие заметных различий в размерах кластеров, что свидетельствует об иррегулярном характере этого развития. Наиболее популярными летними олимпийскими видами спорта являются виды спорта, вошедшие в кластер № 1, где наблюдается наибольшая численность населения, занимающегося этими видами спорта. Большое количество исследуемых видов спорта, образовавших кластер № 4 с низкими показателями, говорит о том, что необходима оптимизация организационно-экономической деятельности в спортивной сфере, адекватная актуальным задачам и большим вызовам внешних обстоятельств.

Особо отметим, что в условиях продолжающихся больших вызовов внешней конъюнктуры российские спортсмены успешно выступили на играх XXXII Олимпиады, состоявшихся в Японии в 2021 г. На этой Олимпиаде спортсмены Российской Федерации соревновались в 26 летних видах спорта, которые вошли во все кластерные образования (табл. 4). В табл. 4 приведена динамика результатов участия спортсменов России в летних Олимпиадах.

Данные, представленные в табл. 4, удостоверяют, что результаты участия российских спортсменов в играх XXXII Олимпиады в 2021 г. являются лучшими за период 2008–2021 гг.

Таким образом, исследование развития летних олимпийских видов спорта с применением предлагаемого авторами методологического подхода для проведения кластерного анализа на основе методов искусственного интеллекта дает возможность позиционировать стратегические направления корректирования управленческих решений по формированию эффективных стратегий развития летних олимпийских видов

Таблица 4

Статистика результатов участия спортсменов Российской Федерации в летних Олимпийских играх за 2008 – 2021 гг.

Год	Страна проведения Олимпиады	Количество участников – спортсменов Российской Федерации	Количество золотых медалей	Количество серебряных медалей	Количество бронзовых медалей
2008	Китайская Народная Республика	467	24	13	23
2012	Великобритания	436	20	20	30
2016	Бразилия	286	19	17	19
2021	Япония	336	20	28	23

спорта в Российской Федерации. При этом необходимо учитывать основные стратегические направления развития сферы физической культуры и спорта:

1) развитие и модернизация объектов спорта;

2) увеличение доли населения, систематически занимающегося физической культурой и массовым спортом;

3) развитие спортивного резерва и спорта высших достижений;

4) возрастание эффективности кадровой политики в сфере физической культуры и спорта.

Это важно в целях увеличения качества человеческого капитала и, следовательно, повышения экономического потенциала и экономической безопасности Российской Федерации [30–33].

Список литературы

1. Letiagina E.N., Perova V.I., Gutko A.V., Orlova E.A. Research of youth sports in the Russian Federation as a factor of human capital formation using neural networks // Human, technologies and quality of education. 78th International Scientific Conference of University of Latvia. 2020. P. 179–186.

2. Кузнецов Ю.А. Человеческий капитал, производительность труда и экономический рост // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 43 (298). С. 2–14.

3. Сухарев М.В. Человеческий капитал в общей системе знаний // Креативная экономика. 2017. Т. 11. № 9. С. 915–930.

4. Lonska J., Mietule I. The impact of human capital development on the economic and social development of a country: Empirical study // 10th International Scientific Practical Conference «Environment. Technology. Resources». Rezekne; Latvia. 2015. Vol. 2. P. 174–180.

5. Liu K. Research of investment in human capital in a sports club // International Journal of Simulation: Systems, Science and Technology. 2015. Vol. 16. № 5A. P. 19.1–19.5.

6. Visvizi A., Daniela L. Technology-enhanced learning and the pursuit of sustainability // Sustainability. 2019. Vol. 11. № 15.

7. Ионцев В.А. и др. Введение в демографию: Учебное пособие / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М.: МГУ, ТЭИС. 2003. 636 с.

8. Программа развития ООН. URL: https://www.undp.org/

9. Abelkalns I., Golubeva A., Klempere-Sipjagina A. Studies of sport and health education teachers in the University of Latvia in the opinion of graduates // Society, Integration, Education. 2014. Vol. 3. P. 357–366.

10. Beutler I. Sport serving development and peace: Achieving the goals of the United Nations through sport. // Sport in Society. 2008. Vol. 11. № 4. P. 359–369.

11. Trushina E.A., Sergeev A.A. The development of sports industry in Russia // Interactive Science. 2016. № 10. P. 165–167.

12. Савельева И.П., Данилова И.В., Карпушкина А.В., Килина И.П. Физическая активность, здоровье и экологичная среда в системе устойчивого развития регионов // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № S1. С. 141–152.

13. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 15 января 2020 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582.

14. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 21 апреля 2021 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418.

15. Викулов С.Ф., Хрусталёв Е.Ю. Экономические основы военной безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 7. С. 2–9.

16. Макарьев И.В. Физическая подготовка в системе правоохранительных органов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2017. Т. 2. № 2. С. 50–53.

17. Садков С.А., Ахмеров И.Ф. Роль физической культуры, спорта, медицины и правоохранительных органов в профилактике асоциальных проявлений, наркомании и преступности среди молодежи // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма: Материалы X Международной научно-практической конференции (Уфа, 24–26 марта 2016 г). Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2016. С. 619–622.

18. Samitz G., Egger M., and Zwahlen M. Domains of physical activity and all-cause mortality: systematic review and doseresponse meta-analysis of cohort studies // International Journal of Epidemiology. 2011. Vol. 40. № 5. P. 1382–1400.

19. Warburton D.E.R., Charlesworth S., Ivey A. et al. A systematic review of the evidence for Canada's physical activity guidelines for adults // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. 2010. Vol. 7. Article 39.

20. Горбунов С.А., Дубровский А.В. Роль физической культуры в совершенствовании умственной готовности к обучению и профессиональной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2002. № 12. С. 13–15.

21. Министерство спорта Российской Федерации. URL: http://www.minsport.gov.ru.

22. Kohonen T. Self-organized formation of topologically correct feature maps // Biological Cybernetics. 1982. Vol. 43. № 1. P. 59–69.

23. Kohonen T. The self-organizing map // Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers. 1990. Vol. 78. № 9. P. 1464–1480.

24. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс. М.: Вильямс, 2006. 1104 с.

25. Lifang P., Lingling L. A service innovation evaluation framework for tourism e-commerce in China based on BP neural network // Electronic Markets. 2014. Vol. 24. Iss. 1. P. 37–46.

26. Letiagina E., Perova V., Orlova E. Neural network analysis of the development of physical education and sports in Russia as an economic factor of country security // Proceedings of the 4th International Conference on Innovations in Sports, Tourism and Instructional Science (ICISTIS 2019). Atlantis Press, 2019. № 11. P. 174–179.

27. Балабанов А.С., Стронгина Н.Р. Анализ данных в экономических приложениях: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. 135 с.

28. Дубров А.М., Мхитарян В.С., Трошин Л.И. Многомерные статистические методы. М.: Финансы и статистика, 2000. 352 с.

29. Davies D.L., Bouldin D.W. A cluster separation measure // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence. 1979. Vol. PAMI-1. Iss. 2. P. 224–227.

30. Любушин Н.П., Летягина Е.Н., Перова В.И., Котов Р.М. Методы искусственного интеллекта в исследовании экономического потенциала регионов России в условиях больших вызовов // Экономический анализ: теория и практика. 2022. Т. 21. № 6. С. 994–1017.

31. Фролов В.Г., Павлова А.А. Системные эффекты реализации инновационно-инвестиционно сбалансированной промышленной политики в условиях цифровой экономики // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 4. С. 2919–2936.

32. Болдыревский П.Б., Кистанова Л.А. Оценка эффективности инновационной деятельности промышленных предприятий // Актуальные вопросы науки. 2014. № 12. С. 65–69.

33. Караваева И.В., Иванов Е.А., Лев М.Ю. Паспортизация и оценка показателей состояния экономической безопасности России // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 8. С. 2179–2198.

34. Митяков С.Н., Лапаев Д.Н., Катаева Л.Ю., Рамазанов С.А. Устойчивое развитие и угрозы экономической безопасности // Экономика и предпринимательство. 2019. № 10. С. 111–114.

CLUSTER METHOD OF FORMING EFFECTIVE MANAGEMENT STRATEGIES FOR THE DEVELOPMENT OF OLYMPIC SPORTS USING ARTIFICIAL TOOLS INTELLIGENCE

E.N. Letiagina, V.I. Perova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

A study of the current state of summer Olympic sports in the Russian Federation has been conducted in the focus of the formation of effective management strategies aimed at ensuring the quality of human capital and preserving the health of the population in the face of great challenges of external circumstances. The foundation of effective management strategies for the development of Olympic sports are the following strategic directions in the sphere of physical culture and sports: development and modernization of sports facilities; an increase in the proportion of the population systematically engaged in physical culture and mass sports; the development of a sports reserve and sports of the highest achievements; an increase in the effectiveness of personnel policy in the field of physical culture and sports. The relevance of the study is due to the importance of human capital, which is one of the key internal indicators of Russia's economic potential. The basis for the study was statistical data presented on the website of the Ministry of Sports of the Russian Federation. The authors propose a creative and effective method of cluster analysis of multidimensional statistical data based on neural networks – one of the essential sections of artificial intelligence, using information technology. The result of neural network modeling was the bifurcation of objects – the summer Olympic sports of the Russian Federation – in four cluster formations, which differ markedly in the number of objects and in the considered indicators of their development. The dynamics of the results of the participation of Russian athletes in the Summer Olympic Games is given, which showed that the number of medals per participant is the largest (21.13%) at the 2021 Olympic Games. The authors state that in conditions of great challenges, the trajectory of the development of summer Olympic sports in the Russian Federation meets, as shown by the results of the Olympics in Japan in 2021, the highest requirements for the training of athletes. The practical significance of the results of the work is expressed: a) in establishing the state of development of summer Olympic sports in Russia in modern conditions of great challenges of the external conjuncture; b) in using them in developing strategic directions in the field of physical culture and sports development for the purpose of progressive improvement and accumulation of human capital, which is one of the core foundations of innovative development of national, including economic, security of the Russian Federation.

Keywords: effective management strategies, human capital, physical culture and sports, Olympic sports, regions of the Russian Federation, big challenges, artificial intelligence, neural network modeling, cluster analysis, information technology.

УДК 330 331 338.3
DOI 10.52452/18115942_2022_4_24

ПРЕОДОЛЕНИЕ ДЕФИЦИТА КАДРОВ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ БУДУЩЕГО: ПОДХОДЫ К ИЗМЕНЕНИЮ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ ЖЕНЩИН В STEM-ОБРАЗОВАНИИ

© 2022 г.

М.А. Никитенкова

Никитенкова Мария Александровна, к.э.н.; заместитель директора
АНО «Институт мировых трансформаций «Боровицкий холм»,
старший научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук, Москва
maria.nikitenkova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.09.2022
Статья принята к публикации 17.10.2022

Статья посвящена проблеме дефицита кадров в наукоёмких отраслях России и способам её решения. Выявлены низкая доля женщин среди лиц, занятых научной деятельностью, и потенциал их вовлечения в науку. Проанализирован российский и зарубежный опыт привлечения женщин в STEM-образование с дальнейшей интеграцией в STEM-занятость. Показана привлекательность для женщин современных тенденций STEM-сферы, связанных с включением в традиционные образовательные компоненты составляющих, направленных на изучение мира искусства, а также с использованием культурных компетенций в моделировании и художественно-техническом проектировании. Установлено, что, с одной стороны, влияние через государственную поддержку менторских программ по профессиональному развитию женщин дополнительно мотивирует молодое поколение, на которое меньше действуют финансовые стимулы; с другой – стоит рассмотреть меры популяризации женского образа из сферы STEM в рамках традиционных гендерных ролей через социальный месседж, что даст женщинам возможность примерить на себя новые роли. Основываясь на анализе эффективных подходов государственной политики, направленной на сокращение гендерного разрыва в инженерных и технологических сферах, предложены решения преодоления нехватки кадров для специальностей будущего и повышения конкурентоспособности в инновационной сфере, что, в свою очередь, внесёт вклад в развитие мер социальной и инновационной политики России.

Ключевые слова: STEM-образование, STEM-занятость, гендерный разрыв, женщины, информационно-коммуникационные технологии, государственное регулирование, цифровизация.

Введение

При прогнозировании кадрового спроса в специальностях будущего в условиях нарастающей цифровизации явным становится тренд кадрового дефицита в стремительно развивающейся информационно-коммуникационной сфере. В России в текущих политических, экономических и социокультурных условиях наблюдается гендерный разрыв в наукоёмких, инженерных и технологических сферах (STEM), а с учётом демографического фактора этот тренд сохраняется в STEM-занятости.

По исследованиям предшествующего десятилетия, среди профессорско-преподавательского состава вузов России доля женщин составляет 55.2% (в мире – около 30% от общего числа занятых в науке), женщины-исследователи занимают 41.7% от кадрового состава науки [1, с. 25]. Гендерный разрыв в STEM-занятости сохраняется во всем мире, лишь в некоторых регионах эти показатели составляют более трети от общей численности занятых в сфере НИОКР: в Центральной Азии – 48.2%, в Латинской Америке и Карибском бассейне – 45.1%, в арабских странах – 41.5%, в Центральной и Восточной Европе – 39.3% [2, с. 26].

Для решения проблем кадрового дефицита весьма важно рассмотреть все возможные пути увеличения численности женщин в наукоёмких, инженерных и технологических сферах STEM, а в последние годы принципы STEM применяются и к гуманитарным дисциплинам – Arts, Humanities (Reading), охватывая STEAM (Science, Technology, Engineering, Arts and Mathematics) и STREAM (Science, Technology, Reading, Engineering, Arts and Mathematics) [3]. То есть базовые составляющие (наука, технология, инженерия и математика) дополнены компонентом, связанным с миром искусства. Это расширение направлено на развитие творческого восприятия наряду с изучением естественных, инженерных и точных наук, что усиливает подготовку кадров, позволяя быть востребованными в профессиях будущего, в век цифровизации связанных с моделированием и художественно-техническим проектированием.

При имеющейся дифференциации в гендерном составе система образования как социаль-

ный институт должна формировать большую вовлечённость девушек в STEM-образование. Женщины менее склонны выбирать факультеты естественных дисциплин, инженерных специальностей, чаще из стереотипов они выбирают обучение в гуманитарных вузах, вследствие чего в 2016 году в среднем по регионам женщины составляли менее трети (29.3%) от общего числа занятых в научных исследованиях и разработках (НИОКР) во всем мире [4].

Результаты исследования

Согласно исследованиям, девушки многого ожидают от трудоустройства и карьеры в STEM-сфере, но показатели свидетельствуют о гендерном дисбалансе в составе работающих специалистов. Также сводный анализ показателей результатов деятельности в различных сферах среднего образования (олимпиады по информатике, конкурсы грантов, конкурсы образовательного центра «Сириус», инновационного центра «Сколково», университета «Иннополис»), контента данных российских компаний интернет-рекрутмента, аналитики кадров ИКТ-компаний, а также опыт экспертных сообществ в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) позволяет выявить неоправданно неравномерное распределение между мужчинами и женщинами по специальностям и направлениям подготовки уже на стадии получения профессионального образования. Следствием этого является цифровой гендерный разрыв в экономике: в России женщины не превышают 20% от занятых в ИКТ-сфере [1, с. 25].

В качестве решения проблемы преодоления гендерного разрыва в сфере STEM в российском опыте возможно учитывать апробированный опыт наставничества, включающий изменение стереотипов, связанных с представлениями о «неженственности» профессиональной реализации в сфере ИКТ, а также принятие государственной программы финансирования социальных программ, позволяющей сформировать у школьниц и студенток социальные и цифровые компетенции (soft&digital skills). Это позволит им успешно адаптироваться в профессии, создавать и реализовывать собственные технологические проекты и стартапы информационно-технологической направленности.

Опыт реализации государственных комплексных программ по вовлечению девушек в STEM-образование за рубежом показывает необходимость увеличения занятости женщин в технической, инженерной и математической областях для преодоления дефицита специалистов, что, в свою очередь, позволяет создать новые конкурентные преимущества в образовании и инновациях, получить новые роли в международном разделении труда, превзойти конкурентов.

В США вовлечением девушек в профессиональную реализацию по специальностям будущего занимаются несколько ведомств, чьи усилия на государственном уровне интегрируются в единый комплекс. В 2018 году Министерство образования США изложило государственную стратегию в области естественно-научного образования на предстоящие 5 лет в стратегическом плане по STEM-образованию «Прокладывая курс на успех: американская стратегия образования STEM». Согласно данной стратегии, которая должна стать национальным императивом, американцам будут открыты пожизненный доступ к высшим учебным заведениям и качественное STEM-образование. Для повышения конкурентоспособности экономики на государственном уровне поддерживается общенациональное сотрудничество с учащимися, семьями, педагогами, сообществами и работодателями [4]. В 2020 году, согласно обновленным данным, Министерство образования США сформировало приоритеты в этом направлении: решение проблем, вызванных воздействием COVID-19 на студентов и преподавателей; обеспечение равного доступа учащихся к образовательным ресурсам; поддержка педагогических кадров и стимулирование их профессионального роста для улучшения обучения учащихся; удовлетворение социальных, эмоциональных и академических потребностей учащихся; расширение доступа к высшему образованию (включает меры по разъяснению при поступлении и сопровождению студентов после зачисления); укрепление межведомственной координации и взаимодействия с общественностью для продвижения изменений.

По исследованию General Electric Company, в 2017 году доля девушек среди выпускников вузов в США составила 55%, при этом в сфере STEM их доля была намного меньше: только 14% среди всех инженеров и 25% – ИКТ-специалистов [5].

К 2021 году пропорции существенно изменились: доля девушек среди выпускников в области инженерии достигла 28%, компьютерных наук – 40% [6]. При этом в крупных технологических компаниях женщины недостаточно представлены: согласно статистике, они занимают 13–24% от всех рабочих мест и лишь 2–6% – на руководящих позициях.

По данным Американской психологической ассоциации, почти 40% женщин с инженерным образованием уходят из профессии. В ходе исследования Национального научного фонда бы-

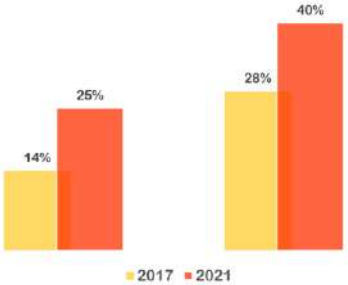


Рис. 1. Динамика роста доли девушек среди выпускников вузов США в наукоёмких, инженерных и технологических сферах в 2017–2021 гг.
(составлено автором на основе данных [4, 5])

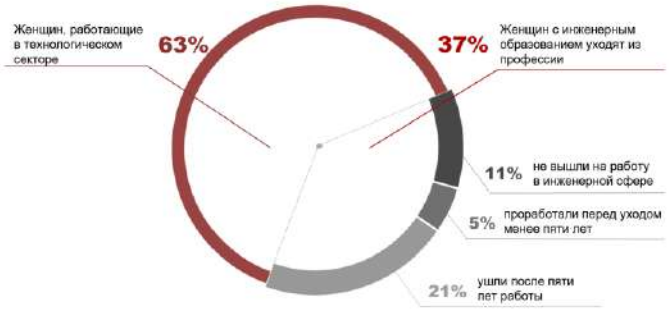


Рис. 2. Распределение девушек-выпускниц, продолживших карьеру в наукоемких, инженерных и технологических сферах в США в 1994–2014 гг.
(составлено автором на основе данных [6, 7])

ло опрошено более 5000 выпускников инженерных специальностей из 200 университетов США, выявлено, что за последние 20 лет среди выпускников инженерных школ только 63% женщин продолжали свою карьеру в качестве инженера.

Структура перешедших в другие области распределена следующим образом: 11% выпускниц совсем не вышли на работу в инженерной сфере, 21% – ушли после 5 лет работы, а 5% – проработали перед уходом менее пяти лет. Две трети женщин, проработавших в инженерной сфере менее пяти лет, в качестве причины ухода с работы называли поиск лучших возможностей в других областях, треть опрошенных оставили работу в пользу ухода за детьми, так как компании не учитывали их потребности.

При этом нельзя не отметить высокий профессиональный и управленческий потенциал выпускниц с инженерной подготовкой: после перехода в другие отрасли 54% стали руководителями, 22% заняли позиции среди менеджмента, 24% работали в качестве сотрудников [7]. В то же время, продолжая работать в инженерной сфере, только около 15% женщин занимают руководящую позицию, 25% – менеджерскую, остальные – штатные сотрудники.

Причинами, по которым они предпочитают оставаться на своих рабочих местах, называются поддержка коллег и руководителей, корпоративная культура организации, в которой признаётся женский вклад, возможности обучения и продвижения по службе и меры, способствующие балансу между работой и личной жизнью. Средняя продолжительность рабочей недели в таких компаниях составляет 44 часа, а доход работниц – от 76 до 125 тыс. долл. США в год.

Таким образом, женщины более уязвимы для вытеснения из сферы STEM. Вместе с тем участники опроса сходились во мнении, что в аэрокосмической, транспортной и коммунальных отраслях, строительстве, цифровых технологиях и биотехнологиях отсутствуют специальные меры для привлечения и поддержки женщин. Причины, выявленные в исследовании, применимы во всех областях с точки зрения важности предоставления возможностей для обучения и продвижения по службе женщин, а также поощрения здорового баланса между работой и личной жизнью [7].

Задача устранения гендерного дисбаланса в технологическом секторе экономически обоснована. По данным ОЭСР, устранение гендерного разрыва может увеличить ВВП к 2030 году на 10%. Компании с большим гендерным разнообразием работают на 53% эффективнее гендерно неравноправных, по таким показателям, как рентабельность капитала и общий объем

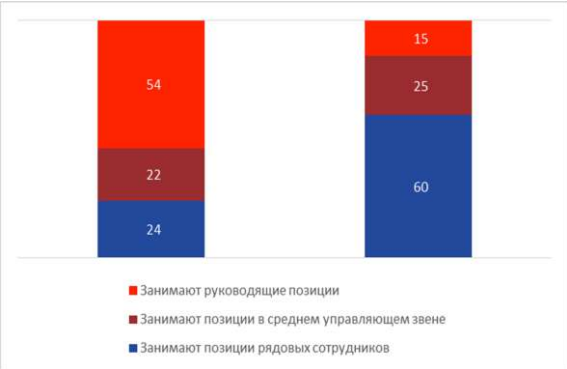


Рис. 3. Распределение женщин по должностям вне технологического сектора и в технологических компаниях в США (в процентах) (составлено автором на основе [7])

прибыли, их результаты лучше на 35% и 34% соответственно. Изменение отношения в корпоративном секторе при поддержке правительства и научных кругов к трудоустройству женщин в технологическом секторе весьма важно, чтобы удерживать женщин на рабочих местах, создавая привлекательные для них условия. Расширение участия женщин в этом секторе будет иметь реальные и положительные социально-экономические последствия [6].

По данным Статистического института ЮНЕСКО (UIS), в 2021 году в мире среди исследователей женщины составляли около 30%. Однако нельзя не обратить внимание на гендерные разрывы в сфере НИОКР: в университеты поступают всё больше женщин, но многие отказываются от поступления в аспирантуру и докторантуру. В Швеции, например, женщины составляют большинство (60%) студентов, обучающихся по программе бакалавриата, но их число сокращается по мере продвижения по образовательной лестнице: доля среди докторантов падает до 49%, а среди продолжающих научную карьеру – только 36%. Многие женщины сталкиваются со сложным выбором, пытаясь совместить карьерные амбиции с обязанностями по уходу за семьей [6].

Среди занятых рабочих мест в НИОКР женщины-исследователи больше представлены в академическом и государственном секторах, в то время как мужчины – в коммерческом секторе, который предлагает более высокие зарплаты. Так, в Республике Корея женщины составляют 17% от общей численности работающих в этой сфере, но на их долю приходится всего 9% работающих в области техники и технологий. Это соотношение имеет место даже в странах с высокой долей женщин-исследователей: в Аргентине, например, 52% исследователей составляют женщины, однако среди занятых в частном секторе их доля только 29% [6].

Основной вывод исследования в том, что стоит создавать специальный комплекс мер, побуждающий девочек обучаться математике и естественным наукам в юном возрасте, в связи с тем, что, по данным по всем странам, женщины-исследователи в области науки, техники, инженерии и математики представлены меньше [6].

В исследовании World Economic Forum 2006–2021 годов наиболее серьезным гендерным разрывом признается разрыв в оплате труда. Хотя в 2020 году разрыв сократился, он лишь стал следствием пандемии COVID-19 – общего снижения доходов работников и замедления общих тенденций экономического роста. Данные показывают, что трехлетняя программа «Акселератор Форума», развернутая в Чили, эффективно способствовала росту представительства женщин в технологическом секторе и ИКТ, включая международные компании – Accenture, Cargill, IBM, Invest Chile, LatAm Airlines, Microsoft, Nestlé, PwC, SAP, Salmon Chile, Siemens и Unilever. Она оказала влияние на повышение качества работы более чем 130 000 женщин, что эквивалентно 7% наемных служащих в частном секторе страны. В среднем в компаниях «Акселератора» 41% сотрудников составляют женщины, а за счёт программы этот показатель вырос на 10%. Таким образом, доля занятых женщин в условиях «Акселератора» была выше среднего значения этого показателя по стране, который равен 31.7%. Также положительный результат выразился в сокращении разрыва в оплате труда мужчин и женщин на 37.5% [4].

К 2015 году в Российской Федерации было создано более 130 технопарков и инновационных центров, включая инновационный центр «Сколково» и технопарк «Академпарк», Иннополис. В дополнение к обычной бизнес-инфраструктуре, социальной инфраструктуре, здесь интегрируются ИКТ-университеты. Эти инициативы направлены на привлечение молодых и высококвалифицированных специалистов со всей Российской Федерации и из-за рубежа за счет минимальных корпоративных налогов и освобожденной от налогов заработной платы. Несмотря на их преимущества, эти истории успеха не обеспечивают критической массы, которая компенсировала бы стремление к получению ренты многими российскими промышленными компаниями, которые, не будучи интегрированными в глобальные цепочки создания стоимости и знаний, уделяют мало внимания инновациям.

Комплекс мер, реализуемый в Российской Федерации, включает несколько направлений.

1. Национальный проект в области науки и цифровой экономики [8]. Паспорт националь-

ной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» утверждён президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (Протокол от 24.12.2018 № 16) [9]. В 2017 году был представлен проект «Развитие цифровой экономики в России. Программа до 2035 года», который не получил статуса нормативного документа, но учитывается при разработке планов развития.

2. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на 2020–2030 годы [10]. Она воплощает ключевые положения Стратегии развития науки и технологий до 2035 года [11] и Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [12]. Стратегия [11] определяет семь приоритетов национальной политики (цифровое производство, чистая энергетика, персонализированная медицина, устойчивое сельское хозяйство, национальная безопасность, инфраструктура для транспорта и телекоммуникаций и готовность к будущему) и приоритетность пяти ключевых политических инициатив, направленных на стимулирование интереса к науке и технике, создание благоприятных условий для исследований и разработок, налаживание эффективного сотрудничества между наукой и промышленностью, улучшение управления наукой и содействие международному научному сотрудничеству.

3. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года» [12]. Документ устанавливает цель увеличить долю компаний, занимающихся технологическими инновациями, с 20% (в 2018 году) до 50% (к 2024 году). С этой целью планируется внедрить больше отраслевых инструментов для вовлечения широкого круга фирм, включая малые и средние предприятия, в инновации в основных секторах, таких как обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, сфера услуг и креативные индустрии, предлагается стимулировать инвестиции бизнеса в инновационные проекты. Этот набор мер включает также предложения стимулирования со стороны государства – предоставлять субсидии на исследования, налоговые льготы, льготные кредиты, консультационные и учебные услуги, расширить начальное финансирование технологических стартапов и устранить административные барьеры в целях улучшения базовых условий для предпринимательства и инноваций. Предлагаются инструменты, поощряющие деловые круги и общественность к принятию инновационной культуры: для компаний и частных лиц предложены курсы по предпринимательству и информационным технологиям, для школьников – возможность ознакомиться с профессиональными программами в области науки, техники, инженерии и математики (STEM) и узнать о перспективных потребностях промышленности в кадрах до 2035 года.

4. Национальная технологическая инициатива. Объявлена президентом в послании Федеральному Собранию в 2014 году [13], позволила разработать отраслевые «дорожные карты» с бюджетными ассигнованиями в ИКТ и кибербезопасность (SafeNet), в передовые производственные технологии (TechNet), распределенные энергетические системы (EnergyNet), распределенные беспилотные летательные аппараты (AeroNet), морские (MariNet) и автомобильные (AutoNet) транспортные системы, продукты питания (FoodNet), персонализированное здравоохранение (HealthNet), человеко-машинную связь и нейротехнологии (NeuroNet). «Дорожная карта» TechNet определяет приоритеты возможностей «Индустрии 4.0» и ставит цель – обеспечить к 2035 году долю Российской Федерации на мировом рынке услуг в области инжиниринга и промышленного дизайна не менее 1.5%. Она содержит конкретные проекты в таких областях, как цифровой дизайн и моделирование, новые материалы, аддитивные технологии, промышленный Интернет и робототехника. Национальная технологическая инициатива поддержала более 500 крупных технологических проектов, таких как роботы для подводных жилищ, автономные самосвалы для шахт, локальные интеллектуальные системы энергоснабжения и программное обеспечение для цифрового проектирования для промышленного применения.

В России с 2019 года реализуется программа Министерства просвещения РФ совместно с Российской академией наук по созданию «школ РАН». В опорные школы РАН могут поступить мотивированные дети без привязки к месту жительства для усиленной подготовки и для продолжения обучения в рейтинговых университетах в дальнейшем. В рамках этой инициативы созданы программы подготовки и подбора учителей для таких школ [14]. В соответствии с приоритетами Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642) [11] у будущих молодых учёных формируется осознанный выбор современных профессий в наукоёмких отраслях, а также осуществляется их последовательная подготовка.

В США мотивация женщин к работе в исследовательской и технологических отраслях на государственном уровне осуществляется через

ведомства: фонд Министерства образования «Инвестиции и инновации», чьи программы поддерживают учащихся школ, национальные институты здравоохранения – состоявшихся исследовательниц, а Национальный научный фонд США проводит курсы в сфере STEM для всех желающих.

В России на уровне высшего образования на примере аспирантов, которые готовятся стать учёными и педагогами в сфере STEM, наблюдается барьер на профессиональном пути реализации научных интересов в связи с недостаточным уровнем финансирования. STEM-сфера требует погружения, а при недостаточном уровне стипендий, с одной стороны, и высокой сложностью получения грантов – с другой, этот барьер способствует «вымыванию» перспективных кадров из STEM.

Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (National Aeronautics and Space Administration (NASA)) в качестве ключевого фактора вовлечения девочек в STEM рассматривает метод наставничества. Его консультативная наставническая программа «NASA G.I.R.L.S» обеспечивает взаимодействие между поколениями: женщины-учёные помогают девочкам-учащимся разобраться в основах профессии, поддерживают их профессиональный и социальный интерес реализоваться в ней. Дополнением к программе служит проект «INSPIRE», его главные задачи – поддерживать девушек в освоении STEM-дисциплин и продвигать их карьеры в аэрокосмической отрасли [1, с. 23].

Эффективные меры управления социальными рисками в сфере кадрового дефицита включают финансовую поддержку этого направления на государственном уровне, приносят конкурентные преимущества. С 2016 года для развития STEM-образования в США ежегодно в виде грантов образовательным организациям выделялось порядка 200 млн долл. [21]. Эффективность реализуемых мероприятий подтверждается ростом доли женщин среди занятых в STEM-отраслях в США за пять лет – с 24% до 39%. Чтобы влиять на изменение соотношения присутствия женщин и мужчин в отрасли и сократить гендерный разрыв, возможно использовать инструмент наставничества, который признан работающим.

Влияние через культуру позволяет мотивировать молодое поколение, на которое меньше действуют другие стимулирующие меры в виде стипендий, дотаций, в рамках социальной работы, включающей разъяснительную и популяризирующую работу, и рассмотреть целесообразность поддержки образовательного медиакоммуникационного контента, который будет подчёркивать важность качества STEM-образования.

В исследовании 2017–2018 годов, направленном на рассмотрение гендерной составляющей образов киногероев, представляющих определённые существующие профессии, выявлены тенденции формирования образа женщины в сфере ИКТ, на который влияют идейные тренды западного общества [15]. Американский вектор развития этого образа в кинофильмах связан с маскулинностью, западноевропейский – с феминистической составляющей, с акцентом на независимость. Вместе с тем в отечественной кинопродукции образ женщины вне зависимости от профессиональной принадлежности неразрывно связан с традиционными гендерными ролями.

Решение проблемы дефицита кадров возможно при изменении представления профессионального женского образа в сфере STEM, восприятия его аудиторией. В контексте практических мер целесообразно в формате общественной дискуссии осуществлять профилактику и корректировать негативное воздействие мейнстримов кинематографа на ценностные ориентации представителей подросткового и молодёжного возраста как наиболее подверженных влиянию заложенных в современной видеопродукции идеологии и ценностей.

Заключение

Как показало исследование, решению проблемы дефицита кадров в наукоёмких отраслях, вовлечению женщин в STEM-образование с дальнейшей интеграцией в STEM-занятость будут способствовать следующие меры:

1) разработка и реализация образовательных программ для женщин, ориентированных на STEM-сферу, а также социальных программ, направленных на профессиональную реализацию женщин в данной области;

2) формирование имиджа женщины в сфере STEM силами социальных институтов (образование, общественные организации, наука, культура) и профессиональных ИКТ-сообществ;

3) создание системы популяризирующих мер привлечения женщин в STEM-занятость и профессионально ориентированной программы для STEM-образования женщин с дальнейшим трудоустройством;

4) внедрение механизмов внесения дополнений в социальную поддержку этих направлений, исходя из изменений экономических условий;

5) разработка блока индикаторов, позволяющих отслеживать влияние на снижение гендерного разрыва формальных и неформальных

институтов с учётом корреляции на характеристики демографической составляющей и текущих экономических условий.

Список литературы

1. Кислякова П.А., Шмелева Е.А. Цифровой гендерный разрыв как фактор риска социальной безопасности российского общества // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 14–25.

2. Женщины в технических профессиях: исследование Kelly Global Workforce Index 2015. URL: www.kellyservices.ru (дата обращения: 20.07.2022).

3. Дмитриева Е., Миронова М. STEM в США: образование, необходимое в эпоху Цифровой Индустрии 4.0? // Forbes Russia Education. Ноябрь 2020. URL: https://education.forbes.ru/authors/stem-in-usa (дата обращения: 20.07.2022).

4. The Global Gender Gap Report 2021 Insight Report March // World Economic Forum, Geneva 2021. URL: https://www.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

5. Engineering The Future: GE's goal to bridge the STEM gender gap. 2020 / General Electric Company. URL: https://www.ge.com/news/reports/engineering-future-ges-goal-bridge-stem-gender-gap-2020 (дата обращения: 20.07.2022).

6. UNESCO Science Report: The race against time for smarter development / Ed. by Schneegans, S. Lewis J., Straza T. / UNESCO 2021. 736 p. (дата обращения: 20.07.2022).

7. Fouad N.A. Leaning In, But Getting Pushed Back (And Out) / American psychological association, Washington, D.C. Aug. 9, 2014. URL: https://www.apa.org/news/press/releases/2014/08/pushed-back.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

8. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р). URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

9. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). URL: https://legalacts.ru/doc/passport-natsionalnoi-programmy-tsifrovaja-ekonomika-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidiumom/ (дата обращения: 20.07.2022).

10. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 20.07.2022).

11. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449 (дата обращения: 20.07.2022).

12. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449 (дата обращения: 20.07.2022).

13. Послание Президента Российской Федерации от 04.12.2014 «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443 (дата обращения: 20.07.2022).

14. Базовые школы РАН // Официальный сайт Минпросвещения России. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/ran_schools/ (дата обращения: 20.07.2022).

15. Волкова О.А., Босов Д.В. Образ женщины-программистки в кинофильмах и сериалах // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 97–103.

16. Калабихина И.Е. Новые подходы к измерению представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России // Женщина в российском обществе. 2017. №1. С. 5–16.

17. Berdousis I., Kordaki M. Computing and STEM in Greek tertiary education: gender representation of faculty members during the decade 2003–2013 // Gender and Education. 2018. № 30 (1). P. 1–21.

18. Funk C., Parker K. Women and men in STEM often at odds over workplace equity / Pew Research Center. January 2018. URL: https://www.pewresearch.org/social-trends/wp-content/uploads/sites/3/2018/01/PS_2018.01.09_STEM_FINAL.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

19. Gonzalez H.B., Kuenzi J.J. Science, Technology, Engineering, and Mathematics (STEM) education: A primer // Congressional Research Service 7-5700 R42642. 2012. URL: https://sgp.fas.org/crs/misc/R42642.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

20. Science, Technology, Engineering, and Math, including Computer Science / U.S. Department of Education. URL: https://www.ed.gov/stem (дата обращения: 20.07.2022).

21. STEM Opportunities Act of 2017, S-1270. 115th Congress (2017–2018) // Congress.gov. URL: https://www.congress.gov/bill/115thcongress/senate-bill/1270/text (дата обращения: 20.07.2022).

22. The Global Gender Gap Report 2016 // World Economic Forum. Geneva 2021. URL: https://www.weforum.org/docs/GGGR16/WEF_Global_Gender_Gap_Report_2016.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

23. Women and Girls in Science, Technology, Engineering, and Math (STEM). Report of Executive Office of the President / the White House. President Barack Obama. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/microsites/ostp/stem_factsheet_2013_07232013.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

24. Women in Science // UNESCO Institute for Statistics. Fact Sheet. 2019. № 55. URL: http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/fs55-women-in-science-2019-en.pdf (дата обращения: 20.07.2022)

25. Women in Science, Technology, Engineering, and Mathematics (STEM) (Quick Take) // Catalyst. 2018. URL: https://www.catalyst.org/research/women-in-science-technology-engineering-and-mathematics-stem/ (дата обращения: 20.07.2022).

26. Women in Tech: The Facts (2016 Update) // NCWIT.org. URL: https://ncwit.org/resource/thefacts/ (дата обращения: 20.07.2022).

NEW APPROACHES OF BRIDGING THE GENDER GAP AT STEM EDUCATION FOR JOBS OF THE FUTURE

M.A. Nikitenkova

The Institute of USA and Canada Studies Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the problem of shortage of personnel in the knowledge-intensive industries of Russia and ways to solve it. The low proportion of women among those engaged in scientific activities and the potential for their involvement in science are revealed. The Russian and foreign experience of attracting women to STEM education with further integration into STEM employment is analyzed. The article shows the attractiveness for women of modern trends in the STEM sphere associated with the inclusion of components aimed at studying the world of art in traditional educational components, as well as using cultural competencies in modeling and artistic and technical design. It has been established that, on the one hand, the influence of mentoring programmes for the professional development of women, through State support, motivates the younger generation, to whom financial incentives are less effective. On the other hand, it is worth considering measures to popularize the female image from the field of STEM within the framework of traditional gender roles through social message, which will allow women to try out new roles. Based on the analysis of effective approaches of state policy aimed at reducing the gender gap in engineering and technological fields, solutions are proposed to overcome the shortage of personnel for the specialties of the future and increase competitiveness in the innovation sphere, which, in turn, will contribute to the development of measures of social and innovation policy of Russia.

Keywords: STEM-education, STEM-employment, gender gap, women, information and communication technologies, government regulation, digital transformation.

УДК 338.2
DOI 10.52452/18115942_2022_4_32

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И КОРПОРАТИВНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РАЗВИТИЕ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

© 2022 г.

Г.С. Никитин, Д.О. Скобелев

Никитин Глеб Сергеевич, к.э.н.; губернатор Нижегородской области, Нижний Новгород
doc@gubernator.kreml.nnov.ru
Скобелев Дмитрий Олегович, д.э.н.; директор Научно-исследовательского института «Центр экологической промышленной политики», Мытищи, Московская область
training@eipc.center

Статья поступила в редакцию 14.10.2022
Статья принята к публикации 31.10.2022

Статья посвящена обсуждению направлений повышения эффективности инвестиций в развитие реального сектора экономики Российской Федерации. Предложены пути решения задачи определения приоритетов развития отечественной финансовой системы и совершенствования механизмов поддержки крупных инвестиционных проектов в современных условиях. Проанализированы примеры инвестиционных проектов, решения о реализации которых приняты без учёта принципов экологической промышленной политики, направленной на повышение ресурсной эффективности на микро-, мезо- и макроэкономическом уровнях. Представлен порядок применения информационно-технических справочников по наилучшим доступным технологиям при дофинансовом отборе инвестиционных проектов. Рассмотрена роль концепций наилучших доступных технологий и повышения ресурсной эффективности в стратегической социально-экологической оценке (на уровне программ развития регионов и отраслей экономики) и оценке воздействия на окружающую среду (на уровне проектов создания или модернизации конкретных предприятий). Приведены практические примеры проведения процедур оценки воздействия на окружающую среду (в Нижегородской области) и стратегической экологической оценки (в Оренбургской и Кемеровской областях) с учётом принципов наилучших доступных технологий и экономики замкнутого цикла. Сформулированы рекомендации по повышению эффективности государственных и корпоративных инвестиций для лиц, принимающих решения.

Ключевые слова: устойчивое развитие, инвестиции, ресурсная эффективность экономики, наилучшие доступные технологии, стратегическая социально-экологическая оценка, экономика замкнутого цикла, оценка воздействия на окружающую среду.

Введение

В течение последних десятилетий социально-экономическое развитие во многом определяется климатической, низкоуглеродной, зелёной и экологической повестками, тесно связанными между собой и определёнными системой целей устойчивого развития (ЦУР) [1]. Детальный анализ показателей достижения ЦУР позволяет сделать вывод о том, что эффективное использование всех видов ресурсов представляет собой важнейший компонент концепции устойчивого развития [2, 3]. В частности, эта позиция получила отражение в ЦУР 6: «Эффективное использование водных ресурсов» [4, 5], ЦУР 7: «Обеспечение доступа к надёжным, недорогим и современным источникам энергии» [6], ЦУР 8: «Содействие поступательному и устойчивому экономическому росту» [7], ЦУР 9: «Создание стойкой инфраструктуры, содействие индустриализации и инновациям» [8], ЦУР 12: «Обеспечение перехода к устойчивым моделям потребления и производства» [9].

Несмотря на наблюдающийся в последнее время сдвиг некоторых акцентов (например, в области обеспечения доступа к недорогим источникам энергии), ЦУР сравнительно мало подвержены политической турбулентности [10]. Для достижения ЦУР необходимы инвестиции в развитие реального сектора экономики – финансовые средства, затрачиваемые на строительство новых и реконструкцию, расширение и техническое перевооружение действующих предприятий, а также на жилищное, коммунальное и культурно-бытовое строительство. Цель исследования, описанного в данной статье, – анализ подходов к принятию решений о поддержке инвестиционных проектов с позиций стратегического планирования и разработка рекомендаций по учёту фактора повышения ресурсной эффективности при сравнительной оценке проектов и программ.

Методические подходы

При выполнении исследования использованы методы анализа и синтеза, характерные для

прикладных работ в области экономики устойчивого развития [11]. Применение этих методов позволяет обеспечить комплексный подход к принятию решений о поддержке инвестиционных проектов и учесть аспекты стратегического планирования при развитии реального сектора экономики. Методические подходы, характерные для превентивных процедур – оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) и стратегической социально-экологической оценки (СЭО), – использованы для обоснования необходимости учёта факторов экологической и ресурсной эффективности при сравнительной оценке проектных решений [12].

Инвестиции в развитие реального сектора экономики: задача определения приоритетов

В конце лета 2022 г. в рамках стратегической сессии Правительства Российской Федерации, посвящённой развитию отечественной финансовой системы, обсуждался вопрос совершенствования механизмов поддержки крупных инвестиционных проектов. Ожидается, что новая схема стимулирования капиталовложений будет предусматривать ранжирование проектов по приоритетам, по уровню их важности, что, в свою очередь, станет определять уровень субсидирования процентной ставки по инвестиционному кредиту и размер банковских гарантий со стороны госкорпорации ВЭБ.РФ [13]. Такая модель разрабатывается для поддержки высокотехнологичных проектов в сфере импортозамещения, многие из которых без прямого бюджетного стимулирования и капитального гранта (в размере от 70% от суммы займа) не могут быть реализованы. Планируется также предоставлять значительные льготы для инфраструктурных строек, имеющих высокий приоритет в связи с «разворотом на Восток». Конкретные критерии отбора проектов будут определены в ближайшее время [13].

При обсуждении этих критериев необходимо учитывать тот факт, что в реальном секторе экономики чрезвычайно важно обеспечить не сиюминутный финансовый результат, а долгосрочную устойчивость и надёжность производства, которые определяются его высокой ресурсной эффективностью. В промышленности и энергетике достичь этого можно путём увеличения глубины переработки природных ресурсов, максимизации получения полезного продукта на единицу использованных энергии, сырья, воды и др. ресурсов [14, 15]. Повышение ресурсной эффективности и минимизация потерь одновременно обеспечивают снижение негативного воздействия на окружающую среду (НВОС), включая эмиссии загрязняющих веществ, парниковых газов, образование отходов. Совершенствование основных производственных технологий позволяет добиться лучших эффектов как с точки зрения выпуска высококачественной и необходимой для развития экономики продукции, так и с позиций экологической и климатической повестки. В 2021 г. мы обсуждали примеры таких проектов, реализуемых в Нижегородской области, в том числе на основе специальных инвестиционных контрактов – инструментов стимулирования инвестиций в промышленное производство [14, 16].

Однако, к сожалению, нередко приходится констатировать, что отечественные технологии и оборудование уступают зарубежным в части качества и надёжности. При этом государство направляет значительные финансовые средства на преодоление технологического отставания. Следовательно, необходимо минимизировать риск возникновения ситуаций, когда в результате инвестиционного проекта с государственной поддержкой создаются технологические решения, которые успевают устареть до пуска новых объектов в строй.

Как определить приоритетные направления государственных инвестиций? Как ранжировать проекты по приоритетам, оценить, какие инвестиционные проекты следует поддерживать для получения наилучшего социально-экономического эффекта?

Во-первых, как уже отмечено, инвестиции должны способствовать повышению ресурсной эффективности технологических процессов, а не попустительствовать ресурсной расточительности. Провести грань между эффективными и расточительными решениями с точки зрения использования природных ресурсов позволяет реализация экологической промышленной политики (ЭПП), составной части государственной промышленной политики, направленной на модернизацию, обновление реального сектора экономики с целью повышения его ресурсной эффективности на двух уровнях:

– микроэкономическом (на уровне предприятий и производственных технологий);

– мезо- и макроэкономическом (на уровне отрасли или региона).

Повышение ресурсной эффективности технологических процессов осуществляется путём инвестирования в проекты модернизации на основе принципов наилучших доступных технологий (НДТ). На уровне экономики отрасли или региона повышения ресурсной эффективности можно добиться за счёт формирования экономики замкнутого цикла и вовлечения вторичных ресурсов в хозяйственный оборот.

Во-вторых, для выбора приоритетных инвестиционных проектов и программ следует отказаться от формального, поверхностного подхода к проведению процедур ОВОС проектов и СЭО программ развития отраслей и регионов. Именно использование превентивных инструментов позволяет на начальной стадии, при обсуждении идей, намерений, вариантов реализации инициатив отказаться от заведомо ошибочных решений и предотвратить возникновение серьёзных социально-экологических проблем.

Применение справочников по наилучшим доступным технологиям при отборе инвестиционных проектов

Несмотря на увеличение числа практических проектов и рост публикаций, посвящённых наилучшим доступным технологиям, всё ещё остаётся распространённым ошибочное представление о том, что переход к НДТ связан с внедрением каких-то особенных, исключительных, зарубежных технологий, с обязательной установкой чрезмерно дорогих очистных сооружений, средств измерений и пр.[1].

В реальности речь идёт о новом подходе к принятию решений о государственных или корпоративных инвестициях. Суть этого подхода состоит в отборе инвестиционных проектов на основе чётко определённых критериев с количественно измеримыми показателями. Эти показатели установлены в отраслевых информационно-технических справочниках (ИТС) по НДТ. В ИТС систематизированы сведения о применяющихся в настоящее время технологиях (их можно назвать «технологическими портретами» отраслей реального сектора экономики) и информация о перспективных решениях, постепенно приходящих на смену сегодняшним. В ИТС установлены показатели, на основании которых можно отличать современную технологию от устаревшей. Но справочники не содержат обязательных требований. Главное их предназначение – дать для конкретной отрасли количественно измеримое описание уровня развития технологий, а также привести сведения об ожидаемых в ближайшем будущем изменениях.

Эксперты, используя данные справочников, проводят сравнительный анализ альтернативных проектных решений, идентифицируют проекты, которые направлены на удовлетворение потребностей развития общества (путём производства тех или иных видов продукции, выполнения работ или оказания услуг) и позволяют достичь установленных целей наиболее эффективным с точки зрения использования природных ресурсов способом. То есть в качестве основного критерия при экспертной оценке рассматривается не получение прибыли или минимизация капитальных затрат, а достижение целей социально-экономического развития и одновременного выполнения условий рачительного отношения к природным ресурсам и окружающей среде. При этом финансовый результат следует рассматривать как граничное условие реализации проекта. Применение количественных показателей, приведённых в ИТС, позволяет объективно оценить проектные решения и выбрать приоритетные, тем самым придав кажущемуся декларативным тезису о балансе аспектов экологической и ресурсной эффективности и социально-экономических аспектов реальный смысл. Здесь уместно вспомнить, что классики менеджмента всегда подчёркивали, что организация или проект, цель которых определена как получение прибыли, обречены на провал; прибыль – это результат правильной оценки внешней среды, идентификации приоритетов развития в соответствии с насущными социально-экономическими потребностями и соображениями эффективного использования ресурсов [17].

Рассмотрим статистические данные, характеризующие инвестирование в основной капитал в 2019–2021 гг. – совокупность затрат, направленных на строительство, реконструкцию (включая расширение и модернизацию) объектов, которые приводят к увеличению их первоначальной стоимости, приобретение оборудования, транспортных средств, инвестиции в объекты интеллектуальной собственности и др. (рис. 1) [18].

Примерно треть респондентов направляет инвестиции на внедрение новых производственных технологий; около 40% организаций вкладывают средства в повышение энергоэффективности производства; приблизительно треть предприятий направляет средства на охрану окружающей среды (в большинстве случаев речь идёт о приобретении средозащитной техники, строительстве или реконструкции очистных сооружений и пр.). Более двух третей организаций вкладывают средства в замену изношенной техники и оборудования; результаты того же обследования свидетельствуют о том, что около 19% предприятий эксплуатируют оборудование, возраст которого составляет 15–30 лет и выше, а 21% предприятий – оборудование, установленное 10–15 лет назад. Общая сумма инвестиций в основной капитал превысила в 2021 г. 22 945 млрд руб. В Нижегородской области в тот же период времени инвестиции в развитие реального сектора экономики выросли

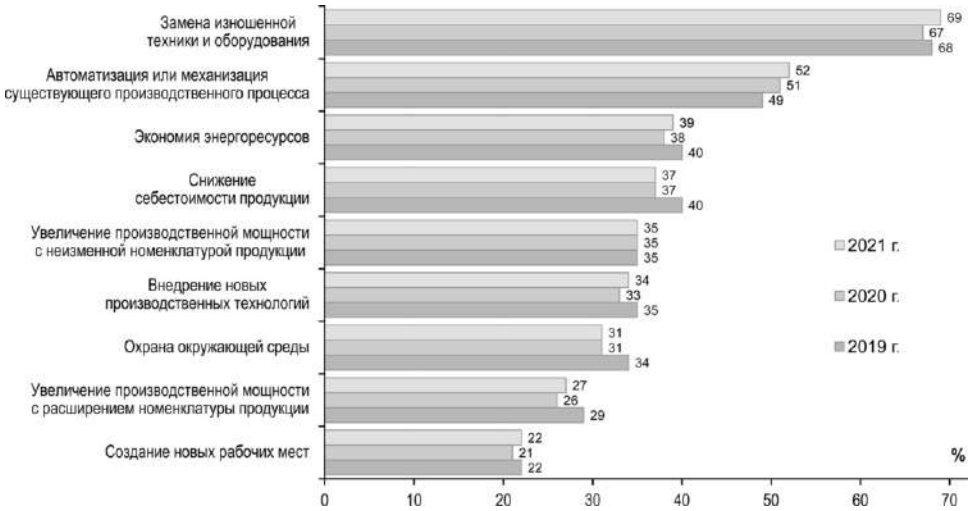


Рис. 1. Структура инвестиций в основной капитал в Российской Федерации в 2019–2021 гг. (по итогам выборочного обследования инвестиционной активности промышленных предприятий, в процентах к общему числу обследованных организаций)
Источник: Росстат, 2022 [18]

от 295.252 млн руб. в 2019 г. до 385.625 млн руб. в 2021 г. [18].

Отметим, что российские организации реального сектора экономики (промышленные предприятия, объекты, обеспечивающие очистку коммунальных сточных вод, объекты теплоэнергетики), которые в связи с требованиями законодательства обязаны внедрять наилучшие доступные технологии, но пока ещё не достигли соответствия требованиям НДТ, должны проводить эколого-технологическую модернизацию. В период с 01.10.2019 по 01.10.2022 Межведомственной комиссией по рассмотрению программ повышения экологической эффективности одобрены 52 такие программы, в реализацию которых в 2020–2027 гг. предприятия инвестируют 472 млрд руб. Особенностью этих инвестиций является то, что каждый проект направлен на достижение соответствия НДТ, а его обоснование проходит экспертную оценку.

На основании информации, систематизированной в ИТС, ответственные федеральные органы исполнительной власти могут разрабатывать нормативные правовые акты, необходимые для реализации политик в закреплённых за ними сферах регулирования [19]. Этого можно добиться посредством создания государственных программ поддержки проектов, направленных на достижение более прогрессивных показателей, которые лучше, чем установленные в ИТС. Тем самым вместо проектирования технологического отставания можно эффективно реализовывать государственные программы по поддержке реального сектора экономики на основании принципов НДТ (с учётом ориентиров, доступно изложенных в ИТС).

Средства в устаревшие технологии по-прежнему вкладываются. Например, на территории ряда российских регионов в 2018–2021 гг. пущены новые линии по выпуску цементного клинкера так называемым мокрым способом производства. При этом отраслевой ИТС был выпущен в 2015 г.; в ИТС 6-2015 по производству цемента [20] приведены сведения об удельном потреблении и указано, что НДТ является сухой способ производства, энергозатраты при котором в 1.5 раза ниже, чем при производстве клинкера мокрым способом (3.0–4.1 ГДж/т против 5.4–6.4 ГДж/т клинкера). По всей вероятности, проектировщики не приняли во внимание информацию ИТС 6-2015, не привлекли к подготовке или дофинансовой оценке проекта экспертов по НДТ, не учли показатели ресурсной эффективности, характеризующие мокрый, комбинированный и сухой способы производства. В результате в 2016–2021 гг. были спроектированы, построены и пущены в строй технологические линии, не соответствующие современным требованиям. Инвестиции варьируют в интервале 8–23 млн руб. на тысячу тонн цементного клинкера, и речь идёт о производстве примерно 700 тыс. тонн клинкера ежегодно.

Поэтому в применении чётких принципов и критериев заинтересованы не только федеральные органы исполнительной власти, но и финансовые институты, крупные банки и институциональные инвесторы. Этот тезис получил отражение в таксономии зелёных проектов, принятой в России в 2021 г. и предусматривающей первоочередное внимание к проектам эколого-технологической модернизации экономики на основе НДТ [21]. Таксономию предстоит совершенствовать, уточнив порядок учёта технологических показателей, показателей ресурсной эффективности и так называемых индикативных показателей выбросов парниковых газов, и

работа в этом направлении уже начата [22]. Будем надеяться, что концепция НДТ найдёт применение и при определении приоритетов новой схемы стимулирования капиталовложений, с обсуждения которой мы начали статью.

Оценка воздействия на окружающую среду и стратегическая социально-экологическая оценка: аспекты внедрения наилучших доступных технологий, повышения ресурсной эффективности и формирования экономики замкнутого цикла

В Советском Союзе институт экологической оценки получил развитие в 1970-х гг., именно в это время процесс принятия решений о социально-экономическом развитии стал регулироваться на законодательном уровне. Разработка всех крупных проектов строительства или реконструкции промышленных предприятий стала вестись в соответствии с нормами и правилами проектирования (СНиП). СНиП содержали (и содержат поныне) требования к проведению инженерных и экологических изысканий, к оформлению проектной документации, в том числе – требование о включении особых разделов, посвящённых рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды [23]. Для осуществления определённых видов деятельности необходимо было получить согласование государственных органов. Частью процесса принятия решений стала оценка намечаемой деятельности (включая планы, программы и т. д.) специальными комитетами экспертов («экспертизами»). Подход несколько отличался от международно принятого, в соответствии с которым «экспертизы» рассматривали не сами планы и программы, а отчёты об экологической оценке, подготовленные инициаторами деятельности. «Экспертизы» входили в состав Госплана, Госстроя, ряда других министерств и ведомств [24–26].

В это же время в СССР получила распространение подготовка территориальных комплексных схем охраны природы (ТерКСОП), которые нередко разрабатывались одновременно с планами или программами территориального развития [23, 25, 26]. ТерКСОП также подлежали экспертизе и корректировке с учётом полученных замечаний и рекомендаций. Таким образом, опыт оценки воздействия на окружающую среду и стратегической социально-экологической оценки накапливается в нашей стране уже более 50 лет.

Уточним определения. ОВОС представляет собой процедуру выявления, анализа и учёта ожидаемых последствий реализации намечаемой деятельности (на уровне проекта), а также разработки мер по минимизации негативных последствий (по [23, 27, 28]). Этап сравнительного анализа и выбора технологических решений – неотъемлемая часть процедуры ОВОС, и именно этот этап имеет особую значимость в контексте отказа от устаревших технологий и перехода к НДТ [29]. Стратегическая социально-экологическая оценка[2] – систематический процесс выявления и учёта социально-экологических и возможных экологических последствий предлагаемых стратегий, политик, планов и программ [26, 30]. Несмотря на то, что с 2014 г. процесс разработки региональных стратегий приобрёл регламентированный характер [31], на практике СЭО по-прежнему применяется намного реже, чем ОВОС; обычно исследователи рассматривают опыт Томской, Вологодской, Кемеровской областей, Республики Татарстан, Забайкальского и Камчатского краёв [32]. В 2022 г. были также опубликованы результаты СЭО, выполненной для так называемой программной территории «Коларктик» (Мурманской, Архангельской областей и Ненецкого автономного округа) [33]. При проведении СЭО обсуждают вопросы социально-экологического развития, рационального использования природных ресурсов, сокращения негативного воздействия на окружающую среду.

В 2021 г. в нашей стране были установлены новые требования к материалам ОВОС; при этом в приказе Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации [27] упоминаются также основные этапы процедуры оценки воздействия. В документе указано, что материалы ОВОС разрабатываются, в частности, с целью выбора оптимального варианта реализации намечаемой деятельности с учётом экологических, технологических и социальных аспектов. Подчеркнём, что именно в ходе процедуры ОВОС должен осуществляться выбор варианта реализации намечаемой деятельности, в том числе – выбор технологических решений. Отметим, что впервые в российском нормативном правовом акте указано, что в отношении деятельности, обосновывающая документация которой является объектом государственной экологической экспертизы, материалы ОВОС должны включать анализ соответствия технологических процессов требованиям наилучших доступных технологий [27]. Это означает, что при проведении ОВОС технологические решения следует выбирать с учётом информации, систематизированной в ИТС, и обеспечивать соответствие технологических показателей производства установленным показателям НДТ. Учитывая

тот факт, что информационно-технические справочники последовательно актуализируются, а требования НДТ уточняются, инициаторам деятельности и проектировщикам целесообразно предусматривать достижение лучших показателей, чем установленные в настоящее время. Вспомним приведённый в предыдущем разделе статьи пример реализации инвестиционных проектов производства цемента. Справедливости ради отметим, что материалы ОВОС для этих проектов были подготовлены до 2021 г., но отраслевая ассоциация принимала активное участие в разработке ИТС 6-2015, а с 2016 г. действует ГОСТ Р 56828.5-2015 «Методические рекомендации по порядку применения информационно-технического справочника по наилучшим доступным технологиям при оценке воздействия планируемой (намечаемой) хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду» [34]. В настоящее время этот стандарт актуализируется с учётом приказа Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации [27] и накопленного в 2015–2022 гг. опыта.

При проведении оценки воздействия на окружающую среду проекта строительства электрометаллургического комплекса «Эколант» в Нижегородской области, который мы уже обсуждали на страницах «Вестника Нижегородского университета» [14], напротив, были использованы применимые ИТС. Результаты анализа соответствия проектных решений, принятых при разработке технической документации, требованиям НДТ представлены в части сведений, изложенных в ИТС 26-2017 «Производство чугуна, стали и ферросплавов», ИТС 25-2017 «Добыча и обогащение железных руд», ИТС 7-2015 «Производство извести». Показатели ресурсной и экологической эффективности проекта металлургического завода «Эколант» лучше, чем показатели, установленные в справочниках, выпущенных не только в 2015–2017 гг., но и в актуализированных справочниках ИТС 25-2021 и ИТС 26-2021. Материалы ОВОС были обсуждены с общественностью; документы доступны в сети Интернет [35].

С 1990-х гг. методические подходы к проведению СЭО развиваются в нашей стране прежде всего в рамках выполнения различных международных проектов [36]. Определённый опыт проведения СЭО для крупных корпоративных программ и планов накоплен в проектах нефтегазового сектора (в основном это планы освоения континентального шельфа, реализуемые с учётом трансграничного воздействия на окружающую среду, и программы развития территорий приграничного сотрудничества [33]). В Кемеровской области был реализован проект СЭО муниципальных стратегий и программ с учётом сохранения биоразнообразия [37]. При проведении СЭО необходимо выполнить анализ внешней среды[3] и рассмотреть альтернативные сценарии социально-экономического развития, в том числе [36]:

− приоритеты и цели развития; в этом отношении сценарии могут существенно различаться;

− пути достижения выбранных целей и приоритетов;

− варианты пространственного развития, размещения объектов, территориальных особенностей «привязки» к местности проектов, которые предполагается реализовать в рамках развития региона.

Приоритеты и цели развития необходимо выбирать следуя принципу ЭПП, а именно принципу обеспечения высокой эффективности использования ресурсов – природных (включая экосистемные услуги), производственно-технологических (включая здания, машины, оборудование), техногенных (или вторичных ресурсов), институциональных и административных, а также человеческого потенциала. Такой подход направлен на достижение ЦУР 8: «Содействие поступательному и устойчивому экономическому росту» без ущерба для достижения ЦУР 12: «Обеспечение перехода к устойчивым моделям потребления и производства» и ЦУР 9: «Создание стойкой инфраструктуры, содействие индустриализации и инновациям» [10, 11] (рис. 2).

Ошибочные решения в части взаимного расположения различных или однотипных (как в моногородах) производств нередко приводят к значительным негативным последствиям. Фактически федеральный проект «Чистый воздух» призван решать проблемы, обусловленные размещением на сравнительно небольших территориях значительного числа мощных предприятий, в зоне влияния которых располагаются жилые, социальные объекты, «островки» зелёных насаждений. В таких случаях соответствие требованиям НДТ каждого объекта является требованием необходимым, но недостаточным: природные ресурсы истощены, экосистемы не в состоянии ассимилировать загрязняющие вещества, загрязнение окружающей среды сказывается на состоянии здоровья населения, и органам власти приходится принимать решения о принятии дополнительных мер (таких, как ограничение производительности предприятий). Международный опыт свидетельствует о том, что инвестиционные проекты развития промышленности в подобных регионах часто направлены на внедрение принципиально новых технологий и перепрофилирование

Рис. 2. Учёт направлений реализации экологической промышленной политики при проведении оценки воздействия на окружающую среду и стратегической социально-экологической оценки. Рисунок составлен авторами с использованием [2, 3]

объектов вплоть до перехода от производства продукции к предоставлению услуг в области промышленно-исторического туризма.

Напротив, оптимизация взаимного расположения промышленных предприятий и вовлечение в производственные процессы вторичных ресурсов позволяет обеспечить эффективность инвестиций, сохранив при этом природный капитал [38]. Такие стратегические решения, соответствующие принципам формирования экономики замкнутого цикла, были приняты в Оренбургской области (хотя официальных сведений об организации СЭО нет):

– в 2002 г. создано ООО «Аккерманн цемент», использующее в производстве металлургические шлаки АО «Уральская сталь» (в состав сырьевой муки на этом предприятии входит 30–35% масс. металлургических шлаков) [39];

– в 2020 г. введено в строй ООО «Новотроицкий содовый завод», обеспечивающее АО «Новотроицкий завод хромовых соединений» кальцинированной содой – основным компонентом шихты в процессе производства монохромата натрия, а также осуществляющее комплексную переработку сульфата натрия – сопутствующего продукта производства хромовых соединений [40].

В работах Г.Е. Мекуш и А.А. Панова [37, 41], посвящённых обсуждению Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 г., отмечено, что благодаря переходу на НДТ можно добиться как повышения эффективности производства, так и поэтапного снижения антропогенной нагрузки на окружающую среду. К сожалению, авторы ошибочно рассматривают наилучшие доступные технологии как преимущественно природоохранные, но с общим выводом о том, что тенденции развития НДТ должны учитываться при формировании и оценке программ социально-экономического развития, безусловно, следует согласиться. Интересны и инициативы, направленные на создание регионального экологического стандарта Кузбасса. В соответствии с предложениями авторов, деятельность промышленных (и прежде всего – горнодобывающих) предприятий в условиях этого региона должна характеризоваться показателями лучшими, чем установленные в ИТС НДТ [41]. Уточним – показателями ресурсной, а не только экологической эффективности.

Очевидно, потенциал стратегической социально-экологической оценки в контексте формирования экономики замкнутого цикла и определения приоритетных направлений государственных и корпоративных инвестиций недооценён; но практические примеры и данные, необходимые для разработки методических рекомендаций и нормативных правовых актов, накапливаются в различных регионах и отраслях.

Заключение

Реальный сектор экономики – это сектор, в котором создаётся валовой национальный продукт; его ядром является материальное производство, которое наряду с нематериальными услугами служит для удовлетворения основных потребностей людей. Инвестиции в реальный сектор экономики необходимы для устойчивого развития страны, обеспечения технологического суверенитета, роста благосостояния населения и улучшения качества жизни. Планируя такие инвестиции, чрезвычайно важно не стремиться достичь сиюминутного финансового результата, а обеспечить долгосрочную устойчивость и надёжность производства, которая определяется его высокой ресурсной эффективностью. Поэтому при совершенствовании механизмов поддержки крупных инвестиционных проектов в современных условиях необходимо учитывать принципы экологической промышленной политики, направленной на повышение ресурсной эффективности экономики на микро-, мезо- и макроэкономическом уровнях. Для этого дофинансовую оценку и отбор инвестиционных проектов следует проводить с привлечением экспертов и использовать в качестве ориентиров показатели наилучших доступных технологий, систематизированные в информационно-технических справочниках. Соответствие требованиям наилучших доступных технологий должно выступать также непременным условием при проведении процедур оценки воздействия на окружающую среду намечаемой дея-

тельности (проектов, для реализации которых привлекаются государственные или корпоративные инвестиции). При подготовке стратегических программ развития регионов целесообразно проводить процедуры стратегической социально-экологической оценки и учитывать возможности вовлечения в производство вторичных ресурсов, тем самым способствуя формированию экономики замкнутого цикла.

Примечания

1. Мы намеренно не приводим ссылки на конкретные публикации, чтобы не способствовать продвижению статей, которые, к сожалению, печатают и уважаемые научные журналы.

2. В различных работах СЭО называют стратегической оценкой воздействия, стратегической экологической оценкой, но суть процедуры – стратегическая социально-экологическая оценка программ развития регионов и отраслей.

3. Оценку не окружающей, а именно внешней среды, предусматривающую анализ нормативных правовых актов Российской Федерации, требований международных конвенций и пр.

Список литературы

1. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Российская Федерация. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2020. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 12.08.2022).

2. Скобелев Д.О. Промышленная политика повышения ресурсоэффективности и достижение целей устойчивого развития // Journal of New Economy. 2020. Т. 21. № 4. С. 153–173.

3. Скобелев Д.О. Ресурсная эффективность экономики: аспекты стратегического планирования // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 3–13.

4. Данилов-Данильян В.И., Демин А.П., Пряжинская В.Г., Покидышева И.В. Рынки воды и услуги по управлению водными ресурсами в мире и Российской Федерации: Часть 1 // Водные ресурсы. 2015. № 2. С. 260–264.

5. Данилов-Данильян В.И., Демин А.П., Пряжинская В.Г., Покидышева И.В. Рынки воды и услуги по управлению водными ресурсами в мире и Российской Федерации: Часть 2 // Водные ресурсы. 2015. № 3. С. 378–388.

6. Росляков П.В., Кондратьева О.Е. Проблемы внедрения наилучших доступных технологий в российской теплоэнергетике // Энергетик. 2019. № 3. С. 8–12.

7. Мантуров Д.В. Устойчивый экономический рост: аспекты гармонизации промышленной и экологической политики России // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 4. С. 132–140.

8. Романова О.А. Инновационная компонента новой индустриализации // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 5 (73). С. 81–92.

9. Войтович А.В., Тринеева А.А. Индикаторы устойчивого развития // Труды 5-й Международной научной конференции «Технологическая перспектива в рамках Евразийского пространства: новые рынки и точки экономического роста». Санкт-Петербург, 07–08 ноября 2019 г. Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2019. С. 615–621.

10. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономии. 2020. № 1. С. 67–83.

11. Бобылев С.Н. Экономика устойчивого развития. М.: Кнорус, 2021. 672 с.

12. Гусева Т.В., Дайман С.Ю. Оценка воздействия на окружающую среду и экологический аудит промышленных предприятий: анализ методологий // Химическая технология. 2000. Т. 1. № 4. С. 34–43.

13. Правительство России. Стратегическая сессия по развитию отечественной финансовой системы. 30.09.2022. URL: http://government.ru/news/46381/ (дата обращения: 16.09.2022).

14. Никитин Г.С., Скобелев Д.О. Индикаторы устойчивого развития промышленности: региональные аспекты. Позиция Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 7–13.

15. Череповицын А.Е., Соловьева В.М. Концептуальные подходы к формированию промышленной политики развития отрасли редкоземельных металлов // Известия Уральского государственного горного университета. 2022. № 2 (66). С. 122–134.

16. Фонд развития промышленности. Меры господдержки. Специальный инвестиционный контракт. URL: https://frprf.ru/navigator-gospodderzhky/spik_main/ (дата обращения: 18.08.2022).

17. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Вильямс, 2007. 288 с.

18. Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в нефинансовые активы. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 16.09.2022).

19. Волосатова А.А., Пятница А.А., Гусева Т.В., Алмгрен Р. Наилучшие доступные технологии как универсальный инструмент совершенствования государственных политик // Экономика устойчивого развития. 2021. № 4 (48). С. 17–23.

20. ИТС 6-2015. Информационно-технический справочник по наилучшим доступным технологиям производства цемента.

21. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зелёного) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зелёного) развития в Российской Федерации».

22. Доброхотова М.В., Матушанский А.В. Применение концепции наилучших доступных техноло-

гий в целях технологической трансформации промышленности в условиях энергетического перехода // Экономика устойчивого развития. 2022. № 2 (50). С. 63–68.

23. Бегак М.В., Кулибаба В.В., Руут Р., Молчанова Я.П. Превентивные механизмы охраны окружающей среды в России и Европейском союзе: перспективы гармонизации. М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2010. 198 с.

24. Гусева Т.В., Дайман С.Ю., Хотулева М.В. и др. Экологическая информация и принципы работы с ней. М.: Эколайн, 1998. 444 с.

25. Донченко В.К., Питулько В.М., Растоскуев В.В. и др. Экологическая экспертиза / Под ред. В.М. Питулько. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 528 с.

26. Черп О.М., Виниченко В.Н., Хотулева М.В. и др. Экологическая оценка и экологическая экспертиза. М.: Эколайн, 2001. 312 с.

27. Приказ Минприроды России от 01.12.2020 № 999 «Об утверждении требований к материалам оценки воздействия на окружающую среду» (зарегистрирован в Минюсте России 20.04.2021 № 63186).

28. Vaishnavi Devi. Environmental assessment and institutional ecology tools: Exploring integrative approaches // Indian Journal of Environmental Protection. 2021. Vol. 41. Is. 6. P. 649–657.

29. Тихонова И.О., Щелчков К.А. Гусева Т.В. Особенности применения инструментов эколого-технологического регулирования на разных этапах жизненного цикла химических предприятий // Химическая промышленность сегодня. 2022. № 4. С. 18–27.

30. Dalal-Clayton B., Sadler B. A methodology for reviewing the quality of strategic environmental assessments in development cooperation // Impact Assessment and Project Appraisal. 2017. Vol. 35. P. 1–11.

31. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014. № 172-ФЗ.

32. Дьяков М.Ю., Михайлова Е.Г., Шарахматова В.Н. Стратегическая экологическая оценка в региональном планировании // Проблемы развития территории. 2019. № 2 (100). С. 80–94.

33. Маслобоев В.А., Ключникова Е.М., Боровичев Е.А. и др. Экологический отчёт о стратегической оценке воздействия на окружающую среду российской программной территории ППС «Коларктик» на 2021–2027 гг. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2022. 74 с.

34. ГОСТ Р 56828.5-2015. Методические рекомендации по порядку применения информационно-технического справочника по наилучшим доступным технологиям при оценке воздействия планируемой (намечаемой) хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду.

35. Администрация города Выкса. Общественные обсуждения по объекту государственной экологической экспертизы (ГЭЭ) – проектной документации АО «Выксунский металлургический завод». URL: http://okrug-wyksa.ru/publications/together/together_15308.html (дата обращения: 19.09.2022).

36. Артов А.М., Долинина Ю.Л., Заика Е.А., Хмелева Е.Н., Хотулева М.В. Практическое пособие по организации и проведению стратегической экологической оценки в Российской Федерации. М.: ГЭФ, 2017. 133 с.

37. Панов А.А. Стратегия развития угольного региона в контексте стратегической экологической оценки // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. № 5 (2). С. 242–250.

38. Begak M., Guseva T., Manvelova A., Molchanova Y. Best available techniques and natural capital management // Proceedings of the 15th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM-2015. 2015. Vol. 15. Is. 5.1. P. 609–616.

39. Потапова Е.Н., Гусева Т.В., Тихонова И.О. и др. Производство цемента: аспекты повышения ресурсоэффективности и снижения негативного воздействия на окружающую среду // Строительные материалы. 2020. № 9. С. 15–20.

40. Tikhonova I.O., Guseva T.V., Potapova E.N., Shchelchkov K.A. Forming circular economy links in chemical industry: lime, caustic ash, salt and gypsum production in the Urals // Proceedings of the 21st International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM-2021. 2021. Vol. 21. Is. 5.1. P. 229–235.

41. Мекуш Г.Е., Панов А.А. Принципы и механизмы формирования регионального экологического стандарта Кузбасса // Фундаментальные и прикладные аспекты устойчивого развития ресурсных регионов / Отв. ред. О.С. Андреева. Новокузнецк: КемГУ, 2020. С. 95–98.

EFFICIENCY OF STATE AND CORPORATE INVESTMENTS IN THE DEVELOPMENT OF THE REAL SECTOR OF THE ECONOMY

***G.S. Nikitin*[1], *D.O. Skobelev*[2]**

[1]Government of the Nizhny Novgorod region
[2]Research Institute «Environmental Industrial Policy Centre»

The article discusses opportunities for enhancing investment efficiency in the development of the real sector of the Russian Federation economy. Authors suggest approaches to setting priorities of the development of the domestic financial system and improving mechanisms used to render support to larger investment projects under the current circumstances. The article analyses examples of investment projects implemented without considering principles of the environmental industrial policy aimed at the resource efficiency enhancement at micro- meso- and macroeconomic levels. Authors describe the algorithm of applying Reference Documents on Best Available Techniques for pre-financial screening of investment projects. They consider the role of Best Available Techniques and resource efficiency enhancement in the strategic socio-environmental assessment of sectoral and regional development programs and environmental impact assessment of new installations development and modernisation projects. The article provides examples of the environmental impact as-

sessment procedure conducted in the Nizhny Novgorod region and strategic socio-environmental assessment procedure run in the Orenburg and Kemerovo regions based on the principles of Best Available Techniques and circular economy. Authors offer recommendations on enhancing efficiency of state and corporate investments addressed to decision-makers.

Keywords: sustainable development, investments, resource efficiency, Best Available Techniques, strategic socio-environmental assessment, circular economy, environmental impact assessment.

УДК 336.13.012.24
DOI 10.52452/18115942_2022_4_42

АГРЕССИВНАЯ ВНЕШНЯЯ СРЕДА КАК ТРИГГЕР К СОЗДАНИЮ НОВЫХ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

© 2022 г.

А.А. Пермовский, В.П. Кузнецов

Пермовский Анатолий Алексеевич, старший преподаватель
кафедры технологий сервиса и технологического образования
Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина
ttpis@yandex.ru
Кузнецов Виктор Павлович, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой экономики предприятия
Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина
kuzneczov-vp@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.10.2022
Статья принята к публикации 28.10.2022

Неопределенность внешней среды, кризисные явления, вызванные коронавирусной пандемией, санкциями, политическим и экономическим давлением других стран, особенно ощутимы на предприятиях отечественной промышленности. Авторы утверждают, что динамичные стохастические как внешние, так и внутренние условия актуализируют необходимость разработки системы стратегического и оперативного менеджмента для экономической и производственной устойчивости промышленных предприятий. Цель статьи – показать, что кризис экономической и финансовой деятельности всегда приводит к серьезному дисбалансу и имеет временную цикличность, но сценарий такой дестабилизации для каждого периода всегда уникален. Авторами анализируются мировые финансовые потрясения последних двух десятилетий, выделяются их схожесть и различия. Отмечается финансовая взаимозависимость между странами. Адаптация отечественной экономики в кризисных ситуациях напрямую зависит от успешной адаптации хозяйственных субъектов страны. Авторы, исходя из методов статистического анализа, индукции и дедукции для сравнения и анализа экономических кризисов, приходят к выводу, что снижение колебаний показателей и адаптация промышленных предприятий к вариабельности внешней среды возможны через разработку и внедрение комплексных информационных систем управления, с элементами производственного контроллинга. Авторы актуализируют разработку нового подхода к системе управления через адаптивный контроллинг, позволяющий в стохастических условиях формировать эффективные механизмы управления промышленными предприятиями.

Ключевые слова: финансовый кризис, экономический кризис, внешняя среда, механизмы управления, контроллинг.

Введение

Существуют общие признаки проявления кризиса в экономике государства. К ним можно отнести общий спад экономики, сокращение уровня ВВП, массовое закрытие промышленных предприятий или резкий спад производства, рост безработицы, снижение уровня доходов сельских и домашних хозяйств, снижение финансовых поступлений в бюджет, прекращение социальных программ, общую нестабильность в стране и т.д. Финансовые потрясения последних двух десятилетий изучены в работах А.Ю. Плюйко [1], Т.П. Липай и Ичан Ань [2], А.М. Балашова и А.Н. Петрова [3] и др.

Мировые финансовые трансформации, агрессивная внешняя среда, санкционная деятельность недружественных стран обусловливают потребность в совершенствовании новых подходов к системам управления отечественными промышленными предприятиями. Базовые методы управления нуждаются в адаптивных изменениях, которые выражаются внедрением эффективных инструментов реагирования на стохастичность внешней среды. Агрессивная внешняя среда активизирует экономистов на создание новых механизмов поддержки управления промышленных предприятий. Пути решения кризисных проблем через совершенствование промышленной политики отображены в работах А.Н. Головиной, Р.Ю. Левченко, К.П. Юрченко [4], а также М.Г. Васькиной, А.В. Ипатовой [5] и др. Совершенствованию механизмов антикризисного управления промышленными предприятиями посвятили свои работы К.А. Бармута [6], В.В. Дьячкова [7], И.А. Мызников [8] и др.

Поставленная цель – рассмотреть примеры нестабильности внешней среды в глобальном масштабе, провоцирующие кризисные ситуации в отечественной экономике, доказав, что кризис экономической и финансовой деятельности всегда приводит к серьезному дисбалансу про-

мышленного производства и адаптация отечественной экономики в кризисных ситуациях напрямую зависит от успешной адаптации хозяйственных субъектов страны.

Теоретико-методологические подходы

Между экономистами не прекращаются дискуссии о сущности и природе финансовых кризисов, их причинах, о их неизбежности, механизме циклического движения рыночной экономики, мерах по смягчению кризисных явлений. По мнению большинства экспертов, в отличие от финансового кризиса 1980-х годов и азиатского финансового кризиса 1997 года, финансовый кризис 2007–2008 годов, затронувший экономику многих развитых стран, характеризуется своими масштабами, непредсказуемостью и длительной продолжительностью. Предпосылками финансового спада стал неподконтрольный процесс роста ипотечного кредитования заемщикам с низкими доходами. Граждане США с плохой кредитной историей получили доступ к банковским займам на жилье. После образовавшийся ипотечный пузырь лопнул и привел к банкротству крупных кредитных организаций, разразился кризис банковской ликвидности. В 2008 году финансовый кризис США спровоцировал глобальный экономический кризис, усилив рост мировой инфляции до рекордных показателей. Фоном, центральные банки многих ведущих стран понижают процентные ставки, мировая экономика вступает в стадию рецессии, понижаются объемы мировой торговли, в итоге снижаются индексы роста ВВП ведущих государств, дойдя до рекордных отрицательных значений [9, 10].

К сожалению, кризисные времена 2008–2009 годов из-за глубокой интеграции России в мировую экономику отразились оттоком капитала из страны, сокращением золотовалютных резервов, банкротством многих предприятий. Уровень падения ВВП составил 7.8%, что стало причиной снижения общей конкурентоспособности на мировом рынке. В 2009 году общее падение ВВП по миру равнялось 2.2%. Некоторые государства, сохранившие командные позиции в экономике, легче перенесли кризис, это Китай, Индия, Польша, Беларусь и Бразилия. Обвал фондовых рынков привел к биржевому хаосу, акции компаний падали в цене. Даже такая крупная корпорация, как «Газпром», понесла убытки. Падение акций на мировом нефтяном рынке привело к падению цен на нефть.

Из-за низкой ликвидности денежной массы страны ситуация усугубилась, а спрос на банковские ссуды значительно превысил предложения. Поэтому организации прибегли к внешним займам и общий долг составлял $527 млрд. Однако западное финансирование России прекратилось с наступлением мирового кризиса.

Прибыль предприятий снижается, а за ней сокращается и их инвестиционная активность. Падает доля коэффициента обновления основных фондов предприятий, показатели степени изношенности которых и так были высоки.

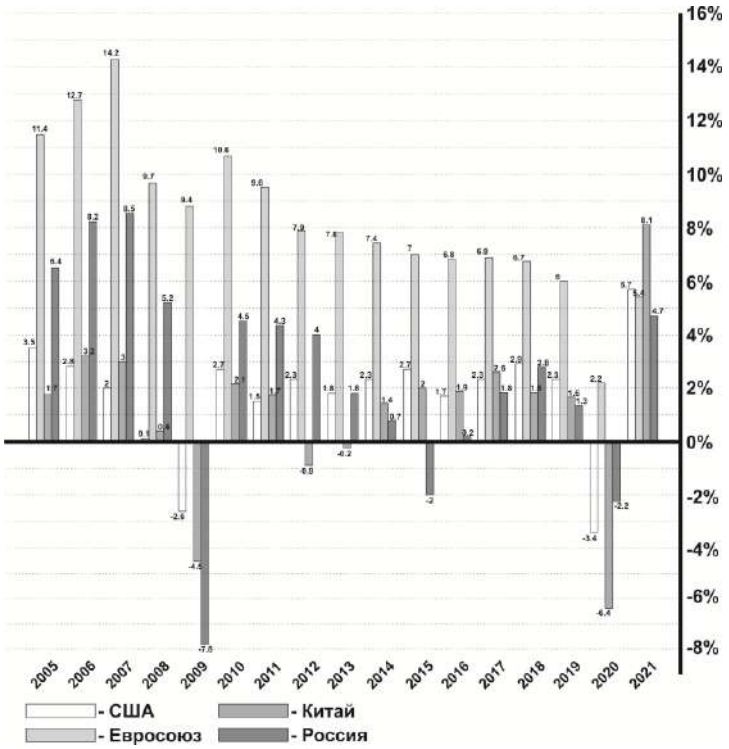
Экономический спад повлиял на мировой рынок труда. Мировой уровень безработицы в этот период достиг максимального значения до 10% (212 млн человек), в России – 8.2% (5 млн человек), также возросла численность населения, имеющего нестабильную занятость. Следствием ухудшения покупательского спроса и спада на рынке труда стало снижение производительности труда.

В России с 2010 года наблюдался позитивный рост занятости населения. Но уже в 2014–2015 годах Россия столкнулась с новыми геополитическими и экономическими трудностями [11].

Россия в 2014–2015 годах показала схожее падение показателей ВВП на фоне относительной стабильности других государств (см. рис. 1). На экономическую обстановку повлияла агрессивная внешняя среда.

Кризисная ситуация была вызвана падением цен на нефть и переворотом, сменой власти на Украине, впоследствии присоединением Крыма и вооруженным конфликтом на востоке Украины, вследствие чего США, Канада, Австралия и страны Европейского союза приняли санкционные меры, к ним присоединились и другие страны, а также международные организации (см. рис. 2).

В 2014 году было заморожено инвестиционное и военное сотрудничество с Россией, был заморожен проект строительства газопровода «Южный поток», введен запрет на инвестиции в энергетический, инфраструктурный, транспортный, телекоммуникационный, добывающий сектора российской промышленности. Были введены секторальные санкции в отношении банков (Сбербанк, «ВТБ», «Газпромбанк», «ВЭБ» и «Россельхозбанк») и военных корпораций РФ. Запрещено финансирование крупнейших российских компаний («Роснефти», «Транснефти», «Газпромнефти») и оборонных концернов (Уралвагонзавода, «Оборонпрома» и Объединенной авиастроительной корпорации), приостановлена поставка оборудования, технологий и большого ряда товаров импорта в Россию и экспорта из России. Появились санкционные списки в отношении ряда российских физических и юридических лиц, заморожены принадлежащие им счета.



* составлено авторами на основании [12]

Рис. 1. Динамика реального объема ВВП, в % к предыдущему периоду

Ответными мерами России было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 года № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [14]. На основании документа был введен запрет на импорт в Российскую Федерацию ряда продуктов сельскохозяйственной деятельности, странами происхождения которых являются США, Канада, Австралия, Норвегия и страны Евросоюза. Позже перечень был расширен, к нему добавились Албания, Черногория, Исландия, Лихтенштейн и Украина. Также МИД РФ опубликовал список граждан, которым запрещен въезд в страну. В результате введения данных контрмер от российского эмбарго страны-импортеры понесли прямые потери.

Санкции и падение цен на нефть привели к повышению индекса инфляции и так называемому валютному кризису в России, а конец 2014 года характеризовался резким ослаблением рубля. И по сей день из-за нестабильности внешней среды российская валюта имеет резкие спады и подъемы по отношению к доллару. Центральный банк РФ расширяет бивалютный коридор, что приводит к максимальным в истории повышениям курса иностранных валют. За время кризиса рубль обесценился по отношению к доллару и евро более чем в два раза к концу 2015 года. Выведение капитала с российских рынков и вложение их в экономику развитых стран, перераспределение инвестиций в мире существенно повлияло на падение курса рубля.

Снижение цен на нефть в 2014–2015 годах, как следствие замедления роста спроса на нее, привело к уменьшению выручки от экспорта энергоресурсов и снижению ВВП России на 2%. Не могли не сказаться валютные колебания и на российском промышленном секторе. Зависимость предприятий от импорта привела к падению производительности. Так, производство машин для внесения удобрений упало на 76%, газовых турбин – на 49%, грузовых автомобилей – на 26%, автобусов – на 29%, троллейбусов – на 56%, генераторов – на 32%, гусеничных тракторов – на 58%, выпуск прокатного оборудования сократился на 87%. В целом российский автомобильный рынок в 2015 году упал на 36%, производство автомобильной техники также продолжило резкое падение и уже в 2016 году достигло своего статистического минимума десятых годов [15]. Индексы промышленного производства показали отрицательный прирост, что привело к еще большему снижению ВВП.

Крупные российские компании обратились за помощью к государству из-за угрозы невыплаты долгов. Так, на 2014 год долг российских

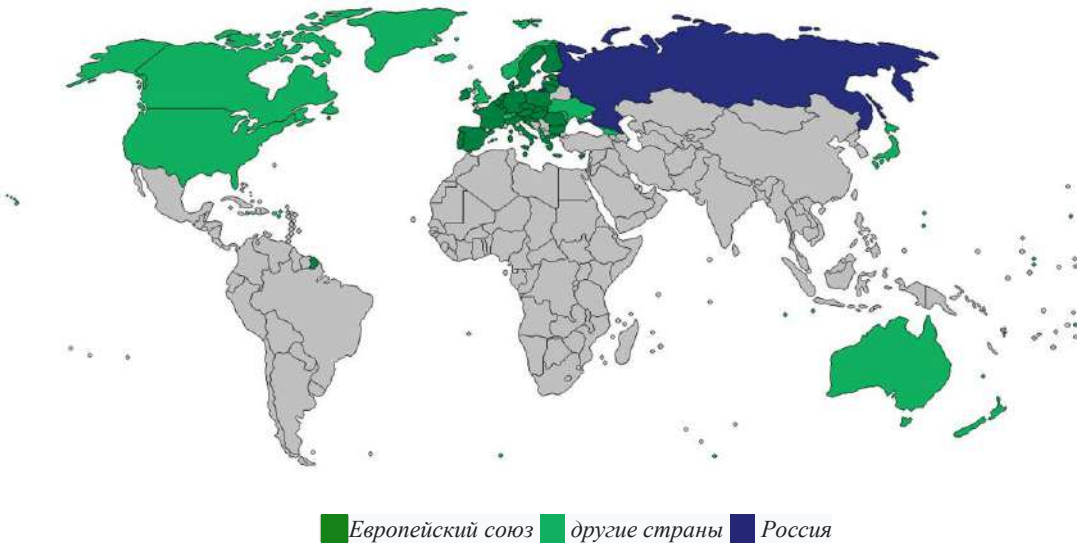


Рис. 2. Страны, которые ввели санкции против России в связи с её действиями по отношению к Украине в 2014–2015 гг. [13]

компаний оценивался в $630 млрд, а средства резервного фонда – в $450 млрд. Для докапитализации банков государство выделило 1 трлн рублей.

В 2020 году, на фоне COVID-19 и резкого падения цены на нефть, состоялся один из сильнейших обвалов мировых фондовых рынков. В конце марта 2020 года руководство Международного валютного фонда (МВФ) официально объявило о сокращении объемов мировой экономики и начале рецессии [16]. В России сильно пострадала добывающая промышленность, индексы роста ВВП показали отрицательные значения, началось массовое банкротство гостиничного и ресторанного бизнеса, строительных компаний, промышленных предприятий, снижение оптовой и розничной торговли. Произошла не только трансформация экономики и финансов, но и оптимизация под новые условия производственных предприятий, логистических потоков и социальных услуг. Практически все сферы жизни человека претерпели кардинальные изменения. Малый и средний бизнес нуждался в государственной поддержке. Негативные последствия пандемии COVID-19 ощущаются практически во всех странах до сих пор.

2022 год характеризуется новым противостоянием России и Запада. 24 февраля Владимир Владимирович Путин объявил о начале специальной военной операции на Донбассе. Как заявил глава государства, ее цель – защитить людей, которые на протяжении 8 лет подвергаются геноциду со стороны киевского режима. Президент также уточнил, что операция проводится в соответствии с уставом ООН, решением Совета Федерации и договорами с ДНР и ЛНР. Российский фондовый рынок отреагировал крупнейшим падением в истории. Начался новый виток санкций.

Агрессивная внешняя среда должна стать триггером к созданию новых уникальных механизмов антикризисного управления отечественными промышленными предприятиями.

Анализ научной литературы позволил обобщить основные этапы антикризисного управления промышленного предприятия: 1) выявление причин возникновения противоречий внешней и внутренней сред хозяйствующего субъекта; 2) анализ и оценка кризисной ситуации, инициирование мониторинга и контроля рисков; 3) формирование и активация адаптивных мер; 4) выход хозяйствующего субъекта из кризиса; 5) разработка мер превентивного воздействия, направленных на минимизацию возмущения внешней среды и устойчивое развитие хозяйствующего субъекта; 6) повышение качества процесса идентификации рисков.

Для выхода из кризисной ситуации будет полезно использовать на предприятии философию контроллинга. Контроллинг, охватывая все сферы деятельности предприятия и обеспечивая поддержку руководства на оперативных и стратегических контурах, может стать эффективным инструментом антикризисного управления.

Заключение

Финансовая глобализация экономики, которая заключается в увеличении масштабов мировой торговли и международного обмена, капиталовложений, внедрения современных технологий, укреплении политических взаимоотношений между государствами, а также влияние информационных и научно-технических ресур-

сов на все сферы мирового хозяйства приводят к росту финансовой взаимозависимости между странами [17]. Таким образом, международная экономическая интеграция усиливает неопределенность внешней среды и влияет на функционирование промышленных предприятий разных стран, повышая их зависимость от изменений в экономиках других государств.

Последствием кризисов стало снижение темпов прироста как по всем показателям промышленных предприятий, так и по экономике страны в целом. Адаптация экономики страны в кризисных ситуациях напрямую зависит от успешной адаптации хозяйственных субъектов. Причем цикличность экономики и постоянная флуктуация среды также приводит к нестабильности на предприятиях. Снизить колебания показателей и адаптировать предприятия к вариабельности внешней среды возможно через разработку и внедрение комплексных информационных систем управления с элементами контроллинга.

Т.А. Худякова в своих исследованиях однозначно доказала улучшение финансово-экономической устойчивости промышленного предприятия после внедрения системы контроллинга [18]. Контроллинг связывает воедино все функции информационного обеспечения, учета, планирования, прогнозирования, координации и управления предприятием, а основной его целью является успешное развитие компании. При оценке состояния внешней среды особое внимание уделяется анализу рынков, политики, уровня технологий и конкуренции. Контроллинг на российских предприятиях с учетом конкретных условий – это эффективный метод, обеспечивающий более совершенное управление, гибкость и надежность.

В современных условиях на многих иностранных предприятиях контроллинг представляет собой совокупность инструментов оперативного и стратегического управления. Для адаптивной работы подходит как немецкая, так и американская модель контроллинга. Модели контроллинга европейских компаний имеют положительный опыт уже нескольких десятилетий. Данный опыт необходимо синтезировать с управленческими подходами Японии и Китая, чтобы сформировать свой уникальный, индивидуальный, адаптивный контроллинг, позволяющий в стохастических условиях формировать эффективные механизмы управления промышленными предприятиями. Основной упор необходим на цифровизацию инструментов и методов контроллинга. Создание сквозной автоматизации и интеграции управленческих и производственных процессов в единую информационную систему позволит четко разрабатывать, принимать и реализовывать адаптивные управленческие решения [19].

Список литературы

1. Плюйко А.Ю. Трансформация экономической политики Европейского союза в результате кризиса 2008–2011 гг.: специальность 08.00.14 «Мировая экономика»: Дис. … кандидата экономических наук. М., 2018. 224 с.

2. Lipai T.P., Yichang An. Content and features of the modern economic crisis // Labour and Social Relations Journal. 2021. Vol. 32. № 4. P. 150–157.

3. Балашов А.М., Петров А.Н. Экономический кризис 2020 года и проблемы дальнейшего экономического развития РФ // Теоретическая экономика. 2021. № 11 (83). С. 28–34.

4. Головина А.Н., Левченко Р.Ю., Юрченко К.П. Промышленная политика как инструмент преодоления кризиса и трансформации экономической модели // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 1226–1232.

5. Васькина М.Г., Ипатова А.В. Об ориентирах промышленной политики России в условиях выхода из кризиса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 3. С. 187–194.

6. Бармута К.А. Совершенствование механизма и программ антикризисного управления промышленными предприятиями // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 27 (1). С. 22–29.

7. Дьячкова В.В., Подгорная Н.А., Кулик В.А. Совершенствование организационно-экономического механизма антикризисного управления промышленным предприятием // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2018. Т. 20. № 2. С. 65–75.

8. Мызников И.А. Теоретическое обеспечение механизма антикризисного управления промышленными предприятиями // Вестник Института экономических исследований. 2022. № 1(25). С. 18–27.

9. Николаенко С. 5 самых разрушительных финансовых кризисов в истории [Электронный ресурс] // Интернет-журнал BroDude. 2020. Режим доступа: https://brodude.ru/5-samyh-razrushitelnyh-finansovyh-krizisov-v-istorii/

10. Финансовый кризис 2008 года: причины и последствия для России, США и других стран мира [Электронный ресурс] / Команда редакторов Promdevelop // Информационный деловой портал Promdevelop.ru. 2022. Режим доступа: https://promdevelop.ru/economy/finansovyj-krizis-2008/

11. Данилова М. Безработица в России [Электронный ресурс] // Интернет-журнал BroDude. 2021. Режим доступа: https://migranturus.com/bezrabotitsa-v-rossii/

12. Trading Economics 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ru.tradingeconomics.com/russia/gdp-growth-annual

13. Санкции в связи с украинскими событиями 2014 года // Википедия [2022]. Дата обновления: 03.03.2022. URL: https://ru.wikipedia.org/?curid=4954419&oldid=120417798 (дата обращения: 03.03.2022).

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.08.2014 г. № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 06.08.2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. 2014. № 6450 (178). Режим доступа: https://rg.ru/2014/08/08/postanovlenie-dok.html.

15. Пермовский А.А., Кузнецов В.П. Автомобильная промышленность России: результаты десятых годов // Промышленное развитие России: проблемы, перспективы: Сборник статей по материалам XIX Международной научно-практической конференции преподавателей вузов, ученых, специалистов, аспирантов, студентов. Нижний Новгород, 11 ноября 2021 года. В двух томах. Нижний Новгород: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», 2021.

16. Мировой экономический кризис 2020. Основные причины, динамика, перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.audit-it.ru/news/pressm/1012546.html

17. Максимова К.А., Бакулина Н.А., Романовская Е.В. Информационные и научно-технические ресурсы в мировой экономике // Актуальные вопросы экономики, менеджмента и инноваций: Материалы Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 19 ноября 2019 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2019. С. 217–220.

18. Худякова Т.А. Формирование системы контроллинга финансово-экономической устойчивости промышленного предприятия: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)»: Дис. … д.э.н. Челябинск, 2018. 379 с.

19. Пермовский А.А., Кузнецов В.П. Контроллинг в условиях цифровой трансформации // Актуальные проблемы управления: Сборник научных статей по итогам VIII Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 16 ноября 2021 года. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 98–101.

THE STUDY OF THE INTERNAL AND EXTERNAL ENVIRONMENT OF THE PRODUCTION CYCLE AS THE MAIN TASK OF THE CONTROLLING SYSTEM AT THE ENTERPRISE

A.A. Permovsky, V.P. Kuznetsov

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin

The uncertainty of the external environment, the crisis phenomena caused by the coronavirus pandemic, sanctions, political and economic pressure from other countries are especially noticeable at the enterprises of domestic industry. The authors argue that dynamic stochastic both external and internal conditions actualize the need to develop a system of strategic and operational management for the economic and industrial sustainability of industrial enterprises. The purpose of the article is to show that the crisis of economic and financial activity always leads to a serious imbalance and has a temporary cyclicity, but the scenario of such destabilization is always unique for each period. In this article, the authors analyze the global financial turmoil of the last two decades, highlight their similarities and differences. There is a financial interdependence between the countries. The adaptation of the domestic economy in crisis situations directly depends on the successful adaptation of economic entities of the country. The authors, based on the methods of statistical analysis, induction and deduction for comparison and analysis of economic crises, come to the conclusion that the reduction of fluctuations in indicators and adaptation of industrial enterprises to the variability of the external environment is possible through the development and implementation of integrated information management systems with elements of production controlling. The authors actualize the development of a new approach to the management system through adaptive controlling, which makes it possible to form effective management mechanisms for industrial enterprises in stochastic conditions.

Keywords: financial crisis, economic crisis, external environment, management mechanisms, controlling.

УДК 339.371.5
DOI 10.52452/18115942_2022_4_48

УПРАВЛЕНИЕ ЦЕННОСТЬЮ ТОРГОВЫХ УСЛУГ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНОВ

© 2022 г. ***О.В. Чкалова, И.В. Большакова, Н.Г. Копасовская, Л.Ю. Кундина***

Чкалова Ольга Владимировна, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой «Торговое дело»
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ochkalova@iee.unn.ru
Большакова Инна Вячеславовна, к.э.н.; доцент кафедры «Торговое дело»
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
inna19744@rambler.ru
Копасовская Наталья Геннадьевна, к.э.н.; доцент кафедры «Торговое дело»
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kopasovskay@iee.unn.ru
Кундина Лариса Юрьевна, к.э.н.; доцент кафедры «Торговое дело»
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kundina@bk.ru

Статья поступила в редакцию 19.09.2022
Статья принята к публикации 18.10.2022

Российский рынок интернет-торговли относится к одному из малоизученных сегментов потребительского рынка. В этой связи создание удовлетворенности потребителей ценностью торговых услуг является предпосылкой его эффективного развития. В работе была реализована задача оценки удовлетворенности цифровых потребителей услугами интернет-торговли на основе предложенной системы показателей. Методология включает методику SERVQUAL и контент-анализ современной базы опубликованных исследований по изучаемому предмету такими методами, как анализ и синтез, группировка, сравнение, индукция, дедукция, описание, обобщение и др. Показано, что в условиях цифровой экономики возникла новая отраслевая бизнес-модель – интернет-торговля, которая получила стремительное развитие. Предложено для оценки качества услуг интернет-торговли использовать показатель удовлетворенности потребителей. Доказано, что потребительская ценность услуг интернет-торговли обладает новыми характеристиками, отличными от традиционной модели торговых услуг. Показано, что в условиях адаптации к экономике впечатлений ценность интернет-услуг изменяется. Компоненты ценности в цепочке «товары – услуги – впечатления» смещаются к впечатлениям. Установлены компоненты ценности интернет-услуг, которые систематизированы в соответствии с моделью SERVQUAL. Проведенные исследования могут служить основой для разработки механизмов эффективного управления российским рынком интернет-услуг.

Ключевые слова: интернет-торговля, электронная торговля, удовлетворенность потребителей, SERVQUAL, ценность услуг.

Введение

Цифровизация экономики влечет за собой трансформацию социально-экономических отношений в самых различных областях деятельности. Еще большее влияние цифровизация оказывает на сферу услуг, вовлекая потребителей в новые бизнес-модели и коммуникационные потоки. Торговля, как важнейшая область сферы услуг, находится в фокусе цифровых преобразований, о чем свидетельствуют результаты проведенного в 2018 году ГК «Росатом» исследования в рамках пилотного проекта национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В исследовании представлены индексы развития цифровой экономики в различных видах экономической деятельности для группы из 32 стран (Россия, Турция, Норвегия, Исландия и государства Евросоюза). В этом рейтинге Россия занимает 23-е место. Сравнительный анализ результатов по отраслям позволил сделать вывод, что в России наиболее близкими к уровню стран-лидеров являются показатели цифровизации в торговле[1].

Процессы цифровизации не только проникли во все бизнес-процессы торговой и логистической деятельности, но и детерминировали развитие новой отраслевой бизнес-модели – интернет-торговли [1, 2].

Интернет-торговля является относительно молодым сегментом рынка розничной торговли в России: так, в 2016 г. данный рынок составлял всего 4.4% от общего рынка розничной торговли. В 2019 г. уровень проникновения интернет-торговли в России увеличился до 7%, в 2020 г. – до 11%. В 2020 г. сайты интернет-магазинов привлекли около 1.5 миллиона посетителей ежемесячно, что на 22% больше, чем в 2019 го-

ду. За 2011–2019 гг. онлайн-продажи в России выросли почти в 7 раз. В США среднее число площадок, которые посещал каждый покупатель, выросло с 4.7 в 2019 году до 5.3 в 2020 г. (+13%). Почти 77% пользователей Интернета со всего мира в возрасте от 16 до 64 лет делают покупки онлайн каждый месяц[2].

Быстрый рост интернет-торговли обусловлен рядом факторов: цифровизацией экономики и общества, повышением неопределенности деятельности в связи с появлением новых угроз всему обществу из-за пандемии, преимуществами и выгодами этого вида торговли для потребителей, большей потребительской ценностью услуг интернет-торговли по сравнению с традиционной торговлей [3, 4].

Обратимся к концепту потребительской ценности. Формирование новой социально-экономической парадигмы перехода потребителей в электронную среду сопровождается кардинальными изменениями в обществе. Меняются стиль и уклад жизни потребителей, сокращается величина временных затрат на покупки, происходит переструктуризация свободного времени. Изменились модели поведения покупателей на всех этапах покупки товаров: при поиске информации о товаре, оплате за товар, получении товара [5, 6].

Под влиянием цифровизации изменился портрет потребителей. Молодое поколение стало составлять «покупательское ядро» интернет-торговли, что совсем не характерно для магазинной торговли. В настоящее время почти 60% представителей поколения Z используют социальные сети для покупок. Основным признаком сегментации потребителей в электронной торговле является возраст, ставший исходным моментом развития теории поколений. Теоретическим аспектом данной теории стало положение о том, что цифровые потребители, дифференцированные в рамках отдельных поколений, наделены коллективной личностью и имеют одинаковое поведение при совершении покупок. Данному аспекту изучения поведенческих признаков, типологии потребителей в зависимости от моделей их поведения посвящены исследования ряда авторов [7–9]. Используя стратегию межпоколенческого маркетинга, платформы электронной коммерции сосредотачиваются на создании потребительской ценности применительно к каждому поколению.

Концепция потребительской ценности становится стратегическим императивом развития социально-экономической политики государства, обеспечения конкурентных преимуществ сервисным организациям и создания удовлетворенности клиентов. Современная концепция потребительской ценности исходит из положения, что в условиях насыщенного потребительского рынка ценностью является не столько товар, сколько различные атрибутивные признаки товара в виде удобства и комфорта при его покупке, снижения транзакционных издержек, эмоциональных составляющих от процесса покупки и других компонентов. Анализ научных публикаций по данному вопросу показал, что в интернет-торговле важным компонентом ценности выступают монетарные составляющие: более низкая цена за товар, транзакционные издержки, качество товара, способы доставки товара [10, 11].

Вместе с монетарными составляющими для потребительской ценности в интернет-торговле не менее важны другие компоненты: удобство, свобода и комфорт, отсутствие физических очередей и ожидания обслуживания в магазине [12, 13]. Некоторые потребители испытывают при традиционной торговле дискомфорт и некое ненужное вмешательство со стороны продавцов и в этой связи переходят в цифровую среду для совершения покупок. Кроме этого, потребительскую ценность при электронной торговле составляют свобода при оплате покупок, безопасность транзакций, удобный мерчандайзинг [14, 15]. Для потребителей важно, чтобы организации, проводящие транзакции в Интернете, являлись честными и надежными. Ряд других исследователей выделили ценность услуг интернет-торговли в виде удобства пользования сайтом с точки зрения его дизайна, содержательной и навигационной составляющих [16–18]. Проведенные нами исследования позволили определить до нескольких десятков других компонентов ценности услуг электронной торговли (таблица 1). Вместе с тем потребительская ценность – категория динамичная и эволюционизирует в ответ на новые вызовы развития цифровой экономики. Современный этап развития интернет-торговли приходится на очередную революцию в системе производства. Происходящее позволяет утверждать, что идет процесс формирования нового типа экономики – экономики впечатлений. Данный термин впервые употребили в 1999 г. американские маркетологи Джеймс Гилмор и Джозеф Пайн II, рассмотревшие новую экономику как новый подход к производству и продвижению товара или услуги, основанный на создании потребительской ценности как от товара, торговой услуги [19]. Немецкий социолог Г. Шульце для характеристики данного явления почти 20 лет назад предложил концепт «общества впечатлений» [20]. В этой связи начинается новый процесс эволюции ценности. В цепочке «сырье – товар – услуга – впечатление» впечатления становятся приори-

тетными источниками ценности. В современном цифровом мире феномен данного концепта еще более возрастает. Цифровые потребители находят в интернет-услугах новые положительные эмоции, получают психологическое удовлетворение, связанное с самовыражением личности, принадлежностью к «продвинутым» когортам людей. Дополнительные эмоции потребители получают во время путешествий по сайтам, при общении с другими клиентами посредством цифровых технологий. Цифровые потребители сразу же могут поделиться своим отзывом о товаре и интернет-магазине в социальных сетях, пообщаться с интернет-пользователями на различных форумах и на сайте интернет-компании. Потребители оказываются вовлеченными в новую коммуникационную среду. Виртуальная сеть, как новая коммуникационная среда, ввиду своей интерактивности, высокой информационной насыщенности значительно превосходит традиционные каналы коммуникаций по возможности взаимодействия с целевыми аудиториями компаний и, соответственно, создает новые компоненты ценности торговых услуг в условиях цифровой экономики.

Проблемы управления ценностью услуг интернет-торговли становятся стратегическим императивом эффективного развития рынка интернет-торговли.

Основой создания механизмов управления является исследование ценности: выявление, систематизация компонентов ценности; мониторинг и оценка удовлетворенности потребителей.

Цель статьи: оценить удовлетворенность цифровых потребителей услугами интернет-торговли.

Задачи исследования:

1) выявить компоненты ценности услуг интернет-торговли и систематизировать их;

2) апробировать методику SERVQUAL для оценки удовлетворенности потребителей услугами электронной торговли.

Объектом исследования являются российские покупатели, приобретавшие товары или услуги в Интернете хотя бы один раз в течение последних 6 месяцев 2021 года. Критерием выбора респондентов является опыт совершения интернет-покупок (не менее 2 раз за последние 6 месяцев). Основным методом сбора данных является социологический опрос, проведенный онлайн. Социологический опрос проводился во второй половине 2021 года, количество респондентов – 198.

Метод исследования

Проведенный анализ теоретических исследований и публикаций научно-практического и прикладного характера позволил выявить довольно большое количество методов, используемых для измерения удовлетворенности. Для этих целей применяются: National Customer Satisfaction Index (NCSI), CIT (Critical Incident Technique), Multicriteria Satisfaction Analysis (MUSA) Method, модель SERVQUAL и другие [21–23].

Для достижения цели исследования – оценки удовлетворенности потребителей услугами интернет-торговли выбрана методика SERVQUAL, предложенная в 1985 г. Парасураманом, Берри и Цайтамл (США) [24]. Методика SERVQUAL была разработана авторами как универсальный инструмент для измерения качества сервисных услуг, в т.ч. торговых. Исследования качества интернет-услуг на основе данной методики в ходе анализа научных публикаций по данной проблематике не обнаружены.

Выбор методики SERVQUAL для исследования обусловлен тем, что она позволяет всесторонне оценить электронную услугу с позиции 5 групп критериев:

– материальность (Tangibles (T));
– надежность (Reliability (R));
– отзывчивость (Responsiveness (S));
– убедительность (Assurance (A));
– сочувствие (Empathy (C)).

В основу методики положен социологический опрос, позволяющий определить разрывы между ожиданием (E_i) и восприятием (P_i) клиентов услуг интернет-торговли. На вопросы анкеты респондентам необходимо было ответить до получения услуги интернет-торговли (получаем рейтинг ожидания E_i) и после получения услуги (рейтинг восприятия P_i). В процессе определения удовлетворенности лежит сравнение ожиданий (стандартов, накопленного потребительского опыта) с тем восприятием, которое клиент получает по факту. Удовлетворенность имеет место, если разрыв отсутствует. Если результат не соответствует ожиданиям, то возникает отклонение – разрыв. Можно предположить, что выявленный положительный разрыв показывает, что интернет-магазин превзошел ожидания клиентов, что свидетельствует о его эффективной работе. Однако этот вопрос является дискуссионным. Ряд исследователей считают, что сервисная организация не должна вкладывать ресурсы на получение положительного разрыва, поскольку в этом случае она затрачивает дополнительные ресурсы, что отражается на эффективности работы организации. Отрицательный разрыв свидетельствует о том, что клиенты были не удовлетворены услугой и она не соответствовала их ожиданиям. В этом случае клиентоориентированная организация должна принимать меры, чтобы сократить или исключить отрицательный разрыв.

Каждый из пяти указанных групповых критериев характеризуется единичными показателями – в сумме по пяти групповым критериям их, согласно методике, должно быть ровно 22. Оценка удовлетворенности проводилась по 5-балльной шкале Лайкерта. В ответах отражалась степень согласия (несогласия) покупателя с утверждением, содержащимся в вопросе: при полном согласии – 5 баллов, при полном несогласии – 1 балл. Если мнение потребителя не столь категорично – оценка получала один из промежуточных баллов (2, 3, 4).

Для определения компонентов ценности (единичных показателей удовлетворенности) применены статистический анализ и анализ эмпирических данных, находящихся в открытом доступе, полученных рядом сервисов и аналитических агентств (сервис «Яндекс.Маркет», Viber, «СберМаркет», аналитической компании GfK Rus и др.) на основе проведенных ими социологических опросов.

Результаты

Для предмета нашего исследования анализировались ответы на вопросы относительно ценности услуг интернет-торговли (таблица 1).

Выявленные компоненты ценности, наиболее часто встречающиеся в исследованиях, легли в основу формирования 22 критериев удовлетворенности клиентов (таблица 2).

Указанные критерии были разделены на 5 групп, согласно методике SERVQUAL: материальность, надежность, отзывчивость, убедительность, сочувствие.

Потребителям электронных услуг в сети Интернет была предложена анкета, в которой по каждому из 22 единичных показателей удовлетворенности они должны были дать ожидаемую оценку (E_i) и фактически полученную оценку (P_i) услуги. Затем по каждому из 22 показателей определялись разрывы $Q_i = P_i – E_i$ (таблица 2).

В результате обработки анкет определены групповые критерии удовлетворённости по каждой из 5 групп (таблица 3).

Общий коэффициент удовлетворённости определяем по формуле:

$$Q\ \text{общ} = \frac{\overline{TJ} + \overline{RJ} + \overline{ResJ} + \overline{AJ} + \overline{EJ}}{5},$$

где Q общ – общий коэффициент удовлетворенности; $\overline{TJ}$ – средний групповой показатель материальности; $\overline{RJ}$ – средний групповой показатель надежности; $\overline{ResJ}$ – средний групповой показатель отзывчивости; $\overline{AJ}$ – средний групповой показатель убедительности; $\overline{EJ}$ – средний групповой показатель сочувствия.

Рассчитаем общий показатель удовлетворённости интернет-услугами:

Q общ = (–0.2+0.5–0.5+0–0.8)/5 = –0.2.

Значение общего коэффициента удовлетворённости показывает, что его значение отрицательное. Это указывает на то, что потребители остались недовольными услугами интернет-торговли. В большей степени это произошло из-за разрывов ожиданий и восприятий в групповом индикаторе «Сочувствие» (–0.8). Детальный анализ единичных показателей в этой группе показывает, что самые большие разрывы получены по таким показателям, как «Это способ хорошо провести время, найти интересные вещи» и «Бонусы программы лояльности» (разрывы составляют по –2). Также имеется разрыв (–1) по показателю «Бесплатная доставка». Полученные результаты показывают, что для потребителей услуг интернет-магазинов эмоциональные компоненты ценности превалируют, потребители ожидают их получить, но на данном этапе эмоциональная составляющая ценности требует своего совершенствования.

На втором месте по разрыву с отрицательным значением – групповой критерий «Отзывчивость»: –0.5. Это произошло вследствие несоответствия ожиданий потребителей по показателям: «Простота и оперативность совершения покупок» и «Квалификация и готовность помочь консультантов».

На третьем месте по отрицательному разрыву «Материальность»: – 0.2. Ожиданию клиентов не соответствовали цены на товары и возможность поиска выгодных вариантов покупок.

По группе «Убедительность» восприятия полностью совпали с ожиданиями.

По группе «Надежность» получен положительный разрыв, показывающий, что ожидания клиентов были предвосхищены. Это достигнуто за счет удовлетворенности потребителей вследствие полного описания товара на сайте и возможности отслеживать логистику доставки.

Заключение

1. Цифровизация экономики отразилась на развитии всех видов экономической деятельности. Но особенно большие изменения произошли в торговле. В новых условиях цифровизации не только трансформировались бизнес-процессы торговой и логистической деятельности, но и возникла новая отраслевая бизнес-модель – интернет-торговля. Приведены сведения по состоянию интернет-торговли в России, свидетельствующие о ее стремительном развитии.

Таблица 1

Компоненты ценности услуг интернет-торговли

№ п/п	Компоненты ценности	Выборка	Место, год проведения исследования	Источник
1	1. Возможность сравнить разные варианты и найти выгодное предложение –58% 2. Дешевле, чем в обычном магазине –52% 3. Есть возможность почитать отзывы – 50% 4. Удобство делать покупки в любое время и в любом месте – 49% 5. Не надо никуда ехать, тратить силы и время – 47% 6. Проще и быстрее искать нужный товар – 36% 7. Шире ассортимент – 35% 8. Можно узнать подробную информацию о товаре – 26% 9. Это безопаснее в условиях коронавируса – 19% 10. Не люблю ходить по магазинам – 12% 11. Удобнее и приятнее, чем в обычном магазине – 11% 12. Это способ хорошо провести время, найти интересные вещи – 10% 13. Другое – 0.1%	Российские онлайн-покупатели 16–55 лет	Россия, 2020	Digital 2020: исследование «Яндекс. Маркет» и GfK Rus: https://yandex.ru/company/researches/2020/ecomdash [25]
2	1. Низкие цены и спецпредложения – 60% 2. Хорошие отзывы о товаре – 48% 3. Широта ассортимента – 31% 4. Скорость доставки – 29%	Опрос среди пользователей мессенджера Viber. В настоящий момент в сообществе «Сбермаркета» в Viber более 120 тыс. человек	2021	Viber и «СберМаркет» изучили, как россияне покупают в Интернете: https://те: https://new-retail.ru/novosti/retail/viber_i_cbermarket_izuchili_kak_rossiyane_pokupayut_v_internete7333/ [26]
3	1. Доставка на дом – 57% 2. Проще покупать онлайн – 47% 3. Разнообразие товаров – 42% 4. Рекламные предложения – 40% 5. Легко сравнить товары – 37% 6. Избегание публичных мест – 29% 7. Описание товаров – 28% 8. Попробовать товар дома – 16%	18 000 потребителей на 17 рынках	Январь–февраль 2021	International Omnichannel Retail Report 2021: https://retailers.ua/news/menedjment/11983-issledovanie-chto-motiviruet-pokupateley-sovershat-pokupki-v-onlayne-i-v-fizicheskih-magazinah [27]
4	1. Равноправие в доступе товаров, вне зависимости от местоположения покупателя 2. Низкие цены 3. Приватность и безопасность клиента	Россияне всех возрастов	26 мая 2021 года, Россия	Почему люди все чаще покупают товары в Интернете: http://www.dvinainform.ru/economy/2021/05/26/64791.html [28]
5	1. Удобство – 88% 2. Экономия времени – 74% 3. Экономия денег – 52%	Россияне в возрасте от 18 до 55 лет	31 июля 2021 года	Около 40% россиян совершают покупки в Интернете до четырех раз в месяц: https://tass.ru/ekonomika/12030409 [29]

Окончание таблицы 1

6	1. Бесплатная доставка 2. Низкие цены 3. Удобство 4. Сравнение цен 5. Разнообразие товаров 6. Скидки 7. Поиск определенного бренда 8. Быстрая доставка 9. Безопасность 10. Отзывы других покупателей 11. Товары, продающиеся исключительно в Интернете 12. Возможность найти новые бренды 13. Возможность не ограничивать себя, даже при маленьком бюджете	1 100 опрошенных американцев в возрасте от 18 до 75 лет	19 марта 2021 года	The 13 Top Reasons Consumers Shop Online / 13 причин почему люди покупают в Интернете: https://www.junglescout.com/blog/reasons-consu mers-shop-online/ [30]
7	1. Возможность покупать в любое время – 56% 2. Намного удобнее, чем ездить в магазин – 50% 3. Возможность найти более дешевый товар – 49%	Международная статистика, 20 000 опрошенных в возрасте от 18 до 60 лет	Июль 2021 года	Leading reasons why consumers worldwide chose to shop online in 2021 / Причины почему люди покупают в Интернете в 2021 году: https://www.statista.com/statistics/676358/reasons-online-shoppers-prefer-to-shop-online/ [31]
8	1. Бесплатная доставка – 51.1% 2. Скидки – 39.6% 3. Отзывы других покупателей – 33.1% 4. Быстрый возврат товара – 31.8% 5. Быстрое отслеживание товара – 28.6% 6. Доставка на следующий день – 28.0% 7. Бонусы программы лояльности – 25.9% 8. Хорошие отзывы в социальных сетях – 21.4% 9. Знание, что продукт/компания не вредит природе – 19.7% 10. Возможность рассрочки – 18%	Международная статистика	2021 год	Why do people shop online? / Почему люди совершают покупки онлайн?: https://www.oberlo.com/statistics/why-do-people-shop-online [32]

Таблица 2

Оценка удовлетворенности услугами интернет-торговли

Групповые критерии удовлетворенности	Единичный показатель удовлетворенности	E_i	P_i	$Q_i = P_i - E_i$
Материальность (T)				
T_1	Низкие цены на товар	5	4	–1
T_2	Широкий ассортимент	5	5	0
T_3	Наличие брендовых товаров, которых нет в магазинной торговле	4	5	1
T_4	Информационная доступность и достоверность информации на сайте, в т.ч. наличие отзывов потребителей	4	4	0
T_5	Возможность поиска выгодных вариантов покупок	5	4	–1
Надежность (R)				
R_1	Репутация и имидж онлайн-магазинов (сервисов)	5	5	0
R_2	Полное описание товара на сайте	4	5	1
R_3	Наличие гарантии, информации о сервисных центрах, возможность вернуть товар через ближайшее почтовое отделение	5	5	0
R_4	Возможность отслеживать логистику доставки	4	5	1
Отзывчивость (S)				
S_1	Удобство и комфорт совершения покупок	5	5	0
S_2	Простота и оперативность совершения покупок	5	4	–1
S_3	Квалификация и готовность помочь консультантов	4	3	–1
S_4	Равноправие в доступе товаров, вне зависимости от местоположения покупателя	5	5	0

Окончание таблицы 2

Убедительность (А)				
A_1	Конфиденциальность и защищенность транзакций	5	5	0
A_2	Анонимность покупки в Интернете	5	5	0
A_3	Экономия сил и времени	5	5	0
A_4	Это безопаснее в условиях коронавируса	5	5	0
Сочувствие (С)				
C_1	Не люблю ходить по магазинам	4	5	1
C_2	Это способ хорошо провести время, найти интересные вещи	5	3	–2
C_3	Возможность консультирования, разные способы консультирования (сайт, телефон)	4	4	0
C_4	Бонусы программы лояльности	5	3	–2
C_5	Бесплатная доставка	5	4	–1

Таблица 3

Групповые критерии ценности

Групповые критерии ценности	Расчет группового критерия	Средний групповой показатель
Материальность	(–1+0+1+0–1)/5	–0.2
Надежность	(0+1+0+1)/4	0.5
Отзывчивость	(0–1–1+0)/4	–0.5
Убедительность	(0+0+0+0)/4	0
Сочувствие	(1–2+0–2–1)/5	–0.8
Q общ	(–0.2+0.5–0.5+0–0.8)/5	–0.2

Под влиянием цифровизации интернет-торговля приобрела еще большее социальное значение. Цифровые потребители не только совершают покупки в интернет-пространстве, но и общаются с другими пользователями посредством цифровых технологий, проводят в Интернете при поиске товаров свободное время, получают дополнительные эмоции во время путешествий по сайтам, ощущают себя в новом статусе «продвинутых пользователей» и получают психологическое удовлетворение. Для определения удовлетворенности потребителей услугами интернет-магазинов выбрана методика SERVQUAL.

2. В процессе анализа литературных источников и современной базы опубликованных исследований по изучаемому предмету выявлены ценностные компоненты интернет-услуг. Получено, что помимо качества товара и монетарных составляющих потребительскую ценность интернет-услугам добавляют такие атрибуты, как удобство, свобода и комфорт, отсутствие физических очередей в магазине и ожидания обслуживания, свобода при оплате покупок, безопасность транзакций, мерчандайзинг, безопасность совершения транзакций в условиях пандемии коронавируса (COVID-19).

Адаптация социально-экономической системы к парадигме «общества впечатлений» детерминирует новые компоненты ценности. В цепочке «сырье – товар – услуга – впечатление» последние становятся приоритетными источниками ценности.

3. Выявленные компоненты ценности интернет-услуг явились основой 22 единичных показателей удовлетворенности, согласно методике SERVQUAL. Сформирована система показателей оценки удовлетворенности, отражающая компоненты ценности услуг интернет-торговли.

4. Оценка удовлетворенности интернет-услугами показала, что значение общего коэффициента удовлетворённости равно –0.2. Это связано с возникшими отрицательными разрывами по ряду групповых индикаторов: «Сочувствие» (–0.8), «Отзывчивость» (–0.5), «Материальность» (–0.2).

Детальный анализ разрывов по единичным показателям выявил показатели с самыми большими несоответствиями по удовлетворенности потребителей. Это: способ хорошо провести время, найти интересные вещи и бонусы программы лояльности (разрывы составляют по –2), относящиеся к групповому критерию «Сочувствие». Все это указывает на то, что источнику формирования потребительской ценности в части впечатлений пока не уделяется должного внимания со стороны интернет-магазинов.

Дальнейшее проведение исследования и его углубление в части определения компонентов ценности для отдельных поколений позволит более детально выявить неудовлетворенность клиентов интернет-услугами и разработать приоритетные направления (на основе групповых критериев) и мероприятия (на основе единичных показателей) для управления удовлетворенностью потребителей интернет-услугами.

Примечания

1. Национальный индекс развития цифровой экономики: пилотная реализация. URL: https://in.mi

nenergo.gov.ru/upload/iblock/df0/df063a504b10a3af5a1ce7cbb07e35fd.pdf

2. Global Digital 2021. URL: https://www.web-canape.ru/ business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/

Список литературы

1. Wang O., and Somogyi S. Consumer adoption of online food shopping in China // British Food Journal. 2018. Vol. 120. № 12. P. 2868–2884.

2. Chkalova O.V., Bolyshakova I.V., Kopasovskaya N.G. et al. Transformation of online consumer behavior under the influence of the pandemic and the development of telecommunications. Paper presented at 20th International Conference on Next Generation Teletraffic and Wired/Wireless Advanced Networks and Systems, NEW2AN 2020 and 13th Conference on the Internet of Things and Smart Spaces, ruSMART 2020, St. Petersburg, Russia. 2020. August 26–28.

3. Daviy A.O., Rebiazina V.A., Smirnova M.M. E-commerce barriers and drivers of the Russian consumers: The results of an empirical study // Vestnik of Saint Petersburg University. Management. 2018. 17 (1). P. 69–98.

4. Singh R., Rosengren S. Why do online grocery shoppers switch? An empirical investigation of drivers of switching in online grocery // Journal of Retailing and Consumer Services. 2020. Vol. 53.

5. Krasyuk I.A., Medvedeva Y.Y. Drives and obstacle for the development of marketing in Russian retailing. Paper presented at 33rd International Business Information Management Association Conference: Education Excellence and Innovation Management through Vision IBIMA 2019. Granada, Spain, 2020. April 11–12. Retrieved from www.scopus.com.

6. Fernie J., McKinnon A. The development of retail logistics // In: J. Fernie, and L. Sparks (Eds) Logistics & Retail Management: Emerging Issues and New Challenges in the Retail Supply Chain. London: Kogan Page, 2009. P. 207–232.

7. Sidorchuk R., Meshkov A., Musatov B. et al. Indication of the influence of motivational significance of values underlying young consumers' preferences for basic consumer products // Journal of Applied Economic Sciences. 2018. 13 (1). P. 150–163.

8. Gallino S., Moreno A. Integration of online and offline channels in retail: the impact of sharing reliable inventory availability information // Management Science. 2014. **60 (6).** P. 1434–1451.

9. Deputatova Y.Y., Uryaseva T.I., Cheglov V.P. et al. Methodological approach to identifying buying motives within various sales channels based on behavioral segmentation // Journal of Advanced Research in Law and Economics**.** 2019. Vol. 10 (2). P. 515–526.

10. Wagner G., Schramm-Klein H., Steinmann S. Online retailing across e-channels and e-channel touchpoints: Empirical studies of consumer behavior in the multichannel e-commerce environment // Journal of Business Research. 2020. Vol. 107. P. 256–270.

11. Панкина Т.В., Никишин А.Ф., Бойкова А.В. Привлечение и удержание покупателей в электронной торговле // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 3. С. 683–696.

12. Panasenko S., Karashchuk O., Krasil'nikova E. et al. Analysis of intangible assets of online stores in Russia // International Journal of Management. 2020. **11 (5).** P. 579–589.

13. Hansen T. Determinants of consumers' repeat online buying of groceries // The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research. 2006. **16 (1).** P. 93–114.

14. Jiang L., Jun M., Yang Z. Customer-perceived value and loyalty: how do key service quality dimensions matter in the context of B2C e-commerce // Service Business. 2016. **10**. P. 301–317.

15. Driediger F., & Bhatiasevi V. Online grocery shopping in Thailand: consumer acceptance and usage behavior // Journal of Retailing and Consumer Services. 2019. **48.** P. 224–237.

16. Camilleri M.A. E-commerce websites, consumer order fulfillment and after-sales service satisfaction: the customer is always right, even after the shopping cart check-out // Journal of Strategy and Management. 2022. Vol. 15. № 3. P. 377–396.

17. Ainsworth J., Ballantine P.W. Consumers' cognitive response to website change // Journal of Retailing and Consumer Services. 2017. Vol. 37. P. 56–66.

18. Марцулевич Д.В. Оценка влияния фактора удобства использования сайта (юзабилити) на потребительскую удовлетворенность интернет-магазином // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник НИЦ корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2017. № 4. С. 77–89.

19. Гилмор Д., Пайн Д. II. Экономика впечатлений: Как превратить покупку в захватывающее действие // Управление персоналом. 2018. № 5. С. 27–40. URL: http://www.top-personal.ru/issue.html?5069

20. Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt – New York: Campus, 1992. P. 765.

21. Wirtz J. Improving the measurement of customer satisfaction: A test of three methods to reduce halo // Managing Service Quality. 2001. Vol. 11. № 2. P. 99–111. URL: https://www.researchgate.net/publication/247612382_Improving_the_measurement_of_customer_satisfaction_A_test_of_three_methods_to_reduce_halo/ (дата обращения: 19.09.2022).

22. Drosos D., Skordoulis M., Arabatzis G. et al. Measuring industrial customer satisfaction: The case of the natural gas market in Greece // Sustainability. 2019. Vol. 11. № 7. P. 1905.

23. Платонова Ю.О., Сосунова Л.А. Расчет индекса удовлетворенности клиентов услугами интернет-магазинов // Вестник Самарского фин.-экон. ин-та. 2012. № 3 (15). С. 1116.

24. Parasuraman A., Zeithaml V.A., Berry L.L. SERVQUAL: A multiple-item scale for measuring consumer perception of service quality // Journal of Retailing. 1988. № 64. P. 12–40. URL: https://www.researchgate.net/publication/225083802_SERVQUAL_A_multiple-_Item_Scale_for_measuring_consumer_perceptions_of_service_quality/ (дата обращения: 19.09.2022).

25. Digital 2020: research of Yandex.Market & GfK Rus // Сайт yandex.ru. URL: https://yandex.ru/company/researches/2020/ecomdash/ (дата обращения: 25.10.2021).

26. Viber и СберМаркет изучили, как россияне покупают в интернете // Сайт newretail.ru. URL: https://newretail.ru/novosti/retail/viber_i_cbermarket_izuchili_kak_rossiyane_pokupayut_v_internete7333/ (дата обращения: 19.09.2022).

27. International Omnichannel Retail Report 2021. URL: https://business.yougov.com/sectors/retail/international-omni-channel-retail-report-2021/ (дата обращения: 19.09.2022).

28. Почему люди все чаще покупают товары в интернете? URL: http://www.dvinainform.ru/economy/2021/05/26/64791.html/ (дата обращения: 25.10.2021).

29. Терещенко М. Около 40% россиян совершают покупки в интернете до четырех раз в месяц. URL: https://tass.ru/ekonomika/12030409/ (дата обращения: 25.10.2021).

30. The 13 Top Reasons Consumers Shop Online. URL: https://www.junglescout.com/blog/reasons-consumers-shop-online/ (дата обращения: 25.10.2021).

31. Leading reasons why consumers worldwide chose to shop online in 2021. URL: https://www.statista.com/statistics/676358/reasons-online-shoppers-prefer-to-shop-online// (дата обращения: 25.10.2021).

32. Why do people shop online? URL: https://www.oberlo.com/statistics/why-do-people-shop-online/ (дата обращения: 19.09.2022).

VALUE MANAGEMENT OF TRADING SERVICES ONLINE STORES

O.V. Chkalova, I.V. Bolshakova, N.G. Kopasovskaya, L.Y. Kundina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The Russian e-commerce market belongs to one of the little-studied segments of the consumer market. In this regard, the creation of consumer satisfaction with the value of trade services is a prerequisite for its effective development. Assess the satisfaction of digital consumers of the value of online store services based on the proposed system of indicators. Includes the SERVQUAL methodology and content analysis of the modern database of published research on the subject under study by such methods as: analysis and synthesis, grouping, comparison, induction, deduction, description, generalization, etc. It is shown that in the conditions of the digital economy, a new industry business model has emerged - Internet commerce, which has received rapid development. It is proposed to use the indicator of consumer satisfaction to assess the quality of Internet commerce services. It was found that the consumer value of online trading services has new characteristics that are different from the traditional model of trading services. It is shown that under conditions of adaptation to the experience economy, the value of Internet services changes. Value components in the “goods-services-impressions” chain are shifting towards experiences. The components of the value of Internet services are established, which are systematized in accordance with the SERVQUAL model. The conducted studies can serve as a basis for developing mechanisms for effective management of the Russian Internet services market.

Keywords: online store, customer satisfaction, SERVQUAL, service value.

УДК 338.1
DOI 10.52452/18115942_2022_4_57

УПРАВЛЕНИЕ ОТРАСЛЕВОЙ КОНВЕРГЕНЦИЕЙ В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОМ СЕКТОРЕ

© 2022 г.

М.В. Шинкевич, Р.П. Якунина, А.А. Лубнина

Шинкевич Марина Владимировна, д.э.н.; профессор кафедры логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
leotau@mail.ru
Якунина Регина Петровна, младший научный сотрудник кафедры логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
ya.rp@list.ru
Лубнина Алсу Амировна, к.э.н.; доцент кафедры логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
alsu1982@ya.ru

Статья поступила в редакцию 11.10.2022
Статья принята к публикации 31.10.2022

В ходе исследования авторы провели анализ теоретико-методологических подходов и положений в области управления отраслевой конвергенцией в высокотехнологичном секторе. Определен и описан процесс отраслевой конвергенции, выявлена ее последовательность. Цель данной статьи – обобщение и анализ теоретических положений управления отраслевой конвергенцией в высокотехнологичном секторе. Основными методами настоящего исследования выступают обобщение и анализ существующих положений и практик современных предприятий высокотехнологичного сектора в условиях конвергенции. Также применяется системный подход, позволяющий визуализировать последовательный процесс отраслевой конвергенции. Данное исследование вносит свой вклад в совокупность теоретических знаний об отраслевой конвергенции, расширяя широту ее восприятия. Авторы пришли к выводу, что отраслевая конвергенция является весьма значительным процессом и способна усиливаться по мере дальнейшего экономического развития не только науки и технологий, но и рынков товаров и услуг. Процесс конвергенции науки и технологических инноваций и конвергенции рынков, а также целых отраслей можно наблюдать в различных средах высоких технологий, таких как информационные и операционные технологии, нанотехнологии, промышленная цифровизация, цифровые сервисы в транспортной системе и другие.

Ключевые слова: конвергенция, управление конвергенцией, отраслевая конвергенция, конвергентные системы, технологическая конвергенция, технологические инновации, отраслевые рынки, предприятия высокотехнологичного сектора.

Введение

Из-за ускоренного жизненного цикла технологически новых продуктов и технологического насыщения рынков современные промышленные предприятия не только ускоряют темпы роста технологических инноваций, но и стараются расширить линейку продуктов и спектр услуг, комбинируя в них технические характеристики из других рынков и сфер деятельности, что в результате приводит к отраслевой конвергенции. В последние десятилетия отраслевая конвергенция набрала огромные обороты, особенно в отношении стратегии и инновационного поведения высокотехнологичных компаний.

Существует множество примеров конвергенции, например автомобильная промышленность, ускорившая функциональную интеграцию с электроникой и программным обеспечением, строительная отрасль, которая создала интеллектуальное строительство зданий на основе конвергенции между дизайном материалов и электроникой [1]. Помимо этого, процесс конвергенции можно рассматривать с точки зрения связи различных научных направлений: конвергенция нанотехнологий и информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), конвергенция когнитивных наук и ИКТ, конвергенция информационных и операционных технологий, конвергенция оборудования и сетей, конвергенция ИКТ в промышленной сфере и другие. Мы считаем, что процесс конвергенции стал возможным благодаря технологическому прогрессу и новым требованиям, которые предъявляются потребителями услуг.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что ввиду стремительных темпов развития технологических инноваций, технического прогресса, перехода к «Индустрии 4.0» важность процесса конвергенции становится неоспоримой. В особенности отраслевая конвергенция, которая представляет собой явление,

приобретающее все большую эмпирическую значимость ввиду возрастающей динамики развития науки и техники.

Поэтому цель данной статьи – обобщение и анализ теоретических положений управления отраслевой конвергенцией в высокотехнологичном секторе. Поставленная цель предусматривает решение следующих задач: анализ зарубежных и отечественных исследований, описывающих процессы отраслевой конвергенции; определение и описание процесса отраслевой конвергенции; анализ опыта и интересов современных предприятий, применяющих в своей деятельности процессы конвергенции.

Ключевыми методами настоящего исследования выступают обобщение и анализ существующих положений и практик современных предприятий высокотехнологичного сектора в условиях конвергенции. Также применяется системный подход, позволяющий визуализировать последовательный процесс отраслевой конвергенции.

Теоретико-методологические подходы

Отсутствие концептуального определения того, что на самом деле представляет собой отраслевая конвергенция, препятствует как анализу, так и мониторингу, не говоря уже о ее ожидании. Чтобы устранить отсутствующее концептуальное определение, в данной статье предпринята попытка определить и описать процесс отраслевой конвергенции в высокотехнологичном секторе.

Вопросы процесса конвергенции в высокотехнологичном секторе являются объектом многих научных исследований и подробно освещаются с различных позиций. Например, модели отраслевой конвергенции анализируются с технологической точки зрения с использованием патентной информации (Curran and Leker, 2011) [2]. N. Kim, H. Lee с соавторами в своем исследовании обозначают динамические закономерности отраслевой конвергенции [1]. Коллектив авторов N. Sick, N. Preschitschek и другие в своем исследовании описывают определенную структуру для оценки конвергенции отрасли в высокотехнологичной среде, а именно предлагают разработанную основу для оценки конвергенции с точки зрения ее раннего, среднего или позднего развития [3]. Закономерности эволюции и сетевые структурные характеристики отраслевой конвергенции раскрыты в исследовании Pil Sun Heo, Duk Hee Lee [4].

Среди отечественных исследователей вопросы процесса конвергенции в глобальной экономике нашли отражение в исследованиях Д.Ю. Руденко, К.Ю. Зинковской [5]. Региональный аспект процесса NBIC-конвергенции комплексно анализируется в трудах Д.П. Фролова, М.М. Бабкина [6]. Принципы и условия конвергентно-индуцированного структурного сдвига обозначены в исследовании С.А. Жиронкина, Е.А. Таран, М.А. Гасанова [7]. Вопросы оценки и моделирования индикаторов экономики замкнутого цикла с применением теории конвергенции рассматриваются в работе С.С. Кудрявцевой [8] и др. Процесс конвергенции как системная основа управления безопасностью развития промышленного предприятия обоснован в исследовании С.А. Мушниковой [9].

Впервые концепция конвергенции введена Н. Розенбергом в 1963 году. В своем исследовании он указал на важность управления технологическими изменениями для улучшения распределения ресурсов [3]. Также он отмечал, что общая актуальность конвергенции для различных отраслей отражается в разнообразных условиях исследования.

В.Г. Мысник, Д.М. Забровская под конвергенцией понимают сложный социально-экономический феномен, необыкновенность которого заключается в схожести национальных систем, приводящих к их разнообразию и далеко не всегда вписывающихся в эволюционную модель развития [10].

Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев процесс конвергенции (или сближения) интерпретируют как «очень распространенный паттерн эволюции, связанный с тем, что общества заимствуют достижения и институты друг друга в разных областях жизни, происходит диффузия различных инноваций, общества объединяются и тем самым начинают уменьшать различия». Также ученые в своем труде приводят исторический аспект развития процесса конвергенции [11].

Процесс конвергенции также можно представить в виде последовательности, изображенной на рисунке 1. Данная последовательность выражена в четыре этапа, состоящих из конвергенции науки, техники, рынка и отрасли [3].

Из рисунка видно, что начальным этапом процесса является научная конвергенция. В рамках научной конвергенции наблюдается взаимодействие различных научных областей, а также взаимосвязь междисциплинарных научных исследований. Следующим этапом идет технологическая конвергенция, где происходит интеграция разнообразных технологических процессов и областей с целью образования инновационных технологических платформ. В дальнейшем в некоторых случаях технологическая конвергенция приводит к рыночной конвергенции, для которой свойственно создание новых сочетаний товаров и услуг.

Рис. 1. Последовательный процесс конвергенции в четыре этапа (построено авторами по данным [3])

Рис. 2. Визуализация отраслевой конвергенции (построено авторами по данным [1])

Данный этап конвергенции особо актуален в отраслях, которые ориентированы на науку и технологии, например химическая промышленность, электронная, нанотехнологии. Тем не менее рыночная конвергенция способна возникнуть и без предыдущих этапов, так как, например, может возникнуть ввиду изменений потребительского спроса. Завершающим этапом (рис. 1) является отраслевая конвергенция, которую более подробнее мы рассмотрим далее в настоящей статье.

По нашему мнению, управление конвергенцией является сложным, многомерным процессом, сущность которого заключается в объединении и взаимодействии совершенно разнообразных систем и объектов различного происхождения в единую функционирующую взаимосвязь или совершенно новый феномен.

Проведенный аналитический обзор свидетельствует как об актуальности исследуемой проблематики, так и о высоком интересе исследователей и практиков к вопросам эффективного управления конвергенцией в высокотехнологичном секторе. В то же время, несмотря на обширный теоретико-методологический массив исследований, приходим к выводу о том, что недостаточно внимания уделяется вопросам управления отраслевой конвергенцией в высокотехнологичном секторе.

Результаты и обсуждение

Отраслевая конвергенция проявляется как процесс стирания границ между несколькими разносторонними отраслями за счет объединения научных знаний и компетенций, технологий и рынков. Графически отраслевая конвергенция в высокотехнологичном секторе представлена на рисунке 2, где различные отрасли сходятся в перекрывающейся области, разделяя общие ценности, такие как технологии, цепочки создания стоимости и рынки [1].

Серая область на рисунке 2 представляет собой новый конвергентный сегмент, который создан в результате интеграции и наложения между отраслями, что подразумевает увеличение совместимости между соответствующими отраслями. Тем самым отраслевая конвергенция ведет к обоюдному использованию технологических инноваций, рынков, созданию стоимости нового продукта. Это говорит о том, что отраслевая конвергенция способна привести к такой модели развития, где уже функционирующие отрасли могут столкнуться с новыми условиями рыночной конкуренции.

Как показано на рисунке 3, при отраслевой конвергенции происходит два основных процесса: конвергенция науки и техники (конвергенция предложения) и конвергенция рынка (конвергенция спроса), в данном случае возрастает интеграция между отдельными научными дисциплинами или областями знаний, которые ранее функционировали обособленно друг от друга.

Технологическая конвергенция возникает в результате рекомбинации уже существующих технологий в новую, при этом обладая новым функционалом и повышенной эффективностью. Также было доказано, что технологическая конвергенция стала доминирующей движущей силой отраслевой конвергенции [2].

Далее детально рассмотрим этапы отраслевой конвергенции, представленные в таблице, с точки зрения раннего, среднего и позднего развития.

Когда конвергентные технологии и продукты выводятся на рынок, компаниям требуются знания, компетенции и возможности из других отраслей с целью получения нового опыта,

Рис. 3. Последовательность процесса конвергенции (обобщено авторами по данным [2])

Таблица

Этапы отраслевой конвергенции

Этапы	Ранний этап конвергенции отрасли	Средний этап конвергенции отрасли	Поздний этап конвергенции отрасли
Основные характеристики	Высокий уровень неопределенности	Снижение темпов технологических изменений	Формирование нового межотраслевого сегмента
	Отсутствие доминирующей концепции, быстрые технологические изменения	Новые доминирующие концепции, стандарты	Создание концепции и стандартов
	Нечеткие структуры спроса	Новые структуры спроса	Снижение неопределенности
Поведение компаний в условиях конвергенции комплементарных отраслей	Стремление к сотрудничеству для разделения рисков, связанных с исследованиями и разработками, и снижения неопределенности	Стремление к сотрудничеству для распределения связанных с рынком рисков и снижения неопределенности	Компании, которые еще не вошли в новый сегмент, могут по-прежнему присоединиться к ним посредством слияний и поглощений или остаться в своих «старых» отраслях
Поведение компаний в условиях конвергенции замещающих отраслей	Стремление к участию в акционерном капитале с целью уменьшения угрозы предстоящего сближения отрасли с их основной бизнес-моделью и разработка новых компетенций в области НИОКР	Стремление к участию в акционерном капитале для разработки новых рыночных компетенций	Укрепление конкурентной среды

* Составлено авторами по данным [3].

функционала и характеристик, чтобы быть конкурентоспособными. Поэтому, чтобы преодолеть эти проблемы и приобрести необходимые знания и возможности других отраслей, фирмы участвуют в межорганизационной динамике между отраслями, такой как продажа активов, альянсы, совместные предприятия, слияния и поглощения или лицензирование. Эту межорганизационную динамику в разных отраслях можно описать как отраслевую конвергенцию.

Ярким примером необходимости раннего выявления отраслевой конвергенции может служить ситуация с Nokia, прежде всего в сфере высоких технологий и быстро меняющихся бизнес-сред. В ответ на формирование индустрии информационно-коммуникационных технологий Nokia, как бывший лидер мирового рынка в сфере мобильных телефонов, не смогла своевременно отреагировать на будущие смартфоны как продукты, возникающие в результате конвергенции, адаптировав свою стратегическую направленность и приобретя необходимые новые компетенции. В результате в 2013 году Nokia была приобретена Microsoft [3].

В многоотраслевой корпорации GE Intelligent Platforms еще в 2013 году была разработана стратегия управления конвергенцией на основе промышленного Интернета. Реализация стратегии конвергенции GE началась с межплатформенной стандартизации открытых систем с целью обеспечения защищённого обмена данными, функциональной совместимости и оптимизации пользовательского опыта для клиентов. В стратегии развития GE говорится, что по мере конвергенции «соединяющиеся устройства управления обладают более мощными возможностями воздействия на подчинённые им объекты, а программные приложения обеспечивают локальное интеллектуальное управление через промышленный интернет и межмашинное взаимодействие» (Machine-to-Machine или M2M) [12].

Также примером конвергенции может служить «Умное производство», в котором сходятся возможности сразу нескольких составляющих: это могут быть смартфоны, «умные» автомобили и производственное оборудование, а также применение современных продвинутых информационных технологий в цепи поставок и

разработки продукта или создание интеллектуальных продуктов. Главной целью «умного производства» является повышение производительности и эффективности [13].

Еще одним примером конвергентных систем является опыт ОАО «РЖД», внедряющего в свой процесс работы цифровые сервисы, характеризующие способы, которыми компания может предложить свои товары, работы и услуги. При помощи конвергенции цифровых сервисов ОАО «РЖД» может усовершенствовать транспортные процессы с помощью передовых технологий, а именно внедрив конвергентные системы в цифровые сервисы холдинга [14].

Одним из актуальных примеров на сегодняшний день является опыт ООО «СИБУР», которое на конференции «Цифровая индустрия промышленной России ЦИПР-2022» представило комплексные решения для промышленной цифровизации [15]. Данный комплекс представлен в виде «полного стека от сбора данных с оборудования и их беспроводной передачи на платформу промышленного интернета вещей до аналитической обработки полученных массивов данных и разработки рекомендуемых действий для производственного персонала на основе технологий машинного обучения» [15].

Заключение

Структурные изменения в рыночной среде происходят стремительными темпами. В свою очередь, технологические инновации все больше вынуждают предприятия высокотехнологичного сектора сталкиваться с жесткими условиями конкуренции на рынке, что побуждает их разрабатывать дифференцированные продукты или услуги, которые функционально пересекаются с другими продуктами или услугами. Такое пересечение рынков с конвергентными продуктами или услугами в конечном итоге приводит к тому, что разрозненные отрасли сближаются друг с другом, создавая новые возможности для бизнеса, для существующих фирм или потенциальных предпринимателей.

Таким образом, процесс конвергенции носит динамический характер и, следовательно, может происходить с различной интенсивностью и с различной продолжительностью различных фаз. В свою очередь, отраслевая конвергенция является весьма значительным процессом и способна усиливаться по мере дальнейшего экономического развития не только науки и технологических инноваций, но и рынков товаров и услуг.

The research was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation, project number NSh-1886.2022.2

Список литературы

1. Kim N., Lee H., Kim W. et al. Dynamic patterns of industry convergence: Evidence from a large amount of unstructured data // Research Policy. 2015. Vol. 44. Issue 9. P. 1734–1748.

2. Curran C.S., Leker J. Patent indicators for monitoring convergence – examples from NFF and ICT // Technol. Forecasting Social Change. 2011. **78**. P. 256–273.

3. Sick N., Preschitschek N., Leker J., Bröring S. A new framework to assess industry convergence in high technology environments // Technovation. 2019. Vol. 84–85. P. 48–58.

4. Pil Sun Heo, Duk Hee Lee. Evolution patterns and network structural characteristics of industry convergence // Structural Change and Economic Dynamics. 2019. Vol. 51. P. 405–426.

5. Руденко Д.Ю., Зинковская К.Ю. Процессы конвергенции в глобальной экономике [Электронный ресурс] // Век глобализации. 2015. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-konvergentsii-v-globalnoy-ekonomike (дата обращения: 01.07.2022).

6. Фролов Д.П., Бабкин М.М. НБИК-конвергенция в региональном измерении [Электронный ресурс] // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 12 (435). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nbik-konvergentsiya-v-regionalnom-izmerenii (дата обращения: 01.07.2022).

7. Жиронкин С.А., Таран Е.А., Гасанов М.А. и др. Принципы и условия конвергентно-индуцированного структурного сдвига [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2018. № 44. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-i-usloviya-konvergentno-indutsirovannogo-strukturnogo-sdviga (дата обращения: 01.07.2022).

8. Кудрявцева С.С., Лубнина А.А. Моделирование индикаторов экономики замкнутого цикла с применением теории конвергенции // Экономический вестник Республики Татарстан. 2022. № 1. С. 18–22.

9. Мушникова С.А. Конвергенция как системная основа построения концепции управления безопасностью развития промышленного предприятия [Электронный ресурс] // Бизнес информ (на укр. яз.). 2019. № 11 (502). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konvergentsiya-kak-sistemnaya-osnova-postroeniya-kontseptsii-upravleniya-bezopasnostyu-razvitiya-promyshlennogo-predpriyatiya (дата обращения: 01.07.2022).

10. Эффективная экономика современности: Монография. В 2 книгах. Кн. 1 / Под общ. ред. С.В. Куприенко. Одесса, 2012. 186 с.

11. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Дивергенция и конвергенция в мировой экономике // Кондратьевские волны. 2019. № 7. С. 62–133.

12. Конвергенция платформ управления – стратегия развития GE. 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ge.com/news/press-releases/конвергенция-

платформ-управления-стратегия-развития-ge (дата обращения: 29.06.2022).

13. Брендл Д. «Умное» производство: конвергенция различных составляющих [Электронный ресурс] // Control Engineering Россия. 2016. № 6 (66). URL: https://controleng.ru/industry-4-0/smart_manufacturing/

14. Щербакова К.Д., Касаткина М.Д. Конвергенция цифровых сервисов на примере компании ОАО «РЖД» [Электронный ресурс] // Актуальные исследования. 2021. № 35 (62). С. 17–19. URL: https://apni.ru/article/2854-konvergentsiya-tsifrovikh-servisov

15. Официальный сайт ООО «СИБУР» [Электронный ресурс]. URL: https://www.sibur.ru/ru/press-center/news-and-press/sibur-predstavil-kompleksnye-resheniya-dlya-promyshlennoy-tsifrovizatsii/

16. Hacklin F., Battistini B., Von Krogh G. Strategic choices in converging industries // MIT Sloan Manage. Rev. 2013. **55**. P. 65–73.

INDUSTRY CONVERGENCE MANAGEMENT IN THE HIGH-TECH SECTOR

M.V. Shinkevich, R.P. Yakunina, A.A. Lubnina

Kazan National Research Technological University

In the course of this study, the authors analyzed the theoretical and methodological approaches and provisions in the field of industrial convergence management in the high-tech sector. The process of industry convergence is defined and described; its sequence is revealed. The purpose of this article is to summarize and analyze the theoretical provisions for managing industrial convergence in the high-tech sector. The main methods of this study are the generalization and analysis of the existing provisions and practices of modern high-tech enterprises in the context of convergence. A systematic approach is also used to visualize the consistent process of industry convergence. This study contributes to the body of theoretical knowledge about industry convergence, expanding the breadth of its perception. The authors came to the conclusion that industry convergence is a very significant process and can intensify with further economic development not only in science and technology, but also in the markets for goods and services. The process of convergence of science and technological innovation and the convergence of markets, as well as entire industries, can be observed in various high-tech environments, such as information and operational technologies, nanotechnology, industrial digitalization, digital services in the transport system, and others.

Keywords: convergence, convergence management, industry convergence, convergent systems, technological convergence, technological innovations, industry markets, high-tech enterprises.

УДК 336.14
DOI 10.52452/18115942_2022_4_63

РАЗВИТИЕ МЕТОДИК ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ИННОВАЦИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© 2022 г.

Н.И. Яшина, С.Н. Яшин, А.Е. Плетникова

Яшина Надежда Игоревна, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой финансов и кредита
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sitnicof@mail.ru
Яшин Сергей Николаевич, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой менеджмента
и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jashin@iee.unn.ru
Плетникова Анастасия Евгеньевна, магистр Института экономики и предпринимательства
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
plet2405@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.10.2022
Статья принята к публикации 31.10.2022

Развитие человеческого капитала – важная задача при реализации ценностно-ориентированного подхода финансовой политики государства, нацеленной на улучшение благополучия населения в стране. Финансирование образования – это индикатор, который характеризует уровень жизни граждан во многих мировых рейтингах. Образовательный процесс в советской школе, уровень финансирования школ, в том числе заработная плата как учителей, так и научных работников до сих пор являются примером не только в нашей стране, но и в других развитых экономических системах. Цель работы – исследование целевых и финансовых показателей в каждом регионе, анализ их динамики и распределение по сегментам. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: изучить теоретические и методологические основы государственного финансирования в сфере образования, науки и инноваций; разработать методику оценки государственного финансирования на основе целевых и финансовых показателей; определить пути совершенствования государственного финансирования. В статье разрабатывается методика, которая позволяет произвести распределение субъектов РФ по определенным сегментам, каждый из которых характеризует регион по степени эффективности финансирования в сфере образования, науки и инноваций. Проводится анализ целевых и финансовых показателей в каждом регионе; выявлены сильные и слабые субъекты с высокими и низкими уровнями достижения результатов и финансово-ресурсного обеспечения. Практическая значимость работы связана с выявлением слабых регионов в сфере образования, науки и инноваций.

Ключевые слова: образование, целевые и финансовые показатели, государственные расходы, сегменты, совершенствование системы финансирования.

Введение

В настоящее время образование, наука и инновации дают человеку жизненные ориентиры, формируют личность, дают понимание, что люди и есть главная ценность страны.

В рыночной экономике ученые и практики ищут в финансировании развития образования, науки и инноваций эффективность. Найти показатель экономической эффективности пытался нобелевский лауреат Т. Шульц, который обосновал зависимость экономического роста или спада от уровня инвестиций в человека [1].

Теоретической базой исследования послужили статистические данные с сайта Федеральной службы государственной статистики и Федерального казначейства, нормативно-правовые акты, публикации в научных журналах, информация в сети поисковой системы Интернет, а также труды известных авторов в области исследования – С.Н. Маркова, Е.Ю. Елистратовой, С.К. Турдубаева, Л.Б. Харитоненко и других [2–4].

Методология

Расходы на образование, науку и инновации являются неотъемлемой частью расходов бюджета любого государства. В РФ за 2018 – 2020 годы наблюдается увеличение расходов государственного бюджета на сферу образования, науки и инноваций по многим направлениям. Ниже приведены данные, содержащие информацию о государственных расходах на сферу образования по отдельным уровням бюджетной системы (таблица 1).

Согласно приведенным данным можно говорить о положительной динамике государствен-

Таблица 1

Государственные расходы на сферу образования по отдельным уровням бюджетной системы

	2018	2019	2020	Темп прироста (2019–2018), %	Темп прироста (2020–2019), %
Федеральный бюджет, млрд руб.	722.6	826.5	956.9	14.38	15.78
Консолидированные бюджеты субъектов РФ, млрд руб.	3015.6	3356.3	3552.5	11.30	5.85
Итого государственных расходов, млрд руб.	3738.2	4182.8	4509.4	11.9	7.8
Доля расходов из консолидированного бюджета от общей суммы расходов, %	80.7	80.2	78.8	-0.5	–1.8
ВВП, млрд руб.	103861.7	109608.3	107390.3	5.5	–2.0
Доля общих государственных расходов от ВВП, %	3.6	3.8	4.2	6.0	10.0

ных расходов. С 2018 года по 2019 год расходы увеличились на 14.38% в федеральном бюджете и на 11.30% в консолидированном бюджете субъектов РФ, а с 2019 по 2020 год – на 15.78% и 5.85% соответственно. Наибольшая доля расходов происходит из консолидированного бюджета, и это примерно 80% каждый год. Что касается доли общих государственных расходов от ВВП, то данный показатель растет из года в год, что говорит о положительной тенденции.

Для анализа эффективности управления государственными расходами в сфере образования, науки и инноваций необходимо составить рейтинг, который отражает степень эффективности расходов субъектов РФ на образование, науку и инновации. Для построения рейтинга необходимо все бюджетные показатели свести к одной единице измерения. Это индикатор охвата дошкольным образованием и численность воспитанников организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми. Но измеряются они в разных единицах, в процентах и детях соответственно, то есть являются несопоставимыми.

Для того чтобы свести все бюджетные показатели к одной единице измерения, определяется сводный стандартизованный индикатор, который представляет собой сумму стандартизованных индикаторов [5].

В работе используется способ определения сводного стандартизованного индикатора, который заключается в определении максимума и минимума исследуемого бюджетного показателя среди всех субъектов РФ. На основе данного способа может быть составлен рейтинг эффективности государственных расходов в сфере образования, науки и инноваций. Для начала необходимо распределить исследуемые бюджетные показатели на две группы. В первую группу войдут показатели, которые стремятся к максимуму, то есть чем выше фактическое значение показателя, тем эффективнее управление государственными расходами в сфере образования, науки и инноваций. К таким показателям относятся: валовый коэффициент охвата дошкольным образованием, численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, организации, выполнявшие научные исследования и разработки, внутренние затраты на научные исследования и разработки и другие.

Вторая группа интерпретируется наоборот: чем меньше значение, тем лучше считается индикатор. Далее индикаторы трансформируются в одну единицу измерения. Для этого необходимо воспользоваться следующими формулами. Для показателей, чьи значения должны стремиться к максимуму, используем формулу:

$$K_i^x = \frac{K_{\max} - K_{\text{факт}}}{K_{\max} - K_{\min}},$$

где K_i^x – доля i-го стандартизированного показателя, который приходится на один регион; $K_{\max}$ – максимум i-го показателя из всех регионов; $K_{\text{факт}}$ – значение i-го показателя анализируемого региона; $K_{\min}$ – минимум i-го показателя из всех регионов.

По показателям, стремящимся к минимуму, используем формулу:

$$K_i^x = \frac{K_{\text{факт}} - K_{\min}}{K_{\max} - K_{\min}}.$$

Для того чтобы определить сводный стандартизованный индикатор для каждого субъекта РФ, используем формулу:

$$I_j^{\text{норм}} = \sum_{i=1}^{n} K_i^x,$$

где $I_j^{\text{норм}}$ – сводный стандартизованный индикатор.

На данном этапе можно проследить сводный стандартизованный индикатор, характеризующий уровень образования, науки и инноваций в каждом регионе.

Далее регионы ранжируются по значениям сводных стандартизованных индикаторов $I_j^{\text{норм}}$,

Таблица 2

Система индикаторов, характеризующих финансово-ресурсное обеспечение и уровень достижения целевых показателей

Наименование	Интерпретация
Целевые показатели	
1. Численность воспитанников организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, на 10 000 человек населения	Данный показатель определяется делением численности воспитанников организаций на численность постоянного населения в среднем за год и умножением на 10000
2. Валовой коэффициент охвата дошкольным образованием	Данный показатель определяется делением численности воспитанников, состоящих на конец отчетного года в списках организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, на численность детей в возрасте 1 – 6 лет
3. Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми; мест на 1000 детей	Данный показатель определяется делением числа мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, занятых детьми в возрасте от полутора до трех лет, на сумму численности детей в возрасте 1.5 года и численности детей в возрасте двух лет
4. Численность обучающихся организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования, на 10 000 населения	Данный показатель определяется делением численности обучающихся организации на численность постоянного населения в среднем за год и умножением на 10 000
5. Численность студентов государственных и муниципальных профессиональных образовательных организаций, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, на 10 000 человек населения	Данный показатель определяется делением численности студентов государственных и муниципальных профессиональных образовательных организаций на численность постоянного населения в среднем за год и умножением на 10 000
6. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 человек населения	Данный показатель определяется делением численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на численность постоянного населения в среднем за год и умножением на 10 000
7. Численность профессорско-преподавательского персонала, осуществляющего образовательную деятельность по программам высшего образования, на 10 000 человек населения	Данный показатель определяется делением численности профессорско-преподавательского персонала на численность постоянного населения в среднем за год и умножением на 10 000
8. Численность аспирантов на 100 000 населения	Данный показатель определяется делением численности аспирантов на численность постоянного населения в среднем за год и умножением на 100 000
9. Численность докторантов на 1 000 000 населения	Данный показатель определяется делением численности докторантов на численность постоянного населения в среднем за год и умножением на 1 000 000
10. Организации, выполнявшие научные исследования и разработки	Статистические данные охватывают организации, выполнявшие научные исследования и разработки за отчетный год, независимо от их основного вида экономической деятельности и формы собственности
11. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, на 10 000 человек населения	Данный показатель определяется делением численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, на численность постоянного населения в среднем за год и умножением на 10 000
12. Численность исследователей с учеными степенями на 100 000 населения	Данный показатель определяется делением численности исследователей с учеными степенями на численность постоянного населения в среднем за год и умножением на 100 000
13. Доля внутренних затрат на научные исследования и разработки в общем объеме валового регионального продукта	Данный показатель определяется делением внутренних затрат на научные исследования и разработки на валовый региональный продукт и умножением на 100%
14. Доля внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки по видам затрат в общем объеме валового регионального продукта	Данный показатель определяется делением внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки по видам затрат на валовый региональный продукт и умножением на 100%
15. Доля капитальных затрат на научные исследования и разработки в общем объеме валового регионального продукта	Данный показатель определяется делением капитальных затрат на научные исследования и разработки на валовый региональный продукт и умножением на 100%

Окончание таблицы 2

16. Доля поступивших патентных заявок и выдача патентов в России от общего объема организаций, выполнявших научные исследования и разработки	Данный показатель определяется делением количества поступивших патентных заявок и количества выданных патентов в России на количество организаций, выполнявших научные исследования и разработки, и умножением на 100%
17. Доля используемых передовых производственных технологий от общего объема организаций, выполнявших научных исследования и разработки	Данный показатель определяется делением количества используемых передовых производственных технологий на количество организаций, выполнявших научные исследования и разработки, и умножением на 100%
18. Уровень инновационной активности организаций	Данный показатель рассчитывается за отчетный год как отношение числа инновационно активных организаций к общему числу обследованных организаций
19. Затраты на инновационную деятельность организаций в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	Затраты на инновационную деятельность – выраженные в денежной форме фактические расходы на осуществление одного, нескольких или всех видов инновационной деятельности (связанной с процессом разработки и внедрения технологических инноваций и других нововведений), выполняемой в организации. В составе затрат на инновационную деятельность учитываются текущие и капитальные затраты
20. Объем инновационных товаров, работ, услуг в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	К инновационной продукции относятся те товары, работы и услуги, которые удовлетворяют совокупности следующих критериев: научно-техническая новизна; внедрение; экономический эффект реализации; наукоемкость
Финансовые показатели	
1. Расходы на сферу образования в расчете на одного жителя	Данный показатель рассчитывается как отношение расходов на образование из годового консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов к численности постоянного населения в среднем за год
2. Доля расходов на образование к ВРП	Данный показатель рассчитывается как отношение расходов на образование из годового консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов к валовому региональному продукту

Уровень достижения целевых показателей (ЦП)	ЦП 3	Ф 1 – ЦП 3 7 сегмент	Ф2 – ЦП 3 8 сегмент	Ф 3 – ЦП 3 9 сегмент
	ЦП 2	Ф 1 – ЦП 2 4 сегмент	Ф2 – ЦП 2 5 сегмент	Ф 3 – ЦП 2 6 сегмент
	ЦП 1	Ф 1 – ЦП 1 1 сегмент	Ф 2 – ЦП 1 2 сегмент	Ф 3 – ЦП 1 3 сегмент
		Ф 1	Ф 2	Ф 3
		Финансово-ресурсное обеспечение (Ф)		

Рис. Матрица распределения субъектов РФ по совокупности значений финансово-ресурсного обеспечения и уровня достижения целевых показателей

в соответствии с которыми самый высокий уровень присваивается региону с наименьшим значением.

После того как был составлен рейтинг субъектов РФ по целевым показателям, нужно провести ранжирование регионов по финансовым показателям.

Далее необходимо соединить рейтинги по целевым и финансовым показателям в один, чтобы можно было определять, как один и тот же регион может находиться на разных уровнях по достижению целевых и финансовых показателей.

Затем формируется матрица исследуемых субъектов РФ по совокупности значений (по оси абсцисс откладываются финансовые показатели, по оси ординат – целевые показатели) (рис.).

Предложенная методика позволяет произвести распределение субъектов РФ по определенным сегментам, каждый из которых характеризует регион по степени эффективности финансирования в сфере образования, науки и инноваций [5].

Результаты

Предложенная методика позволяет произвести распределение регионов РФ по определенным сегментам.

Таблица 3

Распределение регионов по уровням ресурсного обеспечения и достижения результатов целевых показателей за 2018–2020 годы

Регион	Итоговый нормированный показатель финансово-ресурсного обеспечения	Уровень (Ф 1-Ф 3)*	Итоговый нормированный целевой показатель	Уровень (ЦП 1 – ЦП 3)**
1	2	3	4	5
Регионы с высоким уровнем ресурсного обеспечения и высокими результатами				
Чукотский автономный округ	1.84	Ф 1	23.16	ЦП 1
Ненецкий автономный округ	3.09	Ф 1	35.72	ЦП 1
Регионы с высоким уровнем ресурсного обеспечения и средним уровнем достижения результатов				
Камчатский край	3.09	Ф 1	42.80	ЦП 2
Республика Саха (Якутия)	3.09	Ф 1	41.76	ЦП 2
Ямало-Ненецкий автономный округ	3.44	Ф 1	41.83	ЦП 2
…				
Регионы с высоким уровнем ресурсного обеспечения и низким уровнем достижения результатов				
Республика Алтай	2.64	Ф 1	45.60	ЦП 3
Чеченская Республика	2.76	Ф 1	48.66	ЦП 3
Республика Ингушетия	3.19	Ф 1	51.63	ЦП 3
Регионы со средним уровнем ресурсного обеспечения и высокими результатами				
Еврейская автономная область	4.41	Ф 2	30.02	ЦП 1
Регионы со средним уровнем ресурсного обеспечения и средним уровнем достижения результатов				
Магаданская область	3.79	Ф 2	41.29	ЦП 2
Сахалинская область	3.97	Ф 2	42.61	ЦП 2
Ханты-Мансийский автономный округ	4.61	Ф 2	42.26	ЦП 2
…				
Регионы со средним уровнем ресурсного обеспечения и низким уровнем достижения результатов				
Карачаево-Черкесская Республика	4.18	Ф 2	48.35	ЦП 3
Забайкальский край	4.24	Ф 2	44.28	ЦП 3
Курганская область	4.34	Ф 2	45.62	ЦП 3
…				
Регионы с низким уровнем ресурсного обеспечения и высоким уровнем достижения результатов				
Республика Татарстан	4.98	Ф 3	35.24	ЦП 1
г. Санкт-Петербург	4.98	Ф 3	29.54	ЦП 1
Нижегородская область	5.10	Ф 3	28.88	ЦП 1
г. Москва	5.37	Ф 3	32.86	ЦП 1
…				
Регионы с низким уровнем ресурсного обеспечения и средним уровнем достижения результатов				
Кировская область	4.75	Ф 3	43.39	ЦП 2
Костромская область	4.81	Ф 3	39.45	ЦП 2
Краснодарский край	4.94	Ф 3	43.56	ЦП 2
…				
Регионы с низким уровнем ресурсного обеспечения и низким уровнем достижения результатов				
Алтайский край	4.81	Ф 3	46.54	ЦП 3
Ленинградская область	4.93	Ф 3	45.91	ЦП 3
Брянская область	5.09	Ф 3	47.25	ЦП 3
…				

*Ф 1 – высокий уровень финансово-ресурсного обеспечения, Ф 2 – средний уровень финансово-ресурсного обеспечения, Ф 3 – низкий уровень финансово-ресурсного обеспечения.

** ЦП 1 – высокий уровень достижения результатов целевых показателей реализации, ЦП 2 – средний уровень достижения результатов реализации целевых показателей, ЦП 3 – низкий уровень достижения результатов реализации целевых показателей.

Сегмент № 1. Регионы с высокими уровнями финансово-ресурсного обеспечения и достижения целевых показателей. К ним относятся: Чукотский и Ненецкий автономные округа. Регионы отличаются балансом между государственными гарантиями в сфере науки, образования и инноваций и финансовыми возможностями, финансовые потоки сбалансированы.

Таблица 4

Распределение бюджетных расходов между регионами РФ

Группа результативности	Коэффициент распределения бюджетных расходов
Регионы с высокой результативностью	1.0
Регионы со средней результативностью	0.9
Регионы с низкой результативностью	0.8

Сегмент № 2. Регионы со средним уровнем финансово-ресурсного обеспечения и высоким уровнем достижения целевых показателей.

Для регионов характерно рациональное инвестирование человеческого капитала с учетом финансовой базы, ее стабильности и развития. Показатели статистики позволяют сделать вывод о благоприятной ситуации в регионах. К сегменту относится: Еврейская автономная область.

Сегмент № 3. Регионы с низким уровнем финансово-ресурсного обеспечения и высоким уровнем достижения целевых показателей. К сегменту относятся 5 регионов: Томская область, Республика Татарстан, г. Санкт-Петербург, Нижегородская область, г. Москва. В сегменте отмечается несоответствие между региональными доходами и расходами, низкая концентрация финансовых ресурсов.

Сегмент № 4. Регионы с высоким уровнем финансово-ресурсного обеспечения и средним уровнем достижения целевых показателей. К сегменту относятся регионы: Республика Тыва, Камчатский край, Республика Саха (Якутия) и Ямало-Ненецкий автономный округ.

Сегмент № 5. Регионы со средними уровнями финансово-ресурсного обеспечения и достижения целевых показателей. При наличии средних уровней ресурсного обеспечения и результатов есть резервы для повышения эффективности реализации государственной программы. В сегмент попадают 6 регионов: Магаданская область, Сахалинская область, Мурманская область, Республика Калмыкия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Республика Коми.

Сегмент № 6. Регионы с низким уровнем финансово-ресурсного обеспечения и средним уровнем достижения целевых показателей. Регионы характеризуются несбалансированностью государственных гарантий в сфере образования, науки и инноваций и финансовых возможностей.

Регионы имеют возможность исправить сложившуюся ситуацию за счет повышения эффективности расходования средств на образование, на его доступность и качество. В сегмент попадают 35 регионов: Кировская область, Иркутская область, Чувашская Республика, Костромская область, Республика Карелия, Хабаровский край, Республика Адыгея, Удмуртская Республика, Новосибирская область, Московская область и прочие регионы.

Сегмент № 7. Регионы с высоким уровнем финансово-ресурсного обеспечения и низким уровнем достижения целевых показателей. В сегмент попали: Республика Алтай, Чеченская Республика, Республика Ингушетия.

Региональные органы власти обладают возможностью финансировать сферу образования, науки и инноваций на протяжении длительного периода. С учетом недостаточности потенциала развития образования в регионах, приоритетным должно стать направление государственной политики в сфере образования, науки и инноваций.

Сегмент № 8. Регионы со средним уровнем финансово-ресурсного обеспечения и низким уровнем достижения целевых показателей. Для данного сегмента характерно рациональное формирование и исполнение бюджетов в части образования, науки и инноваций. Но органам государственной власти необходимо изыскать резервы для повышения эффективности функционирования системы образования регионов. К сегменту относятся: Республика Бурятия, Карачаево-Черкесская Республика, Забайкальский край, Курганская область, г. Севастополь, Республика Крым, Республика Северная Осетия–Алания, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика.

Сегмент № 9. Регионы с низкими уровнями финансово-ресурсного обеспечения и достижения целевых показателей. Регионы в данном сегменте характеризуются невысоким уровнем конкурентоспособности экономики, определяется дисбаланс в расходовании бюджетных средств. Создание условий для повышения качества и доступности образования гражданам субъектов РФ является приоритетным направлением государственной политики в сфере образования, науки и инноваций. К сегменту относятся 20 регионов: Республика Хакасия, Амурская область, Кемеровская область, Алтайский край, Архангельская область, Ленинградская область, Ивановская область и другие.

На основе представленной методики возможно принятие управленческих решений по корректировке необходимого объема финансирования из бюджета каждому региону, рассчитанного с учетом результативности целевых индикаторов.

Реализация данной технологии позволяет понять зависимость результатов деятельности от объемов финансирования и в связи с этим разрабатывать стратегии развития регионов с учетом многокритериальности различных факторов. Перечень показателей желательно расширить. Важно рассматривать результат финансирования образования в системе, включающей объем и финансовых ресурсов, и кадровых, и материальных, и технологических. Кроме того, функционирование системы образования связано и с управленческими элементами, которые являются рычагом для запуска функционирования учреждений образования и науки.

Целесообразно проанализировать деятельность автономных и бюджетных учреждений, определить ее положительные и отрицательные аспекты.

Заключение

Образование, наука и инновации не только позволяют формировать духовно-нравственную и интеллектуально развитую личность, но и являются локомотивом экономического роста.

Качества духовно-нравственной личности всегда проявляются в сложных социально-экономических условиях, при внутренних и внешних вызовах, с которыми последние тридцать лет сталкивается наша страна. Поэтому важно, чтобы в экстремальных условиях население страны было готово с честью справляться с трудностями.

Прогресс в экономике невозможен без хорошего образования и науки. От эффективности государственных решений в области финансирования образования и науки зависит развитие научно-образовательного потенциала, который является индикатором национального богатства России.

Исследование выполнено в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», проект Н-426-99_2022-2023 «Социально-экономические модели и технологии развития креативного человеческого капитала в инновационном обществе».

Список литературы

1. Schultz T.W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. P. 1–17.

2. Браткова В.С., Куликова И.В. Финансирование фундаментальной и прикладной науки в Российской Федерации // Ростовский научный журнал. 2019. № 5. С. 36–44.

3. Елистратова Е.Ю. Особенности расходов бюджетов субъектов федерации на образование // УЭкС. 2014. № 9 (69).

4. Марков С.Н. Повышение эффективности бюджетных расходов на образование (на примере бюджета Омской области) / Омская гуманитарная академия. Омск: Омская гуманитарная академия, 2013. 188 с.

5. Яшина Н.И., Яшин С.Н., Новикова В.С. и др. Сегментирование регионов РФ как основа формирования стратегии государственного финансирования здравоохранения // Финансовая экономика. 2019. № 7. С. 111–114.

6. Федеральный закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ (в ред. от 03.12.2011) «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // Собрание законодательства РФ. 1996.

7. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. 1996.

8. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 11.06.2022) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012.

9. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. М., 2020.

10. Отчет о работе Департамента аудита образования, науки и инноваций Счетной палаты Российской Федерации в 2020 году. Приложение № 6 к отчету о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: https://clck. ru/gd9uq.

11. Амиров Р.А. Роль образования и науки в современном мире // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article /n/rol-obrazovaniya-i-nauki-v-sovremennom-mire.

12. Гохберг Л.М., Озерова О.К., Саутина Е.В. Образование в цифрах: 2021: Краткий статистический сборник / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021.

13. Тодосийчук А.В. О моделировании нормативного финансирования науки // Региональный экономический журнал. 2021. № 2 (31). С. 19–34.

14. Турдубаев С.К., Мейманов Б.К. Прогнозирование расходов государственного бюджета на образование // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8. № 10А. С. 234–245.

15. Финансирование фундаментальных исследований в России. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт проблем развития науки Российской академии наук», 2017. 44 с.

16. Информационная система Росстата [Электронный ресурс]; база содержит материалы по государственной статистике в Российской Федерации. URL: www.gks.ru.

17. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://minobrnauki.gov.ru.

18. Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]; база содержит финансовые материалы по субъектам РФ. URL: http:// minfin.ru/ru/.

19. Федеральное казначейство [Электронный ресурс]. URL: https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/

DEVELOPMENT OF METHODS FOR ASSESSING THE PERFORMANCE OF PUBLIC FINANCING OF EDUCATION, SCIENCE AND INNOVATION: A REGIONAL ASPECT

N.I. Yashina, S.N. Yashin, A.E. Pletnikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The development of human capital is an important task in the implementation of the value-oriented approach of the financial policy of the state, aimed at improving the well-being of the population in the country. Funding for education is an indicator that characterizes the standard of living of citizens in many world rankings. The educational process in the Soviet school of the Soviet Union, the level of funding for schools, including the salaries of both teachers and scientists, are still an example not only in our country, but also in other developed economic systems. The purpose of the work is to study the target and financial indicators in each region, analyze their dynamics and distribute them by segments. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: to study the theoretical and methodological foundations of state financing in the field of education, science and innovation; develop a methodology for assessing public funding based on target and financial indicators; identify ways to improve public finance. The article develops a methodology that allows the distribution of subjects of the Russian Federation into certain segments, each of which characterizes the region in terms of the degree of efficiency of financing in the field of education, science and innovation. The paper analyzes the target and financial indicators in each region; strong and weak subjects with high and low levels of achievement of results and financial and resource provision were identified. The practical significance of the work is related to the identification of weak regions in the field of education, science and innovation.

Keywords: education, target and financial indicators, government spending, segments, improvement of the financing system.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.354
DOI 10.52452/18115942_2022_4_71

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ДОВЕРИЯ И КОЛЛЕКТИВИЗМА В ОРГАНИЗАЦИИ (ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА НА ПРИМЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ г. ПЕРМИ)

© 2022 г.

Ю.С. Маркова, С.С. Гордеева

Маркова Юлия Сергеевна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии
Пермского государственного национального исследовательского университета
julyamarkova@gmail.com
Гордеева Светлана Сергеевна; к.соц.н.; доц.; доцент кафедры социологии
Пермского государственного национального исследовательского университета
SSGordeyeva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.09.2022
Статья принята к публикации 21.10.2022

Приводятся результаты эмпирической проверки гипотез о связях доверия и коллективизма. Эмпирической базой исследования являются материалы формализованного опроса рабочих основного производства и инженерно-технических работников, проведенного в 2021 г. на одном из крупных промышленных предприятий Пермского края, относящихся к нефтегазовой отрасли. В соответствии с результатами исследования установлено, что коллективистские ориентации работников оказывают влияние на формирование как горизонтального, так и вертикального доверия на предприятии. Доказано, что горизонтальное и вертикальное доверие выступают фактором, детерминирующим формирование коллективизма на предприятии. Сделан вывод, что коллективизм, как и доверие, развитые на достаточном уровне, вносят вклад в формирование социального капитала работников.

Ключевые слова: коллективистские ценности, организационное доверие, промышленные предприятия.

Введение

В социологическом дискурсе уделяется большое внимание исследованию феномена организационного доверия и его роли в обеспечении коллективной трудовой деятельности и поведения работников, основанных на принципах сотрудничества [1]. По результатам эмпирических исследований авторы делают выводы о повышении эффективности трудовой деятельности в коллективах со сформированной культурой сотрудничества, в основе которой находятся уважение работников друг к другу, понимание трудового процесса и доверие [2]. Создание высокоэффективных трудовых коллективов, способных решать сложные задачи и оперативно реагировать на вызовы внешней среды, возможно только при наличии высокого уровня сотрудничества между членами коллектива. Важно, чтобы командная работа была непрерывной, протекала с высоким уровнем интенсивности, что возможно при наличии приверженности работников ценностям коллективной работы [3; 4].

Широко популярна в социологической литературе интерпретация доверия R.C. Mayer, который определяет данный феномен как готовность одной стороны быть «уязвимой к действиям другой, предполагая, что вторая сторона выполнит важные для доверяющего субъекта действия, независимо от степени контроля над его поведением» [5]. Организационное доверие, как правило, связано с ситуациями неопределенности и разделения рисков между участниками трудовой деятельности. Согласно интегративной модели этих же авторов [6], организационное доверие ведет к ситуации принятия риска в отношениях между участниками. Доверие – это «готовность идти на риск», а уровень доверия является показателем величины риска, на который готов пойти работник.

Приверженность к коллективистским ценностям в трудовой деятельности проявляется в тех случаях, когда люди интегрированы с рождения в сплоченные группы, в которых индивид чувствует защиту в отношении себя в обмен на абсолютную лояльность, приверженность. При

этом отношения между сотрудниками и руководителями трудового коллектива имеют определенное сходство с отношениями между детьми и родителями. Лояльность по отношению к группе в обмен на защиту – важная характеристика общностей с ориентацией на коллективные действия. Коллективная работа часто связана с зависимыми отношениями включенных в нее сотрудников, а значит, зависимость и коллективизм людей являются благоприятной предпосылкой для успешной совместной деятельности, ориентированной на достижение личных и организационных целей [7].

Культура сотрудничества, приверженность к коллективным взаимодействиям проявляется в готовности разделить общие ценности и убеждения группы, в том числе в вопросах лояльности организации, а также в готовности идти на риск [8; 9]. Кроме того, исследователи отмечают высокий уровень плотности социальной ткани (социальных отношений, в том числе и трудовых) в общностях с коллективистскими ценностями, поскольку внешний мир для значительной части людей воспринимается как неблагонадежный, создающий угрозу, а значит, выход за рамки коллектива может быть опасным [10].

Коллективистские ценности как составляющие организационной культуры напрямую связаны с системой убеждений работников, регулирующей уровень зависимости или независимости сотрудников в организации [11]. Работники, тяготеющие к коллективистским ценностям, склонны пренебрегать личными интересами, отдавая приоритет интересам группы. И, наоборот, сотрудники с низкой приверженностью к коллективизму скорее предпочтут собственное благополучие, чем интересы организации [12]. Культура сотрудничества в коллективной деятельности, отмечают исследователи, снижает конкуренцию между сотрудниками, повышает их готовность делиться важной информацией, вступать в открытую коммуникацию [13].

Высоко оценивают роль коллективной трудовой деятельности исследователи N. Wallace и J. Mello. По их мнению, приверженность коллективистским ценностям способствует созданию общих целей, разработке и реализации совместных задач, а также позволяет оперативно выявлять возникающие проблемы, формируя адекватное восприятие командной работы [14]. Целый ряд авторов отмечают, что важным следствием коллективной трудовой деятельности является готовность сотрудников делиться своими знаниями, умениями, информацией с коллегами по работе. Исследователи полагают, что открытый обмен информацией снижает затраты и оптимизирует организационные процессы. И наоборот, дефицит открытого обмена знаниями делает организационные процессы менее эффективными [15]. Приверженность к коллективистским ценностям, командной работе стимулирует полную вовлеченность в трудовую деятельность благодаря взаимоуважению сотрудников, готовности оказывать поддержку друг другу [9].

Как связаны между собой доверие в организации и коллективистская культура? Какова их взаимообусловленность? Обсудим эти вопросы на основе анализа научной литературы.

Согласно F. Harris и F. Lyon, доверие в организации с коллективистской культурой формируется на основе имеющейся информации о других работниках, предыдущем опыте совместной трудовой деятельности и правилах, ее организующих, существующих санкциях для тех, кто нарушает сформированные нормы трудового поведения. Кроме того, наличие системы финансовых и иных поощрений в процессе трудовой деятельности является необходимым, но не достаточным основанием для формирования организационного доверия [16]. Для групп с коллективистскими ценностями характерна готовность доверять тем, с кем они знакомы лично, с кем их связывают непосредственные контакты.

Связь организационного доверия и приверженность к коллективизму, механизмы их взаимодействия являются важным направлением в современном научном дискурсе. На основании анализа зарубежной социологической литературы можно выделить три основных методологических подхода. Согласно первому, организационное доверие оказывает сильное влияние на коллективную деятельность. Другими словами, доверие детерминирует приверженность к коллективистским ценностям. Примером могут служить результаты исследования G. Barczak и др., согласно которым высокий уровень доверия позволяет организации функционировать более эффективно, удерживать взаимозависимые отношения между работниками, способствуя их коллективной деятельности. Следовательно, для производства и обмена новыми знаниями, то есть готовности к коллективной деятельности, работники должны доверять друг другу. В среде с высоким уровнем организационного доверия присутствуют устойчивые трудовые связи между работниками, командный дух и атмосфера сотрудничества. Доверие способствует формированию устойчивых межличностных отношений, побуждая сотрудников обращаться за помощью и оказывать ее, тем самым формируя коллективистские ценности [9].

Другие авторы тоже указывают на важность высокого уровня доверия в организации, необ-

ходимость целенаправленного формирования культуры сотрудничества и инвестирования в отношения между работниками организации [17]. Организационное доверие повышает способность членов коллектива функционировать сообща. Положительным следствием высокого уровня доверия в организации является повышение эффективности трудовой деятельности и высокий уровень приверженности работников организации [3].

Согласно второму подходу, коллективная деятельность работников, приверженность их к коллективизму рассматривается как фактор формирования доверия в организации. По данным G.F. Thomas и соавторов, доверие формируется под влиянием совместных действий работников и открытого обмена информацией между ними. Авторы утверждают, что, принимая участие в коллективной деятельности, работники воспринимают полученную ими информацию как своевременную и достоверную, они с большей вероятностью будут чувствовать себя менее уязвимыми и с большей готовностью будут полагаться на коллег и руководителей, а значит, больше доверять им [18].

Третий методологический подход основан на взаимообусловленности доверия и коллективной деятельности в организации и их необходимости для повышения эффективности трудового процесса. Исследователями подчеркивается симбиотический (взаимосвязанный) характер отношений между коллективной деятельностью и организационным доверием: в то время как для приверженности к коллективистским ценностям необходим высокий уровень доверия в организации, сама коллективная деятельность способствует дальнейшему укреплению организационного доверия. Готовность действовать сообща в коллективе нуждается в доверии в силу необходимости разделять риски между участниками трудового процесса. Приверженность к коллективным ценностям в полном смысле слова формируется тогда, когда работники доверяют и уважают друг друга, так как знают, что именно совместная деятельность, коллективные усилия позволят им принять лучшие решения, добиться лучших результатов в сравнении с ситуациями превалирования индивидуальных ценностей [19].

Таким образом, в основе трудовых отношений должны лежать и организационное доверие, и приверженность к коллективной деятельности. Оба эти фактора способствуют формированию организационной культуры, стимулирующей открытый обмен информацией, знаниями, навыками, что в конечном итоге положительным образом сказывается на производительности труда [20]. Организационное доверие и приверженность к коллективным действиям усиливают друг друга. Коллективная деятельность и высокий уровень доверия в организации формируются параллельно друг с другом, создавая эффект синергии [21].

Однако, несмотря на разнообразие подходов и сходстве результатов в научном дискурсе, решение вопросов о взаимосвязи организационного доверия и приверженности к коллективистским ценностям остается неполным, неоднозначным и нуждается в дальнейшем анализе. Особенно актуальными являются эти вопросы для отечественной социологии, поскольку научных публикаций по данной проблеме крайне мало. Основываясь на проведенном литературном обзоре, в настоящем исследовании была выдвинута следующая *гипотеза*: восприятие коллективизма в организации позитивно взаимосвязано с горизонтальным и вертикальным организационным доверием: чем больше работник доверяет коллегам, тем больше он ориентирован на коллективные действия в организации, и наоборот. Другими словами, более высокий уровень вертикального и горизонтального доверия повышает предрасположенность к коллективным действиям. В свою очередь, развитая коллективистская культура поддерживает и укрепляет доверие как в горизонтальных, так и в вертикальных отношениях в организации. Выдвинутая гипотеза дополняет и расширяет научное предположение, ставшее предметом исследовательского поиска авторов по изучению роли коллективистских ценностей в формировании доверительных отношений на промышленных предприятиях [22].

Цель данной работы – проанализировать степень и характер взаимообусловленности организационного доверия и коллективизма на российских промышленных предприятиях.

Методы и методики исследования

Исследование базируется на материалах формализованного опроса, проведенного в 2021 г. среди работников крупного промышленного предприятия нефтегазовой отрасли г. Перми. Объем выборочной совокупности составил 792 человека, среди них доля основных рабочих – 47%, доля инженерно-технических работников – 53%. Респонденты были отобраны методом сплошного отбора работников, присутствующих на рабочих местах в подразделениях предприятия.

В качестве методики изучения организационного доверия использовался подход J. Cook и T. Wall, предполагающий измерение с помощью

7-балльной шкалы суммарных оценок восприятия респондентами двух характеристик доверенных лиц – доброжелательности и компетентности [23]. Вертикальное доверие дополнительно анализировалось посредством прямого вопроса («*Как Вы считаете, насколько руководители предприятия заслуживают Вашего доверия?*), фиксирующего отношение работников к руководству, занимающему различное положение в иерархической структуре организации – на линейном, среднем и высшем уровне.

Изучение восприятия коллективизма осуществлялось с помощью 5-балльной шкалы суммарных оценок в отношении двух суждений: *Большинство моих коллег охотно делятся своими знаниями и умениями друг с другом, Сложные вопросы мы с коллегами обычно решаем совместно*. Каждый из показателей вычислялся как среднее арифметическое полученных баллов.

Для проверки выдвинутой в исследовании гипотезы применялись следующие методы анализа данных: корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена; линейная регрессия.

Результаты исследования

Согласно полученным результатам, складывающиеся на исследуемом предприятии социальные отношения характеризуются высоким уровнем организационного доверия, причем как по вертикали, так и по горизонтали. Индекс вертикального доверия, измерение которого находится в границах от 0 до 1, составляет 0.71. Работники значимо доверяют руководству организации, высоко оценивая его доброжелательность (значение индекса – 0.75) и компетентность (значение индекса – 0.69). Особое доверие персонал испытывает к непосредственным руководителям, отношения с которыми характеризуются более тесными социальными связями, ежедневными контактами, формирующими общие установки, ценности, нормы трудового взаимодействия и личностных взаимоотношений. Доля работников, «в полной мере доверяющих» линейному менеджменту, составляет 75%, «скорее доверяющих» – 21%. Следует отметить, что подавляющее большинство опрошенных работников доверяют и руководству более высокого уровня. Руководителям среднего звена «полностью доверяют» 66% респондентов, «скорее доверяют» 25% опрошенных, а топ-менеджменту – 63% и 27% респондентов соответственно. Результаты исследования демонстрируют, что горизонтальное доверие тоже имеет высокий уровень развития на предприятии. Индекс доверительных отношений между работниками составляет 0.84, что позволяет сделать вывод о преобладании на предприятии отношений взаимопомощи и взаимной поддержки, ответственности по отношению к взятым на себя производственным обязательствам, готовности положиться на коллег при решении сложных трудовых задач, доверии профессиональным знаниям и навыкам коллег.

Измерение уровня поддержки коллективизма показало, что опрошенные работники склонны высоко оценивать и разделять коллективистские ценности и идеалы. Индекс восприятия коллективизма на предприятии составляет 0.84. Это свидетельствует о том, что в процессе осуществления трудовой деятельности работники ощущают свою общность как трудовой коллектив, имеют высокий уровень идентичности с коллективом, совместно принимают решения по значимым производственным вопросам, обмениваются опытом друг с другом.

В предыдущей работе с использованием коэффициента корреляции Спирмена было установлено, что существует прямая положительная связь между восприятием работниками коллективизма и уровнем доверия на предприятии. Наблюдается, что особенно значима взаимосвязь между коллективистскими установками работников и уровнем горизонтального доверия: согласно измерению, связь между этими феноменами относится к категории сильных (восприятие коллективизма $rs = 0.786$, $\alpha < 0.01$). Взаимосвязь между коллективистскими установками и вертикальным доверием тоже наблюдается, однако она является более слабой (восприятие коллективизма $rs = 0.438$, $\alpha < 0.01$) [22]. Полученный результат корреляционного анализа открывает перспективы для проверки поставленной в настоящем исследовании гипотезы.

С использованием метода линейной регрессии было установлено, что коллективистские ориентации работников оказывают влияние на формирование как горизонтального, так и вертикального доверия на предприятии ($\alpha < 0.05$ в обоих случаях) [22]. Как известно, коллективистские ценности имеют глубокую укорененность в российской культуре, пронизывая ментальность жителей страны. Несмотря на модернизационные преобразования российского общества, значительную трансформацию многих социальных и экономических институтов, коллективизм по-прежнему входит в ценностное ядро российской нации. При наличии определенных межпоколенческих ценностных различий, коллективистские ориентации хотя и могут иметь разную силу выраженности, но остаются значимыми для различных возрастных когорт

Таблица 1

Связь возраста работников с восприятием коллективизма (коэффициент ранговой корреляции Спирмена, rs)

	Восприятие коллективизма	
Возраст	rs	0.005
	Значимость 2-сторонняя	0.887

Таблица 2

Влияние горизонтального доверия на восприятие коллективизма (регрессионные коэффициенты)

Независимая переменная	Нестандартизированные коэффициенты β	Стандартизированные коэффициенты β	*t*	α
Константа	0.086		4.40	0.000
Горизонтальное доверие	0.898	0.821	39.568	0.000

Коэффициент детерминации R^2=0.673.

Таблица 3

Влияние вертикального доверия на восприятие коллективизма (регрессионные коэффициенты)

Независимая переменная	Нестандартизированные коэффициенты β	Стандартизированные коэффициенты β	*t*	α
Константа	0.628		33.023	0.000
Вертикальное доверие	0.214	0.397	11.859	0.000

Коэффициент детерминации R^2=0.158.

россиян. Этим во многом обусловливается, что среди работников разного возраста не наблюдается статистически значимых различий в восприятии коллективизма на предприятии (что демонстрирует измерение взаимосвязи между переменными с использованием коэффициента корреляции Спирмена, где α>0.01) (см. таблицу 1). Не наблюдается различий и в характере обусловленности организационного доверия коллективистскими ценностями между разными возрастными группами работников.

Как показал теоретический обзор, положение о ведущей роли коллективизма в установлении доверительных отношений в организации не является единодушно разделяемым в научном сообществе. Наличествуют подходы, обосновывающие обратное, а также утверждающие взаимообусловленность феноменов коллективизма и организационного доверия. В силу этого следующим этапом исследования выступила проверка предположения о влиянии сформированного на предприятии уровня доверия на коллективистские установки работников с использованием линейной регрессионной модели. В соответствии с данной задачей индекс восприятия коллективизма был включен в модель как зависимая переменная, а показатели горизонтального и вертикального доверия – по очереди в качестве предиктора.

Согласно полученным результатам (см. таблицы 2 и 3), как горизонтальное, так и вертикальное доверие выступают фактором, детерминирующим формирование коллективизма на предприятии. Это подтверждает полученный уровень значимости результатов (α<0.05). При этом необходимо отметить, что приемлемым следует считать качество полученной модели лишь для оценки роли горизонтального доверия в формировании культуры коллективизма (R^2=0.673). В то же время качество регрессионной модели в отношении анализа влияния вертикального доверия на коллективистские идеалы и ценности является невысоким (R^2=0.158). Анализ стандартизированных регрессионных коэффициентов бета показывает, что наибольшее влияние на формирование коллективистских ориентаций среди работников оказывает горизонтальное доверие (β=0.821), нежели вертикальное (β=0.397). Взаимное доверие работников, находящихся на одном уровне в социальной структуре организации, встроено в систему повседневных коммуникаций, обмена информацией, оказания эмоциональной поддержки. В мире повседневной жизни трудового коллектива коммуникативные взаимодействия характеризуются наибольшей плотностью и интенсивностью, поскольку коллег объединяет общность времени и пространства (А. Шюц). Вертикальное доверие выступает в этом случае базисной когнитивной структурой, обеспечивающей высокий уровень сплоченности и интеграцию сообщества.

Заключение

На современном этапе социокультурного развития российское общество сталкивается с многообразными социокультурными вызовами

и рисками, подрывающими стабильное функционирование социальных организаций и институтов, угрожающими национальной безопасности и устойчивому росту благосостояния населения. В государстве остро стоят вопросы о механизмах поддержания устойчивого социального порядка и безопасности, экономического роста и развития. Перспективы позитивного решения поставленных задач во многом лежат в области мира культуры, ценностей и мировоззрения, определяющих качество социальных взаимодействий и векторы развития общества и составляющих его организаций. Поддержание доверительной среды и выстраивание партнерских взаимоотношений, проникнутых идеями коллективизма в организациях и на предприятиях, служит значимым фактором достижения эффективности детальности организации.

Как показало проведенное исследование, существующее в теории предположение о взаимообусловленности организационного доверия и коллективизма следует признать соответствующим действительности. Совместно коллективистские ценности и доверие между работниками образуют тонкое диалектическое единство в культуре взаимоотношений, усиливая друг друга и таким образом способствуя большей социальной сплоченности на локальном уровне. Тем самым как коллективизм, так и доверие, развитые на достаточном уровне, вносят вклад в формирование социального капитала работников, предоставляя дополнительные ресурсы участникам производственного процесса для обеспечения эффективности трудовой деятельности. Отсюда важно таким образом осуществлять управление организационной культурой, чтобы учитывать структуру коллективистских ценностей и характеристики доверия в выстраивании межличностных и производственных взаимоотношений, организации проектной деятельности и командной работы, вовлечении работников в процесс принятия управленческих решений.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-00488.

Список литературы

1. Beckett R.C., Jones M. Collaborative network success and the variable nature of trust // Production Planning & Control. 2012. **23 (4).** P. 240–251.

2. Orchard C.A., Curran V., Kabene S. Creating a culture for interdisciplinary collaborative professional practice // Medical Education Online. 2005. **10 (11).** P. 1–13.

3. Costa A.C., Peiró J.M. Trust and social capital in teams and organizations antecedents, dynamics, benefits and limitations: An introduction // Social Science Information. 2009. Vol. 48. P. 131–141.

4. Dirks K.T. Trust in leadership and team performance: Evidence from NCAAbasketball // Journal of Applied Psychology. 2000. Vol. 85. № 6. P. 1004–1012.

5. Mayer R.C., Davis J.H. & Schoorman F.D. An integrative model of organizational trust // Academy of Management Review. 1995. Vol. 20. № 3. P. 709–734.

6. Schoorman F.D., Mayer R.C. and Davis J.H. An integrative model of organizational trust: Past, present, and future // Academy of Management Review. 2007. Vol. 32. P. 344–354.

7. Hardin R. Trust. Cambridge: Polity Press, 2008.

8. Pérez López S., Manuel Montes Peón J. & José Vázquez Ordás C. Managing knowledge: The link between culture and organisational learning // Journal of Knowledge Management. 2004. **8 (6).** P. 93–104.

9. Barczak G., Lassk F. & Mulki J. Antecedents of team creativity: An examination of team emotional intelligence, team trust and collaborative culture // Creativity and Innovation Management. 2010. **19 (4).** P. 332–345.

10. Yamagishi T., Kikuchi M., Kosugi M. Trust, gullibility, and social intelligence // Asian J. Soc. Psych. 1999. Vol. 2. № 1. P. 145–161.

11. Alavi S.B. & McCormick J. Measurement of vertical and horizontal idiocentrism and allocentrism // Small Group Research. 2007. **38 (4).** P. 556–564.

12. Hofstede G.H. Culture's Consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Thousand Oaks CA.: Sage, 2001.

13. Szulanski G. Exploring internal stickiness: Impediments to the transfer of best practice within the firm // Strategic Management Journal. 1996. **17.** P. 27–43.

14. Wallace N., Mello J. Collaborative culture: The new workplace reality // Foresight: The International Journal of Applied Forecasting. 2015. **39.** P. 31–35.

15. Rutten W., Blaas-Franken J., Martin H. The impact of (low) trust on knowledge sharing // Journal of Knowledge Management. 2016. **20 (2).** P. 199–214.

16. Harris F. & Lyon F. Transdisciplinary environmental research: Building trust across professional cultures // Environmental Science & Policy. 2013. **31.** P. 109–119.

17. Fawcett S.E., Jones S.L., Fawcett A.M. Supply chain trust: The catalyst for collaborative innovation // Business Horizons. 2012. **55 (2).** P. 163–178.

18. Thomas G.F., Zolin R. & Hartman J.L. The central role of communication in developing trust and its effects on employee involvement // Journal of Business Communication. 2009. **46 (3).** P. 287–310.

19. Pishdad-Bozorgi P., Beliveau Y.J. Symbiotic relationships between integrated project delivery (IPD) and trust // International Journal of Construction Education and Research. 2016. **12 (3).** P. 179–192.

20. Buvik M.P., Rolfsen M. Prior ties and trust development in project teams – A case study from the construction industry // International Journal of Project Management. 2015. **33 (7).** P. 1484–1494.

21. Kumar A. & Paddison R. Trust and collaborative planning theory: The case of the Scottish planning system // International Planning Studies. 2000. **5 (2).** P. 205–223.

22. Плотникова Е.Б., Маркова Ю.С. Коллективистские ценности как основа культуры доверия на российских промышленных предприятиях // Материалы VII Международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», г. Вологда. 2022 (принято в печать).

23. Cook J., Wall T. New work attitude measures of trust, organizational commitment and personal need non-fulfilment // Journal of Occupational Psychology. 1980. Vol. 53. P. 39–52.

RELATIONSHIP OF ORGANIZATIONAL TRUST AND COLLECTIVISM IN ORGANIZATION (EMPIRIC EVALUATION ON THE EXAMPLE OF PERM INDUSTRIAL ENTERPRISE)

Y.S. Markova, S.S. Gordeeva

Perm State University

This article aims to empirically test the hypotheses about the relationship of trust and collectivism on the basis of a study conducted at one of the largest Russian enterprises. The empirical basis of the study is the materials of a formalized survey of workers in the main production engineering and technical workers, conducted in 2021 at one of the largest industrial enterprises of the Perm Region related to the oil and gas industry. In accordance with the results of the study, it was found that the collectivist orientations of workers influence the formation of both horizontal and vertical trust in the enterprise. It was also proved that both horizontal and vertical trust act as a factor determining the formation of collectivism in the enterprise. It was concluded that both collectivism and trust, developed at a sufficient level, contribute to the formation of the social capital of workers.

Keywords: collectivist values, organizational trust, industrial enterprises.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_4_78

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЖИЗНЕННОГО МИРА РОССИЙСКОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

© 2022 г.

Я.В. Артамонова

Артамонова Яна Викторовна, к.соц.н.; старший преподаватель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
janaserduchenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.06.2022
Статья принята к публикации 19.10.2022

Социологической рефлексии подвергается актуальная и очень важная для российского общества и науки проблема жизнедеятельности молодой семьи, которая рассматривается с позиции функционирования ее жизненного мира. Молодая семья является важнейшим ресурсом развития общества. Современная молодая семья проходит этап своего становления и развития в рамках довольно сложного процесса трансформации социально-экономической, политической и социокультурной систем. Изменения, которые происходят вследствие трансформационных процессов, вызывают трансформации в системе ценностей и социального поведения молодых семей, что, в свою очередь, позволяет супругам создавать новые, отличные от традиционных, модели семейно-брачных отношений. На основе концепции «социология жизни» рассматриваются структурные особенности жизненного мира молодых супругов. Комплексный анализ поведенческих, ценностных и когнитивных компонентов, входящих в структуру жизненного мира, дает возможность более точно понять и описать проблемы молодых семей, а также установить риски разрушения жизненного мира российских молодых семей.

Ключевые слова: российское общество, семья, молодая семья, жизненный мир, структура жизненного мира.

Введение

Семья является одной из базовых ценностей для большого количества населения современной России. По результатам исследования ВЦИОМ об аспектах жизни россиян, без которых их жизнь была бы неполной, 75% жителей России отмечают, что полноценной их жизнь делают семья и дети [1]. Роль, которую играет семья в жизни каждого человека, велика: именно в семье формируются ценностные ориентации личности и создаются семейные традиции, которые передаются из поколения в поколение. Помимо важной роли, которую играет семья в судьбе каждого человека, стоит отметить огромную значимость института семьи в развитии общества: влияние на демографические показатели страны, а также воспитание достойных граждан государства.

Современная российская семья проходит этап своего становления и развития в рамках сложного процесса трансформации всей общественной системы. Безусловно, данные изменения отражаются на ценностных установках и социальном поведении российских семей. В аналитическом докладе, подготовленном ВЦИОМ совместно с АНО «Национальные приоритеты» [2], показано, что в настоящее время меняется система координат, в рамках которой функционирует и развивается семья. В настоящее время у людей есть возможность преодолевать физические пространства при помощи информационно-коммуникационных средств, что позволяет человеку находить единомышленников не только среди кровных родственников, но и на просторах Интернета. На формирование моделей поведения людей оказывают влияние постоянно развивающиеся информационные технологии. Таким образом, поведение людей в современном мире регулируется не только внутрисемейными, но и сетевыми нормами [2].

Молодежь выступает той категорий населения, которая очень бурно реагирует на изменения, активно происходящие в социальном пространстве. Реакция молодежи проявляется в возникновении новых, отличных от традиционных, моделей семейно-брачных отношений. Это связано с тем, что современное общество выступает в качестве «общества риска» [3]. Факторы риска встречаются в настоящее время во всех сферах жизни человека. Семейные взаимоотношения нельзя назвать исключением. В первую очередь это касается формирования семейных практик в молодых семьях. Молодые супруги, связывая себя узами брака, находятся на начальном этапе формирования жизненного пути семьи, в рамках которого происходит стремление выработать совместные жизненные стратегии, создать свой уникальный жизненный мир. Перед молодой семьей на этапе ее обра-

Таблица

Основные понятия жизненного мира: содержательная структура

Общественное сознание	Поведение (деятельность)	Социальная среда
Знание, мнение, потребности, мотивы, интересы, ценностные ориентации и установки	Акт, поступок, действие, виды поведения (деятельности)	Макросреда, мезосреда, микросреда, социальная инфраструктура

зования лежит чистый лист – пространство неизведанного, неопределенного, наполняемое со временем уникальной историей молодой семьи с планами, стратегиями, мечтами молодых супругов.

В течение последних десятилетий мы наблюдаем изменения в семейных практиках, что вызывает интерес со стороны многих исследователей, работающих в рамках социогуманитарного направления знаний. Отечественные исследователи, изучая семью, применяют разные теории [4]. Одним из интересных, на наш взгляд, концептов, который позволяет исследовать семью в многомерном социальном пространстве, является интегральный концепт «жизненные миры семьи» [5, с. 2].

На наш взгляд, чтобы понять, почему современная семья становится более динамичной и мобильной, необходимо прибегнуть к анализу социальной среды и ее влияния на сознание именно молодой семьи, поскольку молодая семья – это первый этап в развитии семьи. Если будет понятно, каким образом происходит формирование жизненного мира молодых супругов, то можно оценить те риски, которые способствуют развитию конфликтных ситуаций в семье, а также найти пути снижения рискогенных факторов. Исходя из этого, цель работы – проанализировать составные части такого конструкта, как жизненный мир российской молодой семьи.

Жизненный мир молодой семьи: теоретико-методологические основы исследования

Понимание проблем, с которыми сталкиваются современные молодые супруги, представлено в отечественной фамилистике широким кругом исследований и научных направлений. Когнитивный интерес ученых, работающих в рамках исследования молодой семьи, сосредоточен на различных сторонах выбранного проблемного поля исследования. Сюда можно отнести такие направления исследований, как модель семейных отношений, формируемая в сознании молодого поколения граждан в России [6], разбор различных подходов к обозначению дефиниции «молодая семья» [4; 7], социальная политика, направленная на поддержку молодой семьи [8–10], основные мотивы вступления в семейно-брачные отношения [11]; брачные стратегии молодых [12], психологическая и социальная адаптация к браку [13], степень удовлетворенности семейными отношениями [14–16], стратегии репродуктивного характера и деторождение [17; 18], семейные конфликты в семье [19; 20], разводы в молодых семьях [21], исследование региональных особенностей молодых семей [10; 14; 16; 21; 22].

Анализ представленных нами направлений позволил выявить, что ученые в рамках исследований прибегают к использованию различных методологий: «структурно-функциональный подход, консервативно-кризисный, либерально-прогрессистский и теоретико-методологические подходы, концепция модернизации семьи, теория обмена, социально-психологическая теория, концепция семейного жизненного пути, феноменологическая теория» [23, с. 131].

Представленные методологические конструкты позволяют исследователям рассмотреть тот или иной аспект вопросов, касающихся молодой семьи. Отметим, что образование семьи – это соединение жизней двух личностей, целью которого является не только совместное проживание под одной крышей, но и формирование общих интересов и взглядов на жизнь. Поэтому очень важно понимать, как формируется общий мир и как этот мир функционирует. Дать ответ на эти вопросы помогает такая методология, как социология жизни [24]. Разработчиком этой концепции является Ж.Т. Тощенко. Для развития теории он применяет такую эмпирическую характеристику, как жизненный мир. Ж.Т. Тощенко указывает, что жизненный мир – это «мир человека, мир людей, мир в человеческом измерении, мир существования и функционирования человеческого потенциала, мир возможностей человека, его восприятия и реакции на происходящие в обществе перемены и его готовности понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым государством и обществом преобразованиям» [25, с. 160].

В рамках концепции «социология жизни» Ж.Т. Тощенко рассматривает содержательную структуру жизненного мира [24, с. 132] (табл.).

Современная социальная среда в России – это пространство активных социально-экономи-

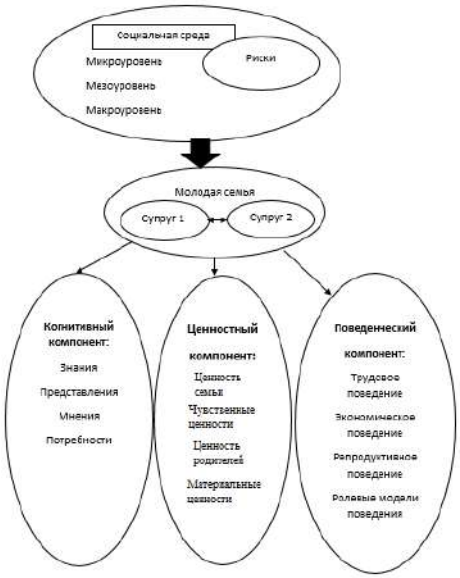


Рис. Структурные компоненты жизненного мира молодой семьи

ческих и социально-политических изменений. Социальная среда пронизана различного рода рисками [26]. При анализе жизненного мира необходимо учитывать рискогенность социальной среды. Встречающиеся риски оказывают существенное влияние на потребности, интересы, ценности молодых супругов. Также рискогенная среда влияет на социальное поведение супругов и может послужить триггером, приводящим к нестабильности жизнедеятельности молодых супругов.

Жизненный мир молодой семьи – это «субъективная модель социальной реальности, обусловленная системой представлений молодой семьи об образе семьи на основе ценностных ориентаций и установок, конструируемых посредством выстраивания практик ролевых взаимодействий молодых супругов в результате интериоризации и экстериоризации ими факторов социальной среды» [27, с. 73].

Структурные особенности жизненного мира молодой семьи в России

Структурные особенности жизненного мира молодых супругов в рамках данной работы рассматриваются на основе использования неоклассической модели научного исследования. Базовыми элементами структуры выступают: социальная среда, пронизанная различными рисками, общественное сознание, формируемое под влиянием существующих факторов социальной среды, и поведенческие реакции.

Семья – это не только совместное проживание людей под одной крышей. Создание семьи способствует тому, чтобы у членов семьи сформировались общие взгляды и интересы. При формировании жизненного мира супруги выступают основными акторами процесса. Они взаимодействуют с социальной средой, ощущая на себе воздействие социально-экономических, социально-политических и социокультурных факторов среды. Происходит процесс интериоризации и экстериоризации данных факторов. Молодые супруги в ходе процессов интериоризации и экстериоризации конструируют свои представления о семейных отношениях, формируют семейные ценности, совместные интересы и установки. Благодаря сформированным взглядам на семью и ценностным установкам вырабатываются поведенческие реакции молодой семьи: трудовое поведение, репродуктивное поведение, ролевые модели, взаимоотношения между супругами (рис.).

Представленная в рамках работы структура жизненного мира показывает, что формирование такой конструкции, как жизненный мир, отражает социальный ответ супругов на вызовы, существующие в социальной среде. Ответная реакция молодых супругов прослеживается в таких компонентах, как когнитивный, ценностный, поведенческий.

Устойчивый жизненный мир формируется в результате нахождения согласия между молодыми супругами, которое достигается посредством социальной коммуникации. Результаты авторского исследования «Жизненный мир молодой семьи в Ростовской области», проведенного в августе–октябре 2017 г. среди 332 человек, находящихся в семейно-брачных отношениях [27], указывают на то, что интерпретация семейной жизни зависит от внешних факторов социальной среды, внутренних особенностей супругов, их гендерной принадлежности.

Согласно представленной нами структуре (рис.), когнитивно-ценностный компонент содержит образную модель семьи. Данные, полученные в ходе авторского исследования [27], показывают, что молодые супруги представляют семью так: официально зарегистрированный в органах ЗАГС брак выступает в качестве наиболее приемлемой формы семьи; молодые супруги проявляют лояльное отношение к сожительству как форме семейно-брачных отношений; любовь, доверие и уважение – это залог гармоничных взаимоотношений молодой семьи; для молодой семьи наиболее удобным выступает такой тип семейных отношений, где установлено равноправие; доминирует в представлениях молодых супругов нуклеарная модель семьи. В процессе коммуникации внутри семьи и взаимодействия супругов с внешними факторами

социальной среды, к которым можно отнести развитие сетевого сообщества и информационных технологий, молодые супруги накапливают знания о семейных отношениях. В настоящее время в социальных сетях или на различных форумах можно поделиться своей историей семейных отношений или конфликтной ситуации и получить отклик от специалистов-психологов, а также женщин или мужчин, которые находились в подобной ситуации. Также в рамках коммуникационных семейных процессов формируются общие представления, интересы и потребности.

Опираясь на сложившиеся образные модели семьи, супруги создают общие ценностные установки и ориентации, среди которых можно выделить следующие: ценность семьи, чувственные ценности в виде любви и заботы, ценность детей, ценность родителей, ценность карьеры, ценность образования, материальные ценности. По итогам проведенного авторского опроса молодых семей было выявлено, что современные молодые супруги выстраивают взаимоотношения внутри семьи на основе любви и доверия. Очень важными являются любовь к детям и уважение к представителям родительских семей супругов. Помимо чувственных ценностей молодые супруги указывают на ценность образования и карьеры. Если обратиться к иерархии ценностей молодых супругов, то более 70% респондентов указывают, что самой важной ценностью в жизни супругов является любовь, затем идет взаимопонимание (67%), доверие (65%), любовь к детям (50%), и на пятом месте материальное благополучие (42%).

При проведении анализа ценностных ориентаций молодых супругов мы видим, что современные условия социальной реальности влияют на трансформацию самой ценности семьи – данная ценность из терминальной ценности переходит в инструментальную. Супруги ориентируются на нуклеарную модель семьи и считают безусловной ценность индивидуальной свободы выбора семейных ролей. Экономическая же ситуация в стране не так стабильна, чтобы позволить молодым супругам выстраивать нуклеарную модель в самом начале своего жизненного пути, поэтому иногда молодые супруги в первые годы брака живут под одной крышей с родительской семьей супруга или супруги.

Поведенческие реакции супругов возникают на основе образной модели семейных отношений. Молодые супруги, обладая высокими образовательными стратегиями и карьерными установками, постоянно стремятся повысить уровень материального благосостояния, выстраивая чаще двухкарьерную модель семейного поведения. Это влияет на выбираемый тип семейных отношений: «супруги выбирают для своих семейных отношений тип семьи, где права и обязанности, ответственность за принятие решений разделена между супругами, то есть явного лидера в семье не существует» [27, с. 122]. Трансформируются ролевые отношения в семье: сегодня мужское главенство не имеет экономического обоснования (так как женщины работают наравне с мужчинами), а скорее выступает в качестве морального явления, связанного с традицией. Несмотря на то, что молодые супруги выбирают эгалитарный тип семьи, для большинства женщин очень важен факт, что их мужчина имеет возможность материально поддержать семью: более 80% респонденток выразили согласие, что мужчине необходимо выступать в семье в роле «добытчика», а женщине в роли хранительницы домашнего очага. Отметим, что более 1/3 опрошенных мужчин тоже отметили, что готовы брать на себя роль «добытчика». Хороший материальный достаток, к которому стремятся молодые супруги, – это возможность для них успешно реализовывать экономическое поведение семьи. Чувственные ценности и ценность любви к детям помогает сформировать репродуктивные установки и реализовывать репродуктивное поведение: чаще молодые супруги отмечают, что стремятся к двухдетной модели семьи. Стоит отметить, что на репродуктивное поведение молодой семьи влияют не только чувственные ценности, но и социально-экономические факторы, а также ценность работы и карьеры. Построение карьеры, особенно со стороны женщины, может отразиться на том, что супруги задумываются о выполнении репродуктивной функции семьи после 30 лет, а многие вообще отказываются от рождения детей [27].

Отметим, что ориентация молодых семей на нуклеарную семью снижает интенсивность общения. «Добирают» общение молодые супруги за счет интернет-технологий. Ориентация молодежи на активное использование интернет-технологий приводит к появлению в России феномена «кибервдов» [2]. Сегодня «кибервдовами» называют тех женщин, чьи мужья предпочитают проводить время в виртуальном пространстве (социальные сети, онлайн-игры). Киберпространство очень часто вытесняет другие жизненные интересы и негативно сказывается на семейно-брачных отношениях супругов. Например, в социальной сети «ВКонтакте» есть сообщество «КиберВдова», где женщины, столкнувшиеся с тем, что их муж зависим от компьютера, делятся своим опытом и поддерживают друг друга. В семьях, где источником

ссор и разногласий часто становится компьютер, деформируются отношения: «коммуникация между мужем и женой сокращается, ослабевают межличностные связи, дети, растущие в семьях с киберзависимым родителем, воспроизводят те же модели поведения, и семья как таковая перестает существовать» [2]. Мужчины объясняют такую модель поведения как бегство от профессиональных и семейных обязанностей. Зависимость молодых супругов от информационных технологий иногда становится причиной психологического одиночества супругов.

Заключение

Проанализированный материал позволяет отметить, что особенность жизненного мира молодой семьи в России заключается в том, что он складывается в рискогенном социально-экономическом, политическом и социокультурном пространствах. Ответная реакция молодых супругов на данные риски обладает очень серьезными социальными последствиями для развития современного общества, что требует глубокой социологической рефлексии.

Концепция «социология жизни» позволяет комплексно изучить интерсубъективную модель социальной реальности семьи, которая опирается на знания, мнения, представления и потребности молодых супругов.

Конструирование жизненного мира молодых супругов происходит под воздействием макро-, мезо- и микрофакторов социальной среды. Представления молодых супругов о семейной жизни влияют на организацию ценностных ориентаций и установок, которые отражаются на репродуктивном и хозяйственно-бытовом поведении молодой семьи.

Глубокая рефлексия структурных элементов позволяет выявить и проанализировать риски, приводящие к разрушению семьи, и найти стратегии, способствующие преодолению этих рисков. Например, в настоящее время огромное значение в семейно-брачных отношениях молодой семьи имеет виртуальное пространство. Киберзависимость одного из супругов, чаще всего мужчины, порождает разлад в отношениях семьи, а также может стать причиной психологического одиночества супругов, что может привести к эмоциональному дискомфорту в молодой семье и психоэмоциональным расстройствам, которые нельзя игнорировать и необходимо лечить у специалистов.

Список литературы

1. Аналитический обзор ВЦИОМ «Жить полной жизнью: как и с кем?». URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-polnoi-zhiznju-kak-i-s-kem (дата обращения: 02.04.2022).

2. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и АНО «Национальные приоритеты» «Российская семья: как сохранить традиции и обрести новые смыслы?». URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210910_Demografija_doklad.pdf (дата обращения: 05.04.2022).

3. Мозговая А.В. Социальная сфера: вектор изменений, риски и адаптационные ресурсы (по материалам общероссийских мониторинговых исследований) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 708–718.

4. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-transformatsii-instituta-semi (дата обращения: 05.04.2022).

5. Саралиева З.Х., Блонин В.А., Егорова Н.Ю. и др. Жизненные миры современной российской семьи: Монография / Научн. ред. З.Х. Саралиева. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2015. 264 с.

6. Кашина М.А., Клецина И.С. Модели семьи и семейных отношений в государственных документах по семейной политике и в представлениях студенческой молодежи: точки соприкосновения и расхождения // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-semi-i-semeynyh-otnosheniy-v-gosudarstvennyh-dokumentah-po-semeynoy-politike-i-v-predstavleniyah-studencheskoy-molodezhi (дата обращения: 06.04.2022).

7. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Кутявина Е.Е. Молодая семья в контексте социологии семьи // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17. № 3-4 (87-88). С. 195–206.

8. Прозорова М.С. Анализ последствий национальной программы демографической политики // Вестник Московского института государственного управления и права. 2018. № 2 (22). С. 69–71.

9. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербная Н.А. Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. № 6. С. 209–227.

10. Бородина А.Г., Лысоченко А.А. Анализ методики обеспечения жильем молодых семей Ростовской области в рамках государственной программы // Вестник Академии знаний. 2020. № 3 (38). С. 59–62.

11. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Мотивы вступления в брак: анализ сквозь призму гендера // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 1. С. 86–103.

12. Егорова Н.Ю. Брачное поведение молодых // Социально-демографический потенциал российской молодёжи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ялта, 22–24 апреля 2021 года. Ялта: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. С. 54–59.

13. Сидорина Е.В., Лезова Е.А. Особенности психологической адаптации к браку на начальном этапе совместной жизни // Нижегородский психологический альманах. 2019. Т. 1. № 1. С. 85–94.

14. Галиуллова Л.Н. Социальное самочувствие молодых семей (на примере г.о. Тольятти) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12. № 3. С. 79–80.

15. Морозова Е.А., Копосова Ю.В. Качество жизни молодой семьи в современных условиях // Перспективы развития социальной работы и социальной педагогики в Смоленском регионе с позиции будущих специалистов: Сборник научных трудов преподавателей и студентов / Под ред. Ф.М. Кремень. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2019. С. 88–92.

16. Смирникова О.В., Епишин В.Е., Богачева Н.В., Шакирова А.А. Интернет-зависимость и удовлетворенность браком в молодых семьях: корреляционное исследование // Вопросы наркологии. 2020. № 4 (187). С. 103–112.

17. Зинурова Р.И. Молодая семья в Татарстане: социальное самочувствие, межэтнические отношения, репродуктивное поведение // Управление устойчивым развитием. 2020. № 3 (28). С. 48–55.

18. Паршина В.В. Репродуктивное поведение молодой семьи в современной России // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции / Под ред. Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. М.: ООО «Издательство "Экон-Информ"», 2019. С. 288–290.

19. Римашевская Н.М., Малышева М.М., Морозова Т.В., Писклакова-Паркер М.П. Гендерные представления и домашнее насилие в молодых семьях Карелии // Народонаселение. 2016. №2 (72). С. 50–60.

20. Паршина В.В. Развод и домашнее насилие как факторы деформации семейных отношений // Таврический научный обозреватель. 2016. № 2 (7). С. 138–141.

21. Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В. От брака к разводу и обратно. Стратегии и тактики постразводного поведения. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2017. 158 с.

22. Абдулаева З.З., Мамаева А.З. Анализ обеспеченности жильем молодых семей в Республике Дагестан: проблемы и пути решения // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 7 (129). С. 146–153.

23. Артамонова Я.В. Жизненный мир молодой семьи в России: методологический конструкт социологического исследования // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 3 (42). С. 125–134.

24. Тощенко Ж.Т. Социология жизни: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

25. Тощенко Ж.Т. Социология жизни: поиск ответа на научные и общественные вызовы // Гуманитарий Юга России. 2015. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-zhizni-poisk-otveta-na-nauchnye-i-obschestvennye-vyzovy (дата обращения: 08.04.2022).

26. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.

27. Сердюченко Я.В. Жизненный мир молодой семьи: особенности формирования и риски разрушения: на материалах Ростовской области: Дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2018. 223 с.

STRUCTURAL COMPONENTS OF THE LIFE WORLD OF THE RUSSIAN YOUNG FAMILY

Y.V. Artamonova

Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

In the work of sociological reflection, the problem of the life of a young family, which is relevant and very important for Russian society and science, is considered from the standpoint of the functioning of its life world. As the author notes, the young family is the most important resource for the development of society. According to the author of the article, a modern young family is going through the stage of its formation and development within the framework of a rather complex process of transformation of socio-economic, political and socio-cultural systems. The changes that occur as a result of transformational processes cause transformations in the system of values and social behavior of young families, which in turn allows spouses to create new, different from traditional, models of family and marriage relations. Within the framework of the article, the author examines the structure of the life world of a Russian young family, based on the concept of "sociology of life". The author believes that a comprehensive analysis of the behavioral, value and cognitive components of the considered structure of the life world makes it possible to more accurately understand and describe the problems of young families, as well as to establish the risks of destruction of the life world of Russian young families.

Keywords: Russian society, family, family institution, young family, life world of a young family, structural features of the life world.

УДК 316.4
DOI 10.52452/18115942_2022_4_84

ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРАКТИК МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОРИЕНТАЦИИ И РЕЖИМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

© 2022 г.

Д.В. Зернов, Н.В. Шалютина

Зернов Дмитрий Васильевич, к.психол.н.; доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zernov@fsn.unn.ru
Шалютина Надежда Владимировна, к.соц.н.; доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
shalyutina@fsn.unn.ru

Статья поступила в редакцию 23.06.2022
Статья принята к публикации 20.10.2022

Представлены результаты социологического исследования интернет-практик нижегородской молодежи. Авторы проводят теоретический анализ существующих концепций использования медиа и предлагают идентифицировать пользователей на основе модели, включающей два параметра: режим использования медиа (по степени активности-пассивности и публичности-приватности) и ориентации (цели) пользователей Интернета. Использование многомерного статистического анализа позволило авторам создать новую классификацию интернет-практик молодежи. Выделены пять групп молодёжи, характеризующиеся разными типами активности в социальных сетях: приватное общение, публичное общение, общественная и политическая активность, благотворительность, блогеры. Авторы делают выводы об активном развертывании процессов медиатизации через распространение в среде молодежи пассивных, инструментальных и гражданских практик использования Интернета.

Ключевые слова: интернет-практики, социальные сети, режимы использования медиа, ориентации пользователей, конвергенция медиа, медиатизация.

Введение

Интенсивные процессы медиатизациии и проникновение социальных медиа во все сферы социальной жизни трансформируют институты и повседневные практики: увеличивается и количество пользователей, и время, проводимое в сети, и набор практик, переносимых в социальные медиа.

Согласно данным «Digital 2022: The Russian Federation», на начало 2022 г. число интернет-пользователей в России составило 129.8 млн человек, что составляет 89% от всего населения страны. Социальные сети сегодня являются одними из самых популярных интернет-ресурсов. По посещаемости они уступают лишь поисковым системам. Количество пользователей социальных сетей с января 2021 г. по февраль 2022 г. выросло на 7 млн человек, и сегодня их число достигло 106 млн человек, что составляет 72.7% от всего населения [1].

Среднестатистический пользователь Интернета в России ежедневно проводит в Интернете 7 часов 50 минут, что почти на час больше среднемирового значения (6 часов 58 минуты), из которых на социальные сети уходит 2 часа 27 минут. Важно отметить, что в этой статистике представлены обобщённые данные по всем российским интернет-пользователям. Молодежь проводит в социальных сетях больше времени, чем все остальные возрастные группы населения. Согласно данным ВЦИОМ, полученным в сентябре 2021 г., 72% пользователей в возрасте 18–24 года тратят на социальные сети и мессенджеры более трёх часов в день [2].

Теоретико-методологические подходы

Теоретические исследования социальных медиа и интернет-практик осложнены не только динамикой самого объекта, но и эклектичностью исходных методологических установок.

Европейская традиция исследований предполагает адаптацию классических теорий медиа к реальности Интернета в рамках традиционной для себя проблематики влияния медиа на общество.

С этой точки зрения, интернет-практики рассматриваются как результат эволюции медиасистем и технологий опосредованной коммуникации. Дэниэл Миллер использует термин «новые медиа» в кавычках, объясняя это тем, что «нет четкого разделения между беспрецедентными мирами, разработанными с помощью цифровых технологий, и постепенной трансформацией остальной жизни», и предлагает термин «полимедиа» для обозначения комплексной структуры,

в которой пользователи комбинируют различные типы медиа и социальных практик [3].

Понятие «медиа» происходит от латинского medium – посредник, то есть средство материализации символических форм. Все способы коммуникации, то есть символические формы (жест, речь, изображение, письменность), с течением времени медиатизируются, получают возможность преодолевать пространственные и (или) временные ограничения на основе использования различных носителей информации (медиа). Сами способы коммуникации не меняются, инновации проявляются лишь в способах доставки и их комбинации между собой. С точки зрения теории «полимедиа» до конца XX века существовало два традиционных типа медиа: первый – публичные медиа (вещательные), аудитория которых была неограниченной, неопределенной и преимущественно пассивной (например, радио, ТВ). Второй вид – медиа для частной коммуникации (например, телефон, переписка), предполагающие ситуацию опосредованного взаимодействия, а значит, большую активность пользователей. И в том и в другом случае речь идет о разных масштабах взаимодействия с коммуникатором (публичном или приватном) и разных типах вовлеченности в процесс коммуникации (пассивном и активном). Социальные цифровые медиа заполнили все промежуточные позиции в диапазоне между публичными (медиа односторонней субъектности) и приватными (двусторонними) средствами коммуникации и представляют собой третий тип медиакоммуникации, конвергирующий два традиционных типа, поэтому Дэниэл Миллер предлагает обозначать их термином «полимедиа».

Полимедиа позволили трансформировать медиакоммуникацию от публичного одностороннего вещания к созданию групп, где люди могут взаимодействовать друг с другом, обмениваться не только приватными сообщениями, но и создавать чаты (группы, паблики), в которых все могут писать всем. Новые конвергированные медиа заново «масштабируют социальность» [4], позволяют управлять уровнем приватности и числом участников взаимодействия лучше, чем другие виды медиа.

Таким образом, теория полимедиа рассматривает интернет-практики с позиций новых вызовов привычных понятий: пассивности и активности, публичности и приватности.

На основе концепции «масштабируемой социальности» медиа классифицируются по двум параметрам: масштаб и социальность. Масштаб коммуникации связан с выбором пользователей типа медиа (в логике рассуждений Д. Миллера – в диапазоне от публичных до приватных медиа). Что касается социальности, речь идет о возможности социального действия, то есть активности пользователя в создании собственного контента, возможности обратной связи; здесь возможны три варианта: пассивное потребление контента, активное использование контента и проактивное генерирование контента.

1. Потребительские практики (пассивные) – потребление контента публичных вещательных медиа. Эти практики аналогичны режиму потребления информации традиционных вещательных медиа. Пользователь преимущественно пассивен, использует медиа для развлечения и в качестве источника информации.

2. Инструментальные практики (активные), интегрированные в решение повседневных задач. Соответствуют традиционным медиа 2-го типа, создающим возможности удаленного доступа. Это практики как публичных, так и приватных взаимодействий с людьми и сервисами/ботами. Данные социальные практики можно рассматривать как определенную форму социальной активности, предполагающую использование Интернета как инструмента общения и сервиса.

3. Гражданские практики (проактивные) – режим активного публичного использования медиа, в котором пользователи становятся субъектами разного рода общественных процессов (политических, социальных, культурных и др.). Данный режим использования может рассматриваться как новый инструмент реализации социальных практик «публичной сферы» [5]. Здесь важно отметить, что в логике рассуждений Юргена Хабермаса публичная сфера, то есть пространство медиации между государством и гражданами, парадоксальным образом деградирует при увеличении ее масштабов. В связи с тем, что невозможно поддерживать дебаты, в которые по определению включены все, равенство возможностей для всех участников; в результате диалог замещается «подготовленным диалогом».

Американский подход трактует социальные медиа как принципиально новый тип взаимодействия, априори наделяет пользователей субъектными характеристиками, фокусируясь при этом на их потребностях и ориентациях. Например, Говард Рейнгольд [6] отмечал, что появление новых медиа в первую очередь «упрощает и ускоряет коммуникацию индивидов, позволяя им объединяться для эффективных совместных действий». Позиция пользователей преимущественно активна, а в фокусе внимания – конкретные особенности коммуникации индивидов на базе социальных медиа.

По мнению ряда исследователей (Э. Кац, М. Гуревич, С. Финн) [7, 8], пользователи под-

чиняют себе медиа, используя их исходя из потребностей. В полной мере это касается и социальных медиа: можно выбрать способ использования – как традиционные вещательные каналы коммуникации (в пассивном режиме потребления информации), так и традиционные приватные каналы для обмена сообщениями в рамках двусторонней коммуникации.

Конвергенция как основная характеристика социальных медиа позволяет пользователю существовать (выбирать) в трех коммуникативных пространствах: в чисто виртуальном пространстве приема информации (как в медиа первого типа); в транзитивном (смешанном) пространстве (как инструмент для решения повседневных задач) и в пространстве социальном (онлайн-взаимодействие в сетях с возможностью транспонирования в офлайн). Третий вариант – это принципиально новые социальные практики, новый инструмент для взаимодействия и активности. Люди приспосабливают социальные медиа под себя и вовлекаются в тот режим использования медиа, который отвечает их потребностям.

Дана Бойд, опираясь на широкое представление о публичных кругах общения, предлагает использовать термин «сетевые паблики» [9], то есть круги общения, сконструированные и реструктурированные под воздействием сетевых технологий. «Сетевые паблики» представляют собой «одновременно пространство, построенное с использованием сетевых технологий, и воображаемую общность, возникшую в результате пересечения людей, технологий и практик, причем условием возникновения публичных кругов общения является формирование аудиторий с похожими представлениями о социальной реальности». Как социальные конструкты социальные медиа создают сетевые паблики, позволяющие людям воспринимать самих себя как часть более широкой воображаемой общности.

В ретроспективном анализе социальных практик в Интернете Дана Бойд [9] указывает на трансформацию фокуса внимания как пользователей, так и создателей сетей: на этапе появления социальные медиа объединяли участников преимущественно вокруг интересов, формировались по тематическому признаку; а затем – вокруг индивидов, на платформах для поддержания связей со своими друзьями. Дана Бойд использует термин «affordance» [10] для описания новых социальных возможностей медиа, в смысле новых контекстов и архитектуры социальных взаимодействий. «Аффордансы» (в переводе с английского – «ожидаемое назначение») – характеристика полимедиа как технологий, способных создавать среду для взаимодействия пользователей, предоставляющих возможность выбора целей и режимов использования. Благодаря «аффордансам» управление полимедиасредой становится неразрывно связанным с межличностными отношениями и ориентациями пользователей. Эти возможности позволяют усиливать, сохранять и распространять информацию и социальные практики.

С этой точки зрения можно классифицировать интернет-практики исходя из потребностей пользователей и реализации ими «affordances»:

1) ориентация на потребление развлекательного и информационного контента;

2) ориентация на общение в публичном и (или) приватном режиме;

3) ориентация на инструментальное использование интернет-сервисов (включая финансовые операции, поисковые сервисы, работу);

4) ориентация на реализацию гражданской активности (включая общественную и политическую активность, благотворительность в Интернете).

На основе представленных выше теоретических концепций авторы разработали модель для анализа интернет-практик пользователей, включающую два параметра: режим использования медиа (публичный или приватный; пассивный, активный или проактивный) и предпочтения пользователей (цели и ориентации на характер контента).

Методология

Используются результаты двух социологических исследований, проведённых авторами в 2019 и 2021 г.:

– «Трансформация предпочтений форм интернет-контента» (ноябрь 2021 г.). Метод исследования – анкетный онлайн-опрос. Состав выборки – студенты девяти вузов Нижнего Новгорода (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, НГТУ им. Р.Е. Алексеева, Мининский университет, ННГАСУ, ПИМУ, НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, РАНХиГС, ВГУВТ и НГЛУ им. Н.А. Добролюбова). Возраст респондентов 17–30 лет. Опрошено 1452 человека (N=1452). Выборка квотная по вузу, курсу обучения и полу;

– «Интернет-сообщества и социальные сети в жизни молодежи» (ноябрь 2019 г.). Метод исследования – анкетный опрос методом стандартизированного интервью. Состав выборки – учащиеся старших классов средней школы, учащиеся колледжей, студенты Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Возраст респондентов 16–21 год. Опрошено 742 чел. (N=742). Выборка квотная по месту обучения, полу и возрасту.

Таблица 1

Регулярность использования социальных сетей, % (2021 г.; *N*=1452)

Социальные сети	Ежедневно, по многу раз в день	Ежедневно, 1–2 раза в день	Один или несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц и реже	Есть аккаунт, но не пользуются	Нет аккаунта
«ВКонтакте»	80	17	1	0	0	1
Instagram*	60	23	6	2	2	6
YouTube	36	32	20	6	2	3
Tik Tok	34	17	9	4	6	30
Pinterest	4	6	15	16	11	47
Twitter	4	4	3	5	23	61
Facebook*	2	3	1	4	40	49
Ask.fm	1	2	0	1	20	75
Tumblr	1	3	1	1	8	87
«Одноклассники»	1	2	1	2	25	68

*Запрещены в РФ с марта 2022 г., принадлежат компании Meta, которая признана в РФ экстремистской.

Для выделения групп применялся метод факторного анализа. В основу матрицы факторного анализа легли ответы на закрытый поливариантный вопрос «Какие действия в социальных сетях Вы осуществляли за последний месяц?» (матрица 19×742). Объясняющая способность модели составляет 44.15%.

Результаты

По данным исследования 2021 г., объектом которого выступили студенты нижегородских вузов, молодые люди ежедневно тратят на Интернет свыше семи часов, почти пять из которых приходятся на социальные сети. Три и более часа в день в социальных сетях проводит 81% студентов, шесть и более часов в день – 29% студентов.

Наибольшей популярностью молодёжи пользуется социальная сеть «ВКонтакте». Её ежедневно посещает 97% студентов, подавляющее большинство из которых заходит сюда по многу раз в день (табл. 1). Второе место в ноябре 2021 г. занимала социальная сеть Instagram, которую ежедневно посещало свыше 80% студентов (60% по многу раз в день). В середине марта 2022 г. Instagram вслед за Facebook был заблокирован на территории России. Эти социальные сети принадлежат компании Meta Platforms, Inc., которая признана в РФ экстремистской организацией [11, 12].

Третье и четвёртое места с существенным отрывом от лидеров занимают видеоплатформа YouTube, включающая в себя элемент социальной сети, и социальная сеть для создания коротких видео Tik Tok. YouTube ежедневно посещают 68%, и ещё 20% заходят сюда один или несколько раз в неделю. Ежедневно посещают Tik Tok не менее 50% студентов, однако, в отличие от YouTube и других лидеров среди социальных сетей, почти треть студентов отметили, что не имеют аккаунта в этой социальной сети. Следует отметить, что в настоящее время оба этих ресурса на территории России работают с ограничениями. Из России с 6 марта 2022 г. на Tik Tok нельзя загружать новый контент или смотреть видео иностранных авторов, а на YouTube с 4 марта 2022 года для российских блогеров отключены монетизация и спонсорство.

Остальные социальные сети не пользуются у студентов популярностью. Социальной сетью Pinterest, специализирующейся на размещении фотографий, регулярно пользуется 25% студентов (большинство – один или несколько раз в неделю), социальной сетью для обмена короткими сообщениями Twitter – 11%, остальными – от 4% до 6%.

Важно отметить, что студенты не «сидят» в какой-то одной сети, а одновременно пользуются несколькими. Почти все, кто ежедневно заходит на Tik Tok или YouTube, или Instagram, ежедневно бывает и «ВКонтакте» (98–99%). А из тех студентов, кто ежедневно бывает «ВКонтакте», только лишь 2% сказали, что не заходят ежедневно в другие социальные сети.

Наряду с социальными сетями для общения со своими друзьями и близкими студенты активно пользуются мессенджерами (табл. 2). Самым популярным из них является Telegram: 57% студентов пользуются им постоянно, 35% – иногда. Отличительной особенностью Telegram является то, что у него есть каналы, возможность комментировать и оценивать сообщения, то есть по своему функционалу он довольно близок к социальным сетям. На втором месте среди мессенджеров у студентов WhatsApp (34% пользуются постоянно, 45% – иногда), на третьем Viber (23% и 51% соответственно), на четвёртом – Discord (20% и 34%).

Таблица 2

Регулярность использования мессенджеров, % (2021 г.; *N*=1452)

Мессенджеры	Пользуются постоянно	Иногда пользуются	Не пользуются
Telegram	57	35	8
WhatsApp	34	45	22
Viber	23	51	26
Discord	20	34	46
Snapchat	4	11	85
Skype	4	31	65
Facebook Messenger	2	5	93

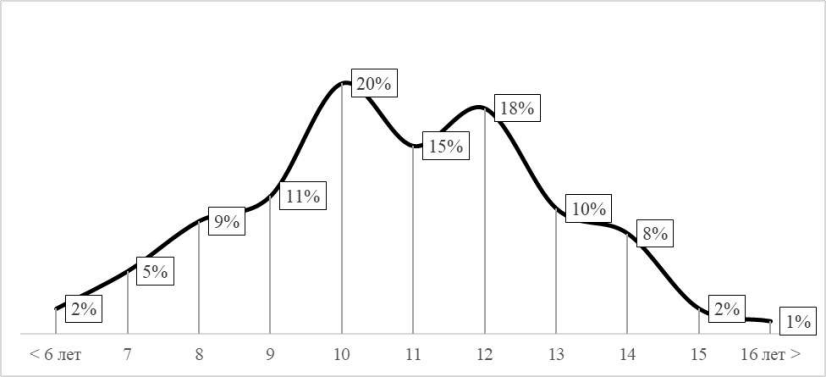


Рис. 1. Возраст начала пользования социальными сетями, % (2021 г.; *N*=1452)

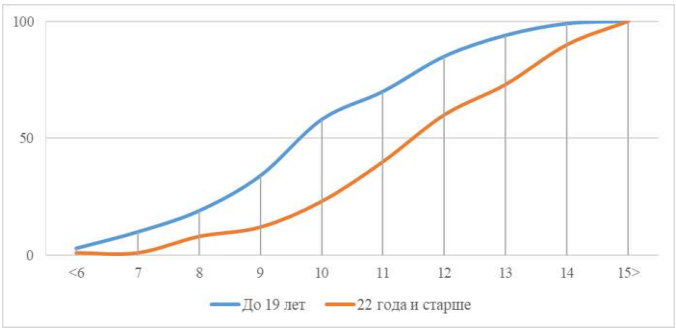


Рис. 2. Сравнение возраста начала пользования социальными сетями молодёжи младшей и старшей возрастных групп, % (2021 г.; *N*=1452)

Средний возраст начала пользования социальными сетями у учащейся молодёжи составляет примерно 10.75 лет. В возрасте до 10 лет в социальных сетях зарегистрировались 27% сегодняшних студентов, в 10 лет – 20%, то есть к 11 годам в социальных сетях находится уже половина молодых людей (рис. 1). Первой социальной сетью для более 80% студентов стала «ВКонтакте», для 13% – «Одноклассники».

Однако важно отметить, что сами социальные сети появились не так уж и давно. Самой популярной социальной сети «ВКонтакте» в момент проведения исследования в 2021 г. насчитывалось всего 15 лет: она появилась осенью 2006 г., а популярность стала наращивать лишь в 2007 г. Социальная сеть «Одноклассники», которая одно время тоже пользовалась очень высокой популярностью, возникла в это же самое время. Число пользователей Интернета в 2007 г. составляло всего лишь 35 млн на 142 млн россиян (меньше трёх из десяти человек). Если из принявших в опросе молодых людей выделить две крайние возрастные группы и сравнить их по возрасту начала пользования социальными сетями, то становится видно, что возраст начинает стремительно смещаться в более юные годы: с 12.0 лет у тех, кому 22 года и больше, до 10.3 лет у тех, кому 17–18 лет (рис. 2).

Отметим, что по данным другого нашего исследования, проведённого в сентябре 2021 г., где наряду со студентами рассматривались учащиеся колледжей, средний возраст начала пользования социальными сетями в группе 16-летних составил 9.6 лет [13, с. 265].

Согласно данным исследования, проведённого в 2019 году среди учащейся молодёжи Нижнего Новгорода и области, несмотря на многолетний стаж пользования социальными сетями, молодежь преимущественно занимает

Таблица 3

Оценка собственной роли в социальных сетях, % (2019 г.; *N*=742)

Скорее наблюдают за событиями, комментариями других людей	72
Комментируют сообщения других пользователей, ставят лайки, высказывают свое мнение	19
Активно размещают информацию в социальных сетях	9

Таблица 4

Действия в социальных сетях за последний месяц, % (2019 г.; *N*=742)

Просматривали аудио, видео, фото	96
Использовали для переписки с друзьями, знакомыми, родственниками	95
Узнавали новости	87
Использовали социальные сети для поиска информации о людях, товарах, услугах	83
Размещали собственные фото, видео, аудио	57
Читали обсуждения на форумах или блогах	53
Общались в чатах, на форумах, в блогах	41
Играли	38
Покупали/продавали товары и услуги	30
Делились информацией, давали советы, оставляли отзывы и рецензии	28
Искали работу	20
Использовали сети для работы, рекламы	18
Подписывали обращения, петиции	13
Вели блог, видеоблог, канал	10
Комментировали общественные и политические вопросы	8
Жертвовали деньги	5
Репостили информацию о политических и общественных проблемах	5
Оказывали помощь незнакомым нуждающимся людям (дарили вещи, продукты, предоставляли бесплатные услуги)	5
Размещали информацию о местных проблемах (уборка территории, дорожное движение и т.д.)	4

здесь роль пассивного наблюдателя. Активно размещают информацию в социальных сетях менее десятой части молодых людей, комментируют сообщения других пользователей и высказывают своё мнение – около пятой части, тогда как свыше 70%, по их собственным оценкам, скорее наблюдают за событиями и комментариями других людей (табл. 3).

За последний месяц (к моменту исследования) практически все молодые люди в социальных сетях пользовались размещённым здесь аудио- и видеоконтентом, просматривали фотографии (96%), переписывались со знакомыми людьми (95%). Около 90% узнавали из социальных сетей новости, чуть более 80% использовали социальные сети для поиска информации о людях, товарах и услугах. За последний месяц размещали в социальных сетях собственные фото, видео, аудио в социальных сетях около 60% молодых людей. Подобного рода активность связана с оценкой собственной роли в социальных сетях. Среди тех, кто занимает активную роль в социальных сетях, размещали собственный контент 89%, среди наблюдателей за чужой активностью – почти вдвое меньше (49%).

Примерно 40% молодых людей отметили, что за последний месяц общались в чатах, на форумах, блогах, играли в приложениях. Здесь тоже наблюдается связь с оценкой собственной роли в социальных сетях. Одинаково часто используют социальные сети для игр и активные, и пассивные пользователи, а общаются на форумах и блогах гораздо чаще активные (56% против 34%). Покупали/продавали товары и услуги 30% молодых людей (44% активных и 25% пассивных пользователей), делились информацией, давали советы, оставляли отзывы и рецензии – 28% (51% и 20% соответственно). Пятая часть молодых людей сказали, что за последний месяц искали с помощью социальных сетей работу, и примерно столько же – использовали социальные сети для работы или рекламы. Примерно десятая часть молодежи ведёт в социальных сетях свой блог или канал (в группе активных пользователей число блогеров достигает 34%), а также подписывали в социальных сетях обращения или петиции, комментировали общественные и политические вопросы. Репостили информацию о политических и общественных проблемах 5% молодых людей, примерно столько же – информацию о местных проблемах.

Использовали социальные сети для благотворительности 8% учащейся молодёжи: 5% – жертвовали деньги и 5% – оказывали помощь незнакомым людям (дарили вещи, продукты, оказывали бесплатные услуги).

Таким образом, оценка собственной роли в социальных сетях прежде всего связана с та-

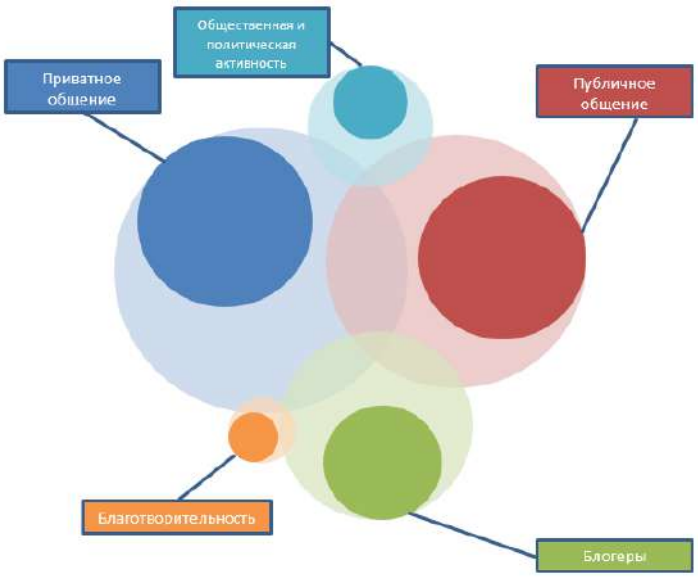


Рис. 3. Типология пользователей социальных сетей по разным видам активности

кими коммуникативными активностями, как размещение собственного медиаконтента (разница составляет 40%), размещение собственно информации, советов, отзывов и рецензий (разница 31%), ведение блога или канала (разница 28%), общение в чатах, на форумах, в блогах (разница 22%), использование социальной сети для работы или рекламы (разница 20%) и, наконец, покупка или продажа товаров и услуг (разница 19%). Общественно-политическая активность в социальных сетях характерна примерно для пятой части молодых людей, благотворительность, как уже отмечалось, примерно для десятой части.

С помощью многомерного статистического анализа нами были выделены пять групп молодёжи, характеризующиеся разными типами активности в социальных сетях.

Первую группу составили молодые люди, ориентирующиеся прежде всего на приватное общение. Они, как и все остальные, используют социальные сети для переписки с друзьями, знакомыми и родственниками, чтения новостей и просмотра медиаконтента, поиска информации о людях, товарах и услугах. Однако они гораздо реже заходят на чужие страницы, блоги и форумы и практически не проявляют здесь какой-либо активности. Крайне редко они делятся своей информацией, дают советы или оставляют отзывы и рецензии. Примерно половина из них размещают собственные фото, аудио и видео, но делают это либо для самого себя, либо для своих близких знакомых. Из них никто не ведёт собственного блога или канала, никто не занимается благотворительностью и не демонстрирует общественную или политическую активность.

Вторая группа – это молодёжь, которая, напротив, ориентируется на публичное общение – на блоги и форумы и общение здесь. Они активно делятся информацией, дают советы, оставляют отзывы и рецензии.

Отдельную, третью группу составили блогеры, использующие социальные сети для раскрутки своего собственного канала или блога. Многие из них отмечают, что используют социальные сети для работы или рекламы. Они активнее других размещают в социальных сетях собственный медиаконтент, используют сети для покупки или продажи товаров и услуг. Ещё одна особенность этой группы состоит в том, что её представители активно делятся информацией о местных проблемах, однако, как и в целом молодёжи, им не очень интересна информация политического характера.

В четвёртую группу вошла молодежь, которая ориентируется на обсуждение в социальных сетях общественных и политических вопросов. Они активно репостят подобную информацию и вступают в полемику по её поводу. Многие из них подписывают различные обращения и петиции, а также размещают информацию о местных острых проблемах.

Пятая группа – это молодежь, активно включённая в благотворительность, оказывает помощь незнакомым людям, а также жертвует деньги на разрешение острых личных и социальных проблем.

Представители групп, выделенных по параметру ориентации на характер контента, практикуют различные режимы использования Интернета, с точки зрения взаимодействия с медиаконтентом (пассивное, активное и проактивное).

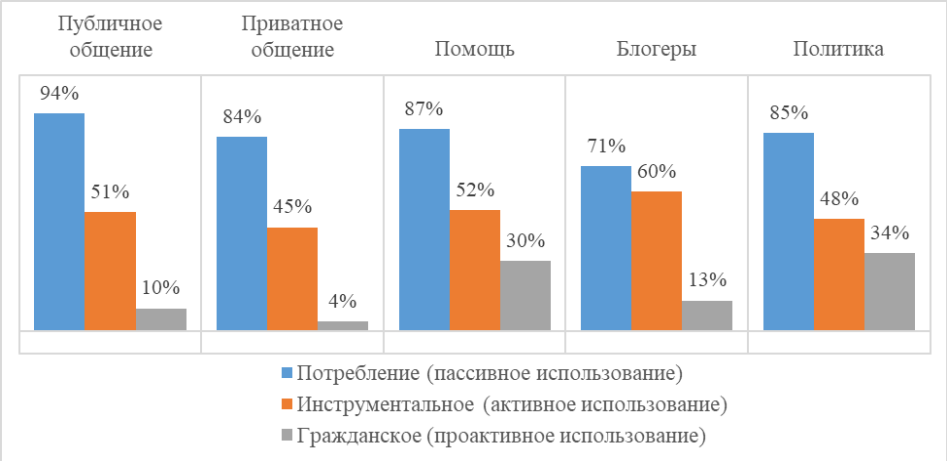


Рис. 4. Практики использования социальных сетей молодежью, ориентирующейся на разные виды социальной активности

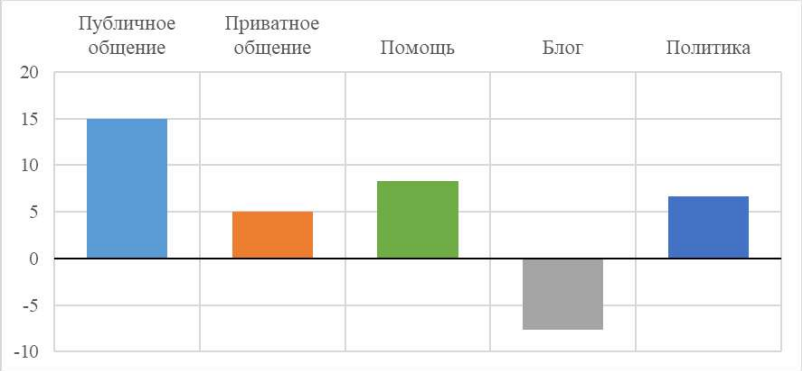


Рис. 5. Потребительские (пассивные) практики использования социальных сетей (в сравнении со средним значением)

Пассивные (потребительские) практики, ориентированные на развлекательный и новостной контент, характерны для всех групп пользователей, исключая группу «блогеров». Пассивное использование включает в себя такие действия, как просмотр аудио-, видео-, фотоконтента, новостей, чтение обсуждений на форумах или в блогах. Тот факт, что подавляющее большинство молодых людей являются пассивными пользователями, не столько свидетельствует о пассивности самой молодёжи, сколько констатирует вытеснение традиционных медиа из повседневных социальных практик. Почти все молодые люди (96%) смотрят видеоконтент (что является заменой телевидения), 72% читают (наблюдают за событиями в социальных сетях и просматривают комментарии других пользователей), а 87% узнают новости (замена радио и газет), то есть Интернет замещает традиционные медиа I типа (вещательные). То же самое произошло с традиционными медиа II (медиа частной коммуникации): 95% молодых людей используют социальные сети для приватного общения. Эти данные говорят о том, что преимущественно пассивное, потребительское использование «новых» цифровых медиаканалов связано с заменой ими традиционных типов медиа для удовлетворения потребностей в развлечении, информированности и общении (рис. 5).

Доминирование медиапотребления в досуге современной молодежи и аккумуляция свободного времени различными типами медиа свидетельствуют об активном распространении процессов медиатизации, превращая социальные сети в механизм формирования смыслов и ценностей.

Активные (инструментальные) практики ориентированы на общение и разного рода сервисы. Включают в себя: переписку с друзьями, знакомыми, родственниками; использование социальных сетей для поиска информации о людях, товарах, услугах; размещение собственных фото, видео, аудио; общение в чатах, на форумах, в блогах; игры; покупка/продажа товаров и услуг; поиск работы; использовали сервисы для работы/рекламы; вели блог, видеоблог, канал. Инструментальные практики характерны для всех выделенных групп; в наибольшей степени на них ориентированы «блогеры»,

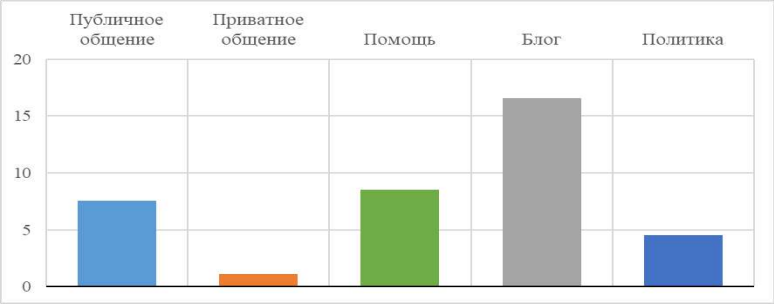


Рис. 6. Инструментальные (активные) практики использования социальных сетей (в сравнении со средним значением)

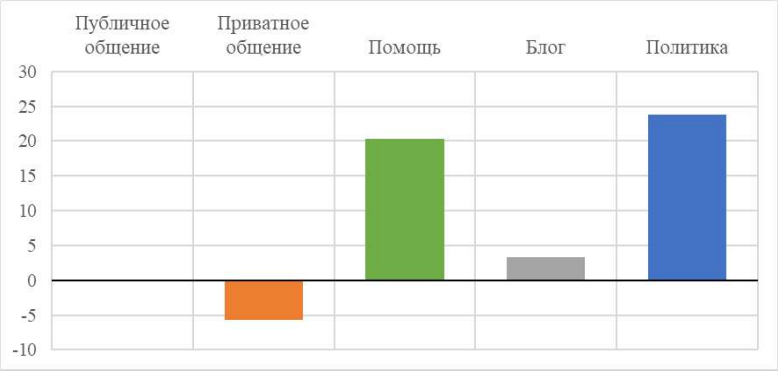


Рис. 7. Гражданские (проактивные) практики использования социальных сетей (в сравнении со средним значением)

активно размещающие собственный контент; в наименьшей – группа молодежи, ориентированная на приватное общение (рис. 6).

Инструментальные практики поведения в Интернете становятся всё более распространенными, что отражает процессы медиатизации: проникновения медиа в сферы, традиционно являющиеся не только независимыми от медиа, но и первичными по отношению к ним (повседневность, экономика, культура и т.д.). Интернет сосредоточивает и получение информации, и общение, и получение товаров и услуг, и досуг, не только конвергируя традиционные типы медиа, но и включая в медийную сферу другие социальные институты.

Проактивные (гражданские) практики являются качественно новой функцией, характерной для цифровых медиа. Проактивные практики выражаются с помощью индикаторов: делились информацией, давали советы, оставляли отзывы и рецензии; подписывали обращения/петиции; комментировали общественные и политические вопросы; оказывали помощь незнакомым нуждающимся людям (дарили вещи, продукты, предоставляли бесплатные услуги); жертвовали деньги; репостили информацию о политических и общественных проблемах; размещали информацию о местных проблемах (уборка территории, дорожное движение).

Само наличие политической и социальной активности молодёжи в социальных сетях свидетельствует о возможном формировании «публичной сферы», новой площадки для гражданских инициатив и общественной деятельности в Интернете, по меньшей мере демонстрируя осведомленность и заинтересованность молодежи в общественно-политической жизни и усиление обратной связи между гражданами и государством (рис. 7). Наличие подобных практик (высказывание собственного мнения, демонстрация участия и реальные действия) нивелирует границы между различными субъектами медиакоммуникационных процессов, что является очередным свидетельством усиления процессов медиатизации.

Результаты опроса показывают, что интернет-практики молодых людей носят преимущественно потребительский и инструментальный характер. То есть молодёжь использует Интернет как традиционные медиа первого типа (как вещательный канал) и в качестве инструмента реализации повседневных практик потребления и общения.

Во всех выделенных группах Интернет используется преимущественно пассивно. Что касается инструментального использования, оно характерно в большей степени для группы блогеров, которые при этом в меньшей степени, чем другие группы, ориентированы на пассивный режим потребления информации. При этом инструментальное использование Интернета характерно и для других групп пользователей. Можно констатировать распространение ин-

струментальных социальных практик в среде молодёжи: новые медиа используются как механизм конструирования социального на разных уровнях «масштабируемой социальности». Наиболее проактивные пользователи – группы молодёжи, ориентированные на политику и помощь, они в полной мере используют новые возможности цифровых медиа как среду для реализации гражданской активности.

Заключение

Исследование интернет-практик молодежи Нижегородской области демонстрирует глубокое проникновение Интернета в повседневные социальные практики: молодые люди ежедневно тратят на Интернет свыше семи часов, пять из которых проводят в социальных сетях. Интернет заполняет основную часть свободного времени, способствуя развитию процессов медиатизации и проникая во все сферы жизни и социальные институты.

Явным лидером по популярности является социальная сеть «ВКонтакте» (её используют 97% опрошенных), при этом молодые люди комбинируют разные социальные медиа и используют различные возможности Интернета и как медиа I типа (публичные, вещательные), и как медиа II типа (приватного общения).

Возраст начала использования социальных сетей снижается (если в исследовании 2019 г. средний возраст вовлечения составлял 10.8 лет, то в исследовании 2021 г. – уже 9.6 лет), что связано с объективными условиями развития социальных сетей и распространения интернет-технологий.

На основе представленных в теоретической части статьи концепций авторы разработали модель для анализа интернет-практик пользователей, включающую два параметра: предпочтения (цели и ориентации на характер контента) и режим использования медиа (публичный или приватный; пассивный, активный (или инструментальный), проактивный (выражающий гражданскую позицию)).

Молодые люди используют Интернет регулярно, сочетая при этом различные типы социальных сетей, каналов и практик, исходя из своих предпочтений: ориентации на развлекательный контент; на информационный контент; на общение; на реализацию гражданской активности; на инструментальное использование интернет-сервисов.

Самые популярные практики, отвечающие ежедневным потребностям молодёжи, связаны с пассивным медиапотреблением: Интернет является развлечением и источником информации. Интенсивное медиапотребление в Интернете свидетельствует о конвергенции традиционных медиа вещательного типа и продолжающейся медиатизации пространства формирования смыслов и идентичностей. В то же время молодые люди практикуют и инструментальное, и гражданское использование Интернета. Распространение инструментальных практик поведения в Интернете тоже отражает процессы медиатизации через проникновения медиа в социальные институты, первичные по отношению к ним. Некоторый интерес к гражданскому (проактивному) использованию Интернета демонстрирует усиление обратной связи между гражданами и социальными институтами и стирание границ между различными субъектами медиакоммуникационных процессов.

Интернет конвергировал все традиционные формы медиа в единое социальное пространство, в котором молодёжь легко мигрирует с одной платформы на другую, используя при этом Интернет как среду реализации повседневных, в том числе немедиатизированных, социальных практик.

Социальные практики молодежи в интернет-среде отражают процессы медиатизации. Во-первых, глубокого проникновения медиаинститутов в повседневность, изменяющего режимы публичного и приватного. Во-вторых, транспонирования традиционных социальных практик в онлайн и обратно, то есть быстрое развитие инструментальных функций Интернета (в дополнение к функциям традиционных медиа). В-третьих, формирование и активное использование Интернета как среды, создающей новые возможности и механизмы для построения социального пространства и реализации проактивных социальных практик.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00311 «Медиатизация как фактор трансформации коммеморативных практик молодежи».

Список литературы

1. Digital 2022: The Russian Federation (дата публикации: 15.02.2022) // Datareportal: [сайт]. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2022-russian-federation (дата обращения: 22.04.2022).

2. Медиапотребление и активность в интернете (23 сентября 2021 года) // ВЦИОМ: [сайт]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete (дата обращения: 18.04.2022).

3. Мадиану М., Миллер Д. Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 334–356. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/262/250 (дата обращения: 16.02.2022).

4. Miller D. How the world changed social media. London: UCL Press, 2016. 262 p.

5. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016. 344 с.

6. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.

7. Katz E., Gurevitch M., & Haas H. On the use of the mass media for important things // American Sociological Review. 1973. № 38 (2). P. 164–181.

8. Finn S. Television addiction? An evaluation of four competing media-use models // Journalism Quarterly. 1992. № 69. P. 422–435.

9. Бойд Д. Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 352 с.

10. Boyd D. Social network sites as networked publics: Affordances, dynamics, and implications // Networked Self: Identity, Community, and Culture on Social Network Sites. New York and London: Routledge, 2010. P. 39–58.

11. Об ограничении доступа к социальной сети Instagram (11 марта 2022 года) // Роскомнадзор: [сайт]. URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74180/ (дата обращения: 18.04.2022).

12. Приняты ответные меры на ограничение доступа к российским СМИ (4 марта 2022 года) // Роскомнадзор: [сайт]. URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74156/ (дата обращения: 18.04.2022).

13. Зернов Д.В. Медиатизация исторической памяти молодежи и проблемы регулирования фейковой информации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 265–267.

THE TYPOLOGY OF YOUNG PEOPLE'S INTERNET PRACTICES IN SOCIAL NETWORKS: ORIENTATIONS AND MODALITIES OF USE

D.V. Zernov, N.V. Shalyutina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article presents the results of a sociological study of the Internet practices of Nizhny Novgorod youth. The authors conduct a theoretical analysis of existing media usage concepts and propose to identify users based on a model that includes two parameters: media usage mode (in terms of activity-passivity and public-privacy) and orientation (goals) of Internet users. Using multidimensional statistical analysis, the authors created a new classification of young people's Internet practices. The authors have identified five groups of young people characterised by different types of activity in social networks: private communication, public communication, social and political activity, charity, bloggers. The authors conclude that the processes of mediatization are actively unfolding through the spread of passive, instrumental and civil practices of Internet use among young people.

Keywords: internet practices, social media, modes of media use, user orientations, media convergence, mediatisation.

УДК 316.351
DOI 10.52452/18115942_2022_4_95

ОБРАЗ ВРАЧА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

© 2022 г.

И.В. Богдан, В.А. Кузьменков, Д.П. Чистякова

Богдан Игнат Викторович, к.полит.н., начальник отдела медико-социологических исследований Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы
bogdaniv@zdrav.mos.ru
Кузьменков Владимир Александрович, к.филос.н.; аналитик отдела медико-социологических исследований Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы
KuzmenkovVA@zdrav.mos.ru
Чистякова Дарья Павловна, аналитик II категории отдела медико-социологических исследований Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы
chistyakovadp@zdrav.mos.ru

Статья поступила в редакцию 28.04.2022
Статья принята к публикации 17.10.2022

Исследования образа врача в своей целостности практически не представлены в научной литературе, исследуются, как правило, частные аспекты образа и на нерепрезентативных выборках. Проведен телефонный опрос жителей Москвы по случайной стратифицированной выборке (*N*=1201) о восприятии различных аспектов образа врача, использованы закрытые и открытые (проективные) вопросы. Объект – отражение в массовом сознании образа профессии. Предмет – восприятие врачей как профессиональной категории. Цель – выявление образа врача в массовом сознании москвичей. Исследование подтвердило сложность, многомерность социального восприятия (образа) профессии. Отношение к специалисту скорее позитивное, содержательно преобладают ассоциации с профессиональными и личными качествами. Врач видится гуманной, самоотверженной, уважаемой профессией, при этом не всегда получающим заслуженное признание и возможности. Москвичи склонны доверять лично знакомым врачам, общепризнанных лидеров врачебного сообщества с этих позиций у них нет. Более престижной для врачей население видит работу в частной медицине и больницах (особенно в хирургии). Несмотря на в целом позитивный образ, важно управление им и работа с негативными аспектами восприятия врачей.

Ключевые слова: личные качества, профессиональные качества, статус, престиж, образ врача, опрос, массовое сознание.

Введение

Образ врача косвенно или напрямую постоянно фигурирует в общественных дискуссиях в России. Например, начиная с 90-х годов можно было наблюдать дискуссию между сторонниками советской медицины, отстаивающими образ врача, оказывающего помощь, и их оппонентами, говорящими о врачах в терминах оказания медицинских услуг. Данная тема является «заряженной» и для самих медицинских работников, в социологических исследованиях врачи подчеркивают негативные эффекты такого перехода, который ведет, по их мнению, к утрате статуса профессии [1]. Новый виток дискуссия об образе врача обрела в период пандемии, когда общество и СМИ заговорили о врачах-героях. Не удивительно, что социологические опросы показывали, что врачи находились среди групп, к которым доверие в пандемию было максимальным [2].

Стоит признать, что в публичном пространстве разговор по рассматриваемой теме идет чаще не в категориях образа, а в категориях статуса, нравственности, престижа [3]. Однако видится, что данные понятия отражают более частные аспекты образа и не дают целостной картины (каков итог социального восприятия образа медицинской профессии (собственно образ)).

Среди редких отечественных социологических исследований, говорящих именно об образе врача, можно упомянуть изучение образа-стереотипа врача методом ассоциаций, проведённое в 2018 г. в двух вузах Волгограда на выборке российских и иностранных студентов. По мнению отечественных учащихся, врач – это «умный, добрый, ответственный человек в белом халате со шприцом, который качественно, хорошо и быстро лечит, помогает и спасает в больнице, в поликлинике, дома» [4, с. 155]. Как показало исследование, своя специфика ассоциаций с вра-

чом есть и у студентов из Африки, арабских стран, Азии [4], которые описывали образ специалиста с учётом различных аспектов, с позиции положительных и отрицательных профессиональных, личных качеств, внешности (одежда, пол, привлекательность), положения в обществе. О культурных различиях в восприятии врача говорилось и в другом исследовании русских и китайских студентов, которое, однако, несмотря на ряд различий, говорит о в целом схожем образе профессии у различных респондентов [5]. Была также показана многоаспектность образа врача, включающая в себя внешние, личностные, профессиональные и иные аспекты восприятия профессии.

Однако такие исследования носят единичный характер. Более проработанным направлением в нашей стране можно называть исследование образа врача в художественных произведениях [6–9], хотя сами же авторы говорят о том, что в целом и эта тема проработана слабо [6].

Что касается зарубежных исследований, был найден ряд работ, в которых исследуются различные аспекты образа врача, при этом по большей части они концентрируются на вопросе внешнего вида специалиста. Часто оценивается социальное восприятие респондентами (в т.ч. пациентами) врача в зависимости от формы одежды последнего, например, от того, одет ли он в обычную повседневную одежду, деловой костюм, классический белый халат или операционную одежду («хирургичку»). Как правило, большинство респондентов предпочитают белый халат, специалист в такой одежде вызывает больше доверия.

Например, Чан и соавторы обнаружили, что белый халат вызывает больше доверия и ощущения компетентности при восприятии врачей и западной, и восточной (альтернативной) медицины [10]. Во французском исследовании пациенты различных возрастов также больше доверяли специалистам в белом халате [11]. Исследования демонстрируют, что белый халат важен при восприятии помощи и в таких специфических условиях, как отделение реанимации [12] или ортопедическая помощь, и в больничных, и в поликлинических условиях [13, 14]. Аналогичные результаты были получены в обзоре Бич и соавторов [15]. При этом вопрос внешности не так одномерен: в обзоре приводятся исследования, которые говорят о стереотипах и в других аспектах внешности врачей, например, когда считается предпочтительным, чтобы женщины-врачи носили юбки [15].

«Белый халат» является яркой стереотипной ассоциацией с образом медицинского работника в целом, не только врача, соответственно, в ряде случаев совпадение с этим стереотипом респондентами может восприниматься более позитивно, чем отклонение от него (например, потому что взаимодействие с таким «типичным» врачом более психологически комфортно, привычно, что особенно важно в зачастую тревожных больничных условиях).

Не обходят вниманием зарубежные исследователи и личные качества специалиста. По данным румынского исследования 2016–2017 гг., большинство опрошенных ассоциируют врачей страны с такими положительными качествами, как профессионализм (85%), вежливость (84%), компетентность (84%) или справедливость (76%). При этом есть и негативные ассоциации: 40% считают, что большинство врачей коррумпированы, а 39% – что они используют свои знания в угоду личным целям. Исследование показало, что отношение к врачам различается и по специальностям. Наибольшим доверием у опрошенных пользуются кардиологи (87%), хирурги, радиологи и офтальмологи (по 85%). Наименьший уровень доверия имеют психиатры (73%) и диетологи (62%). Наблюдается и определенная «компетентностная иерархия» специалистов – например, самой сложной медицинской специальностью респонденты считают хирургию [16].

Вопросы личных качеств и статуса поднимались в исследовании словенских социологов, которые использовали не опрос, а аналитику образа специалиста в СМИ. Эксперты пришли к выводу, что существует двойственное и упрощённое освещение медицинских специалистов в прессе. С одной стороны, их негативно описывают как представителей очень влиятельной в социальном и культурном отношении профессии, позволяющих себе не признавать собственных ошибок и демонстрирующих свою власть за счет незащищённых слоёв общества; врачи имеют свои собственные, никому не подчиняющиеся профессиональные объединения. С другой стороны, некоторые врачи положительно представлены как трудолюбивые и перегруженные работой [17].

Стоит отметить, что образ медицинского работника не является исключительно предметом научного интереса или этики, прикладной аспект образа также можно связать с тем, что позитивные или негативные стереотипы в массовом сознании создают социальную среду, которая будет поощрять медицинских работников вести себя в соответствии с системой общественных ожиданий [18]. Ряд исследователей говорят о связи образа специалиста и качества оказанных услуг (как минимум их оценки) [19], а также кадровой обеспеченности [20].

По итогам краткого обзора можно заключить, что образ врача является пока слабоизученным, кроме отдельных аспектов (таких, например, как использование врачами униформы). Исследований в России, посвященных комплексному вопросу образа специалиста, практически нет, в основном это частные исследования литературного образа. Более того, встреченные исследования проведены на специфических выборках, таких как студенты или корпус текстов.

С другой стороны, это неудивительно ввиду указанной многоаспектности образа, включающего в себя внешний вид, личные и профессиональные качества, демонстрирующего дифференциацию по основанию медицинской специальности.

Представленное исследование направлено на заполнение пробелов в изучении образа врача в нашей стране, а также представляет собой попытку более научного и репрезентативного изучения образа медицинского специалиста, что интересно как с содержательной, так и с методической точки зрения.

Материалы и методы исследования

Исследование проведено Центром медико-социологических исследований НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы (ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ») в июле–августе 2021 г. в Москве. Методом сбора данных выступил опрос (CATI), проведённый по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных телефонов региона. Опрошен 1201 человек, все респонденты старше 18 лет, выборка репрезентативна для жителей Москвы по полу и возрасту.

Целью исследования являлось определение основных характеристик образа врача, сформированного в массовом сознании москвичей.

Методология исследования включала как закрытые, прямые вопросы, посвященные интересующим нас аспектам образа специалиста (сформулированные на основании обзора литературы и предыдущих исследований Центра), так и открытые вопросы. Среди последних присутствовали вопросы проективные, связанные с ассоциациями с профессией. Данные вопросы видятся более релевантными реальному восприятию профессии, так как меньше подвержены цензуре сознания, а при их использовании мы не «наводим» респондентов на определенные ответы. Ассоциативный вопрос в данном исследовании будем считать основным, с точки зрения описания содержания образа, а закрытые – вспомогательными, конкретизирующими отдельные аспекты образа (собственно, в анкете закрытые вопросы следовали после открытых). Анализируемые компоненты образа включали в себя следующие категории: воспринимаемые профессиональные и личные характеристики специалиста, представления о месте работы, внешнем виде, статусе в обществе, а также требования, предъявляемые обществом к специалисту.

При анализе в качестве одной из теоретико-методологических основ был использован авторский подход, принятый в исследованиях ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», который выделяет в образе врача образ профессии (представления о том, какой является профессия, обычно это сфера должного, метафорически обозначенная авторами как «*a* врач») и опыт конкретного, реального взаимодействия с её представителями (который, как правило, более негативен, обозначенный как «*the* врач») [21]. Данный подход позволяет снимать противоречия, которые могут возникать при анализе различных аспектов образа врача, на первый взгляд слабо совместимых (например, одновременный позитив в отношении образа профессии и негатив в отношении опыта взаимодействия).

Результаты и обсуждение

Согласно описанному методологическому подходу, общее представление об образе врача в массовом сознании можно составить на основании ассоциацией с профессией. Как правило, такие ассоциации являются положительными. В целом около 10% ассоциаций негативны по своей тональности, 36% нейтральны и 55% позитивны. О содержательном наполнении ассоциаций говорит таблица 1.

Наиболее популярная ассоциация – это профессиональные качества. Вторая по популярности ассоциация ярко свидетельствует о характере массовых ожиданий от медика – спасение жизни, помощь; по своей сути она выражает культурный архетип «спасителя», в чем-то аналогичный тому, который мы можем наблюдать в современной западной супергероике. При этом анализ данных показывает, что такое видение (героизация) в очень незначительной мере связано с пандемией [21], это типичное представление о врачебной профессии как о высокогуманной. Ассоциации с хорошими личностными качествами отражают ожидание от врача этического поведения, в том числе умения выслушать, понять и посочувствовать.

В противоположность указанной ранее популярности соответствующей тематики в зарубежных исследованиях, обращает внимание

Таблица 1

Ассоциации со словом «врач» у москвичей
(сумма процентов не равна 100%, так как допускался множественный ответ)

Ассоциация	Процент
Профессиональные качества врача (как положительные, так и отрицательные)	28
Помощь / Помощник / Спасатель / Целитель	26
Хорошие личностные качества врача	21
Функционал врача: выписка справок, диагностика и т.д.	20
Общемедицинские ассоциации: медицина, болезнь, здоровье, лечение и т.д.	17
Собственные эмоции респондента по отношению к врачу	14
Собственные положительные чувства по отношению к врачам: надежда, доверие	8
Собственные негативные эмоции по отношению к врачам, например страх	3
Врачи – боги, герои	3
Внешние атрибуты врача (одежда, аксессуары, пол)	9
Белый халат	5
Иные физические атрибуты врача, кроме халата	3
Пол врача (преимущественно женский)	2
Форма помощи и специальность работы врача	5
Форма помощи (амбулатория, стационар, скорая)	3
Ассоциации с конкретной специальностью	2
Низкий статус врача: бедность, бесправность, «винтик системы», тяжёлые условия труда	4
Негативные финансовые ассоциации: вымогатели, коррупция, платность	2
Респондент сам врач / его родственники врачи	1
Врач связан с другим медицинским персоналом	1
Несодержательные ассоциации: никакие / затрудняюсь ответить / абстрактные, без конкретики (как положительные, так и отрицательные)	8

Рис. 1. Личные качества врача

низкое количество ассоциаций с внешними атрибутами, в том числе с белым халатом как традиционным элементом врачебного образа.

Качества врача раскрывают и ответы на закрытые вопросы (рис. 1).

Аналогично данным о высоком моральном восприятии профессии от врача ожидают трудолюбия, вежливости, сочувствия пациенту и бескорыстности, работы «за идею». По сути, всё это компоненты уже упомянутой модели «*а* врач», которая отражает высокие идеальные требования к специалистам. Причем идеальный врач – это «сплав» человечности и компетенций, данные исследования показывают важность не только профессиональных, но и личностных качеств для специалиста, что коррелирует сегодня с большим вниманием к повышению так называемых soft skills медицинских работников. Только 37% согласились мириться с грубостью врача, потому что он профессионал.

При этом, говоря о компонентах реального опыта («*the* врач»), обращают внимание полярные оценки профессиональной автономии и энергичности, то есть медик значимой частью населения может восприниматься как «винтик» системы здравоохранения, который не в полной мере имеет возможность реализовать свои задатки.

Образ профессии дополняют следующие представления: респонденты считают, что эта профессия требует большого профессионализма (97% опрошенных), этой профессии нужно призвание (86%); 59% респондентов полагают, что наличие учёной степени является свидетельством более высокой профессиональной квалификации.

Интересно отношение к традиционным/нетрадиционным медицинским подходам со стороны врачей: половина опрошенных допускают возможность применения альтернативного лечения, примерно треть относятся к этому отрицательно. Чаще всего положительно к нему относятся женщины в возрасте старше 60 лет, люди со слабым здоровьем, при этом обращение к нетрадиционным практикам возрастает с увеличением потребности в медицинской помощи. Возможно, воспринимаемая недостаточная эффективность или доступность традиционного лечения обостряет запрос на альтернативную медицину. С одной стороны, это говорит о важности соответствующей просветительской работы по популяризации официального медицинского подхода, с другой – видится, что врачам для улучшения коммуникации с пациентами желательно самим разбираться в самых популярных из нетрадиционных практик (например, в применении гомеопатии). Это может способствовать повышению доверия врачам и комплаентности у некоторых категорий пациентов, в первую очередь пожилых женщин.

Оценка внешнего вида врача зависит от субъективного опыта взаимодействия с медиками. Здесь существует гендерное разделение: 40% опрошенных ассоциируют врача с женщиной, при этом наиболее велико число людей с хроническими заболеваниями (имеющих реальный опыт); ещё 23% видят во враче мужчину, и здесь чаще всего встречаются люди без хронических заболеваний; остальные 37% не дали конкретного ответа (затруднились). Видно влияние стереотипов, когда имеющие меньше опыта пациенты чаще подвержены стереотипам о профессии врача как о «мужской» (например, в противоположность представлениям о «сестринском деле» как о женской сфере деятельности).

Национальные различия тоже присутствуют: для 46% респондентов врач принадлежит к русской национальности, 39% не имеют устойчивого национального образа врача («затруднились ответить») и только 15% опрошенных ассоциируют врача с иными, нерусскими национальностями.

Население склонно доверять лично знакомым врачам, что было выявлено и в других исследованиях [22]. «Рядовые» знакомые медработники в несколько раз чаще «публичных» называются в качестве уважаемых врачей, что опять свидетельствует о важности личного контакта, «своего» человека в вопросах доверия. Единого «амбассадора» врачебной профессии в массовом сознании, можно сказать, нет. Из известных врачей чаще всего называли Л.М. Рошаля (7% от ответов) и Л.А. Бокерию (5%), а 59% респондентов вообще затруднились назвать врача, которому они доверяют.

Об одобряемых аспектах образа можно получить представление при анализе факторов доверия медицинским работникам. Прежде всего это возраст. В большей мере доверяют врачам среднего возраста (рисунок 2), что, по всей видимости, связано с представлением о достаточности у них практического опыта одновременно с обладанием актуальными знаниями. Иные физические атрибуты (пол, внешний вид) принципиального значения не имеют: 81% жителей столицы декларируют равнодушное отношение к внешнему виду врача при условии хорошего выполнения им своих профессиональных обязанностей, чаще всего так считает молодёжь в возрасте 18–34 лет.

В обзоре было отмечено, что зарубежные исследования постулируют важность классического образа врача (белый халат и официальная одежда) для выстраивания положительных отношений между пациентом и медиком. Как следует из результатов нашего исследования, существенной роли внешний вид врача скорее не играет, это относительно малоценный компонент профессионального образа. Классический вид медика важен главным образом для женщин-пенсионерок, что коррелирует с обнаруженной и в зарубежных исследованиях большей симпатией к стереотипному образу (более привычному, комфортному, узнаваемому) более старших групп. Однако в целом в фокусе ценностного восприятия большей части москвичей оказываются скорее качества врача, а не внешние атрибуты.

Одним из важнейших компонентов образа профессии является её престиж. По данным исследования, 84% опрошенных признают, что врач – это уважаемая в социуме профессия. Среди врачебных специализаций наиболее престижной считают хирурга, на что может оказывать влияние широко растиражированный в

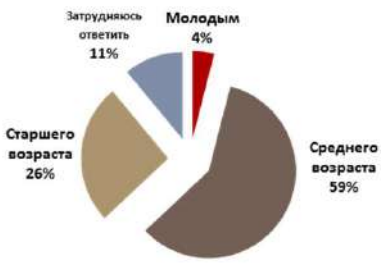


Рис. 2. Доверие к врачам в зависимости от возраста

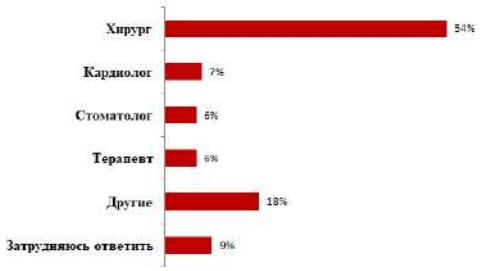


Рис. 3. Престижность врачебных специализаций

средствах массовой информации образ профессионала, спасающего жизни (рисунок 3). При прямой оценке такой образ более престижен (оценка 9 из 10 баллов), чем участковый терапевт (6.5) или медицинская сестра (6), а также иные рассмотренные в исследовании немедицинские профессии (программисты, юристы, учителя, предприниматели, военнослужащие, кассиры). В целом престижность профессии врача в значительной мере обусловливается имеющейся узкой специализацией, что находит смысловое пересечение с упомянутым ранее румынским опросом [16].

Форма собственности организации, в которой трудится врач, тоже влияет на представления о престижности. Большей престижностью обладают частные медицинские организации, чем государственные (51% против 25%), что обусловлено представлением (не всегда корректным) о более высоких заработках, внимании и заботе о людях и хорошем сервисе. Выделение достаточного объёма времени на общение врача и пациента подчёркивается как один из самых важных аспектов заботы о пациенте в платных клиниках. Престижность государственных медицинских организаций основана в том числе на представлениях об их надёжности и стабильности, а также на убеждении, что в них работают «по призванию», а не за деньги. Тем не менее москвичи признают, что квалифицированный персонал в равной степени представлен и в частных, и в государственных организациях. Встречается точка зрения, что государственные организации лучше подходят для получения опыта и профессионального роста, а дальнейшее развитие карьеры может быть связано с работой в частных клиниках.

Взаимное сравнение сильных сторон частных и государственных медицинских учреждений можно увидеть на рисунке 4.

Престижность места работы медицинских специалистов коррелирует с формой оказания помощи: 42% затруднились ответить, 39% считают, что более престижно работать в больнице, только 19% видят престижной работу в поликлинике. Восприятие престижности работы в больницах можно связать с восприятием работы там как требующей большей квалификации, близостью к критическим ситуациям спасения жизни (в том числе воспетым в художественных произведениях), получением достаточно оперативной помощи (по причине быстрого купирования симптомов) в противоположность зачастую многолетнему лечению хронических заболеваний в поликлиниках, требующему определенной работы пациента над своим образом жизни. Можно увидеть параллель между восприятием формы оказания помощи и специализации – популярные хирурги ассоциируются, как правило, с больницами, тогда как участковые терапевты работают в амбулаторно-поликлиническом звене. Характерно, что большинство респондентов вообще считают, что врач – это тот, кто скорее работает в больнице (42%), а не в поликлинике (24%).

Один из главных недостатков профессии врача – тяжесть и неблагодарность труда, в том числе материальная. Так считают две трети москвичей преимущественно старшего возраста. В финансовом плане профессия врача часто ассоциируется с невысокими заработками (38%), хотя обращает на себя внимание существенный процент затруднившихся с ответом. Профессия видится статусной, гуманной, но не всегда по достоинству материально обеспеченной.

Заключение

Исследование показывает сложность и многоаспектность образа врача в массовом сознании, который включает личные и профессиональные качества, внешние атрибуты, представления об определенном уровне статусности, дифференциацию в зависимости от формы оказания помощи, специальности.

В целом образ врача позитивен, в его основе – личностные и профессиональные качества. Ассоциации с внешним видом (например, белый халат) менее выражены, и можно говорить, что внимание к этому аспекту образа в литературе за счет других аспектов скорее незаслуженно. Респондентов, по их отзывам, больше интере-

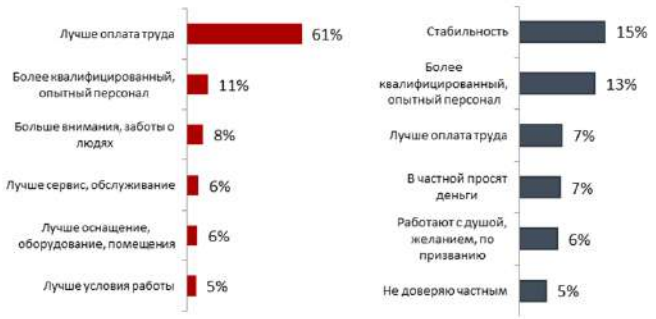


Рис. 4. Качества частной и государственной медицины

суют личные и профессиональные качества врача, чем то, как он одет.

Врач видится гуманной, самоотверженной, уважаемой профессией, при этом население признает, что их труд могут не ценить, в т.ч. с материальной точки зрения. Врач может не иметь возможности реализовать свой потенциал, поскольку может выступать «винтиком» системы здравоохранения. Опрошенные москвичи склонны доверять лично знакомым врачам, общепризнанных лидеров врачебного сообщества с этих позиций у них нет.

Как и в других исследованиях, больше уважения к врачам в больницах и больничным специальностям, таким как хирурги, чем амбулаторно-поликлиническому звену и, например, участковым терапевтам. Частная медицина видится более престижной, чем государственная, притом что квалификация представителей государственной медицины не считается респондентами меньшей. Дело в восприятии частной медицины как сферы с более высоким доходом и лучшими возможностями для сервиса.

Интересны вопросы стереотипии, которые, как тенденция, в большей степени обнаруживаются у тех, кто за помощью обращался меньше (реже сталкивался с реальными врачами), например более частые представления о враче как о «мужской» профессии у людей без хронических заболеваний, несмотря на статистическое преобладание среди врачей женщин.

Несмотря на в целом позитивный образ, важной представляется работа с выявленными негативными аспектами восприятия врачей, в основном имеющими отношение к реальному опыту взаимодействия со специалистами. Видится, что построение системы управления образом врача (и других медицинских специалистов) в массовом сознании, включающей в себя систему социологического мониторинга, является важнейшей задачей в процессе формирования позитивного образа врача будущего и снижения разрыва между «должным» и «реальным» в данном образе.

Список литературы

1. Решетников А.В., Айвазян Ш.Г., Присяжная Н.В. Роль участкового врача во мнениях молодых и опытных профессионалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 331–346.

2. Ipsos. Доверие к профессиям. 2021. URL: https://www.ipsos.com/ru-ru/global-trustworthiness-index-2021 (дата обращения: 22.04.2022).

3. Ющук Н.Д., Ачкасов Е.Е., Мартынов Ю.В. и др. Высшая медицинская школа глазами преподавателей, студентов, врачей и населения. Информационно-аналитические материалы по результатам социологического исследования. М.: Триада-Х, 2011. 128 с.

4. Чигринова Е.А. Особенности лингвокультурного образа-стереотипа «врач» с позиций направленного ассоциативного эксперимента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 153–157.

5. Шуюе Ц. Образ врача в языковом сознании носителей русского и китайского языков // Вопросы психолингвистики. 2021. № 1. С. 160–169.

6. Аксой Г.А. Образ врача в современной татарской литературе // Филология и культура. 2021. № 4. С. 143–148.

7. Бузмакова А.Л. Образ врача в отечественной драматургии // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 2. С. 37–39.

8. Ихун Д. Образы врачей в пьесе А.П. Чехова «Иванов» и рассказе «Палата № 6» // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4. С. 479–481.

9. Магомедова Р.А. Стратегии невежливости в формировании художественного образа врача (на материалах сериала House M.D.) // Цифровая наука. 2021. № 1. С. 58–74.

10. Dong-Seon C., Hyeyeon L., Hyejung L. et al. What to wear when practicing oriental medicine: Patients' preferences for doctors' attire // The Journal of Alternative and Complementary Medicine. 2011. Volume 17. Number 8. P. 763–767.

11. Maruani A., Leger J., Giraudeau B. et al. Effect of physician dress style on patient confidence // JEADV. 2012. № 27(3):e333-7.

12. Kawarai Lefor A., Ohnuma T., Nunomiya Sh. et al. Physician attire in the intensive care unit in Japan influences visitors' perception of care // Journal of Critical Care. 2018. № 43. P. 288–293.

13. Jennings J.D., Ciaravino S.G., Ramsey F.V., Haydel Ch. Physicians' attire influences patients' perceptions in the urban outpatient orthopaedic surgery set-

ting // Clinical Orthopaedics and Related Research. 2016. Volume 474. P. 1908–1918.

14. Jennings J.D., Pinninti A., Kakalecik J. et al. Orthopaedic physician attire influences patient perceptions in an urban inpatient setting // Clinical Orthopaedics and Related Research. 2019. № 477. P. 2048–2058.

15. Beach M.C., Fitzgerald A., Saha S. White coat hype: branding physicians with professional attire // JAMA Intern Med. 2013. № 173. P. 467–468.

16. Dancu V.S. The public image of doctors and illness // Conference: The public image of doctors and illness. 2017. Project: Economia bunurilor imaginare. Sociologia ideologiilor, credintelor colective si superstitiilor la romani. URL: https://www.researchgate.net/publication/320161717_The_public_image_of_doctors_and_illness (дата обращения: 17.04.2022).

17. Kovačič M.P., Erjavec K. The image of doctors in the Slovenian daily press: White mafia or hardworking altruists? Podoba zdravnikov v slovenskem dnevnem tisku: bela mafija ali delavni altruisti? // Zdrav Vestn. 2011. № 80. P. 182–187.

18. Fletcher K. Image: changing how women nurses think about themselves. Literature review // Journal of Advanced Nursing. 2007. № 58 (3). P. 207–215.

19. Пацеева А.Г. Социальные ожидания пациентов как элемент оценки качества оказания медицинской помощи // Социологический альманах. 2020. № 11. С. 155–162.

20. Фадеева Е.В. Доступность бесплатной медицинской помощи в России: состояние и проблемы // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 94–104.

21. Богдан И.В., Дренева А.А., Чистякова Д.П. Изменился ли образ врача в пандемию? // Труды III форума с международным участием «Социология здоровья: уроки пандемии и контуры будущего здравоохранения». Москва, 23.11.2021. М.: Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 2021. С. 47–48.

22. OMI и «Платформа». Социальные эффекты пандемии. URL: https://pltf.ru/2020/04/17/omi-i-platforma-socialnye-jeffekty-pandemii/ (дата обращения: 20.04.2022).

IMAGE OF DOCTOR IN THE MASS CONSCIOUSNESS (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH)

I.V. Bogdan, V.A. Kuzmenkov, D.P. Chistyakova

Research Institute for Healthcare and Medical Management of Moscow Healthcare Department

There are few studies that examine the image of a doctor in its entirety; more often than not the publications focus on individual aspects of the image using non-representative samples. A survey of Moscow residents was conducted on a random stratified sample (N=1201) to understand the perception of various aspects of doctor's image. Closed and open-ended (projective) questions were used. The purpose of the study was to identify the image of a doctor. The study confirmed the complexity, multidimensionality of the social perception (image) of the profession. The attitude towards the specialty is rather positive, associations with professional and personal qualities predominate in content. The doctor is seen as a humane, selfless and respected profession, at the same time, not always receiving well-deserved recognition and opportunities. Muscovites tend to trust doctors they know personally; they do not have generally recognized leaders of the medical community. The population sees work in private medicine and hospitals (especially in surgery) as more prestigious for doctors. Despite the generally positive image, it is important to manage the image and work with the negative aspects of the perception of doctors.

Keywords: personal qualities, professional qualities, status, prestige, doctor's image, survey.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_4_103

ПРОБЛЕМА КОРРУПЦИИ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЙ СФЕРАХ: СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ

© 2022 г.

С.В. Грибанов

Грибанов Сергей Владимирович, к.филос.н.; доц.; доцент кафедры философии и социально-правовых наук Волжского государственного университета водного транспорта, Н. Новгород
s.gribanow2011@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.08.2022
Статья принята к публикации 22.10.2022

Статья посвящена рассмотрению феномена коррупции в контексте методологии социологии права. Утверждается, что узость понимания феномена коррупции как криминализованного социального явления, характеризующегося высокой степенью общественной опасности, не позволяет выявить его социальные истоки и закономерности, являющиеся общими для национального и международного права. Обосновывается положение о том, что коррупция как системное социально-правовое явление, обусловленное ценностно-нормативной и институциональной подсистемами общества, предстает в виде «испорченности» социальных институтов, сопровождающей человечество на протяжении всей его истории.

Ключевые слова: социология права, социальная солидарность, юридический позитивизм, неоинституционализм, социология коррупции, «испорченность» социальных институтов.

Введение

Термин «коррупция» происходит от латинского corruptus, что переводится как «испорченный». Употребляя словосочетание «проблема коррупции», мы претендуем на научное осмысление феномена коррупции, т.е. подведение теоретической базы под многочисленные эмпирические проявления «испорченности» социальных механизмов – фундаментальных институтов, без которых невозможно функционирование общества.

Как научное понятие коррупция рассматривается нами в широком и узком смыслах. В узком смысле коррупция – это криминализованное явление общественной жизни, девиация социальных отношений. Феномен коррупции в широком смысле, понимаемый как «испорченность» социальных институтов, на наш взгляд, не является аномалией развития общества. В этом смысле коррупция выступает составной частью, структурным элементом социальных отношений, в свою очередь формирующих нормы права, социальные институты, а также составляющие их социальные практики. Коррупция в широком смысле укоренена в культуре народов, традициях, обычаях, неформальных социальных практиках и зачастую не имеет негативной смысловой окраски. Как понятие массового сознания коррупция балансирует между благодарностью, почестями, уважением, т.е. социально одобряемым, «привычным» (хабитуализация) поведением и лихоимством (в исторической ретроспективе), взятками, подкупом. Если то или иное дело – будь то судебное или гражданское – решалось в древности либо в Средневековье «по справедливости», с соблюдением всех предписанных законом процедур (в противоположность «волоките»), то в этом случае *подношение даров* чиновнику трактовалось как почесть, благодарность, а не как взятка. В зависимости от контекста один и тот же тип социального поведения (действия) приобретал совершенно разную окраску. Данная закономерность, исторически меняя свои формы, но оставаясь по сути своей неизменной, сопровождает человечество с момента возникновения общества и социальных отношений.

Задача социологии права на сегодняшний день состоит в выявлении закономерностей, условий, способствующих и препятствующих коррупционному поведению, приносящему вред обществу, а также в установлении смысловой корреляции между фундаментальными категориями социологии и понятиями юриспруденции. Одним из перспективных направлений исследования закономерностей коррупции как социально-правового феномена является, на наш взгляд, рассмотрение понятия коррупции в контексте теории социальной солидарности Э. Дюркгейма. Право, по мнению Э. Дюркгейма, является отражением социальной солидарности, которая, в свою очередь, поддерживается разделением труда: «Поскольку право воспроизводит основные формы социальной солидарности, нам остается только классифицировать

различные виды права, чтобы затем исследовать, каковы соответствующие им виды социальной солидарности. Вероятно, среди них есть вид, символизирующий ту социальную солидарность, причина которой – разделение труда» [1, с. 69].

В контексте формальных, узаконенных социальных практик социальная солидарность препятствует отклоняющемуся коррупционному (в узком смысле слова) поведению, а в контексте неформальных, неузаконенных либо незаконных социальных практик, напротив, способствует расцвету коррупции (в широком смысле слова). Неформальные социальные практики, носящие деструктивный, разрушительный для общества характер, как правило, возникают на основе заимствований структур формальных (официальных, законных) социальных практик, становясь их тенью, кривым отражением. В частности, например, формализованные нормы социального института семьи, структура семьи и социальные роли в семье, будучи перенесены в качестве шаблона социальных отношений в преступную среду, трансформируются до неузнаваемости, сохраняя тем не менее функцию сплочения, солидарности преступного сообщества – мафиозных «семей», кланов.

Методология

Методологической основой социально-правового подхода к изучению феномена коррупции являются исследования отечественных и зарубежных ученых, объединяемые общей тенденцией рассмотрения правовых явлений в контексте фундаментальных категорий макро- и микросоциологии. Эта тенденция начала заявлять о себе еще в XIX веке, в трудах Рудольфа фон Иеринга (1818–1892), который считается основоположником юридической социологии («Дух римского права на различных ступенях его развития», «Цель в праве», «Борьба за право» и др.). По мнению Р. Иеринга, «в праве ограждает и отстаивает человек условие своего существования – без права опускается он на степень животного, как поэтому Римляне совершенно последовательно смотрели на рабов с точки зрения абстрактного права, ставя их наравне с животными» [2, с. 25]. В его теории право понимается как особое состояние социальной действительности – «правовое состояние», противоположное хаосу первобытного состояния, в котором человек опускается на уровень животного. Правовым, в этом смысле, является социально «полезное», «правильное» или «неправильное», «более правильное» или «менее правильное» на данной, конкретной ступени социального развития [3, с. 4].

Наряду с Р. Иерингом у истоков социологии права стояли Е. Эрлих, Л. Дюги, Л.И. Петражицкий, С.А. Муромцев, Б.А. Кистяковский, В.П. Казимирчук. Значительный вклад в развитие социологии права внесли Р. Паунд, О. Холмс, Р. Мертон, Ф. Тенненбаум, Э. Саттерленд, А. Коэн [4, с. 147].

На протяжении всего XX века юриспруденция находилась под сильнейшим влиянием социологических идей. При этом, по словам Майкла Фримэна, большую часть XX века социология права находилась в тени социологической юриспруденции Р. Паунда, а не М. Вебера или Э. Дюркгейма. А с 1960-х гг. появляются так называемые «социоправовые исследования», в которых акцент делался скорее на «поведении» институтов, нежели на попытке осмыслить правовую доктрину. Подобные исследования, представлявшие собой «переходную фазу», были далеки от социологии права (Е. Эрлиха, Э. Дюркгейма или М. Вебера), концентрировавшейся на «понимании социального порядка через исследования права». «Большинство из современных авторов стремятся выяснить, что следует включать в такое понимание. Следует ли преобразовывать правовые дефиниции в социологические категории или же социологические взгляды в правовые концепции? Могут ли быть объединены два подхода? Если право обладает ограниченным социологическим пониманием мира, должна ли социология предложить юристу возможность лучше оценить ее?» [5, с. 77–79].

Основополагающей причиной, вызвавшей к жизни новую правовую доктрину социологизма, было развитие глобализационных процессов во всем мире, приведшее к мировой войне, огромным разрушениям, потрясениям, и, как следствие, возникновение потребности мирового сообщества в переосмыслении изменившегося мирового правопорядка. Вестфальская система международных отношений оказалась неспособной функционировать в условиях новых глобальных вызовов. Глобализация в сфере международных отношений проявилась в создании крупных, а точнее имеющих глобальный масштаб, международных организаций – Лиги Наций, а впоследствии ООН. Появление этих организаций на международной арене означало, что способ решения проблем международного сообщества, действующего на основе принципа суверенитета национальных государств, провозглашенного Вестфальской системой, – «Кто правит, того и вера» – уходит в прошлое. Юридический позитивизм, обосновывавший в XIX веке концепцию «согласия» (для принятия какого-либо решения и для его отмены равным обра-

зом требовалось согласие членов международного сообщества), теперь был не в состоянии ответить на вопрос о том, как заставить государства, в условиях новых вызовов и угроз мировому сообществу, соблюдать взаимные обязательства вопреки их согласию [6, с. 56–57]. Позитивистская концепция права удачно вписывалась в мировой правопорядок XIX века, который включал в себя такие, казалось бы, несовместимые принципы международного права, как «сосуществование» (в мирное время) и «хищническое истребление» (в период войны). Главенство этих принципов в международном праве, а также применение силы, неравноправные договоры, аннексия территорий и т.п. продолжалось до тех пор, пока войны носили локальный характер. В условиях же мировых войн, приносивших огромные разрушения, произвольные межгосударственные соглашения, заключавшиеся в рамках ««всемогущей» власти и волеизъявления отдельных государств», больше не могли оставаться основанием международного правопорядка.

Результаты

Теоретическое оформление социологической концепции права на международном и национальном уровнях в начале XX века было обусловлено полемикой этого нового направления научной мысли с юридическим позитивизмом (Г. Кельзена, Г. Харта, Дж. Раца) [6, с. 55]. Ключевыми моментами полемики были вопросы, связанные с переосмыслением статуса понятий «государство», «суверенитет», «мировое сообщество», «право», «источники права», «естественное право» в процессе обоснования нового мирового правопорядка через призму социологического знания и в соотношении с системой социологических категорий.

«Социология права того времени толковалась то более объективно, то более субъективно. Субъективная трактовка предполагала, что правовое сознание является окончательной проверкой права. Правом является то, что социальными слоями «признается» в качестве закона. Opinio juris здесь играет главную роль. Это направление социологии представлено такими учеными, как Е. Бирлинг, М. Вебер, Е. Эрлих» [6, с. 59]. М. Вебер предлагает различать юридический и социологический подходы к праву, правовой норме. Первый подход предполагает выяснение вопроса о том, «что в идеальном смысле считается правом» или, другими словами, «какой нормативный смысл должен быть логически правильно выведен из языковой структуры, выступающей как правовая норма». Второй подход исходит из «того, что фактически происходит в общности, где существует вероятность, что участвующие в общностном действии индивиды, особенно те из них, кто может эффективно влиять на это действие, субъективно воспринимают и практически используют некоторые порядки как значимые, т.е. ориентируют на них свое поведение» [7, с. 19].

По мнению Е. Эрлиха, «центр тяжести развития права в наше время, как и во все времена, лежит не в законодательстве, не в юриспруденции и не в правоприменении, а в самом обществе» [8, с. 64]. В соответствии с объективной трактовкой (Л. Дюги, Ж. Ссёль, Н. Политис) право есть продукт материальной взаимозависимости социальных акторов на экономическом, политическом, культурном и других уровнях, то есть совокупность социальных факторов, в основе которой лежит социальная солидарность [6, с. 59].

Прежнее понимание суверенитета, при котором отдельное государство претендовало на роль единственного и независимого законодателя, в условиях продолжавшейся глобализации, особенно в период между мировыми войнами, признается социологами права опасным. При таком суверенитете международное сообщество, по мысли одного из представителей социологической школы международного права Н. Политиса, неизбежно и закономерно погружается в анархию, что собственно и происходило в период мировых войн первой половины XX века. Теперь государство уже не может позволить себе прежнюю «роскошь» суверенитета – «не ограничивать себя ничем, кроме собственного произвола». А «ограниченного суверенитета» не может быть по определению. Тем самым, государству ничего не остается, как подчиниться действию императивных норм международного сообщества [6, с. 62].

Социология права, в отличие от позитивизма, не считала волеизъявление государства единственным источником юридического обязательства. Истинным источником права выступают социальное взаимодействие, социальные отношения, которые формируют эффективную модель социального поведения. Социологизм выступил против ключевого тезиса позитивизма о ведущей роли государства в сфере права. Леон Дюги (1859–1928) применительно к национальному праву и Николас Политис (1872–1942) применительно к международному праву утверждали, что источником права является вовсе не государство с его суверенитетом, а люди, объединенные социальным взаимодействием, взаимозависимостью, социальной солидарностью. Для Л. Дюги «норма права имеет

основанием факт общественной солидарности»: «В солидарности я вижу лишь факт взаимозависимости (interdependance), соединяющей друг с другом в силу общности потребностей и разделения труда членов человечества, и в частности членов одной и той же социальной группы. Таким образом, люди подчинены социальной норме, основанной на соединяющей их взаимозависимости. …Прежде всего, эта норма поведения есть не этическая, а юридическая норма» [9, с. 21–23]. Именно социальный контакт, основанный на солидарности, приводит к возникновению норм права после их признания обществом в качестве жизненно необходимых правил. Подобная солидарность не замыкается в границах государства, продолжаясь и за его пределами, образуя международно-правовые нормы. Тем самым, и национальное и международное право принадлежат к одной системе права, образуя структурные элементы единого правопорядка [6, с. 59, 60].

В основе мирового сообщества и государства, которые Н. Политис считает абстракциями в отличие от человека, по его мнению, лежат одни и те же принципы социальной организации. В соответствии с этим меняется представление о самом понятии международного права, которое теперь не воспринимается в качестве закона, регулирующего межгосударственные отношения. Оно включает в себя абсолютно все отношения между людьми, как внутри государств, так и на межгосударственном уровне. Исходя из этого, международное право становится «международным частным правом», представляющим собой совокупность правил, которые регулируют взаимоотношения между людьми, относящимися к различным политическим объединениям [6, с. 61].

В 1962 г. социология права получила официальное признание в качестве отрасли научного (социологического) знания на V Международном социологическом конгрессе, проходившем в США, в г. Вашингтоне. Предмет социологии права, в силу междисциплинарного характера (социология и правоведение), вызывает определенные споры, поскольку многие правоведы считают ее юридической наукой, а социологи – одной из социологических теорий среднего уровня [10, с. 3].

Вопрос о положении отечественной социологии права в системе юридических наук по сей день остаётся дискуссионным. Большинство исследователей «рассматривает социологию права как науку, тесно связанную с теорией права, но одни считают, что социология права сложилась и существует наряду с теорией права, другие – внутри нее. В.Н. Кудрявцев и В.П. Казимирчук полагают, что социология права является самостоятельной наукой, представляя определенным образом структурированную систему знаний о праве» [4, с. 147].

По мнению М.Н. Марченко, «к настоящему времени «в какой-то мере» проанализированы связи социологии права с криминологией и «социологией уголовного права», однако исследователи в то же время не без оснований отмечают, что «соотношение социологии права с большинством юридических дисциплин еще не выяснено». Особенно это касается таких сопредельных, «смежных» с социологией права дисциплин, как философия права и теория государства и права» [11, с. 8].

Сопряженность юриспруденции, права, криминологии с одной стороны и социологии, социологии культуры, социальной психологии с другой стороны в их попытке осмысления «испорченности» социальных институтов как совокупности норм (правовых, политических, экономических, религиозных и др.) указывает на междисциплинарный, комплексный, системный характер проблемы коррупции.

Современные исследователи проблемы коррупции указывают на необходимость перехода от однобокого, т.е. исключительно юридического, криминологического рассмотрения феномена коррупции к фундаментальному его изучению как системного социального явления, обусловленного состоянием ценностно-нормативной и институциональной подсистем общества. Залогом успешного проведения антикоррупционной политики, по мнению многих исследователей, является изучение социального механизма взаимодействия социальных институтов, норм и ценностей, социальных структур, социальных практик и моделей поведения.

Высказываются мнения о том, что необходимо создавать новые научные направления исследований, связанные с изучением феномена коррупции. В частности, Г.А. Сатаров обозначил в качестве предмета исследования перспективной научной дисциплины – *социологии коррупции* – взаимодействие между новыми институтами и старыми неформальными нормами и практиками [12, с. 152]. Э.Л. Сидоренко называет главной задачей нового направления криминологических исследований – *коррупциометрии* – выявление устойчивых и переменных признаков коррупции как социального явления [13, с. 18]. Главным понятием коррупциометрии является полифакторный индекс коррупции (ПИК), рассчитываемый «на основе математического измерения корреляции между должностной преступностью и основными социальными, экономическими и политическими показателями развития общества» [14, с. 29].

Эффективность антикоррупционной политики во многом зависит также и от точности соблюдения технико-юридических правил при дефинировании термина «коррупция». Как известно, дефиниция должна включать в себя только существенные признаки обобщаемого явления. В противном случае юридическое понятие становится неясным и сложным для восприятия и понимания. В соответствии с этим правилом, следует избегать избыточности правовых терминов, т.е. наличия в дефиниции случайных, второстепенных и производных признаков явлений. Несмотря на это, исследователи отмечают наличие необоснованно избыточного использования терминов в определении коррупции, содержащемся в пункте 1 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [15]. В частности, избыточным считают дублирование смысла понятия «имущество» словами «деньги» и «ценности», поскольку указанное понятие определяется в ст. 128 ГК РФ. Кроме того, законодателю предписывается избегать двусмысленности, неточности юридических формулировок, использования равнообъёмности (синонимичности понятий). Однако и в этом случае определение коррупции попадает в контекст «многозначности»: понятие «законный интерес», как один из смысловых аспектов, характеризующих феномен коррупции, оказывается далеко не единственным и далеко не однозначным понятием в отечественном законодательстве. Например, применительно к обществу и государству в УК РФ наиболее часто используется словосочетание «охраняемые законом интересы», а в отношении граждан – «законные интересы». Понятие «интерес» используется в законодательстве и без привязки к «законности» (напр., «интересы службы» – ст. 285, 332 УК РФ) [16, с. 90–92].

В качестве недостатков определения «коррупции» исследователи отмечают также:

– нарушение принципа формулирования понятия в контексте межотраслевых связей, в частности понятие «услуги» по-разному определяется в УК РФ и ГК РФ, что чревато противоречивым толкованием указанного понятия;

– несовпадение объема понятия «коррупция» с его содержанием: не учитывается тот факт, что основу коррупции составляют не только выгоды имущественного характера, но и неимущественные выгоды;

– несоответствие, в силу терминологических расхождений, внутригосударственных норм нормам международного права. В частности, в российском законодательстве отсутствует смысловой коррелят понятиям международного права, обозначающим субъекта коррупции – «государственное должностное лицо» (Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, ст. 1), «публичное должностное лицо» (Конвенция ООН против коррупции, ст. 2). Близкими по смыслу указанным понятиям могли бы быть «публичная служба», «публичный служащий»;

– отсутствие в действующей правовой базе борьбы с коррупцией РФ имплементации положений Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, принятой в рамках Совета Европы 4 ноября 1999 года. Институты гражданского права, являющиеся наиболее эффективными механизмами в противодействии коррупции, остаются недооцененными в отечественной юриспруденции [16, с. 93–94].

Сложность понятийного определения феномена коррупции обусловлена попытками его дефинирования через обобщение видовых отличий – многочисленных эмпирических её проявлений, обусловленных многообразием и неисчерпаемостью социальных отношений. Мы предлагаем положить в основу дефиниции «коррупции» её родовой признак, в качестве которого рассматриваем исходный смысл латинского термина corruptus – «испорченность».

Начальным этапом изучения феномена коррупции должно стать социологическое исследование, устанавливающее общие признаки, универсальные характеристики феномена коррупции – *сущность* и *условия проявления* «испорченности» социальных институтов как таковых, независимо от охватываемой каждым из них сферы деятельности человека.

При этом понимание коррупции как «испорченности», по сравнению, например, с толкованием коррупции как «подкупа», позволяет охватить более широкий круг многочисленных *форм её проявления* и на следующем, правовом этапе изучения феномена коррупции, расширить круг общественно опасных деяний, не ограничиваясь криминализацией лишь наиболее общественно опасных из них. Понимание коррупции как «личной корыстной заинтересованности», как «подкупа» не способно отразить реального многообразия форм коррупционного поведения – считает Л.М. Прозументов [17, с. 4]. По его мнению, более правильным смыслом «коррупции» следует считать «порчу», «повреждение нормального процесса управления делами общества» (лат. corrumpere – от лат. corer – несколько, не менее двух, участников и rumpere – ломать, нарушать) [17, с. 5]. Умышленное нарушение процессов управления обществом, их «порча» происходит в результате подмены должностным лицом одних целей другими. Цели, установленные правовыми нормами для процессов управления, подменяются субъек-

тивными целями чиновника. Момент такой подмены становится предпосылкой и исходной точкой коррупционного поведения. Содержание и направленность субъективных целей определяют широту охвата и степень общественной опасности противоправных деяний. Деяния, совершаемые с корыстным интересом и имеющие наивысшую степень общественной опасности, чаще всего характеризуются как коррупционные и подпадают под действие уголовного права. Подобными коррупционными деяниями и ограничивается дефиниция коррупции, если мы исходим из «узкой» её трактовки, т.е. коррупции как «подкупа». Узость данного подхода не позволяет «видеть» коррупционные деяния сквозь призму других отраслей российского законодательства – административного, конституционного, налогового и др. Существуют и иные формы коррупционных деяний, не связанные с корыстным интересом, а совершающиеся из мести, ревности, с целью обогащения третьих лиц и т.д. [17, с. 6].

Эти и подобные им формы коррупционного поведения, а также ещё не сформировавшиеся, в силу отсутствия определенных социальных отношений, но имеющие предпосылки для возникновения в будущем, вписываются в более широкую трактовку понятия коррупции – «испорченности» социальных институтов как совокупности норм, удовлетворяющих фундаментальные потребности человеческого общества.

Научное понимание «коррупции», категоризация коррупции предполагает выделение основополагающих (родовых) признаков, социальных истоков, закономерностей, условий функционирования данного социально-правового явления.

Социальные явления детерминируются, как известно, социальными отношениями. Социальные отношения появляются с момента зарождения общества, т.е. перехода человекообразных существ от практически ничем не регулируемых стадных отношений к отношениям, запрещающим (табуирующим) определенные действия в отношении себе подобных. Действия, подпавшие под запрет (табу) и получившие над-индивидуальный (коллективный) смысл, становятся с этого момента социальными. Стадо человекообразных обезьян, получившее регуляторы-табу, уже по определению не может оставаться стадом и постепенно трансформируется в сообщество людей – человеческое общество. Возникают потребности, удовлетворение которых становится возможным только в результате совместных организованных действий. Основополагающее качество человека (Homo *sapiens)* – разумность становится началом длительного процесса упорядочения, совершенствования, гармонизации социальной жизни. Таким образом, понятия «человек» и «социальные отношения» имеют общий смысловой контекст, связанный с формированием первобытных коллективных потребностей и оформлением их в то, что современные ученые называют социальными институтами.

Первые социальные механизмы удовлетворения потребностей (институты), призванные приносить пользу человеку, были далеки от совершенства. Изначально они оказались «испорченными» (corruptus), заключая в себе не только функции (приносимая обществу польза), но и дисфункции (причиняемый обществу вред). Указанные антиномии (функции и дисфункции) лежат в основе диалектического понимания сути социальных институтов, которые в реальности не могут существовать только как некие идеально функционирующие механизмы.

Задача институтов – упорядочение социальной жизни, социального взаимодействия через систему норм, предписаний, санкций, часть из которых получает отражение в сфере права, закона, а другая часть остается укорененной в сфере обычаев, традиций, морали, нравственности, религиозных ценностей. Институты призваны обеспечить относительно цивилизованный доступ человека к общественным благам. Главным гарантом реализации этого процесса выступает публичная власть, государство. Однако история человечества свидетельствует о том, что социальные институты, в силу своей «испорченности», далеко не всегда и не в полной мере выполняли поставленные перед ними обществом и государством задачи.

Возникает вопрос, чем является коррупция, как «испорченность» социальных институтов, по отношению к социальной системе: социальным институтом? социальным фактом? социальной практикой? или чем-то ещё? Попытаемся ответить на эти вопросы, обратившись к истории социологических концепций и идей.

В теории Т. Парсонса институты осуществляют координацию социальных действий в общественной системе и тем самым обеспечивают ее устойчивое функционирование. Стабильность же социальной системы обусловлена не практически наблюдаемыми образцами поведения, выступающими «латентной подосновой» норм, а неизменностью ценностей и норм, которые являются сутью социальных институтов [18, с. 5]. «Институциональная структура – это один из видов интеграции действий входящих в неё индивидов», – утверждает Т. Парсонс. По его словам, «интеграция функционально необходима для того, чтобы система оставалась в стабильном состоянии и

была способна справляться с внутренними конфликтами, которые в противном случае могут стать для неё роковыми» [19, с. 335].

В отличие от Т. Парсонса Р. Мертон указывает на двоякую сущность стабилизирующей функции социальных институтов, проявляющей себя как явно, так и латентно, благодаря которой они способны превратиться в дестабилизирующий фактор социально-культурной системы [18, с. 5]. По словам Р. Мертона, «девиантное поведение и разрушение нормативной системы возникает из-за конфликта между культурно-принятыми ценностями и социально структурированными трудностями для тех, кто станет жить согласно этим ценностям» [20, с. 318].

Дестабилизирующим фактором социальной системы можно считать «испорченность» социальных институтов. Однако в классической социологической парадигме институты призваны закреплять правила социальных взаимодействий, устанавливать нормы взаимоотношений в обществе, легитимировать неравенство социальных статусов и т.п., то есть, в общем и целом, обеспечивать стабильность социальной системы. Коррупция же, как «испорченность» социальных институтов, не может быть узаконена и признана ценностью и нормой, стабилизирующей общество. Поэтому понимание коррупции как социального института не вписывается в данную структурно-функциональную парадигму.

Более приближенной к современной научной парадигме, позволяющей по-новому переосмыслить феномен коррупции, на наш взгляд, является теория неоинституционализма, получившая широкое развитие в 60-х гг. XX века в трудах американских экономистов Рональда Коуза [21] и Дугласа Норта [22]. Они выдвинули идею о постоянной изменчивости социальных институтов в качестве нормы их функционирования. Наряду с узаконенными нормами социальных взаимоотношений в состав понятия «социальный институт» они включили широко практикуемые неформальные правила, массовые образцы поведения, связанные с обычаями и обрядами [18, с. 4–6]. Тем самым наличие как формальных, узаконенных, так и неформальных, неузаконенных правил (конструктивных и деструктивных), лежащих в основе функционирования социальных институтов, считается нормой с точки зрения неоинституционализма.

Словосочетание «широко практикуемые неформальные правила» можно интерпретировать как неформальные социальные практики. Учитывая, что последние, в контексте неоинституционализма, составляют суть социальных институтов, можно утверждать, что социальные институты функционируют посредством различных социальных практик, в том числе и деструктивных. Социальные практики являются составной частью социальных институтов. Наличие деструктивных социальных практик в составе того или иного социального института является показателем его «испорченности», или «коррумпированности». Но это не означает, что социальный институт совершенно не выполняет своих функций. Дисфункции, «испорченность» социального института могут также быть залогом его успешного функционирования, поскольку коррупция как «испорченность», на определенном этапе эволюции того или иного института, является не чем иным, как компенсацией несовершенств его социальных механизмов. Люди с низким социальным статусом, не обладающие обширными социальными связями, столкнувшись с невозможностью удовлетворить свои потребности и реализовать свои интересы в рамках формальных, узаконенных социальных практик, в силу их несовершенств («испорченности»), всегда могут «уйти в тень» формальных норм, выйти за пределы публичности, в сферу неформальных коррупционных социальных практик, с целью получения собственной выгоды. «Испорченность» социального института может приносить пользу одному индивиду и в то же время вред другому. «Испорченность» укоренена в интересах социальных групп, классов. Одни и те же функции социального института могут быть функциями, если осуществляются законным путём, в рамках формальных норм, а могут становиться дисфункциями, если реализуются незаконным (неузаконенным) путём. Этим обстоятельством объясняется «вечность и неуничтожимость» коррупции как социального явления.

Исходя из сказанного и отвечая на поставленные выше вопросы относительно соотношения понятия «коррупции» с понятием «социальной системы», можно утверждать, что «испорченность» социальных институтов концентрируется в неформальных социальных практиках. Последние, в свою очередь, могут быть как конструктивными, так и деструктивными, в зависимости от исторической эпохи и присущих ей социокультурных ценностей и традиций. В частности, практика «кормлений», как составной части института государства, в средневековой Руси длительное время позволяла поддерживать функции управления государством, с его обширными территориями, на должном уровне. Но это продолжалось до тех пор, пока деструктивная составляющая «кормлений», в виде всё возраставших, не регламентированных государством поборов населения, не перевесила

на чаше весов конструктивную составляющую и не вызвала массовых волнений и беспорядков среди простого населения. Длительная эволюция централизованного государства, постепенное формирование аппарата управления, заставляли центральную власть на первых порах не замечать интересы рядовых граждан и закрывать глаза на нарушение их, еще окончательно не оформленных и не закреплённых в законах «налоговых» прав и обязанностей. Подобным образом «транслируемый» суверенитет государства был неизбежен на том историческом этапе, в силу несформированности «государственно-налогового» институционального аспекта социальных отношений. В рамках социальной практики «кормлений» их размеры, объёмы были в тот период неформальной, неузаконенной нормой, что и привело в конечном итоге к частичному устранению данного несовершенства, составлявшего определенную степень «испорченности» института государства.

Тем самым порчей социального института, его разрушением можно считать «узаконенный» обычаями и неформальными практиками произвол или ведение дел исключительно по собственному усмотрению, когда основным ориентиром деятельности представителя власти становятся не формальные нормы, подчиненные общезначимым целям, а неформальные нормы и обычаи в рамках взаимовыгодных межличностных отношений коррупционного характера. Истоки данной проблемы, по мнению представителей институциональной теории, коренятся в плоскости согласования действий формальных, имеющих юридическое значение, и неформальных, не имеющих такового, норм. В несогласованности этих разнонаправленных элементов заключается суть «испорченности» институциональной структуры социальной системы и причина снижения эффективности её функционирования по всем направлениям деятельности [23, с. 102, 105].

Заключение

Задача социологии права при исследовании проблемы коррупции заключается, на наш взгляд, не только в синтезе и смысловом взаимопроникновении категорий социологии и юриспруденции, но в открытии (постижении) закономерностей отклоняющегося коррупционного поведения и выявлении социальных условий, пред-механизмов реализации коррупционных социальных практик. В отличие от права, которое реагирует на свершившийся факт, на реализованное коррупционное деяние, социология способна вывести право на этап, предшествующий противоправному деянию. Некриминализованные или считающиеся некриминализуемыми на сегодняшний день формы коррупционного поведения физических, юридических лиц, а также субъектов международного права, участвующих в транснациональных коррупционных практиках, должны получить четкое понятийное социолого-юридическое определение.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 575 с. (Социологическое наследие). URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/ociologija/ehmil_djurkgejm_o_razdelenii_obshhestvennogo_truda_metod_sociologii_1990/25-1-0-2792 (дата обращения: 11.07.2022).

2. Иеринг Р. Борьба за право / Пер. с нем. П.П. Волкова. Издание К.Т. Солдатенкова. М.: Изд-во «Типография Грачева и Компания, у Пречистенских ворот, дом Шиловой», 1874. 78 с. URL: https://www.twirpx.link/file/120829/grant/ (дата обращения: 11.07.2022).

3. Горбань В.С. О правопонимании Р. Иеринга // Право и политика. 2017. № 4. С. 1–16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravoponimanii-r-ieringa (дата обращения: 11.07.2022).

4. Гайдарева И.Н. Социология права в системе юридических наук // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 147–149. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-prava-v-sisteme-yuridicheskih-nauk (дата обращения: 12.07.2022).

5. Фримэн М. Право и социология. Реф. статьи: Freeman M. Law and sociology // Law and sociology / Ed. by M. Freeman – L., 2005. P. 1–15 // Современная социология права. 2013. С. 77–90. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-sotsiologiya (дата обращения: 14.07.2022).

6. Колб Р. Политис и социологическая школа международного права в период между мировыми войнами // Полунин С.Б. Реф. статьи: Kolb R. Politis and sociological jurisprudence of inter-war international law // European J. of International Law. Oxford, 2012. Vol. 23. № 1. P. 233–241. С. 55–63. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politis-i-sotsiologicheskaya-shkola-mezhdunarodnogo-prava-v-period-mezhdu-mirovymi-voynami (дата обращения: 11.07.2022).

7. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. [Перевод изд.: Weber Max. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 5. revidierte Aufl. Besorgtvon Johannes Winckelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. 1000 экз. (в пер.). Т. III. Право. 331, [5] с.] URL: https://socioline.ru/files/5/39/veber_m._hozyaistvo_i_obshchestvo._ocherki_ponimayushchei_sociologii._tom_iii._pravo-2018.pdf (дата обращения: 13.07.2022).

8. Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М.В. Антонова; Под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. 704 с. URL: https://www.hse.ru/data/2013/05/15/1299772387/Ehrlich%20layout.pdf (дата обращения: 11.07.2022).

9. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства: лекции, прочитанные в 1908 г. в Высшей школе социальных наук в Париже. Москва: издание Н. Н. Клочкова, 1909 / Архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета. URL: https://dspace.spbu.ru/handle/11701/19747 (дата обращения: 19.07.2022).

10. Дубовицкий В.Н. Социология права: предмет, методология и методы. Белорусский государственный университет. Минск: Право и экономика, 2010. 174 с. URL: https://law.bsu.by/pub/31/Dubovitski_5.pdf (дата обращения: 13.07.2022).

11. Марченко М.Н. Место и роль социологии права в системе общественных и юридических наук // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2013. №1. С. 3–20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-sotsiologii-prava-v-sisteme-obschestvennyh-i-yuridicheskih-nauk (дата обращения: 15.07.2022).

12. Сатаров Г.А. Некоторые задачи и проблемы социологии коррупции // Россия и современный мир. 2003. № 4. С. 146–153. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-zadachi-i-problemy-sotsiologii-korruptsii (дата обращения: 19.07.2022).

13. Сидоренко Э.Л. К вопросу о новых направлениях криминологического мониторинга коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 1. С. 17–25. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-novyh-napravleniyah-kriminologicheskogo-monitoringa-korruptsii (дата обращения: 11.07.2022).

14. Сидоренко Э.Л. Состояние коррупции в России: методика оценки / События юридической жизни: Пятый Евразийский антикоррупционный форум // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 29–33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-korruptsii-v-rossii-metodika-otsenki (дата обращения: 12.07.2022).

15. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 16.07.2022).

16. Арямов А.А., Руева Е.О. Формулирование юридических дефиниций (на примере антикоррупционного законодательства РФ) // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 8 (129). С. 90–100. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formulirovanie-yuridicheskih-definitsiy-na-primere-antikorruptsionnogo-zakonodatelstva-rf (дата обращения: 17.07.2022).

17. Прозументов Л.М. Уголовное право и коррупция // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (правоведение). 2000. Выпуск 1. С. 3–6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-pravo-i-korruptsiya (дата обращения: 15.07.2022).

18. Ядов В.А. Социальные институты // Человек. Сообщество. Управление. 2006. №1. С. 4–13. URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2006_1/2006-1_Yadov.pdf (дата обращения: 17.07.2022).

19. Парсонс Т. О структуре социального действия. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2002. 880 с. URL: https://vk.com/doc4605748_447091333 (дата обращения: 20.07.2022).

20. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е.Н. Егоровой, З.В. Кагановой, В.Т. Николаева, Е.Р. Черемиссиновой; Науч. ред. д.ф.н. Каганова З.В. М.: АСТ: АСТ: М.: Хранитель, 2006. 873, [7] с. URL: http://edu.mieen.ru/moodle/file.php/499/Literatura/T_8_Merton_R.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

21. Коуз Р. Фирма, рынок и право: Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2007. 224 с. (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»). URL: https://biznesbooks.com/components/com_jshopping/files/demo_products/ronald-g-kouz-firma-rynok-i-pravo.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

22. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. URL: http://cee-moscow.com/doc/izd/North.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

23. Московцев А.Ф. Институциональное обеспечение противодействия коррупции: постановка проблемы // Пролог: журнал о праве. 2021. № 2. С. 93–107. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnoe-obespechenie-protivodeystviya-korruptsii-postanovka-problemy (дата обращения: 11.07.2022).

THE PROBLEM OF CORRUPTION IN THE INTERNATIONAL LEGAL AND DOMESTIC SPHERES: SOCIAL ORIGINS, PATTERNS

S.V. Gribanov

Volga State University of Water Transport

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of corruption in the context of the methodology of sociology of law. It is argued that the narrow understanding of the phenomenon of corruption as a criminalized social phenomenon characterized by a high degree of public danger does not allow to identify its social origins and patterns that are common to national and international law. The article substantiates the position that corruption as a systemic socio-legal phenomenon caused by the value-normative and institutional subsystems of society appears in the form of «corruption» of social institutions that accompanies humanity throughout its history.

Keywords: sociology of law, social solidarity, legal positivism, sociological school of international law, neo-institutionalism, sociology of corruption, «corruption» of social institutions.

УДК 316.3
DOI 10.52452/18115942_2022_4_112

КИБЕРУГРОЗЫ ЗДОРОВЬЮ ШКОЛЬНИКОВ В ЭПОХУ ГАДЖЕТИЗАЦИИ

© 2022 г.

И.А. Исакова

Исакова Инна Александровна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
inna_isakova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.07.2022
Статья принята к публикации 19.10.2022

Рассматриваются киберугрозы, возникающие в связи с процессом информатизации и гаджетизации практик социального взаимодействия школьников. Дана характеристика некоторых видов киберугроз; навыки молодежи в сфере кибербезопасности оценивались по четырем группам: устойчивость к киберзависимости, кибербуллингу, фишингу, кибермошенничеству. Охарактеризовано влияние киберугроз на социальное, психологическое и духовное здоровье. Представлены результаты двух исследований, проведенных в Нижнем Новгороде в 2019–2021 гг.: анкетного опроса о практиках использования гаджетов, организованного с сентября 2019 г. по январь 2020 г., опрошено 303 школьника, и анкетирования о мнении учеников о сетевой грамотности и киберугрозах, осуществленного в 2021 г., опрошено 180 учеников. По результатам исследования молодые респонденты продемонстрировали средний уровень устойчивости к киберзависимости и фишингу данных (краже персональных данных), низкий уровень защиты от кибербуллинга (школьники при общении в социальных сетях проявляли себя и как потенциальные жертвы, и как потенциальные агрессоры) и кибермошенничества.

Ключевые слова: буллинг, гаджет, детство, Интернет, киберугроза, родительство, травля, цифровая компетенция, цифровизация, школа, молодежь, фишинг данных, кибермошенничество.

Введение

В начале XXI века происходят существенные изменения социальной реальности, обусловленные активным проникновением в общественные процессы новых информационных технологий. Появление новой компьютеризированной техники, в том числе смартфонов и гаджетов, оснащенной выходом в сеть Интернет, способствовало трансформации отношения к информации, к способам взаимодействия, которые сказались на всех социальных, экономических, политических и даже культурных процессах, то есть изменился образ жизни человека в новом обществе.

Вопросы влияния активности использования гаджетов с доступом в сеть Интернет на здоровье пользователей начали обсуждаться в мире с конца XX века. Выявляются эффекты воздействия злоупотребления гаджетами и бесконтрольным доступом в сеть Интернет на физическое [1, 2], психическое [3, 4], духовное [5] и социальное [6, 7] здоровье молодого поколения. Данные эффекты в совокупности можно назвать киберугрозами детству и юношеству.

В посланиях Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию регулярно говорится о важности борьбы с киберугрозами: «Нужно также учитывать, что в цифровых технологиях, например, кроются и риски, конечно. Необходимо укреплять защиту от киберугроз, должна быть значительно повышена устойчивость всех элементов инфраструктуры, финансовой системы, государственного управления» (Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016) [8, 9].

Теоретико-методологические подходы

В нормативно-правовых документах термин «киберугроза» не упоминается, хотя сами риски подразумеваются, например, в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10] или в Указе Президента РФ от 17.03.2008 № 351 (ред. от 22.05.2015) «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена» [11].

В российской правовой практике термин «киберугроза» упоминается в основном в контексте экономической и военной безопасности. В 2010 г. создан специальный правительственный орган, ответственный за ограничения в киберпространстве, – Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Это активизировало интерес к теме киберугроз.

Во втором десятилетии XXI века возросло число IT-исследований [12–17] и юридических обзоров [18–22] по теме, однако в фокусе внимания кибербезопасность, а не концептуализация киберугроз: кибербезопасность – это состояние защищенности в виде наличия достаточных адекватных мер и способов защиты прав и интересов субъектов права в киберпространстве, защиты от киберугроз (киберрисков).

В России киберугрозы в социологии изучаются в контексте развития кибердевиаций: кибервандализм [24], кибертроллинг [25], кибербуллинг [26], киберзависимость (кибераддикция) [27]. В целом же социология Интернета в России только складывается как отдельный раздел социологической науки, поэтому чаще обсуждаются общеметодологические аспекты: феноменологическая социология в эпоху Интернета [28], интерпретация интернет-пространства в дискурсе социологии [29], дисциплинарный дискурс социологии Интернета [30], электронная социология [31]. Можно констатировать, что проблемы социологии Интернета только начинают осваиваться в рамках научного социологического дискурса, социологическая интерпретация цифрового капитала и цифровых угроз (киберугроз) – назревшая научная задача.

Эмпирическая база

По оценкам компании Positive Technologies, в 2019 г. наиболее часто кибератакам подвергались госучреждения, промышленность, медицина, сфера науки и образования, финансовая отрасль (54%). Доля кампаний, направленных на получение частных данных, составила 60% и 57% в атаках против юридических и частных лиц соответственно. Наибольший интерес для злоумышленников представляли персональные данные, учетные записи и данные банковских карт [32].

Большое количестве киберугроз связано с деятельностью детей и подростков в сети, поскольку они являются социально незрелыми, но при этом навыки пользования техникой у них лучше, чем у родителей. В фокусе нашего исследовательского внимания – киберугрозы, влияющие на школьников.

Для оценки угроз, которым в сети Интернет подвергаются школьники, была проведена серия исследований в Нижнем Новгороде: анкетный опрос о практиках использования гаджетов, организованный с сентября 2019 г. по январь 2020 г., опрошено 303 школьника, выборка – квотная; в 2021 г. специализированный анкетный опрос, в центре внимания которого включены оценка уровня сетевой грамотности учеников и их знаний о киберугрозах, опрошено 180 учеников, выборка – квотная.

Результаты исследования

На первых этапах исследования оценивалась подверженность школьников только одной угрозе – киберзависимости.

Было выявлено, что по основным признакам киберзависимости: отсутствие навыков контроля за временем в глобальной сети, возрастание количества конфликтов с окружающими по поводу бесконтрольного интернет-серфинга, игнорирование реальной жизни и своих обязанностей в пользу виртуальной – школьники демонстрируют средний уровень подверженности. В 2019–2020 гг. школьники проводили в Интернете больше 4 часов в день, причем основное время выпадало на социальные сети. В сети приводят 1–2 часа – 3% школьников, 3–4 часа – 41%, 5–6 часов – 26%, более 6 часов – 30%. В социальных сетях в день проводят менее 1 часа – 4%, 1–2 часа – 19%, 3–4 часа – 47%, 5–6 часов – 16%, более 6 часов – 14%. Окружающие подростков жаловались на слишком длительное времяпрепровождение у компьютера и телефона в 41% случаев, из них в 15% – жалобы поступали часто. 37% опрошенных признались, что конфликтуют с родителями из-за использования Интернета.

Большинство детей не осознают, что Интернет – это не только площадка для развлечений и общения, но и источник угроз: 14% респондентов не считают, что Интернет представляет для них опасность, 19% в этом сомневаются.

Школьники склонны доверять информации, размещаемой в глобальной «паутине». Более половины опрошенных считают, что достоверность информации в Интернете выше 55%. Такой высокий уровень лояльности объясняется, с нашей точки зрения, тем, что школьникам приходится самостоятельно формировать свои цифровые компетенции, более 70% опрошенных не получали от родителей советов по работе с компьютером. Значимым фактором доверия является то, что цифровые навыки складывались у детей в «некритичном» возрасте: 17% респондентов начали пользоваться компьютером в 3–5 лет, 42% – в 6–8, 33% – в 9–11. Однако дебют в Интернете наступал чуть позже: до 3 лет – 1%, в 3–5 лет – 10%, в 6–8 лет – 32%, в 9–11 лет – 41%, старше 12 лет – 16%.

Невысокий уровень цифровой безопасности у детей связан с отсутствием здоровьесберегающих практик использования современных информационных технологий у родителей. 36% опрошенных свободно пользуются родитель-

скими гаджетами, 77% не сообщают родителям пароли от своего телефона, компьютера и аккаунтов на специализированных сайтах. В 32% случаев родители не являются друзьями детей в социальных сетях. Школьники сами помогают родителям настраивать технику и устанавливать приложения: часто – в 44.2% случаев, иногда – 40%. Таким образом, обучение цифровой грамотности в семье идет от младшего «социально незрелого» поколения к старшему, а значит, перенимать практики здоровьесберегащего поведения детям не у кого. Мало того, использование компьютера – это конфликтная сфера детско-родительских взаимоотношений. Компьютер – это средство давления, наказания в семье: у 41% опрошенных родители отбирали телефон или компьютер в наказание, 13% не отрицают такой ситуации, но и вспомнить конкретные случаи не могут.

Дети без контроля родителей сами становятся источником опасных ситуаций в виртуальном мире. В ходе исследования выявлен низкий уровень культуры общения в сети: 10% школьников периодически пишут негативные отзывы и ставят дизлайки, иногда этим занимаются 26% анкетируемых. Более четверти опрошенных убеждены, что в Интернете они могут писать и говорить все, что хотят (27.8%). Значимо то, что вседозволенность распространяется даже на информацию негативного характера: 8.3% считают, что имеют право распространять в Интернете все, даже если это ранит кого-то или нарушает чью-то личную жизнь; 19.3% опрошенных согласились с этим частично. У 46.2% школьников есть проблемы, которые легче обсудить в Интернете, нежели с родителями. В социальных сетях общаются с друзьями, которых не видели в реальности более 1 года: 2% – всегда, 20.5% – часто, 22.4% – иногда, 31.3% – редко, 23.8% – никогда.

Отсутствие у детей и родителей доверительных отношений по поводу использования современных информационных технологий приводит к тому, что они должны в одиночку противостоять киберугрозам.

С нашей точки зрения, допустимость проявления агрессии в сети – тоже проблема плохого контроля над самими собой взрослых. Например, в социальных сетях организовано целое социальное движение «Яжемать», высмеивающее и осуждающее на просторах сети поведение женщин, которые ведут себя за рамками приличия, корректности и нравственности, так, словно им дозволено всё, объясняя это тем, что они являются матерями, что дает им привилегии перед остальными гражданами. Существует множество роликов, демонстрирующих поведение вседозволенности государственных чиновников зрелого возраста. Демонстрация вседозволенности, благодаря приписываемому взрослыми себе «особого статуса», доступна детям.

Результаты второй волны исследований в 2021 г. касались уже не только киберзависимости, но и буллинга, и фишинга, и кибермошенничества.

Киберзависимость понималась как психосоциальная проблема, проявляющаяся в навязчивом желании использовать Интернет без контроля проведенного в нем времени, что приводит к разрыву или потере социальных связей с окружением и замене реальных отношений и интересов виртуальными. Опасность киберзависимости в том, что снижается уровень коммуникативного, социального и эмоционального интеллекта подрастающего поколения.

По материалам, собранным в 2021 г., школьники продемонстрировали средний уровень устойчивости к киберзависимости: с одной стороны, 75.9% редко или никогда не ощущают раздражительности при отсутствии возможности проверить свой аккаунт, у 40.2% не возникало конфликтов с окружающими по поводу долгого времяпрепровождения в Интернете. С другой – 66.7% остаются online дольше, чем намеревались, 64.3% откладывают свои дела ради того, чтобы подольше побыть в сети. Пандемия COVID-19 еще сильнее «привязала» школьников к виртуальной реальности.

Кибербуллинг рассматривался нами с точки зрения агрессивного преследования индивида с использованием цифровых технологий в течение продолжительного времени. Одной из самых распространенных форм буллинга в Интернете является моббинг. Кибермоббинг – это совокупность намеренных оскорблений, угроз, диффамации и публикаций с компрометирующими данными, осуществляемая с использованием цифровых технологий в течение продолжительного времени. Кибербуллинг от традиционной травли отличает не только опосредование виртуальной средой, но и анонимность преследователя; возможность постоянно преследовать жертву с разных аккаунтов; сокрытие жертвой фактов преследования от родителей и взрослых из-за страха ограничения доступа к Интернету; публичность травли, большое количество свидетелей; длительное сохранение в общем доступе материалов травли; отсутствие программ наказания агрессоров.

Школьники при общении в социальных сетях проявляли себя и как потенциальные жертвы, и как потенциальные агрессоры.

Агрессивному воздействию в Интернете ученики подвергаются довольно часто:

– 78% получали в сети Интернет неприятные сообщения или комментарии;

– 41% встречали негативные комментарии к своим фото или видео;

– 89% защищались от агрессоров в сети тем, что добавляли их в «черный список»;

– 26% столкнулись с тем, что кто-то распространял о них личную информацию;

– у 59% взламывали страницы и писали от их имени нежелательные сообщения (просили денег, грубили и т.п.).

Однако стоит отметить, что подростки часто являются не только объектом, но и субъектом буллинга:

– 13% писали негативные комментарии или оскорбления других людей на форумах или сайтах;

– 71% с кем-то спорили в социальных сетях.

В целом, подростки не показали достаточных умений защищаться от кибертравли: 39% не реагировали на провокации, 34% переживали, а 27% в своей реакции не уверены, так как с оскорблениями в сети пока не встречались.

Фишинг – это вид интернет-мошенничества в форме массовых рассылок писем от лица официальных организаций (банков, магазинов, государственных служб и т.п.) с целью получения пароля для доступа к персональным данным или средствам. Школьники признали, что часто с ним встречаются: у 54% опрошенных были случаи, когда они получали письмо, СМС или звонок с просьбой сообщить свои данные. Молодые люди продемонстрировали средний уровень устойчивости к фишингу данных: 60.9% открывали письма от неизвестных пользователей, 56.3% получали письма с просьбой сообщить свои персональные данные, при этом 55.2% внимательно проверяют сайты при открытии.

Значимым оказалось, что молодое поколение относится пассивно к защите и себя, и других пользователей в сети: только 29% отправляют сомнительные письма в папку «Спам», то есть совершают действия, чтобы предупредить об угрозе других.

Кибермошенничество – это хищение чужого имущества путём обмана с использованием цифровых технологий. В сети распространены разные виды мошенничества: интернет-попрошайничество, поддельные торговые сайты, брачные аферы.

К кибермошенничеству подростки проявили самый низкий уровень устойчивости: 77% школьников доверяют положительным отзывам о товаре в Интернете, 89% доверяют отрицательным отзывам в тех же ситуациях, 66% переходят по ссылкам, публикуемым в интересующих группах, 40% верят, что все пользователи социальных сетей указывают о себе достоверные данные.

Подводя итог, отметим, что все исследования показывают: школьникам не хватает ни знаний, ни компетенций в борьбе с киберугрозами. К самой теме интернет-рисков они относятся довольно безответственно, не признавая опасности, а значит, и не чувствуют потребности ей противостоять. В значительной мере такая ситуация складывается из-за того, что подростковая цифровая грамотность очень однобока: пользоваться функционалом приложений, быстро набирать данные школьники умеют, а вот осознавать ответственность за деятельность в виртуальном пространстве – нет. И семья в полноценном развитии сетевой грамотности мало помогает: родителям не хватает навыков и опыта обучать и контролировать ребенка в вопросах использования гаджетов с доступом в Интернет. Киберугрозы часто понимаются семьями в узком смысле как опасность хакерских атак, что маловероятно, а не как риск нарушения психологического, социального и духовного здоровья ребёнка. В российских семьях не сформировалась здоровая культура использования гаджетов. Для изменения сложившейся ситуации необходимы государственные программы обучения школьников здоровьесберегающим практикам использования современных информационных технологий, чтобы культуру цифрового потребления в семью несло более молодое поколение, если старшее с этой задачей справляется не в полной мере.

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках проекта «Сетевая грамотность нижегородской молодежи: механизмы мониторинга и технологии развития» по реализации подпрограммы «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Нижегородской области» государственной программы «Социальная поддержка граждан Нижегородской области», утвержденной постановлением Правительства Нижегородской области от 30 апреля 2014 г. № 298, при софинансировании Фонда президентских грантов.

Список литературы

1. Вятлева О.А., Курганский А.М. Режимы пользования мобильным телефоном и здоровье детей школьного возраста // Гигиена и санитария. 2019. Т. 98. № 8. С. 857–862.

2. Тихон А. Влияние мобильных телефонов на здоровье человека // Medicus. 2019. № 4 (28). С. 19–27.

3. Бруев И.А. Влияние мобильных телефонов на психическое и физическое здоровье студентов (номофобия) // Научные известия. 2022. № 27. С. 58–60.

4. Лежнина Л.В., Егошина Е.Д. Интернет-зависимость и депрессия у студентов // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 342–349.

5. Сулакшин С.С. Нравственность российского общества и факторы влияния (интернет, телевидение) // Политика и общество. 2014. № 9 (117). С. 1065–1081.

6. Цой Н.А. Социальные факторы феномена интернет-зависимости: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: Дис. … кандидата социологических наук. Владивосток, 2011. 206 с.

7. Зверянская Л.П. Интернет-зависимость как основная причина развития киберпреступности // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 17. С. 239–243.

8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 // Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения: 01.07.2020).

9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 01.07.2020).

10. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 01.07.2020).

11. Указ Президента РФ от 17.03.2008 № 351 (ред. от 22.05.2015) «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена» // Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=180102&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3034571024334395#0374773311172485 (дата обращения: 01.07.2020).

12. Тарасов А.М. Киберугрозы, прогнозы, предложения // Информационное право. 2014. № 3. С. 11–15.

13. Бирюков Д.Н., Ломако А.Г. Подход к построению системы предотвращения киберугроз // Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы. 2013. № 2. С. 13–19.

14. Илибман В. Сетевая телеметрия CISCO против киберугроз // Первая миля. 2014. № 5 (44). С. 58–63.

15. Чернышук С.В., Писарчук А.А., Шестаков В.И. Структурно-параметрический синтез системы обнаружения киберугроз по результатам мониторинга открытых информационных ресурсов // Прикладная информатика. 2013. № 2 (44). С. 57–67.

16. Бирюков Д.Н., Ломако А.Г., Ростовцев Ю.Г. Облик антиципирующих систем предотвращения рисков реализации киберугроз // Труды СПИИРАН. 2015. № 2 (39). С. 5–25.

17. Саганов П.Н. Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности России от современных киберугроз // Научный альманах. 2015. № 9 (11). С. 1218–1221.

18. Булай Ю.Г., Булай Р.И. Профилактика и противодействие киберпреступности, а также международным киберугрозам // Академическая мысль. 2017. № 1. С. 31–35.

19. Коробеев А.И., Дремлюга Р.И., Кучина Я.О. Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 416–425.

20. Осипенко А.Л. Об участии органов внутренних дел в системе обеспечения кибербезопасности Российской Федерации // Общество и право. 2018. № 3 (65). С. 35–43.

21. Валько Д.В. Киберпреступность в России и мире: сопоставительная оценка // Управление в современных системах. 2016. № 3 (10). С. 29–40.

22. Савенков А.Н. Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности // Государство и право. 2017. № 10. С. 5–18.

23. Карцхия А.А., Макаренко Г.И., Сергин М.Ю. Современные тренды киберугроз и трансформация понятия кибербезопасности в условиях цифровизации системы права // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 3 (31). С. 18–23.

24. Оболенская А.Г., Блинова О.А., Порозов Р.Ю., Руденкин Д.В. Киберванадализм как полифакторный феномен подростковой девиации // Профессионализм учителя как условие качества образования: Сборник научных трудов IV Международного форума по педагогическому образованию и региональной конференции ISATT. Казань: Изд-во «Отечество», 2018. С. 82–88.

25. Мелешкина И.И., Назаров А.Д. Троллинг и этнотроллинг как формы агрессии в киберпространстве // Форум молодых ученых. 2017. № 5 (9). С. 1356–1359.

26. Осадчая А.В., Макарова Е.А. Кибер-буллинг как разновидность школьных издевательств и копинг-стратегии для его преодоления // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2018. Т. 9. № 8-1. С. 88–104.

27. Шильцова Ю.В. Теоретические аспекты социально-психологических технологий преодоления кибер-зависимости у подростков // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 5-5 (61). С. 114–119.

28. Фрумкин К.Г. Утрата человеческого облика, или Феноменологическая социология в эпоху интернета // Человек. 2009. № 4. С. 112–119.

29. Иванченко Д.А. Интерпретация интернет-пространства в дискурсе социологии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 3 (66). С. 72–77.

30. Петрова А.А. Дисциплинарный дискурс социологии Интернета // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 34–49.

31. Шевцов А.В. Интернет и российская электоральная социология // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 156. С. 143–151.

32. Актуальные киберугрозы: итоги 2019 года // Компания Positive Technologies: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2019/ (дата обращения: 01.07.2020).

CYBER THREATS TO THE HEALTH OF CHILDREN AND YOUTH IN THE AGE OF GADGETIZATION

I.A. Isakova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article is devoted to cyber threats arising in connection with the process of informatization and gadgetization of practices of social interaction between children and youth. Characteristics of some types of cyberthreats are given, youth cybersecurity skills were assessed according to four groups: resistance to cyberdependence, cyberbullying, phishing, cyberfraud. The impact of cyber threats on social, psychological and spiritual health was characterized. The results of two studies conducted in Nizhny Novgorod in 2019–2021 are presented: a questionnaire survey on gadget use practices, organized from September 2019 to January 2020, interviewed 303 schoolchildren, and a survey on students' opinions on network literacy and cyberthreats, carried out in 2021, interviewed 180 students. According to results of the research young respondents showed average level of resistance to cyberdependency and data phishing (identity theft), low level of protection against cyberbullying (students showed themselves as potential victims and potential aggressors during communication in social networks) and cyberfraud.

Keywords: bullying, gadget, childhood, Internet, cyber-threat, parenting, bullying, digital competence, digitalization, school, youth, data phishing, cyber-fraud.

УДК 316.3
DOI 10.52452/18115942_2022_4_118

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ: ПЕРЕЖИТЫЙ ОПЫТ И БУДУЩИЕ ПРАКТИКИ

© 2022 г.

Я.В. Ушакова, М.В. Матюгина

Ушакова Яна Владимировна, к.соц.н.; заведующая учебно-исследовательской лабораторией социологических исследований кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
yana@fsn.unn.ru
Матюгина Мария Владимировна, ресурсный менеджер АНО «Центр общественных связей – Нижегородский дом народного единства»
matyugina_masha@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2022
Статья принята к публикации 27.10.2022

Рассматриваются основные результаты социологического исследования «Представления студентов о домашнем насилии», целью которого было изучение специфики отношения студентов к домашнему насилию в зависимости от наличия у них опыта наказаний в детстве. Данные исследования позволили выявить опыт столкновения студентов с домашним насилием в детстве и в настоящее время, определить причины домашнего насилия и факторы, его оправдывающие, выявить связь между пережитым опытом наказаний в детстве и допустимыми практиками воспитания детей.

Ключевые слова: домашнее насилие, семейное насилие, насилие над детьми, опыт домашнего насилия, жертва, агрессор.

Введение

Проблема домашнего насилия актуализируется каждый раз, когда проект закона о профилактике семейно-бытового насилия должен быть рассмотрен депутатами парламента РФ или когда в СМИ публикуются очередные истории жертв домашнего насилия, получающие широкий общественный резонанс. Результаты опросов общественного мнения по данной теме, как правило, носят обобщенный характер и не учитывают отношения к ней разных социально-демографических групп населения.

Домашнее насилие – это важная социальная проблема современности, масштабы которой носят глобальный и часто латентный характер. Отношение к этой проблеме в современном обществе противоречиво. С одной стороны, взаимоотношения между членами семьи, которые являются близкими людьми, воспринимаются как их личная, частная жизнь, куда нельзя вмешиваться государству и посторонним людям. С другой стороны, проявление домашнего насилия является нарушением прав человека, и в современном цивилизованном обществе должны существовать механизмы, которые бы ограничивали и предотвращали это насилие. В связи с отсутствием официальных статистических данных о насильственных преступлениях, которые бы могли учитывать характер взаимоотношений между правонарушителем и жертвой, оценить масштабы домашнего насилия невозможно [1, с. 613–616]. Одна из главных особенностей домашнего насилия состоит в том, что оно комплексно и редко ограничивается только одним видом насилия, зачастую оно представляет собой повторяющиеся инциденты разных видов насилия (физического, психологического, сексуального, экономического), что является важным показателем, отличающим семейное насилие от единичного конфликта.

Семья является важнейшей структурной составляющей общества, которая закладывает основы социальных норм и влияет на процесс первичной социализации личности, участвует в экономических и культурных процессах. Благополучие и стабильность семьи являются условием политической и социально-экономической стабильности всего общества, гарантируют стратегическую безопасность государства. Именно поэтому государственная семейная политика является одним из приоритетных направлений социальной политики России. Современная российская семья находится в состоянии кризиса, который связан не только с социально-экономическими изменениями, но и с трансформацией семейно-родительских отношений и ценностных ориентаций. Одним из проявлений этого кризиса является нарастание жестокости и насилия в семьях.

Наиболее значимой проблемой насилия в семье является насилие над детьми. В качестве

основных причин, по которым родители наказывают своих детей, выделяются: плохие оценки в школе, неудовлетворительное поведение, невыполнение домашних обязанностей, опоздание с прогулки. Исследователи выделяют ряд негативных последствий насилия – физические, психологические, социальные, поведенческие. Все они влияют на процесс взросления ребенка, его социализацию, что непосредственно сказывается на его дальнейшей жизни и месте в обществе. Исследователи отмечают, что все дети подвергаются психологическим наказаниям со стороны родителей или опекунов, но в разной степени. Чаще всего они сталкиваются с различными запретами, словесными оскорблениями, лишением карманных денег, при этом родители или опекуны не хотят разбираться в причинах поведения ребенка, а сразу прибегают к наказаниям [2, 3].

В качестве другого аспекта анализируется среда, в которой воспитываются дети, и указывается, что в современных семьях отсутствует взаимопомощь, понимание и поддержка, а внимание родителей в большей степени направлено на материальное благополучие семьи. Дети остро переживают ссоры родителей, но в семьях, в которых ссоры происходят регулярно, дети привыкают и становятся равнодушными. При этом каждый шестой ребенок считает себя виноватым в ссорах родителей. Исследователи отмечают, что широкое применение различных форм наказания детей приводит к увеличению дистанции в отношениях между ними и родителями, и чем старше становится ребенок, тем меньше он посвящает родителей в свои проблемы и секреты. Для детей крайне важно быть услышанными и понятыми своими родителями. Именно неумение родителей общаться со своими детьми приводит к отстраненности друг от друга и высокому уровню недоверия [4].

Насилие над детьми в семье представляет собой действия или угрозы действием по отношению к ребенку, что является частным случаем жестокого обращения с детьми в семье, которое, в свою очередь, помимо непосредственных действий или угроз, включает и бездействие. Насилие, как и жестокое обращение, не единичный, случайный поведенческий акт, а систематические повторяющиеся факты грубого или небрежного обращения с детьми [5]. Таким образом, к формам насилия над детьми в семье можно отнести следующие: физическое, психологическое (эмоциональное), экономическое, сексуальное насилие.

Стоит отметить, что не только жертва страдает от домашнего насилия. Если насильственные действия направлены на одного члена семьи, все остальные оказываются подверженными вторичной виктимизации, которая предполагает переживание свидетелями насилия тех же психологических последствий, что и жертва. Воспитание детей через насилие и жестокое обращение не способствует процессу социализации, создает угрозу физическому и психическому здоровью членов семьи, приводит к девиациям у детей.

Методология исследования

С целью изучения отношения студентов к домашнему насилию авторами в 2021–2022 гг. было проведено социологическое исследование «Представления студентов о домашнем насилии». Метод сбора информации – онлайн-анкетирование. В опросе приняли участие 400 студентов нижегородских вузов (Университет Лобачевского, Мининский университет, Технический университет, ВШЭ, Медицинский университет) в возрасте от 18 до 24 лет. Выборка целевая, сформированная по вопросу-фильтру «Подвергались ли Вы наказаниям в детстве?». Опрошены равноразмерные группы юношей и девушек с пережитым опытом наказаний в детстве и без такого опыта (всего четыре группы).

В качестве рабочих были выдвинуты следующие гипотезы:

– студенты, имеющие опыт наказаний в детстве, проецируют его на собственные будущие семейные взаимоотношения и практики воспитания детей;

– специфика отношения студентов к домашнему насилию носит ярко выраженный гендерный характер.

Результаты исследования

Оценка актуальности проблемы домашнего насилия. Результаты социологического исследования показали, что практически все студенты высоко оценивают актуальность проблемы домашнего насилия, за исключением юношей, не подвергавшихся ему в детстве (табл. 1). Подавляющее большинство считает его угрозой для здоровья и жизни членов семьи.

Юноши, которые в детстве не подвергались наказаниям, оценивают актуальность проблемы немного ниже. Они реже соглашаются с тем, что домашнее насилие является угрозой для жизни людей и что люди, совершающие такое насилие, являются опасными для общества (77% против 97% юношей с опытом насилия в детстве), а чаще – с тем, что проблеме домашнего насилия уделяется слишком много внимания (30% против 18% соответственно). Юноши

Таблица 1

Оценка актуальности проблемы домашнего насилия (согласие с тезисами), %

Тезисы	Юноши		Девушки	
	С опытом наказаний	Без опыта наказаний	С опытом наказаний	Без опыта наказаний
Домашнее насилие – угроза для здоровья людей	100	100	100	100
Домашнее насилие – угроза для жизни людей	97	77	97	99
Люди, совершающее насилие над членами своей семьи, опасны для общества	89	67	94	100
Проблема домашнего насилия в настоящее время актуальна	88	57	91	91
Проблему домашнего насилия широко обсуждают в СМИ	51	30	37	26
Проблеме домашнего насилия уделяется слишком много внимания	18	30	3	3

с опытом наказаний в детстве, по сравнению с другими группами, чаще говорят о том, что в настоящее время проблема домашнего насилия широко обсуждается в средствах массовой информации (51%). Скорее, эта проблема остается для них актуальной и в юношеском возрасте и поэтому обращает на себя внимание.

Девушки обеих групп (с опытом наказаний и без него) практически не отличаются в своем отношении к проблеме домашнего насилия. Подавляющее большинство не согласны с тезисом, что проблеме домашнего насилия уделяется слишком много внимания.

Критерии домашнего насилия. Студентам был задан вопрос, позволяющий выяснить, что для них является домашним насилием. Ситуациями, которые, по мнению большинства студентов, вне зависимости от опыта наказаний в детстве, являются проявлениями домашнего насилия, стали избиение, нанесение ударов, пощечина, принуждение к сексу, запрет встречаться с родственниками и намеренный отказ от оказания медицинской помощи. Кроме этого, девушки также отметили намеренную порчу личных вещей, запрет встречаться с друзьями, унижения и вовлечение ребенка в выяснение отношений между родителями путем шантажа.

Юноши с опытом наказаний в детстве в целом реже относят предложенные ситуации к проявлениям домашнего насилия. Особенно это выделяется в случае с запретом одеваться так, как нравится, частой критикой, запретом посещения публичных мест в одиночку, эмоциональным давлением, игнорированием мнения партнера, ультиматумами, запугиванием и словесными угрозами. По сравнению с другими группами доля относящих перечисленные ситуации к домашнему насилию юношей, которые подвергались наказаниям в детстве, значительно меньше (в 1.5–2.5 раза). Реже всего такие юноши к проявлениям домашнего насилия относят ссоры, скандалы (29%), требования показывать личную переписку (34%) и крики на близкого человека (37%).

Юноши без опыта наказаний в детстве, по сравнению с другими группами молодежи, чуть реже относят к проявлениям домашнего насилия шантаж ребенком, запрет встречаться с друзьями и унижения. Также менее половины этой группы юношей считают ссоры и скандалы с партнером домашним насилием (37%).

Девушки с опытом наказаний в детстве не считают домашним насилием те же формы, что и юноши с подобным опытом, – требования показывать переписку в телефоне, крики на партнера и ссоры с ним. Девушки, которых в детстве не наказывали, в этом вопросе оказались наиболее категоричными – более половины представительниц этой группы относят все предложенные ситуации к проявлениям домашнего насилия в 1.5–2 раза чаще.

В целом результаты исследования показали, что студенты с опытом наказаний в детстве некоторые формы домашнего насилия считают таковыми значительно реже студентов, которые не подвергались наказаниям, что указывает на их терпимое отношение к домашнему насилию, особенно к психологической его форме.

Опыт столкновения студентов с домашним насилием. Юноши в 2 раза чаще девушек подвергались наказаниям в детстве (67% против 32%). И юноши, и девушки чаще всего подвергались таким формам наказаний, как домашний арест (95% и 86%), крики родителей (89%), наказание трудом (83% и 77%) и «углом» (72% и 69%), игнорирование со стороны родителей (65% и 66%), ругань при свидетелях (48% и 29%). Юноши чаще девушек сталкивались с физическими наказаниями – шлепками по попе (52% и 31%), подзатыльниками (40% и 23%) и особенно наказаниями ремнем (35% и 3%).

В настоящее время юноши и девушки в разной степени подвержены домашнему насилию – с девушками это происходит чаще, но стоит учитывать, что они более чувствительны и, соответственно, острее воспринимают и замечают насильственные действия. Как следствие этого –

Таблица 2

Столкновение студенческой молодежи с домашним насилием в настоящее время, %

Виды насилия	Юноши		Девушки	
	С опытом наказаний	Без опыта наказаний	С опытом наказаний	Без опыта наказаний
Критика	18	27	34	36
Нарушение личных границ	17	30	80	51
Чрезмерный контроль над расходами	14	23	66	44
Оскорбления	8	10	31	30
Шантаж	3	3	17	9
Угрозы физического насилия	0	0	23	13
Запугивание	0	0	14	4

17% девушек с опытом наказаний в детстве со страхом идут домой из-за боязни наказаний. Таким образом, с угрозами физического насилия и запугиванием юноши не сталкиваются совсем, в то время как девушки с разной периодичностью, но все же подвергаются этим формам насилия, при этом более страдающей в этом смысле группой являются девушки с опытом наказаний в детстве (табл. 2).

Юноши с опытом наказаний чаще всего сталкиваются с критикой в свой адрес (18%), нарушением личных границ (17%) и чрезмерным контролем над их расходами со стороны близких людей (14%). Юноши, которых в детстве не наказывали, тоже подвергаются нарушению личных границ (30%), критике (27%), чрезмерному контролю над их расходами (23%).

Как уже отмечалось, девушки более подвержены домашнему насилию. Большинство тех, у кого имеется опыт наказаний в детстве, сталкиваются с нарушением личных границ (80%) и чрезмерным контролем над их расходами со стороны партнера или родителей (66%). Достаточно распространенными формами домашнего насилия являются критика (34%), оскорбления (31%) и даже угрозы физического насилия (23%).

Очевидно, что формы наказания детей меняются по мере их взросления. В случае с юношами полностью исчезает физическое насилие, но к девушкам оно продолжает применяться в форме угроз. Это объясняется тем, что юноши, как правило, физически сильнее девушек и, скорее всего, могут дать отпор, поэтому на них воздействуют психологически.

Причины домашнего насилия. Студенты с опытом наказаний в детстве, называя те или иные причины домашнего насилия, описывают практики воспитания и наказания в собственной семье. При этом они чаще возлагают ответственность за насилие на жертву. В то же время студенты, которые не имеют опыта наказаний, в качестве причины домашнего насилия выделяют личность агрессора.

Для юношей, которые подвергались наказаниям в детстве, основными причинами домашнего насилия являются напряженные отношения в семье (65%), стресс, вызванный экономической нестабильностью или бытовыми проблемами (58%), и алкогольная зависимость агрессора (54%). Те юноши, которых в детстве не наказывали, называют причинами домашнего насилия тот же стресс (83%), зависимое положение жертвы от агрессора (67%), алкогольную (60%) и наркотическую (50%) зависимости агрессора, его желание показать свое превосходство над жертвой и опыт насилия в детстве агрессора (57%), напряженные отношения в семье (53%). В отличие от других студенческих групп, почти половина представителей юношей без опыта насилия в детстве выделили невыполнение требований партнера (47%) в качестве причины возникновения домашнего насилия.

Девушки с опытом наказаний в детстве на первое и второе место среди причин домашнего насилия выдвигают зависимости агрессора – алкогольную (77%) и наркотическую (74%). Представительницы этой группы в качестве причин насилия в семье отмечают желание агрессора доминировать над жертвой (69%), стресс, вызванный экономической нестабильностью или бытовыми проблемами (57%), и алкогольную зависимость жертвы (57%). Девушки, у которых отсутствует опыт насилия в детстве, в качестве причин домашнего насилия называют желание агрессора показать свою власть над жертвой (81%), зависимое положение жертвы от агрессора (80%), опыт наказаний в детстве агрессора (74%), его алкогольную (56%) и наркотическую (50%) зависимости.

Важным является тот факт, что студенты, которых не наказывали в детстве, чаще называют опыт наказаний в детстве агрессора в качестве причин домашнего насилия, чем студенты, которые подвергались наказаниям.

Факторы, оправдывающие домашнее насилие. Студенты без опыта наказаний гораздо реже оправдывают домашнее насилие. Так, тезиса о том, что насилию нет оправдания, придерживаются 80% юношей и 81% девушек этой категории. Студенты же, которые подвергались

Таблица 3

Факторы, оправдывающие домашнее насилие (согласие с тезисами), %

Факторы	Юноши		Девушки	
	С опытом наказаний	Без опыта наказаний	С опытом наказаний	Без опыта наказаний
Насилию нет оправдания	35	80	66	81
Провоцирующее поведение члена семьи	48	13	11	17
Измена	48	10	29	3
Алкогольная зависимость жертвы	26	1	6	3
Наркотическая зависимость жертвы	14	1	6	3
Невыполнение требований партнера	6	1	3	3

Таблица 4

Допустимые причины наказания детей (согласие с тезисами), %

Причины	Юноши		Девушки	
	С опытом наказаний	Без опыта наказаний	С опытом наказаний	Без опыта наказаний
Обижает животных	86	43	69	33
Специально делает то, что нельзя	83	27	77	13
Обижает других детей	82	43	69	23
Не реагирует на замечания родителей	77	23	71	19
Переговаривается	62	17	17	11
Не слушается	60	23	43	14
Грубит другим людям	57	17	40	10
Ведет себя неприлично в присутствии других людей	55	23	40	9
Капризничает	45	3	60	3
Неаккуратно пользуется игрушками, гаджетами	26	0	49	3

наказаниям в детстве, придерживаются такого мнения значительно реже – лишь 35% юношей и 66% девушек (табл. 3).

У юношей с опытом наказаний в детстве наиболее ярко выражена склонность к оправданию домашнего насилия. Они оправдывают насилие в семье провоцирующим поведением члена семьи (48%) и изменой (48%). Достаточно большая доля считает, что можно оправдать насилие, когда жертвы зависимы от алкоголя (26%) и наркотиков (14%). Юноши, не подвергавшиеся наказаниям в детстве, по сравнению с другими группами, реже оправдывают домашнее насилие: лишь 10% назвали измену и 13% – провоцирующее поведение в качестве оправдывающих факторов.

Несмотря на то, что более половины девушек с опытом наказаний в детстве (66%) указали на недопустимость оправдания домашнего насилия, почти треть представительниц этой группы отметили измену как оправдывающий агрессора фактор (29%). Среди девушек, которых в детстве не наказывали, самым популярным оправданием стало провоцирующее поведение члена семьи – его назвали 17%.

Таким образом, студенческая молодежь, которая в детстве подвергалась насилию, демонстрирует более терпимое отношение к нему и гораздо чаще находит ему оправдания.

Допустимые причины наказания детей. Перенимая модель поведения родителей в семье и практики воспитания и наказания детей, молодежь, которая имеет опыт наказаний в детстве, относится к детям строже. Более половины юношей из этой группы считают, что наказывать ребенка нужно практически за любую провинность (табл. 4). Исключение составляют ситуации, когда ребенок капризничает (45%) и неаккуратно пользуется игрушками или гаджетами (26%).

Юноши без опыта наказаний более терпимы к детскому поведению: почти половина из них видит необходимость в наказании детей, когда те обижают других детей (43%) и животных (43%), около четверти – когда дети специально, назло родителям, делают то, что нельзя (27%), не реагируют на замечания и не слушаются (23%). Стоит отметить, что эта группа – единственная, кто совершенно не допускает наказания детей за неаккуратное использование игрушек и гаджетов.

Более половины девушек, имеющих опыт наказаний в детстве, считают допустимыми причинами наказаний ситуации, когда ребенок назло родителям делает то, что нельзя (77%), не реагирует на замечания родителей (71%), обижает детей и животных (69%) и капризничает (60%). Около половины представительниц этой группы допускают наказания за неаккуратное использование игрушек или гаджетов (49%) и непослушание (43%).

Самой же гуманной группой оказались девушки без опыта наказаний. Лишь треть из них считают, что детей нужно наказывать за причинения вреда животным (33%), и около четверти –

Таблица 5

Допустимые формы наказания детей, %

Виды наказаний	Юноши		Девушки	
	С опытом наказаний	Без опыта наказаний	С опытом наказаний	Без опыта наказаний
Домашний арест	66	23	54	9
Игнорирование ребенка	62	20	46	6
Шлепки по попе	62	10	40	1
Лишение ребенка дорогих ему вещей	58	13	34	7
Наказание трудом	55	20	34	9
Крики	51	17	31	3
Наказание «углом»	48	7	23	4
Подзатыльники	23	0	11	0
Публичная ругань	22	50	9	1
Лишение сладостей	22	3	9	4
Наказание ремнем	18	23	0	0
Обзывания	11	0	23	0
Запирание в комнате	8	33	0	0

за то, что они обижают других детей (23%) и не реагируют на замечания родителей (19%).

Допустимые формы наказания детей. В целом, в вопросе о допустимости различных форм наказаний детей студенты с опытом наказаний в детстве проявляют себя строже – и физическое, и психологическое насилие над детьми присутствуют в этой группе юношей и девушек гораздо чаще, чем в группах студентов без опыта наказаний в детстве (табл. 5). Исключение у девушек составляют только наказание ремнем и запирание ребенка в комнате, а у юношей и девушек без опыта наказаний в детстве – обзывания ребенка и подзатыльники.

Более чем для половины опрошенных юношей, которых наказывали в детстве, допустимыми формами являются домашний арест (66%), шлепки по попе (62%) и игнорирование ребенка (62%), лишение ребенка дорогих ему вещей (58%), наказание трудом (55%) и крики на ребенка (51%). Кроме этого, для представителей этой группы вполне допустимо давать ребенку подзатыльники (23%) и лишать ребенка сладостей (22%). Юноши без опыта наказаний в детстве чаще других говорят о допустимости публичной ругани (50%), запирании ребенка в комнате (33%) и наказании ремнем (23%).

Девушки с опытом наказаний в детстве более нетерпимы к детям, чем юноши и девушки без подобного опыта, и также считают допустимыми как физические, так и психологические формы насилия. Девушки, которые не подвергались наказаниям в детстве, радикально отличаются от других групп своих ровесников: самыми допустимыми формами наказаний для детей они считают домашний арест (9%) и наказание трудом (9%).

Можно заметить связь между наказаниями в детстве опрошенных студентов и их подходом к воспитанию собственных детей: если юноша или девушка подвергались наказаниям, то и к своим детям они допускают применение различных форм наказаний.

Выводы

Результаты социологического исследования показали, что студенты знают о проблеме домашнего насилия, высоко оценивают ее актуальность и угрозы, связанные с таким насилием. Студенты с опытом наказаний в детстве демонстрируют более лояльное отношение ко многим формам проявления домашнего насилия, особенно к его психологическим формам.

Было выявлено, что юноши в два раза чаще девушек подвергались наказаниям в детстве, что указывает на более строгое отношение со стороны родителей к мальчикам, чем к девочкам, и то, что мальчики, как правило, активнее девочек и чаще нарушают правила поведения. Юноши чаще девушек подвергались физическим наказаниям, и здесь немаловажную роль играют гендерные стереотипы, согласно которым «настоящего мужчину» можно воспитать только в строгости.

По мере взросления физическое и психологическое насилие над юношами практически прекращается, в отличие от девушек, особенно тех, кто сталкивался с различными формами домашнего насилия в детстве.

Студенты с опытом наказаний в детстве, называя причины домашнего насилия, фактически описывают практику домашнего насилия в их семьях. Они чаще возлагают ответственность за насилие на жертву, говоря о ее различных зависимостях, провоцирующем поведении и измене. Студенты, которые не имеют опыта наказаний, в качестве причины домашнего насилия выделяют личность агрессора – его желание показать свое превосходство и власть над жертвой, наличие опыта наказаний в его детстве.

Наиболее склонны к оправданию домашнего насилия юноши, которые имеют опыт наказаний в детстве. Почти для половины из них провоцирующее поведение и измена являются факторами, которыми можно оправдать агрессора, и для трети – алкогольная зависимость агрессора. Студенты без опыта насилия в целом реже оправдывают домашнее насилие – это делает лишь пятая часть юношей и девушек. Треть же девушек, которые имеют опыт наказаний в детстве, оправдывают насилие изменой.

В вопросе воспитания детей молодежь перенимает модель поведения своих родителей, и поэтому те студенты, которые имеют опыт наказаний в детстве, относятся к детям строже. Самой гуманной и терпимой группой оказались девушки, не подвергавшиеся наказаниям в детстве.

Все формы наказаний, с которыми сталкивались студенты в детстве, сейчас считаются ими допустимыми. Для девушек без опыта наказаний допустимыми формами наказаний являются домашний арест и наказание трудом, но по сравнению с ответами других студентов эта доля невелика – менее 10%.

Результаты проведенного исследования показали, что отношение студентов, имеющих опыт наказаний в детстве, к различным формам насилия гораздо более лояльное и терпимое, они считают допустимыми различные формы наказания детей и чаще по многим основаниям оправдывают агрессора. Возможно предположить, что они перенесут свой детский опыт на собственные семейные отношения и практики воспитания детей.

Домашнее насилие не может рассматриваться как личное дело членов семьи. Общественная значимость и опасность этих преступлений требует внесения поправок в уголовное законодательство Российской Федерации, нацеленных на предотвращение насилия в семье. По мнению ученых, необходима разработка комплексной системы социальных мер по защите прав человека и по профилактике семейных преступлений, осуществление пропаганды ненасильственных методов решения домашних конфликтов с помощью средств массовой информации и просветительских мероприятий. Предлагается внедрение в практику средств массовой информации консультаций и бесед по проблемам правовой регуляции внутрисемейных взаимоотношений, увеличение количества социальной рекламы по проблемам семейной политики, распространение информации о гражданских правах членов семьи [6; 7].

Список литературы

1. Ушакова Я.В., Фокеева К.В. Репрезентация в социальных сетях проблемы домашнего насилия в отношении женщин // Социальные процессы современной России / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. 640 с.

2. Базарова А.В., Осохеева Б.Р. К вопросу об истории насилия над детьми в семье и обществе // Теория и практика общественного развития. 2018. № 4 (122). С. 37–41.

3. Плешкова Н.О. Уровень и характер семейного насилия по отношению к детям и подросткам (по итогам массового анкетного опроса детей и подростков в городе Мурманске) // Наука. Общество. Государство. 2019. № 1 (25). С. 62–71.

4. Возмилкина Е.Н. Домашнее насилие над детьми как актуальная проблема современного российского общества // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 10. С. 194–198.

5. Акулич М.М., Беседина О.А. Основные подходы к изучению семейного насилия над детьми в современной социологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2013. № 2 (115). С. 89–96. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19819/1/iuro-2013-115-08.pdf (дата обращения: 14.04.2022).

6. Ростовская Т.К., Калиев Т.Б., Завьялова Н.Б., Безвербный В.А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 78–88.

7. Чиняева О.В. Семейное насилие: способы профилактики и коррекции // Психологическое, физическое, информационное насилие и пути его преодоления в современном обществе: Материалы Всероссийской науч.-практич. конф. с междунар. участием 1–2 октября 2015 / Отв. ред. А.Ю. Маленова. Омск, 2015. С. 218–221.

THE ATTITUDE OF YOUNG PEOPLE TO DOMESTIC VIOLENCE: PAST EXPERIENCES AND FUTURE PRACTICES

Y.V. Ushakova[1], M.V. Matyugina[2]

[1]National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2]Autonomous non-profit organization «Center for Public Relations – Nizhny Novgorod House of National Unity»

The main results of the sociological study «Students' perceptions of domestic violence» are considered, the purpose of which was to study the specifics of students' attitudes to domestic violence, depending on their experience of punishment (violence) in childhood. These studies allowed to identify the experience of students encountering domestic violence in childhood and at the present time, to determine the causes of domestic violence and the factors justifying it, to identify the relationship between the experience of punishments (violence) in childhood and acceptable parenting practices.

Keywords: domestic violence, family violence, child abuse, experience of domestic violence, victim, aggressor.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_4_125

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕТЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ДОХОДА СЕМЕЙ

© 2022 г.

Л.Н. Нацун

Нацун Лейла Натиговна, научный сотрудник Вологодского научного центра
Российской академии наук
leyla.natsun@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
Статья принята к публикации 28.10.2022

Одним из проявлений взаимосвязи экономического и социального развития на микроуровне выступает воздействие материальных условий жизни на развитие детей. В данной работе центральное место отводится комплексной оценке развития детей с применением индексной методики, прошедшей апробацию на данных репрезентативного социологического опроса семей с детьми. Гипотеза о значимости уровня доходов семьи для формирования компонентов человеческого потенциала детей нашла подтверждение. Показано, что в более обеспеченных семьях наблюдаются также и более высокие показатели здоровья, интеллектуального и социокультурного развития детей. При этом обоснован вторичный характер взаимосвязи между местностью проживания семей и уровнем сформированности человеческого потенциала детей: данная взаимосвязь обусловлена преобладанием обеспеченных респондентов в крупных городах и, напротив, более высокой долей малообеспеченных семей в центрах муниципальных районов.

Ключевые слова: человеческий потенциал детского населения, социальные факторы здоровья и развития детей, социологические исследования.

Введение

Ключевым ориентиром развития социального государства выступает достижение наилучшего качества жизни его граждан, а также создание благоприятных инфраструктурных и институциональных условий для формирования, развития и воспроизводства человеческого потенциала населения. Материально-бытовые условия жизни являются фундаментом для построения брачно-семейных отношений, определяют возможности родителей в сфере воспитания, образования и социализации детей, то есть оказывают косвенное, но оттого не менее значимое, воздействие на формирование человеческого потенциала подрастающего поколения. Текущий период исторического развития России сопровождается попытками государства преодолеть затянувшийся демографический кризис. Проактивная демографическая политика нацелена на повышение показателя рождаемости, решение актуальных жилищных и материальных проблем семей с детьми. Её эффект широко обсуждается в научной литературе и получает неоднозначную оценку в экспертном сообществе. Но можно с уверенностью утверждать, что принятые меры были своевременными и способствовали реализации отложенных рождений в семьях, которые изначально были ориентированы на дву- и многодетность. В то же время параллельно с ростом рождаемости среди женщин старшего репродуктивного возраста обостряются проблемы, связанные с обеспечением доступности и качества медицинской помощи для пациенток со сложным течением беременности и родов. Увеличение численности детей ставит вопрос о необходимости расширения штата специалистов в учреждениях детского здравоохранения, укреплении их материально-технической базы, а также о необходимости подготовки системы образования к росту числа обучающихся. Наряду со снижением здоровья детского населения исследователи указывают на снижение показателей, характеризующих академическую успеваемость школьников и студентов, а также наметившееся отставание России от стран – лидеров по качеству образования. В совокупности перечисленные факты свидетельствуют о снижении человеческого потенциала детского населения России, что диктует необходимость выявления тех социально-экономических и институциональных факторов, которые оказывают непосредственное влияние на его формирование на уровне семьи.

Цель – установить, является ли уровень дохода семьи значимым фактором дифференциации человеческого потенциала детей.

Задачи

1. Провести анализ отечественных и зарубежных исследований, посвящённых влиянию материального положения семей на формирование здоровья, интеллекта детей, их социализацию.

2. Рассмотреть дифференциацию сформированности компонентов человеческого потенциала детей в семьях с разным материальным положением (на данных репрезентативного социологического опроса).

Гипотеза

Предположительно, уровень дохода семей с детьми может оказывать опосредованное влияние на формирование здоровья, интеллекта и социализацию детей через материальные условия их жизнедеятельности. Если это предположение справедливо, то, в среднем, в семьях с более высоким душевым доходом уровень сформированности человеческого потенциала детей также будет выше по сравнению с менее обеспеченными семьями.

Материалы и методы исследования

Информационную базу исследования составили данные социологического опроса семей с детьми в возрасте от 3 до 17 лет, проведённого в Вологодской области в 2018 г. в рамках выполнения работ по проекту РФФИ № 18-011-01039. В опросе приняли участие 1500 семей с детьми, проживающих на территории региона. Метод проведения – письменное анкетирование по месту проживания респондентов. На вопросы анкеты отвечали только родители. Дети не участвовали в исследовании. Было разработано 4 типа опросников: для родителей детей дошкольного возраста (3–6 лет), для родителей младших школьников (7–10 лет), для родителей детей среднего школьного возраста (11–14 лет) и для родителей старшеклассников (15–17 лет). Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между жителями городской и сельской местности, а также пропорций между возрастными группами детей в семьях респондентов. Квоты для выборки рассчитывались на основе данных статистики о возрастно-половом составе населения Вологодской области. Ошибка выборки не превышала 3%. Подробное описание выборки опроса приводится в работе А.В. Короленко и А.Н. Гордиевской [1].

Методика оценки человеческого потенциала детского населения

Теоретическую основу создания индексной методики оценки человеческого потенциала детского населения составил сложившийся в педагогических дисциплинах деятельностный подход (развит в трудах Ю.В. Громыко, В.В. Давыдова, А.П. Зинченко, М.А. Мкртчян), в рамках которого взросление связывается с закономерной сменой ведущих типов деятельности. Этот подход используют, в частности, для определения возрастных норм развития детей. Социализация ребёнка, согласно данному подходу, происходит в ходе игровой и учебной деятельности. Применительно к целям изучения человеческого потенциала ключевым здесь выступает то, что ребёнок в процессе деятельности осваивает определённые навыки, которые можно соотнести с компонентами человеческого потенциала [1].

Специфика изучаемой демографической группы определила тот набор компонентов человеческого потенциала, сформированность которых оценивалась в рамках настоящего исследования. Основой для выделения компонентов человеческого потенциала детского населения послужил подход к их классификации, предложенный в работах Н.М. Римашевской. Поскольку для детей трудовая деятельность не является ведущей, то мы не рассматривали сформированность у них трудового потенциала. Также в рамках данной методики не рассматривался репродуктивный потенциал, поскольку его реализация происходит, как правило, уже после завершения периода детства. Всего было выделено три компонента человеческого потенциала детского населения: потенциал здоровья, интеллектуальный и социокультурный потенциал [1].

Проведя обзор имеющихся методологических подходов и учитывая их сильные и слабые стороны, при построении собственной методики авторский коллектив проекта РФФИ № 18-011-01039, опираясь на данные репрезентативного социологического опроса, разработал интегральный индекс сформированности человеческого потенциала детского населения (ИСЧПД). В структуре интегрального индекса выделены три субиндекса: здоровья, интеллектуального развития и социокультурного развития [1].

Величина каждого из трёх субиндексов рассчитывалась на основании балльных оценок сформированности у детей пяти соответствующих навыков. Оценки высказывали родители, опираясь на предложенную в вопроснике пятибалльную шкалу, где 1 балл соответствовал наихудшей сформированности, а 5 баллов – наилучшей сформированности навыка [1].

Для оценки субиндексов использовались следующие наборы навыков:

1. Субиндекс здоровья: показатели, отражающие навыки физической активности, питания, гигиены, соблюдения режима питания и отдыха, поддержания нормального психического состояния (стрессоустойчивости);

2. Субиндекс интеллектуального развития: навыки, характеризующие сформированность памяти, мышления, воображения, внимания, а также цифровых навыков, то есть компетенций

в области применения ИКТ. Присутствие последних в системе показателей интеллектуального развития определяется тем, что технологии становятся всё более интегрированными в обыденную жизнь современного общества;

3. Субиндекс социокультурного развития: навыки этикета и общения, хозяйственно-бытовые, волевые и морально-этические [1].

Критерии, отражающие сформированность тех или иных навыков, для разных возрастных групп детей определялись в соответствии с представлениями отечественных психологов об этапах развития детей, выделяемых с применением деятельностного подхода [1].

Значение каждого из субиндексов рассчитывалось как отношение суммы балльных оценок по пяти соответствующим навыкам к максимальной сумме, которую можно было набрать, используя предложенную шкалу (максимум составлял 25 баллов – если оценка сформированности каждого навыка достигала 5 баллов). В результате для каждого ребёнка были получены значения трёх субиндексов, которые могли варьировать в диапазоне от 0.2 до 1. При этом чем ближе значения субиндексов к 1, тем лучше в соответствии с возрастной нормой сформированы соответствующие навыки [1].

Величина интегрального индекса сформированности человеческого потенциала детского населения рассчитывалась как среднее геометрическое трёх его субиндексов. Диапазон допустимых значений такой же, как и для субиндексов, – от 0.2 до 1. Минимальное значение индекса указывает на несформированность, а максимальное – наилучшую сформированность человеческого потенциала ребёнка (относительно возрастной нормы) [1].

Разработанная методика обладает ограничениями, которые определяются природой используемых исходных данных (результаты соцопроса), а также спецификой использованного математического инструментария их обработки. В то же время данная методика позволяет получить достоверное представление о предмете исследования.

Теоретическая разработанность проблемы измерения человеческого потенциала детского населения

Исследования человеческого потенциала населения имеют очень богатую историю. Данное понятие используется преимущественно в русскоязычной литературе, тогда как сходная идея оценки экономической роли человеческого фактора впервые была предложена в работах Г. Беккера [2]. Им использовался термин «человеческий капитал». В отличие от классического термина, понятие «человеческий потенциал» трактуется шире, охватывая не только экономическую, но и социальную роль человека. Например, в то время как характеристики здоровья нельзя в полной мере отнести к человеческому капиталу, они совершенно справедливо рассматриваются в рамках изучения человеческого потенциала [3]. Заметный вклад в развитие теории и методики измерения человеческого потенциала в рамках отечественных исследований внесли работы сотрудников ИСЭПН РАН [4].

Термин «человеческий потенциал» применялся, как правило, в качестве характеристики взрослого населения. В отношении детей 0–17 лет его применение ограничивалось тем, что один из ключевых компонентов человеческого потенциала – трудовой потенциал у них ещё не сформирован, следовательно, в рамках общепринятой методики нельзя было дать полную оценку человеческого потенциала детского населения. Наличие такой интегральной характеристики именно для детского населения в то же время могло бы способствовать расширению теоретических представлений о связи демографического, социального и экономического развития территорий и улучшению практики управления в этих сферах. Научная проблема разработки теоретических и методологических основ измерения человеческого потенциала детского населения решалась автором (в составе научного коллектива) в рамках проекта РФФИ № 18-011-01039. На основании обзора научных трудов по смежной тематике авторский коллектив сформулировал собственное определение понятия *«человеческий потенциал детского населения» – совокупность врожденных способностей и приобретаемых в ходе жизнедеятельности качеств (навыков), динамически изменяющихся по мере взросления, которые необходимы для успешного развития личности, ее социализации и адаптации к меняющимся условиям среды.* Была разработана индексная методика измерения индекса сформированности человеческого потенциала детского населения, который объединил характеристики здоровья, интеллектуального и социокультурного развития детей [1]. Благодаря апробации разработанной методики удалось провести ряд сопоставлений между сформированностью отдельных компонентов человеческого потенциала детей и условиями их жизни [5–7], характеристиками внутрисемейных отношений [8]. Поскольку ранее аналогичных методик в российских исследованиях не предлагалось, полученные результаты допустимо сопоставлять с аналогичными по смыслу исследова-

ниями, выполненными применительно к составляющим человеческого потенциала – здоровью, интеллектуальному или социокультурному развитию. В то же время в рамках выполнения исследовательского проекта не получил подробного рассмотрения такой аспект, как воздействие материального положения семей на сформированность человеческого потенциала детей. В связи с этим указанная проблема была выбрана *предметом* настоящего исследования.

Следует отметить, что существуют альтернативные подходы к изучению интегральных характеристик детского населения. В работе Э.В. Южаковой и А.П. Багировой центральными понятиями выступают человеческий капитал и социальный капитал детского населения. При этом оба вида капитала, с точки зрения авторов, формируются в процессе родительского труда, а семья рассматривается ими как социальный институт, который осуществляет инвестиции собственных ресурсов в капитал подрастающих поколений. То есть в процессе семейного воспитания осуществляется накопление капитала подрастающих поколений. По содержанию используемое в работе понятие близко к термину «человеческий потенциал», причём авторы не проводят чёткого разграничения между ними. В то же время ими отдельно рассматривается содержание термина «социальный капитал». Качественные характеристики обеих форм капитала складываются в результате трудовых и материальных родительских инвестиций [9]. В статье А.Г. Филиповой и А.В. Еськовой предложено рассматривать становление ключевых качеств подрастающего поколения через призму термина «социальный потенциал детства», который они определяют как «совокупность ресурсов, резервов и возможностей детей как особой социально-демографической общности, проживающих на территории какого-либо региона (субъекта Российской Федерации), реализующихся под воздействием внешних и внутренних факторов, направленных на достижение качественного состояния детства в области здоровья, образования и духовно-нравственного развития, формирование необходимого набора стартовых ресурсов для выхода во взрослую жизнь» [10].

Ранее в трудах отечественных авторов неоднократно отмечалось ведущее значение материально-бытовых условий жизни семей для здоровья и развития детей. Особенно остро данная проблематика звучала в работах отечественных исследователей, опубликованных в периоды экономических и социальных кризисов, негативно отражающихся в первую очередь, на малообеспеченных, неполных семьях с детьми. Отмеченное в период постсоветских реформ резкое ухудшение здоровья населения, в том числе детского, дало Н.М. Римашевской основание говорить о «социальной воронке нездоровья» [11], а также о сжатии поля детства в стране [12]. Ключевыми факторами, оказывающими негативное влияние на здоровье детского населения, выступают низкий уровень материального положения семей [13] и высокое социально-экономическое неравенство [14].

В исследованиях здоровья детского населения, проводимых специалистами Вологодского научного центра, также неоднократно указывалось на ведущую роль материально-бытовых условий жизни семей для формирования здоровья и интеллектуального развития детей [15]. Так, мониторинговое когортное исследование «Изучение условий формирования здорового поколения» дало возможность наглядно продемонстрировать, что образ и условия жизни семей непосредственно влияют на показатели развития детей [16]. Лонгитюдное наблюдение также позволило доказать, что состояние здоровья детей в регионе, в целом, улучшается по мере роста материального благосостояния их семей. Иллюстрацией этой закономерности служит то, что в когорте детей, рождённых в 2014 г., доля здоровых была существенно выше, чем во всех когортах, набранных ранее. Такой результат связан с улучшением условий жизни и материального положения семей с детьми [17].

В настоящей работе мы рассмотрим влияние материального положения семей на развитие детей несколько шире, уделяя внимание не только формированию их здоровья, но также интеллектуального и социокультурного компонентов человеческого потенциала.

Результаты и обсуждение

По состоянию на 2018 г. средняя величина душевого денежного дохода семей с детьми составляла 21403 рубля, в 2019 году – 23005 рублей. В 2018 г. доля малообеспеченных среди семей с детьми достигала 17%. Причём материальное положение заметно варьировало в зависимости от числа детей в семье. В группе риска находились многодетные и неполные семьи (табл. 1).

В 2018 г. большинство российских домохозяйств, имеющих в составе детей в возрасте до 18 лет, по данным выборочного обследования бюджетов, проводимого Росстатом, отметили, что денег хватает на еду и одежду, но они не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования. В Вологодской области в тот же период уровень материального положения

Таблица 1

Доля малообеспеченных домохозяйств с детьми (%) и распределение величин среднедушевого денежного дохода в домохозяйствах, имеющих в своём составе детей в возрасте до 18 лет (руб.)

Тип домохозяйства	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Доля малообеспеченных среди домохозяйств с детьми в возрасте до 18 лет (%)	15.0	16.5	21.7	20.8	19.8	17.3	н/д
Все семьи с детьми в возрасте до 18 лет	18136.1	18360.3	19532.3	20229.5	19885.3	21403.2	23005.6
Неполная семья с детьми	16982.4	16580.0	16802.5	18986.5	18880.3	**20252.3**	**21803.8**
Полная семья с детьми	19640.3	19705.8	21361.6	22072.3	20847.7	22447.1	23240.8
Семьи с одним ребёнком	21188.5	21684.8	23427.1	24152.3	23859.3	25384.5	28791.9
Семьи с двумя детьми	15886.4	16211.5	17097.5	18223.0	17764.5	20204.7	19737.9
Семьи с тремя и более детьми	10438.4	10769.9	11462.4	11938.9	12118.9	**12417.6**	**14134.1**

Источник: Семья, материнство и детство. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13807#

Таблица 2

Распределение самооценок покупательной способности дохода домохозяйств с детьми (% от числа опрошенных)

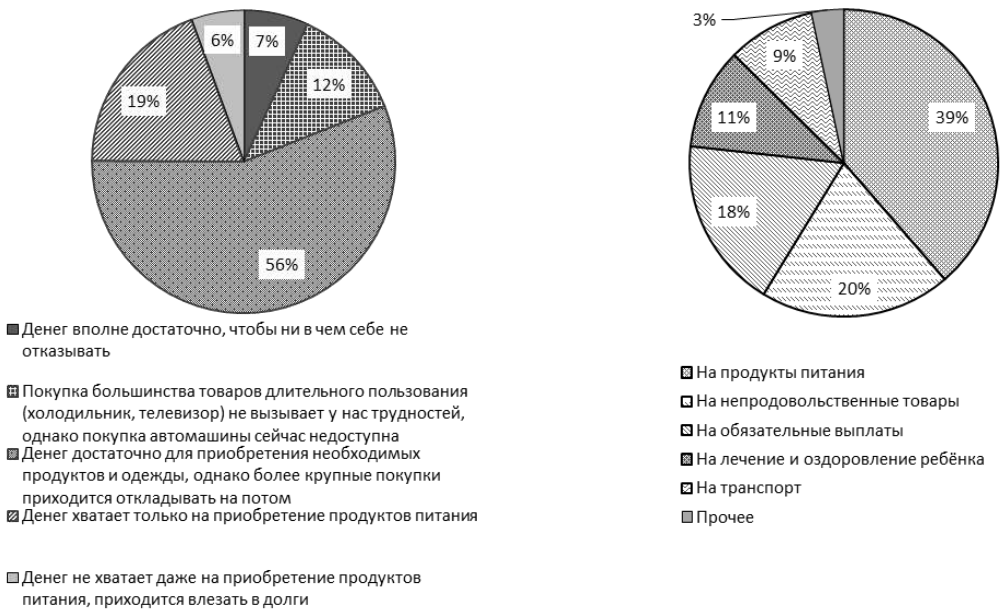
Субъект	Российская Федерация	СЗФО	Вологодская область
2018			
Не хватает денег даже на еду	0.5	0.7	3.9
Денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно	13.4	9.4	15.3
Денег хватает на еду и одежду, но не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования	50.3	44.4	49.4
Денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, но не могут позволить себе покупку автомобиля, квартиры, дачи	31.8	42.0	28.8
Средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	3.5	3.2	2.6
Затруднились ответить	0.5	0.4	0.0
2019			
Не хватает денег даже на еду	0.9	0.6	2.4
Денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно	15.7	10.0	17.0
Денег хватает на еду и одежду, но не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования	50.3	45.2	49.4
Денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, но не могут позволить себе покупку автомобиля, квартиры, дачи	29.5	39.9	28.7
Средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	3.1	3.9	2.6
Затруднились ответить	0.5	0.4	0.0

Источник: Семья, материнство и детство. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13807#

семей с детьми соответствовал общероссийской картине (табл. 2).

Аналогичная картина была зафиксирована и в рамках проведения социологического опроса семей с детьми. Большинство респондентов (56%) отметили, что их средств достаточно, чтобы приобрести необходимые продукты питания и одежду, но приобретение дорогостоящих товаров длительного пользования приходится откладывать. Материальное положение семей характеризуется также высоким уровнем затрат на питание в структуре потребления (39%), тогда как на приобретение непродовольственных товаров остаётся 20% семейного дохода, на лечение и оздоровление ребёнка –11%. Представленные данные свидетельствуют о неблагоприятной ситуации с доходами семей с детьми в регионе (рис. 1а и 1б).

Эффект от материального положения семьи фиксируется для всех измеренных показателей, характеризующих сформированность человеческого потенциала детей и его компонентов. Наиболее высокое значение индекса сформированности человеческого потенциала детей – в двух высокодоходных группах семьей. Самое низкое значение – в малообеспеченных семьях. Причём у детей из самых бедных семей наблюдается существенное отставание значения субиндекса интеллектуального развития от значения, характерного для предшествующей



а) б)

Рис. 1. Распределение семей с детьми по уровню покупательной способности дохода (*а*; % от числа ответивших) и распределение совокупного семейного дохода по основным статьям расходов (*б*; %).
Источник: данные социологического опроса семей с детьми, проведённого в Вологодской области в 2018 году

Таблица 3

Распределение средних значений индекса сформированности человеческого потенциала детей и средних значений его компонентов в семьях с разной самооценкой покупательной способности дохода

Варианты ответа респондентов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, возможности удовлетворения потребностей Вашей семьи исходя из ее совокупного дохода»	СиЗ	СиИР	СиСР	ИСЧПд
1. Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	0.846	0.825	0.825	0.829
2. Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	0.855	0.823	0.829	0.832
3. Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	0.818	0.786	0.789	0.794
4. Денег хватает только на приобретение продуктов питания	0.804	0.763	0.766	0.774
5. Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги	0.721	0.683	0.726	0.706

Обозначения: СиЗ – субиндекс здоровья, СиИР – субиндекс интеллектуального развития, СиСР – субиндекс социокультурного развития, ИСЧПд – индекс сформированности человеческого потенциала детей.
Источник здесь и далее: данные социологического опроса семей с детьми, проведённого в Вологодской области в 2018 году.

доходной группы. Между значениями субиндекса других «смежных» доходных групп семей таких разрывов не выявлено. Аналогичные наблюдения справедливы и для субиндексов здоровья и социокультурного развития детей из наименее обеспеченных семей. Закономерное увеличение значений индекса сформированности человеческого потенциала детей по мере роста покупательной способности дохода нарушается только применительно к самой обеспеченной группе семей. У детей в этих семьях среднее значение индекса несколько ниже, чем в предшествующей по уровню дохода группе семей, причём это обусловлено более низким значением субиндекса здоровья детей (табл. 3). Вероятно, высокая материальная обеспеченность ещё не гарантирует лучших показателей здоровья и сформированности навыков заботы о нём.

Рассмотрим подробнее, какие именно характеристики потенциала здоровья у детей из высокодоходных семей сформированы хуже по сравнению с детьми из менее обеспеченных семей. Как следует из ответов родителей, степень сформированности навыков тем лучше, чем выше материальное положение семей. Од-

Таблица 4

Распределение средних балльных оценок сформированности навыков заботы о здоровье у детей из семей с разным уровнем покупательной способности дохода

Варианты ответа респондентов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, возможности удовлетворения потребностей Вашей семьи исходя из ее совокупного дохода»	Навыки физической активности	Навыки питания	Навыки соблюдения режима труда и отдыха	Навыки гигиены	Навыки поддержания нормального психического состояния
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	**4.26**	**4.11**	**4.28**	**4.43**	4.08
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	4.34	4.21	4.31	4.53	4.02
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	4.14	3.96	4.12	4.38	3.86
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	4.06	3.95	4	4.25	3.81
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги	3.67	3.59	3.51	3.82	3.44

Примечание: для оценки сформированности навыков использовалась пятибалльная шкала, где 1 балл соответствовал ответу «навык не сформирован», 5 баллов – «навык очень хорошо сформирован». На вопрос отвечали родители детей.

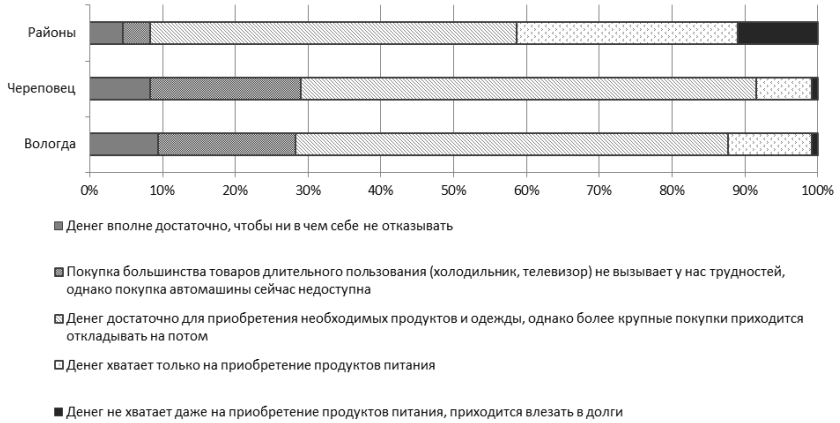


Рис. 2. Распределение самооценок уровня дохода семей с детьми (% от числа опрошенных)

нако у детей из высокообеспеченных семей в сравнении с предшествующей доходной группой семей менее сформированы навыки заботы о здоровье в области физической активности, питания, соблюдения режима труда и отдыха, правил гигиены, оценки которых и определили более низкое итоговое значение субиндекса здоровья (табл. 4).

Значимость материального положения семьи для формирования человеческого потенциала ребёнка может варьировать в зависимости от этапа его взросления. Ранее в исследовании было показано, что максимальной степенью сформированности человеческого потенциала (в соответствии с возрастными нормами) обладают дети дошкольного возраста.

Ранее в исследовании была выявлена дифференциация показателей сформированности человеческого потенциала детей в зависимости от местности проживания. В свете представленного распределения это наблюдение может являться вторичным по отношению к влиянию уровня дохода. В районах области уровень материального благосостояния семей с детьми существенно ниже, чем в крупных городах – Вологде и Череповце. Большинство семей с низким уровнем покупательной способности доходов проживают именно в районах, тогда как средне- и высокообеспеченные семьи в территориальном разрезе распределены более равномерно (рис. 2).

Представленные результаты дают основание *для признания состоятельности выдвинутой гипотезы* о наличии значимого влияния уровня материального благосостояния семей на формирование человеческого потенциала детей. В целом, чем выше уровень покупательной способности дохода семьи, тем выше значение интегрального показателя, характеризующего сформированность человеческого потенциала детей.

В то же время у представленного вывода есть методические ограничения. К ним относится необходимость учёта, помимо самооценки уровня покупательной способности дохода, также и самой величины среднедушевого денежного дохода семей. Это связано с тем, что оценочные суждения, высказываемые респондентами, зачастую имеют приблизительный характер. Они не дают точного представления о том, какой именно уровень денежного дохода население считает достаточным для того, чтобы ни в чём себе не отказывать, а какой доход не позволяет свободно приобретать даже продукты питания. В одной группе семей, считающих, что их доходов достаточно для приобретения всех основных товаров и услуг, могут оказаться респонденты с очень разной величиной денежного дохода, поскольку у них разнятся и практики потребительского поведения, и стоимость услуг и досуговых занятий, которые они оплачивают. Указанные ограничения не снижают научной значимости поведённого исследования, а лишь обозначают перспективу дальнейшего уточнения его методологии и выводов.

Заключение

Обзор ранее проводившихся исследований взаимосвязи доходов семей и развития детей показал, что в российской практике не представлено работ, содержащих всестороннюю оценку данной проблематики. Использование в настоящей работе методического инструментария комплексной оценки человеческого потенциала детей позволило провести сопоставление его интегральных характеристик с данными о покупательной способности семей с детьми. Выдвинутая гипотеза о значимости влияния материального положения семей на формирование здоровья, интеллектуальное и социокультурное развитие детей получила эмпирическое обоснование. Несмотря на имеющиеся методологические ограничения, выводы исследования дают основание для дальнейшего более углублённого анализа соотношения материальных условий жизни семей и результатов формирования и реализации человеческого потенциала детей.

Статья подготовлена по материалам научного проекта, выполненного при поддержке РФФИ в 2018–2020 гг. Проект № 18-011-01039 «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества».

Список литературы

1. Короленко А.В., Гордиевская А.Н. Человеческий потенциал детского населения: понимание и оценка // Социальное пространство. 2018. № 5 (17). С. 1–17.

2. Becker G. Investment in human capital: a theoretical analysis // The journal of political economy. 1962. V. 70. Iss. 5. Part 2. Investment in human beings. P. 9–49.

3. Буланов В., Катайцева Е. Человеческий капитал как форма проявления человеческого потенциала // Общество и экономика. 2011. № 1. С. 13–22.

4. Человеческий потенциал российских регионов / Н.М. Римашевская, В.К. Бочкарева, Л.А. Мигранова, Е.В. Молчанова, М.С. Токсанбаева // Народонаселение. 2013. № 3 (61). С. 82–141.

5. Короленко А.В., Калачикова О.Н. «Время на детей»: ресурсные возможности современных родителей // Социальное пространство. 2019. № 5 (22).

6. Короленко А.В. Семейное воспитание как фактор формирования здоровья и человеческого потенциала детского населения // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 52–56.

7. Разварина И.Н., Гордиевская А.Н., Нацун Л.Н. Профессиональное самоопределение подростков как условие реализации их человеческого потенциала // Human Progress. 2020. Т. 6. № 4.

8. Нацун Л.Н. Взаимосвязь характеристик семейного досуга и уровня сформированности человеческого потенциала детей (на примере семей с детьми школьного возраста) // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1(29). С. 79–92.

9. Южакова Э.В., Багирова А.П. Формирование человеческого и социального капитала в ходе родительского труда: сходства и различия процесса, затрат и результатов // Социальное пространство. 2019. № 4 (21).

10. Филипова А.Г., Еськова А.В. Социальный потенциал детства в регионе: построение онтологии предметной области // Регионология. 2016. № 3 (96). С. 137–148.

11. Римашевская Н.М. Детство как потенциал социально-демографического развития России // Народонаселение. 2011. № 2 (52). С. 4–11.

12. Римашевская Н.М. Детское население в России: основные проблемы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1 (13). С. 59–70.

13. Римашевская Н.М., Бреева Е.Б. «Поле» детства // Народонаселение. 2011. № 4 (54). С. 17–26.

14. Тапилина В.С. Социально-экономический статус и здоровье населения // Социологические исследования. 2004. № 3 (239). С. 126–137.

15. Шабунова А.А. Двадцать лет мониторинга детского здоровья: организация, результаты, выводы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 116–128.

16. Шабунова А.А., Морев М.В., Кондакова Н.А. Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга: Монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 262 с.

17. Шабунова А.А., Кондакова Н.А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5(35). С. 33–54.

DIFFERENTIATION OF THE FORMATION CHILDREN'S HUMAN POTENTIAL DEPENDING ON THE INCOME LEVEL OF FAMILIES

L.N. Natsun

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

One of the manifestations of the relationship between economic and social development at the micro level is the impact of material living conditions on the development of children. In this work, the central place is given to a comprehensive assessment of children's development using an index method that has been tested on the data of a representative sociological survey of families with children. The hypothesis about the importance of the family income level for the formation of components of the human potential of children has been confirmed. It is shown that in more affluent families, higher indicators of health, intellectual and socio-cultural development of children are also observed. At the same time, the secondary nature of the relationship between the place of residence of families and the level of formation of the human potential of children is justified: this relationship is due to the predominance of well-off respondents in large cities and, conversely, a higher proportion of low-income families in the centers of municipal districts.

Keywords: human potential of the child population, social factors of children's health and development, sociological research.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_4_135

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФОРМ ДОСУГА ПРАРОДИТЕЛЕЙ И ИХ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ПРОЦЕСС ВОСПИТАНИЯ ВНУКОВ

© 2022 г.

А.В. Нешатаев

Нешатаев Александр Васильевич, ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
a.v.neshataev@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2022
Статья принята к публикации 19.10.2022

Население старшего поколения выступает объектом активной социальной политики во многих странах мира. Это связано с целым рядом тенденций: увеличением продолжительности жизни, демографическим старением населения, трансформацией внутрисемейных взаимоотношений. В связи с этим актуальность приобретает расширение количества тех сфер жизнедеятельности, в которых представители старшего поколения могут обеспечить свою самореализацию. Исходя из этого, важнейшей проблемой является организация досуга бабушек и дедушек. Гипотеза исследования – прародители, поддерживающие активный образ жизни, в большей степени вовлечены в осуществление функций прародительского труда. Под прародительским трудом понимается деятельность бабушек и дедушек, направленная на уход, развитие и помощь внукам, тем самым сокращающая объемы осуществления родительского труда. В качестве метода исследования использовался анкетный опрос бабушек и дедушек, выполняющих функции родительского труда в отношении своих внуков. Результаты исследования продемонстрировали, что активные прародители в меньшей степени участвуют в процессе воспитания своих внуков. Выявлено, что наличие свободного времени как причина осуществления прародительского труда в большей степени свойственна пассивным бабушкам и дедушкам, которые чаще отмечали в качестве результата реализации прародительского труда преодоление одиночества. Сделано предположение, что более активное вовлечение в процессы воспитания и ухода за внуками прародителей, отметивших в качестве основной формы досуга занятость на даче и огороде, может быть связано с материальным положением. Полученные результаты могут использоваться для разработки мер развития социальной активности граждан пожилого возраста, поддержки их социального статуса, формирования и поддержки здорового образа жизни, организации досуга.

Ключевые слова: прародительство, прародительский труд, досуг, активность, бабушки, дедушки.

Введение

Социальная активность является важным аспектом жизнедеятельности личности. Ведение социально активного образа жизни позволяет человеку испытывать чувство удовлетворённости жизнью, наполнять его счастьем, придавать сил. Для бабушек и дедушек зачастую характерно наличие большого количества свободного времени. Это подтверждают результаты многочисленных исследований (например, [1, 2]). Следовательно, для этой категории населения проблема организации досуга может приобретать более актуальные формы.

В то же время положение прародителей характеризуется множественными структурными барьерами, препятствующими активной жизни. О.А. Парфенова придерживается точки зрения, что часть этих барьеров связана с состоянием здоровья, маломобильностью, слаборазвитой инфраструктурой [3]. Большинство и бабушек, и дедушек удовлетворены своим досугом, но при этом никак его не организуют, не имеют хобби, не удовлетворены степенью взаимодействия со своей семьей [4]. Традиционными формами досуга неработающих прародителей являются занятость на приусадебном участке, увлечение прикладным творчеством, посещение клубов по интересам при учреждениях культуры и социального обслуживания [5]. А.Е. Криворучко фиксирует внимание на том, что при организации досуга неработающих бабушек и дедушек необходимо учитывать, что для них важна коммуникация и пребывание в домашних условиях [6].

В связи с перечисленным, как отмечают О.Н. Калачикова и М.А. Груздева, важным фактором вторичной социализации пожилых людей является именно их самореализация в семье, где будут востребованы их знания, опыт и помощь [7]. По мнению А.П. Багировой, многие прародители именно в это время начинают посвящать себя детям, внукам, своему дому [8]. Некоторые исследователи считают, что в воспитании детей

значимую роль играют именно прародители, которые иногда вовлечены в процесс даже больше, чем родители детей [9, 10]. Исследования Н.Х. Дзагуровой демонстрируют, что бабушки, несмотря на современные условия, открывающие возможности внесемейной личностной реализации, зачастую рассматривают смысл собственной жизни на текущем этапе в служении семье и внукам [11]. В.А. Бурко и Ж.В. Волкова подтверждают концентрацию интересов прародителей на внутрисемейном круге [12].

Как показывают наши исследования, основное содержание прародительского труда связано с материальной поддержкой, выражающейся в финансовой помощи и дарении детям и внукам подарков, выполнением образовательной и организационной функций [13]. Они могут быть связаны с уходом, воспитанием, развитием внуков, их сопровождением к учреждениям образования, проведения досуга [14, 15].

Б. Арпино и В. Бордоне выявили, что прародители, занимающиеся уходом за внуками, обычно старше по возрасту и менее вовлечены в социальную и физическую активность, чем неухаживающие, но имеют более развитые психические навыки [16]. Другие зарубежные авторы в своих работах пришли к выводам, что вовлечение прародителей в процесс ухода за внуками способствует увеличению продолжительности жизни [17], помогает облегчить родительский стресс, влияет на социальные результаты детей [18] и укрепляет межпоколенные отношения [19]. Кроме того, согласно данным Индекса активного старения среди стран Европы, можно заметить, что высокая активность в деятельности по уходу за внуками не приводит к низкому рейтингу трудовой деятельности, добровольчества и политической активности прародителей [20].

Гипотеза данного исследования заключается в том, что прародители, поддерживающие активный образ жизни, в большей степени вовлечены в осуществление функций прародительского труда. Данная гипотеза исходит от того, что более активные и занятые в различных видах внедомашней деятельности бабушки и дедушки чаще помогают своим детям в воспитании внуков, так как это является для них одним из способов реализации свободного времени с пользой для близкого окружения. Стиль жизни таких прародителей предполагает постоянное применение своих навыков.

При составлении анкеты мы отнесли вариант ответа «воспитание внуков» к формам досуга, так как ранее мы выявили, что сами прародители не рассматривают осуществление ухода за внуками в качестве труда.

Цель нашего исследования заключается в определении взаимосвязи между формами досуга бабушек и дедушек и их вовлечением в процесс прародительского труда.

Методы исследования

В мае–ноябре 2021 г. был проведен анкетный опрос жителей Свердловской области, в ходе которого изучалось межпоколенное взаимодействие, связанное с выполнением бабушками и дедушками функций родительского труда, реализуемого в отношении их внуков. Единицами исследования выступали бабушки и дедушки, выполняющие функции родительского труда и имеющие несовершеннолетних внуков.

В ходе анкетирования применялась потоковая выборка – анкета была размещена на нескольких сайтах, обеспечивающих максимальный охват целевой совокупности. В качестве каналов рекрутинга респондентов использовались сообщества «ВКонтакте» региональных средств массовой информации, виртуальные сообщества в социальных сетях. Распространение анкеты в интернет-пространстве обусловлено степенью распространения сети Интернет в регионе – 74.3%, что незначительно превышает среднероссийские значения (73.6%). При этом отсутствуют актуальные данные по использованию Интернета в разрезе возрастных групп по субъектам РФ, поэтому рассмотрим возрастное распределение по стране в целом, так как по России и Свердловской области примерно равные доли населения используют сеть Интернет. Согласно статистическому сборнику «Информационное общество в Российской Федерации», в возрасте 45–54 лет пользователями Интернета являются 92.5%, в возрасте 55–64 лет – 78.1%; в возрасте 65–74 лет –56.1% [21]. Скорее всего, меньшая степень цифровизации населения старше 65 лет могла снизить охват данной группы для анкетирования, что является ограничением данного типа выборки.

Анкета включала следующие блоки вопросов: семейные взаимоотношения, отношение к прародительскому труду, содержание и организация прародительского труда, оценка результатов прародительского труда, стимулирование прародительского труда. В большинстве вопросов у респондентов была возможность добавить свой вариант ответа, а в некоторых случаях такие добавленные ответы совпадали у опрошенных прародителей и могли составлять значительную долю среди всех вариантов ответа в вопросе.

Всего в ходе опроса были собраны ответы от 549 респондентов. Далее случайным образом

Рис. 1. Наиболее популярные формы досуга прародителей, % от числа опрошенных

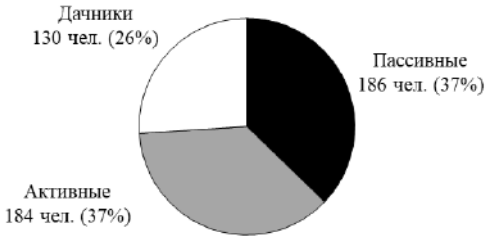


Рис. 2. Распределение респондентов по группам их досуговой активности

были отобраны 500 ответов респондентов. Это позволило повысить случайность отбора единиц совокупности, набранных с помощью потоковой выборки. Таким образом были получены следующие параметры выборки: по половому составу преобладают женщины – 88.7%; 59% респондентов отметили, что работают, а 41% – нет; возрастное распределение: 38–44 лет – 0.7%; 45–54 лет – 15.9%; 55–64 лет – 48.5%; 65–74 лет – 27.8%; 75–84 лет – 6.2%; 85–93 года – 0.9%.

Обработка и анализ данных, полученных в результате опроса, были проведены с помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics 22.0. Для анализа были использованы процедуры описательной статистики, частотный и двухмерный анализ.

Результаты исследования

В ходе исследования было выявлено, что самыми популярными формами досуга опрошенных прародителей являются помощь в воспитании внуков (48.6%), работа на даче и огороде (47.8%) (рис. 1). Среди наименее популярных форм досуга были выявлены такие, как посещение учреждений культуры, занятие физкультурой и посещение клубов по интересам. Результаты исследования демонстрируют, что бабушки и дедушки более склонны к пассивному отдыху и «одомашненным» видам деятельности.

Обнаружено, что респонденты, посещающие досуговые кружки и уделяющие свободное время общению с друзьями, реже выбирали в качестве основных форм досуга участие в воспитании внуков: 16.7% (коэффициент Крамера 0.100 при значимости хи-квадрата 0.025) и 31.5% соответственно (коэффициент Крамера 0.160 при значимости хи-квадрата 0.000).

Частота реализации прародительского труда оказалась связана с некоторыми формами досуга. Так, например, среди прародителей, посещающих учреждения культуры, лишь 24.4% помогают внукам ежедневно или по будням, тогда как среднее значение по всей выборке составляет 41.3% (коэффициент Крамера 0.114 при значимости хи-квадрата 0.020).

В ходе дальнейшего анализа мы разделили опрошенных бабушек и дедушек по досуговой деятельности на 3 группы: активные и пассивные прародители, прародители-«дачники». К активным бабушкам и дедушкам были отнесены те, кто в большей степени в досуговой деятельности предпочитают занятия физкультурой, творчеством, посещение культурных и досуговых учреждений и времяпровождение с друзьями. Чтение книг и газет, просмотр телевизора и использование сети Интернет были отнесены к пассивным формам досуга. Было решено выделить прародителей, работающих на даче и огороде, в отдельную категорию по причине того, что, во-первых, этот ответ на вопрос о наиболее предпочитаемых формах досуга оказался одним из явных лидеров, а во-вторых, как правило, его выбор не сопровождался одновременным выбором и других наиболее предпочитаемых форм досуга (26% опрошенных респондентов выбрали в качестве варианта проведения досуга только дачу при возможности выбора 3 ответов) (рис. 2).

Основные характеристики каждой группы представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики респондентов по группам их досуговой активности

	Активные	Пассивные	Дачники
Доля женщин	92.4%	86.0%	86.5%
Доля работающих	61.0%	58.2%	57.7%
Доля лиц с высшим образованием	59.7%	62.4%	58.9%
Доля лиц младше 45 лет	0.5%	0.9%	0.0%
Доля лиц 45–54 лет	17.6%	15.9%	13.7%
Доля лиц 55–64 лет	49.4%	46.8%	52.9%
Доля лиц 65–74 лет	26.6%	28.5%	26.1%
Доля лиц старше 75 лет	5.9%	7.9%	7.3%

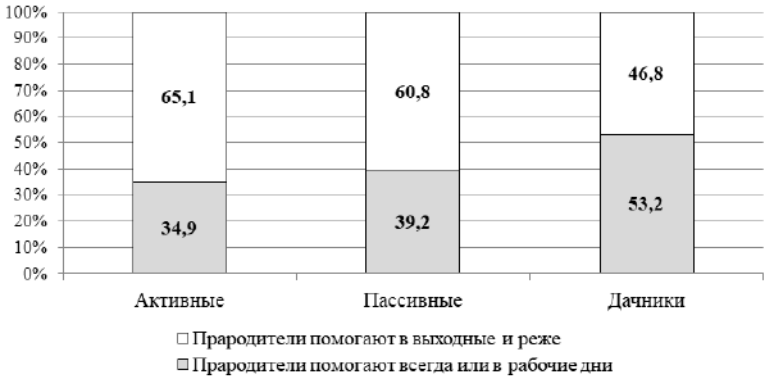


Рис. 3. Частота участия прародителей в разрезе групп досуговой активности, % от численности групп прародителей

Таблица 2

Выполняемые функции прародительского труда в группах прародителей, выделенных по досуговой активности, % от численности групп прародителей*

Функции прародительского труда	Активные	Пассивные	Дачники
Сопровождение в школу, детский сад, секцию	20.9	23.0	32.1
Профилактика здоровья внуков	4.4	7.9	12.8
Приобщение к труду	30.8	18.0	34.9
Развитие творческих способностей	43.4	29.2	26.6

*Показаны только статистически значимые различия по группам респондентов.

Первоначально нами рассматривалась частота осуществления прародительского труда бабушками и дедушками в зависимости от группы их досуговой активности. Было выявлено, что прародители-«дачники» значительно чаще отмечали в качестве основного занятия помощь в воспитании детей (72.1%) по сравнению с группами пассивных (43%) и активных (38%) прародителей (коэффициент Крамера 0.270 при значимости хи-квадрата 0.000).

Бабушки и дедушки, занятые в активных формах досуга, наиболее редко принимают участие в уходе за внуками (рис. 3). Вероятно, это обусловлено тем, что прародители вовлекаются в активные формы досуга по различным причинам, препятствующим реализации ими прародительских функций в отношении своих внуков. Стоит отметить, что в данном случае речь идет именно о временных затратах прародителей.

Гипотеза о том, что активные прародители реже участвуют в процессе воспитания внуков по причине их трудовой занятости, не нашла своего подтверждения. Не было обнаружено статистически значимых различий между респондентами из разных групп (значимость хи-квадрата 0.236).

На следующем этапе изучались различия выполняемых функций прародительского труда между рассматриваемыми группами респондентов. Так, по ряду из них были выявлены статистически значимые различия в группах прародителей, выделенных по досуговой активности. Результаты показали, что «дачники» более вовлечены в процесс воспитания и ухода за внуками и по ряду конкретных функций прародительского труда. Стоит отметить, что активные прародители лишь в сфере развития творческих способностей внуков опережают респондентов других групп; по степени приобщения внуков к труду они имеют показатели близкие к группе «дачников» (табл. 2). Скорее всего, для активных бабушек и дедушек данные функции являются привычными формами досуга, что, следовательно, и приводит к развитию ими внуков именно в данных сферах.

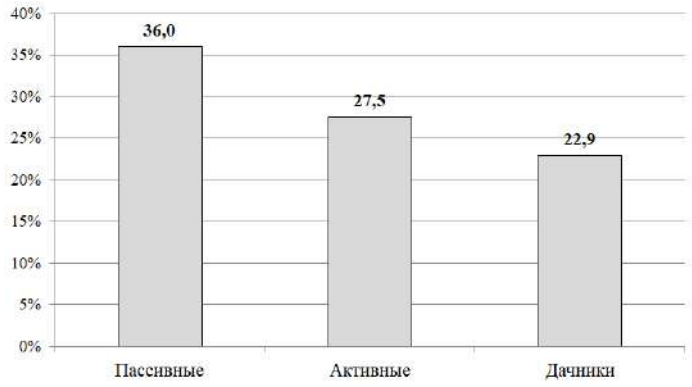


Рис. 4. Наличие свободного времени как причина осуществления функций прародительского труда по группам респондентов, % от численности групп прародителей

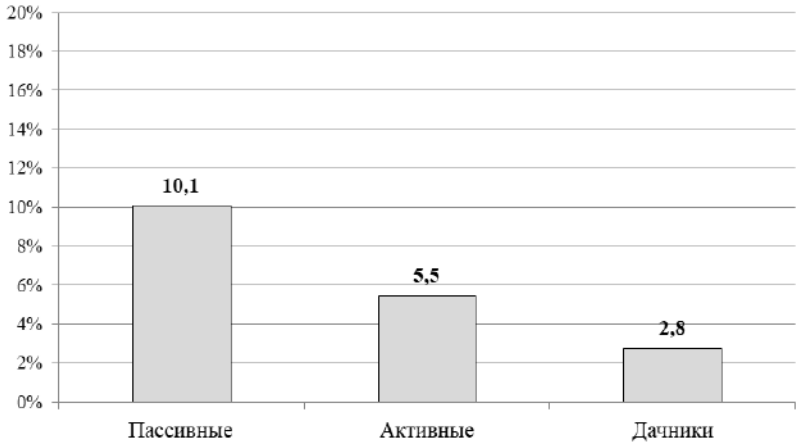


Рис. 5. Выбор преодоления одиночества в качестве результата участия бабушек и дедушек при реализации прародительского труда в зависимости от группы респондентов, % от численности групп прародителей

Далее мы сравнили причины, побуждающие бабушек и дедушек, занятых в различных видах досуговой деятельности, участвовать в осуществлении прародительского труда. В качестве причин участия прародителей в процессе воспитания внуков были предложены: наличие свободного времени, просьба детей помочь, приемлемое состояние здоровья, близость к детям и внукам, собственное желание.

В качестве причин осуществления функций прародительского труда бабушки и дедушки, идентифицированные как пассивные, чаще отмечали наличие свободного времени (36%), тогда как активные и «дачники» говорили об этом реже – в 27.5% и 22.9% случаев соответственно (рис. 4). Возможно, это связано с меньшими временн*ы*ми и физическими затратами данной категории при осуществлении своей досуговой деятельности.

В ходе исследования изучался конечный результат реализации прародительского труда для самих бабушек и дедушек. Нами был предложен ряд вариантов ответа: ощущение ценности жизни, чувство выполненного долга, сближение и улучшение отношений с детьми и внуками, ощущение нужности, заполнение свободного времени, улучшение физического самочувствия, удовлетворение потребности в общении и преодоление одиночества.

Для пассивных бабушек и дедушек значение помощи внукам в большей степени представляет собой преодоление одиночества (рис. 5). Скорее всего, данные результаты демонстрируют волнующую проблему прародителей, когда они, будучи исключенными из внедомашних форм времяпровождения, в большей степени отождествляют свою жизнь на текущем этапе с одиночеством.

Обсуждение результатов

Результаты исследования демонстрируют, что участие в трудовой деятельности не является определяющим фактором, влияющим на формы досуга и вовлечение в процесс воспитания и ухода за внуками. Хотя, на первый взгляд, продолжая работать, прародители заполняют свое свободное время, тем самым не увеличиваются (если после выхода на пенсию возобновлена трудовая деятельность, то сокращают-

ся) объемы внутрисемейного взаимодействия между представителями разных поколений.

Отдельного внимания заслуживает уровень благосостояния прародителей. Так, низкие доходы негативно воздействуют на участие в некоторых платных формах досуга в связи с невозможностью оплатить данные услуги. Низкая покупательная способность вынуждает экономить, затрачивая минимальные денежные средства на товары и услуги, тем самым досуг пожилых людей ограничивается домашним времяпровождением. Результаты наших предыдущих исследований также выявили, что влияние материального положения оказалось связано с частотой реализации прародительского труда: чем ниже такая самооценка, тем выше доля респондентов, помогающих внукам на ежедневной основе [22]. В условиях низких доходов прародители вынуждены заниматься ведением домашнего хозяйства для снижения затрат и обеспечения приемлемого уровня жизни для себя и членов своей семьи. Возможно, именно по этой причине чаще в процессе воспитания внуков участвует именно группа респондентов, в свободное время занимающаяся работой на даче и огороде.

Исходя из полученных результатов по группе активных бабушек и дедушек, можно сделать предположение, что их деятельность в отношении внуков направлена на интеллектуальное и творческое развитие детей. Однако ограничивает возможность проверки данного мнения наличие значимых различий лишь по 4 из 20 предложенных функций прародительского труда, из которых только по одной активные бабушки и дедушки оказались в лидерах. В то же время если рассмотреть распределение ответов по функциям прародительского труда, по которым не были обнаружены различия между рассматриваемыми группами, то можно заметить, что активные прародители не опережают другие группы по функциям интеллектуального и творческого плана: помощь в освоении учебного материала, участие с внуками в мероприятиях и конкурсах, посещение культурных учреждений, общение и дискуссии с внуками на разные темы и т.д.

Заключение

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что досуг бабушек и дедушек преимущественно представлен пассивными формами (чтение книг, просмотр телевизора, рукоделие и т.д.), что, скорее всего, связано с возрастными физиологическими возможностями.

Полученные результаты исследования характеризуют особенности вовлечения бабушек и дедушек в процесс воспитания внуков в зависимости от их досуговой активности. Так, прародители, вовлеченные во внедомашние виды досуговой деятельности, реже участвуют в процессе воспитания внуков. Результаты исследования продемонстрировали, что бабушки и дедушки, чье свободное время занимает работа на даче и огороде, значительно чаще выполняют функции прародительского труда. Может быть, это связано с материальным достатком семей: во-первых, эти прародители заняты на огородах и дачах для обеспечения необходимого уровня жизни; во-вторых, их дети могут не иметь финансовой возможности для обеспечения ухода за своими людьми посредством нянь и частных детских садов, что вынуждает обращаться за помощью к бабушкам и дедушкам.

Были обнаружены различия между причинами осуществления прародительского труда и его значимостью в группах респондентов, различающихся досуговой активностью. Наличие свободного времени в большей степени определяет участие пассивных бабушек и дедушек в процессе воспитания внуков. Возможно, это обусловлено тем, что досуг других групп занимает больший объем времени.

Также пассивные прародители в качестве конечного результата реализации прародительского труда для них самих чаще выбирали преодоление одиночества, что, возможно, связано с домашними формами досуга, оказывающими влияние на их ценностные установки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00280.

Список литературы

1. Щанина Е.В. Организация досуга пожилых людей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 4. С. 149–157.

2. Седых О.Г., Гуляева А.И. Проблема одиночества лиц пожилого возраста: социологический аспект // Известия Байкальского государственного университета. 2022. № 1. С. 144–152.

3. Парфенова О.А. Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 119–135.

4. Семенова Е.О. Особенности досуга пожилых людей // Материалы XLIII региональной студенческой научно-практической конференции «Молодёжь третьего тысячелетия». Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 781–784.

5. Соболева Е.В. Добровольческая деятельность граждан старшего возраста как одна из форм активного долголетия российских пенсионеров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. № 1. С. 47–51.

6. Криворучко А.Е. Организация досуга пожилых людей как способ борьбы с одиночеством // Научная палитра. 2020. № 2. С. 1–7.

7. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Участие прародителей в воспитании внуков как форма личной самореализации // Материалы IX Уральского демографического форума «Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития». Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2018. С. 522–527.

8. Багирова А.П. Объемы, формы и функции прародительского труда: оценки уральских родителей // Социальная политика и социология. 2021. № 3. С. 33–42.

9. Буланова Д.Д. Роль старшего поколения в воспитании дошкольников // Научное отражение. 2017. № 4. С. 9–11.

10. Борсуковский Б.А. Невостребованная старость // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2010. № 6. С. 68–71.

11. Дзагурова Н.Х. Социальная роль бабушки в современной осетинской семье // Социология. 2021. № 6. С. 78–83.

12. Бурко В.А., Волкова Ж.В. Социальное самочувствие пожилых людей в современном российском обществе (сравнительный анализ) // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 43–62.

13. Багирова А.П., Бледнова Н.Д. Содержание и результаты прародительского труда в оценках уральских родителей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1. С. 66–73.

14. Jongenelis M.I., Talati Z., Morley B., Pratt I.S. The role of grandparents as providers of food to their grandchildren // Appetite. 2019. Vol. 134. P. 78–85.

15. Daly M., Perry G. Grandmaternal childcare and kinship laterality. Is rural Greece exceptional? // Evolution and Human Behavior. 2019. Vol. 40. P. 385–394.

16. Arpino B., Bordone V. Does grand-parenting pay off? The effect of child care on grandparents' cognitive functioning // Journal of Marriage and Family. 2014. Vol. 76. P. 337–351.

17. Hilbrand S., Coall D.A., Meyera A.H. et al. A prospective study of associations among helping, health, and longevity // Social Science & Medicine. 2017. Vol. 187. P. 109–117.

18. Luo Y., Qi M., Huntsinger C.S. et al. Grandparent involvement and preschoolers' social adjustment in Chinese three-generation families: Examining moderating and mediating effects // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 114. P. 1–10.

19. Mikkelsen M.V., Blichfeldt B.S. Grand parenting by the pool // Young Consumers. 2018. Vol. 19. № 2. P. 127–140.

20. Active Ageing Index: Analytical Report. 2018. Geneva: United Nations economic commission for Europe. URL: https://unece.org/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/ECE-WG-33.pdf (дата обращения: 24.05.2022).

21. Информационное общество в Российской Федерации. 2020: Статистический сборник [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст дан. (33,6 Мб). М.: НИУ ВШЭ, 2020.

22. Bagirova A.P., Sapozhnikova K.A., Neshataev A.V. Grandparental labour in Russia: its scope, forms, and perspectives for cost recovery // Proceedings of the 14th International Scientific Conference on Reproduction of Human Capital – Mutual Links and Connection. RELIK 2021. Prague: Czech Republic. P. 32–40.

RELATIONSHIP LEISURE OF GRANDPARENTS AND THEIR INVOLVEMENT CHILDCARE

A.V. Neshataev

Ural Federal University

One of the most important problems of older people is the organization of leisure time for grandparents in the conditions of their social isolation. Research hypothesis: grandparents who maintain an active lifestyle are more involved in the implementation of the functions of grandparental labor. Grandparental labour is understood as the activity of grandparents aimed at grandchildren (childcare, development, and assistance to grandchildren), reducing the corresponding costs of parents for parental work. Research method: a sociological survey of grandparents who perform the functions of parental labor in relation to their grandchildren. The results of the study showed that active grandparents are less involved in the process of raising and caring for their grandchildren. Differences in the motives for the implementation of parental labor and its significance for them between groups of respondents according to the degree of activity were revealed. It has been suggested that the more active implementation of ancestral labor by grandparents, who noted employment in the garden as the main form of leisure, is associated with their financial situation. The results obtained can be used to develop measures for the development of social activity of the elderly.

Keywords: grandparental labour, grandparents, leisure, activity.

УДК 316.3
DOI 10.52452/18115942_2022_4_142

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2022 г.

А.В. Городнов

Городнов Алексей Вячеславович, соискатель кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
alexgorhant@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2022
Статья принята к публикации 26.10.2022

Рассматриваются понятийный аппарат и некоторые классические теории миграционных процессов, разработанные зарубежными учеными, которые являются научно-методологической основой современной миграционной науки. Рассматриваются недостаточно изученные отечественными исследователями такие современные теории миграции населения, как синтетическая теория Д. Массея, концепция транснациональной миграции Ш. Глик, теория миграционных систем М. Критц. В статье подробно описываются основные демографические тренды на территории страны, показана связь демографических процессов, происходящих в нашей стране, с иммиграционными процессами. Анализируется миграционное законодательство, предлагаются пути решения миграционных проблем.

Ключевые слова: иммиграция, международная миграция, классические и современные теории миграции, миграционные процессы, миграционное законодательство, социально-демографическая ситуация.

Введение

В последние годы значительно возросло внимание к процессам миграции населения во всем мире, в том числе и в Российской Федерации. Это связано с их масштабами, а также с позитивными и негативными последствиями: социальными, экономическими, политическими и демографическими. Перемещение населения между странами происходит в форме внешней (международной) миграции, которая играет существенную роль в миграции населения и обеспечивает миграционный прирост. Миграционный прирост в каждой стране формируется только за счет внешней миграции [1].

Миграция всегда играла важную роль в формировании населения. Росту международной миграции способствовали такие явления, как дезинтеграция средневековых обществ, торговые, промышленные и сельскохозяйственные революции, процессы колонизации, возникновение обществ со свободной рыночной экономикой и др. [2].

Значительные изменения характера и направления миграционных потоков произошли во второй половине XIX в. Прежде всего, это было вызвано изменениями в жизни и условиях работы населения наиболее развитых стран Европы и Нового Света и было следствием бурного развития промышленности, транспорта и средств коммуникации. В связи с этим миллионы людей вынуждены были покинуть традиционные места своего проживания и отправиться в другие страны в поисках лучшей жизни. Вначале иммигранты из Европы переселялись в такие страны, как Австралия, Канада и Соединенные Штаты. После Второй мировой войны в мире вырос объем миграций и изменился ее состав, и Европа стала принимать иммигрантов из Азии, Африки и Латинской Америки. Со второй половины XX в. иммигранты из Африки, Азии, Восточной Европы и республик, ранее входящих в состав СССР, стали переселяться в такие страны, как Италия, Испания, Португалия [3], и миграционные процессы обрели глобальный масштаб, охватив все страны и континенты, и век минувший получил название «эра миграции» [4].

Сегодня миграция является одним из главных факторов социального развития во всех регионах мира. Согласно докладу ООН, две трети всех иммигрантов проживают всего в 20 странах мира. Соединенные Штаты Америки являются лидерами по количеству иммигрантов, приняв в 2020 г. 51 миллион международных мигрантов, а второе место занимает Германия (около 16 миллионов). За Германией следуют Саудовская Аравия (13 миллионов), Российская Федерация (12 миллионов) и Великобритания (9 миллионов) [5].

Цель данной статьи – изучение миграционных процессов в контексте социально-демографической ситуации в современной России. Задачами исследования являются: 1) обзор наиболее известных теорий миграции; 2) анализ взаимосвязи демографии с иммиграцией; 3) определение мер по улучшению существующей миграционной политики.

Методология

Методологической основой поставленной в исследовании проблемы служат теоретические положения общей социологии, социологии управления, а также решения, принятые органами государственной власти по вопросам миграционной политики.

В быстро меняющихся условиях довольно остро встал вопрос о теоретическом осмыслении понятия «миграция». С самого начала эпохи массовой миграции ученые пытались найти обобщенное объяснение данного феномена в виде какой-либо общей теории миграции. Теории миграции населения появились в конце XIX в. в США, Австралии, Европе, где раньше других столкнулись с проблемой перемещения населения. Развитие научных взглядов на миграцию происходило и происходит сегодня в рамках различных наук и направлений: социологического, экономического, демографического, политического и др. [3]. В конце XIX в. английский ученый немецкого происхождения Э. Равенштейн одним из первых сделал попытку структурировать и формализовать закономерности и понятия в области миграционных процессов и дал научное определение понятия «миграция» [6]. Он рассматривал миграцию как «непрерывный процесс», включающий четыре основные группы факторов: 1) факторы, действующие в стране проживания мигранта; 2) факторы, действующие на этапе перемещения мигранта; 3) факторы, действующие в стране прибытия мигранта; 4) факторы личного характера или же системы предпочтений личности.

В 1885 г. Э. Равенштейн, анализируя миграции в Великобритании и Северной Америке, сформулировал 11 миграционных законов: 1) больше всего миграций осуществляется на короткие расстояния; 2) миграция происходит постепенно, шаг за шагом; 3) миграции на большие расстояния направляются в основном в крупные торговые или промышленные центры; 4) каждому миграционному потоку соответствует свой контрпоток; 5) горожане менее подвижны в миграционном плане, нежели население сельских районов; 6) во внутренних миграциях более активны женщины, а в международных – мужчины; 7) большинство мигрантов представляет собой взрослое население, семьи реже мигрируют за пределы своей страны; 8) рост крупных городов в большей степени обусловлен миграцией населения, чем естественным приростом; 9) масштабы миграции возрастают с развитием промышленности и торговли и особенно с развитием транспорта; 10) большинство мигрантов из сельской местности направляются в крупные промышленные и торговые центры; 11) экономические причины миграции являются определяющими [6]. Однако законы Э. Равенштейна носят в основном описательный характер, так как в них нет объяснения причин миграции, а также факторов, способствующих воспроизводству этого явления. В то же время на основе работ Э. Равенштейна получили развитие многие научные теории миграции, концепции миграционных процессов. Его тезис: «Миграция означает жизнь и прогресс, малоподвижность населения – стагнацию», – нашел подтверждение в социальной практике.

Важнейшим теоретическим вопросом в научной литературе является проблема типологизации миграции. В начале XX в. немецким социологом В. Зомбартом был разработан один из первых типологических подходов к историческим формам миграции [7]. Он выявил связь между переселенцами и развитием «капиталистического духа» и выделил единичные и массовые типы переселений. Анализ социологического, исторического, социокультурного, демографического, правового, политического подходов к типологизации миграционных процессов позволил выделить основные типологии, которые базируются на социокультурных и правовых основаниях, причинах миграции, а также на синтезе пространственно-территориальных аспектов. Единичный тип переселения подразумевает смену места жительства мигрантами по их собственному желанию в связи с необходимостью расширения личного или семейного предприятия с применением более прогрессивных форм ведения хозяйства. Массовый тип переселения означал переселение больших масс людей по религиозным и политическим причинам, а также в связи с колонизацией других стран [8].

Известный американский социолог начала XX в. Г. Фэйрчайлд выделял такие *типы миграции, как вторжение, завоевание, колонизация и иммиграция* [9]. При этом он использовал в основе своей типологии перемещений различия в уровне культуры, а также было ли данное перемещение мирным или нет.

Американский исследователь Н. Гонзалес в середине XX в., основываясь на тезисе Э. Равенштейна, разработал *пять типов миграций*: сезонные, временные, текущие, продолжительные и постоянные [10].

Во второй половине XX в. интерес к миграционным процессам возрос. В 1960 г. Э. Ли удалось одному из первых выделить факторы, влияющие на миграционные процессы [11]. Он разработал эконометрическую модель, согласно которой на каждой территории действуют различные факторы миграции: удерживающие,

притягивающие и выталкивающие. К *выталкивающим* факторам Э. Ли относит: некоторые факторы экономического характера (безработица, низкий уровень дохода, высокие налоги); социальные и политические факторы (бедность, дискриминация, ограничения на свободу совести и вероисповедания, войны); неблагоприятные природные и климатические условия и т.д. *Притягивающими* факторами могут быть высокий уровень экономического развития, более высокие доходы, безопасность, возможность получить доступ на рынок труда и другие. Вместе с выталкивающими и притягивающими факторами на миграционные процессы влияют и промежуточные факторы: транспортные расходы, законодательное регулирование миграции, доступность информации о регионе прибытия и др., которые возрастают с увеличением расстояния между территориями и могут ограничивать миграционные потоки. Эти факторы определяют прибытие и выбытие. В связи с тем, что миграция является процессом селективным, одни и те же факторы могут по-разному влиять на разных людей: притягивающие факторы оказывают большее влияние на высококвалифицированных людей, а выталкивающие факторы имеют большое значение для людей с низкой квалификацией [3].

Одной из наиболее распространенных теорий является *синтетическая теория международной миграции,* в основу которой легли шесть классических теорий и которая представляет попытку исследователей создать общую теорию миграции, которая могла бы всесторонне анализировать миграционные процессы в контексте глобализации. Д. Массей, один из авторов теории, пришел к выводу, что международные миграции возникают в ходе социальной, экономической и политической трансформации, которая сопровождается распространением капиталистических рыночных отношений на дорыночные и нерыночные общества. Он рассматривает миграционные процессы, имеющие место в условиях глобализации, когда анализ такого динамичного явления, как миграция, должен проводиться с учетом всего спектра факторов, влияющих на динамику и структуру миграции [12].

Теория миграционных систем, разработанная американскими учеными М. Критц, Л. Лим и Х. Злотник в начале 1990-х гг., позволяет применить системный подход к интерпретации сущности и многообразия миграционных потоков [13]. Миграционной системой исследователи называют группу стран, между которыми существуют относительно масштабные и устойчивые миграционные связи. Согласно данной теории, направления международных миграционных потоков между странами выезда и определенными странами въезда не являются постоянными, но взаимосвязанными. При этом географическая близость может играть значительную роль, но не является обязательным условием, вследствие чего миграция создает некое объединенное пространство (миграционную систему), которое включает в себя страны выезда и въезда. Благодаря миграционным потокам устанавливается и усиливается взаимозависимость между территориями этих стран и регионов, которая носит асимметричный характер: страны-доноры нуждаются в «сбыте» излишков рабочей силы, которая создает социальную напряженность, и поступлении денежных средств от заработка мигрантов, а страны-реципиенты нуждаются в дешевой рабочей силе, без которой стабильный экономический рост не всегда возможен. При этом странам-реципиентам необходимо содействие страны-донора в вопросах регулирования различных аспектов миграции: введение миграции в легальное и контролируемое русло, оказание положительного влияния на этнические группы в стране пребывания и т.п. Развитие глобальной миграционной системы происходит в динамике, и ее частью могут быть определенные страны [14].

Теория миграционных систем получила развитие в рамках системного подхода, который не только рассматривает международную миграцию как результат индивидуальных решений, но и анализирует ее в контексте мировых потоков капиталов и товаров, действия глобальных политических, экономических и социокультурных факторов. Системный подход доказывает, что миграционные потоки между странами выезда и въезда обусловлены такими факторами, как «неравенство между богатыми и бедными странами, ведущее к неравенству доходов и возможностей; демографический дисбаланс, стремительно возрастающий в развитых и развивающихся странах; экономический рост развивающихся стран; связь между посылающими и принимающими странами, которая выражается в устойчивости миграционных потоков; развитие телекоммуникаций и СМИ; семейные стратегии; миграционные сети; участие посредников в наборе рабочей силы» [15]. В условиях глобализации страны, принимающие мигрантов, также являются и странами выезда мигрантов, что свидетельствует о существовании механизмов обратной связи. М. Критц отмечает, что «странами происхождения значительного числа мигрантов в развитых странах являются другие развитые страны» [16]. Это подтверждается тем фактом, что «Великобритания, Соединенные Штаты, Нидерланды, Италия, Греция, Австралия,

Новая Зеландия, Франция, Канада и Германия входят в число 30 стран, из которых выезжает наибольшее количество мигрантов» [17].

Концепция транснациональной миграции, разработанная западноевропейскими социологами, вводит понятие транснационализма, который представляет собой относительно новую парадигму в исследовании миграции, связанную с изучением глобализации, то есть процессов, ослабляющих национальное государство [18]. В этой парадигме базовыми понятиями являются «трансмигрант» и «транснационализм», которые введены в научный оборот немецкой ученой Ш. Глик [19].

Современный британский социолог С. Каслз определил, что в настоящее время все формы миграции стали тесно взаимосвязанными и взаимозависимыми, а официально поощряемые потоки стимулируют появление нелегальных мигрантов. В качестве основных типов современных мигрантов С. Каслз предлагает выделять следующие: временные мигранты, высококвалифицированные и бизнес-мигранты, незаконные мигранты, мигранты, ищущие убежище, вынужденные мигранты, семейные воссоединенные мигранты и возвратные мигранты [20].

По мнению многих отечественных экспертов, одну из наиболее полных классификаций основных научных подходов к изучению миграции населения составил В.А. Ионцев [21]. Он выделил 16 основных подходов: экономический, демографический, миграционный, социологический, политический, системный, географический, экологический, исторический, этнографический, психологический, биологический, генетический, философский, юридический, типологический. Несмотря на различие научных подходов, все они рассматривают проблемы, связанные с миграционными процессами, обозначая специфику своего предметного поля. Одни изучают миграционные процессы на макроуровне, исследуя политические, экономические и правовые аспекты миграции, другие – на микроуровне, т.е. исследуют процесс формирования решений индивидов, семейств и изменения, происходящие под их влиянием, в рамках социологии, этнографии, истории, а третьи – на мезоуровне, т.е. анализируют социальные связи в рамках антропологии [22].

Различные аспекты миграционных процессов, миграционной политики и демографических процессов рассмотрены в работах отечественных и зарубежных исследователей Ю.Ф. Флоринской и Н.В. Мкртчян (миграционный прирост населения России в 2020 г. и в январе–феврале 2021 г.) [22; 23], Е.Б. Деминцевой, Н.В. Мкртчян, Ю.Ф. Флоринской (вопросы внутренней и международной миграции, анализ миграции через призму политики интеграции, рассмотрение опыта миграционной политики других стран, рекомендации по мере миграционной политики) [24], Джованни Пери (взаимосвязь иммиграции и демографии) [25], А.Г. Вишневского (влияние альтернативных миграционных стратегий на экономику страны) [26], И.В. Ивахнюк (аргументация и предложения по оптимизации миграционной стратегии) [27], Н.М. Морозовой, А.Г. Алымовой, Е.С. Яковлевой (иммиграция и миграционная политика, вопросы адаптации иммигрантов в странах Северной Европы) [28], Э.А. Мамонтовой (факторы, подтверждающие необходимость действующего миграционного законодательства России) [29].

Важное место в методологическом обеспечении исследования принадлежит Федеральной службе государственной статистики (Росстату) [30–36], Главному управлению МВД России по вопросам миграции [37–42], вторичному анализу данных ООН по международной миграции [5; 43], ООО «Демоскоп Weekly» (Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики») (предварительные итоги 2020 г. миграции в России) [44], мониторингам экономической ситуации в России (в том числе миграционные процессы и демографическая ситуация), подготовленным экспертами Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара (Институтом Гайдара) [45].

Результаты исследования

По *критерию времени* определяют *две подгруппы иммигрантов*: долгосрочные мигранты и временные мигранты [24]. *Долгосрочная миграция* совершается на длительный период (не менее одного года). Объем долгосрочной миграции со сменой постоянного места жительства зависит от имеющегося миграционного потенциала стран выезда, социально-экономической ситуации в странах въезда и выезда, а также от правил регистрации иммигрантов [44]. Показатели (табл. 1) характеризуют миграционную ситуацию в России в период с 2013 по 2020 гг. [30].

По предварительным данным Росстата, в 2021 г. количество иммигрантов в России увеличилось более чем в три раза. Причины увеличения миграционного прироста: 1) частичное снятие ограничений на международные поездки, в том числе на въезд в страну трудовых мигрантов; 2) продление иммигрантам срока нахождения в стране [46].

Таблица 1

Показатели миграционной ситуации Российской Федерации за 2013–2020 гг., чел.

Миграция	Годы							
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Прибывшие, всего	4496861	4624864	4734523	4706411	4773500	4911566	4749769	4120743
Выбывшие, всего	4201002	4354828	4489139	4444463	4561622	4786712	4464666	4014269
Миграционный прирост, всего	295 859	270 036	245 384	261 948	211 878	124 854	285 103	106 474

Источник: Демографический ежегодник России. 2021.

Таблица 2

Отдельные показатели миграционного учета по целям въезда в Российскую Федерацию за 2016–2021 гг.

Годы	Миграционный учет по целям въезда						
	Деловая/ Первично	Туризм	Учеба	Работа	Частная	Гуманитарная	Иные
2016	9677910	2245217	406052	4284181	1907378	нет данных	835082
2017	10630541	2496250	449021	4854004	2030508	нет данных	800758
2018	12307948	3069551	536518	5047788	2662425	нет данных	991666
2019	13863521	4187536	681832	5478249	2524118	нет данных	991786
2020	4181479	384438	265056	2358827	869833	нет данных	303325
2021	203649	251319	633466	9530934	1877637	989	384026

Источник: Показатели деятельности по миграционной ситуации в РФ.

В 2020 г. миграционный прирост населения России уменьшился в 2.7 раза, составив 106474 человека, что намного меньше, чем за предыдущие годы [44]. Уменьшение количества иммигрантов в 2020 г. произошло из-за ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции COVID-19: пандемия нарушила все формы человеческой мобильности из-за закрытия национальных границ и прекращения поездок по всему миру [5].

В 2019 г. количество иммигрантов значительно увеличилось по сравнению с 2018 г. [44; 47], так как в 2019 г. территориальные органы МВД РФ предоставили Росстату более полную информацию, а в законодательство РФ было внесено изменение о необязательности иностранным гражданам подтверждать выход из прежнего гражданства, так как руководство нашей страны заинтересовано в обеспечении простоты и прозрачности условий приобретения гражданства России [48].

В 2019 г. миграционный прирост населения страны увеличился со многими странами СНГ, по сравнению с предшествующими годами, за исключением Беларуси и Республики Молдова [32]. Миграционный прирост в 2020 г. оказался ниже 2018 г.: убыль в миграции сложилась с Арменией и Белоруссией, а также со странами дальнего зарубежья. Восстановление миграционного баланса проходит неравномерно [31; 23].

В 2018–2019 гг. лидером был Центральный федеральный округ, а в 2020 г. увеличение миграционного прироста отмечено в Южном федеральном округе [5; 32 33].

В 2020 г. в связи с пандемией увеличился отток иммигрантов из всех федеральных округов, при этом наименьший миграционный прирост населения отмечен в Северо-Кавказском федеральном округе (998 чел. в 2020 г. против 12869 чел. в 2019 г.) [30–33].

За последние годы иммигранты стали неотъемлемой частью отечественного рынка труда. По данным МВД РФ [37–42], численность иммигрантов в 2021 г. составила 13392897 человек, что превысило показатели 2020 г. (9802448 человек) на 24%, но ниже показателей 2019 г. – 19518304 человека. Значительный вклад в миграционную ситуацию нашей страны внесли иммигранты, цели въезда которых связаны с деловой поездкой, работой и туризмом (табл. 2) [37–42].

В 2019 г., до начала распространения коронавирусной инфекции COVID-19, количество иностранных граждан, которые приезжали в РФ с различными целями, находилось в пределах от 9.6 млн до 11.2 млн человек. В 2020 г. в связи с закрытием границ ситуация изменилась, и общая численность иностранцев в нашей стране сократилась до 7.1 млн человек. В 2021 г. численность иностранцев продолжала сокращаться, и на 1 мая 2021 г. составила 5.66 млн человек. Значительно сократилась (почти в три раза) численность граждан ЕС. При этом наиболее сократилось число туристов, а также лиц, пребывающих с деловыми целями [23].

Временная трудовая миграция стала востребованным ресурсом российской экономики. По состоянию на 1 мая 2021 г. численность трудовых мигрантов составила 2.68 млн человек, большая часть из них – это граждане стран Средней Азии, и по сравнению с 2020 г. сократилась на треть (35%) [23].

Таблица 3

Показатели выдачи разрешительных документов мигрантам на работу в России в 2016–2021 гг.

Годы	Разрешения на работу			Патенты, всего
	Оформлено РНР ИГ и ЛБГ, всего	в том числе		
		Квалифицированным специалистам	Высококвалифицированным специалистам	
2016	149 013	14 775	26 995	1 510 378
2017	148 326	18 017	26 531	1 682 622
2018	130 136	20 145	28183	1 671 706
2019	126 879	17 880	34 299	1 767 254
2020	62 686	7 609	20 528	1 132 593
2021	93 031	6 830	46 691	2 221 826

Примечание: РНР – разрешения на работу; ИГ – иностранные граждане; ЛБГ – лица без гражданства
Источник: Данные Главного управления по вопросам миграции.

Таблица 4

Средства, поступившие в бюджет страны в период с 2015 по 2021 гг. за счет выдачи патентов иностранным гражданам, млрд руб.

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Всего оформлено патентов	1788201	1510378	1682622	1671706	176754	1132935	2221826
Данные о поступивших денежных средствах	52.01	51.1	57	59.7	63.5	43.5	58.59

Источник: Данные Главного управления по вопросам миграции.

В стране работают трудовые мигранты из многих стран мира, но среди них преобладают выходцы из СНГ (около 95%). Основные поставщики иммигрантов – страны Средней Азии: Узбекистан и Таджикистан. Трудовые мигранты распределены по территории страны неравномерно, большая часть находится в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Наиболее «интересны» для них Москва, С.-Петербург, Московская область, Ленинградская область, Краснодарский край. Иммигранты заняты в таких отраслях, как строительство, сфера услуг, обрабатывающие производства [24].

В течение ряда лет число иммигрантов, цель прибытия которых – работа, остается неизменным: в 2021 г. 2.31 млн иммигрантов имели документы для работы (разрешения (РНР) и патенты) на работу в России (табл. 3) [37–42]. При этом более 1 млн иммигрантов, являющихся гражданами стран, входящих в ЕАЭС, имели право работать без оформления разрешительных документов.

В обществе нет понимания, какой экономический эффект дают иммигранты. В средствах массовой информации весьма редко публикуются сведения, раскрывающие реальную экономическую составляющую от иммиграции. В то же время из доклада МВД России о средствах, поступивших в бюджет страны в период с 2015 по 2020 г. за счет выдачи патентов иностранным гражданам, опубликованного в газете «Известия» [49], можно сделать вывод, что эти финансовые средства являются весьма существенными для экономики страны. Иммигранты заметно пополняют бюджет нашей страны (табл. 4).

Авансовые платежи за патенты за период с 2015 по 2021 г. составили 386 миллиардов рублей [42; 49]. В значительной степени поступления в бюджет Российской Федерации за счет оформленных патентов обеспечивают иммигранты из Узбекистана (60% в 2020 г.) и Таджикистана (36% в 2020 г.). Количество граждан Украины, оформляющих патенты на работу в России, с каждым годом уменьшается: 2% в 2020 г.; 4.7% в 2019 г.; 6.5% в 2018 г. и 7.9% в 2017 г. [22; 23; 37–42].

Таким образом, на миграционные процессы в 2020–2021 гг. оказала влияние пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Объем и длительность сокращения потока иммигрантов связаны с продолжительностью введенного запрета, и это демонстрируют показатели 2020 г. В то же время следует отметить, что спад экономической активности в период пандемии несколько сократил и потребность в использовании труда мигрантов [46].

Неблагоприятные процессы обусловили перемещение демографических проблем в эпицентр социально-экономической повестки страны. *Решение демографических проблем современной России является одной из приоритетных государственных задач*.

В 2007 г. указом Президента РФ утверждена Концепция демографической политики до 2025 г., направленная на повышение рождаемости, рост средней продолжительности жизни, снижение смертности населения страны, а так-

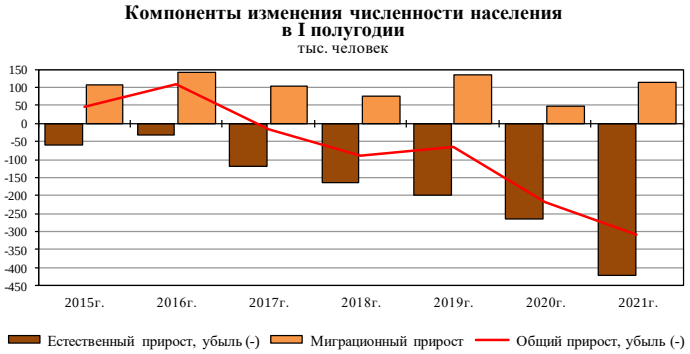


Рис. 1. Компоненты изменения численности населения России за период с 2015 г. по 2021 г. (I полугодие)
Источник: Социально-экономическое положение России – 2021

Таблица 5

Сведения о численности населения в регионах РФ, 2018–2020 гг., чел.

Год	Численность населения (человек)								
	РФ в целом	ЦФО	С-ЗФО	ЮФО	С-КФО	ПФО	УрФО	СибФО	ДВФО
2018	146880432	39311413	13952003	16441852	9823481	29542696	12356229	17230157	8222601
2019	146780720	39378059	13972070	16454550	9866748	29397213	12350122	17173335	8188623
2020	146748590	39433556	13981992	16466084	9930933	29287683	12360752	17118387	8169203

Источник: Данные Росстата.

же усиление иммиграции, в том числе образовательной [50].

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. [51] – основополагающий документ в миграционной сфере, относится к документам стратегического планирования, который разработан с учетом стратегий национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации. В этом документе обосновывается необходимость увеличения иммиграционных потоков и отмечается, что целью миграционной политики является формирование отвечающей интересам страны миграционной ситуации. В этом же документе определены принципы и задачи миграционной политики.

В ежегодном Послании Президента к Федеральному Собранию в 2020 г. глава государства В.В. Путин обратил внимание Федерального Собрания на то, что «страна находится в сложном демографическом положении, заключающемся в том, что «семьи сейчас создаются малочисленным поколением девяностых годов, когда в стране был провал по рождаемости, и число рождений падает». Особую тревогу вызывает то, что сегодня (в 2020 г.) на каждую женщину в стране в среднем приходится 1.54 рождения детей (суммарный коэффициент рождаемости составляет в среднем 1.54), тогда как в 1943 г., в самый сложный период Великой Отечественной войны, он составлял 1.3. Это происходит в стране с развивающейся экономикой и не ведущей боевых действий. Президентом нашей страны поставлена задача – повысить коэффициент рождаемости до показателя 1.7 к 2024 г. Только так, по мнению В.В. Путина, страна сможет «выбраться из демографической ловушки» и в дальнейшем обеспечит повышение рождаемости [52].

Улучшение демографических показателей за счет коренного населения является приоритетной задачей каждого государства. К сожалению, в России происходит стабильное сокращение численности населения из-за низкой продолжительности жизни [51].

По оценке Росстата, число жителей России на 1 января 2022 г. составило 145 478 097 человек, но эти данные не учитывают информацию, полученную во время переписи населения 2021 г. [34].

Согласно данным Росстата, снижение численности населения происходит с 2018 г. и составило 1302623 человек. В 2020–2021 гг., в связи с пандемией, численность населения страны продолжала сокращаться и в 2021 г. достигла миллиона человек (рис. 1) [35, 46].

Наряду с общероссийскими демографическими тенденциями, значительные различия в численности населения наблюдаются также в регионах страны (табл. 5).

Разница между числом родившихся и числом умерших означает сокращение численности населения и существенное увеличение среднего возраста, что может привести к нарушению равновесия на рынке труда, поставить под угрозу финансовую устойчивость пенсионных систем и замедлить экономический рост, если только совокупный чистый приток мигрантов не компенсирует уменьшение численности населения [26].

Таблица 6

Прогноз Росстата по численности населения страны до 2036 г., тыс. чел.

Годы	Пессимистичный (низкий) прогноз			Реалистичный (средний) прогноз			Оптимистичный (высокий) прогноз		
	Население на начало года	Изменения за год, %		Население на начало года	Изменения за год, %		Население на начало года	Изменения за год, %	
		общий прирост	миграционный прирост		общий прирост	миграционный прирост		общий прирост	миграционный прирост
2021	146412.8	–0.29	0.09	146650.1	–0.08	0.18	146888.2	0.13	0.24
2022	145988.6	–0.39	0.07	146536.9	–0.11	0.18	147078.8	0.14	0.24
2023	145420.7	–0.45	0.05	146372.4	–0.16	0.18	147281.9	0.11	0.24
2024	144763.7	–0.51	0.03	146135.9	–0.19	0.17	147444.9	0.09	0.24
2025	144032.2	–0.55	0.02	145858.3	–0.22	0.17	147582.4	0.09	0.25
2026	142244.0	–0.58	0.02	145539.5	–0.23	0.17	147713.8	0.09	0.25
2027	142412.3	–0.60	0.02	145210.9	–0.23	0.18	147846.2	0.10	0.25
2028	141555.7	–0.62	0.02	144882.9	–0.22	0.18	147990.5	0.11	0.25
2029	140679.5	–0.63	0.02	144569.1	–0.20	0.18	148159.7	0.14	0.25
2030	139787.5	–0.65	0.02	144274.0	–0.19	0.18	148361.0	0.15	0.25
2031	138883.4	–0.66	0.02	143997.2	–0.18	0.18	148588.6	0.17	0.25
2032	137968.3	–0.67	0.01	143739.9	–0.16	0.18	148839.5	0.19	0.26
2033	137047.7	–0.67	0.01	143506.7	–0.14	0.18	149116.7	0.21	0.26
2034	136124.9	–0.68	0.01	143301.4	–0.12	0.18	149423.4	0.23	0.26
2035	135201.7	–0.68	0.01	143128.2	–0.09	0.18	149760.8	0.24	0.26
2036	134277.2			142993.3			150126.3		

Источник: Демографический прогноз населения до 2035 года.

Происходящее сокращение и естественное старение постоянного населения отражается на количестве лиц, способных осуществлять активную трудовую деятельность, что значительно повышает роль процессов в миграционной сфере. Эффективная миграционная политика позволит решить нарастающие демографические проблемы, увеличить численность постоянного населения и решать проблемы, возникающие на национальном рынке труда в связи с сокращением постоянного населения в трудоспособном возрасте.

Для улучшения демографической ситуации в стране важно повышение уровня рождаемости и рост ожидаемой продолжительности жизни [53].

Следовательно, с демографической точки зрения увеличение притока иммигрантов поможет частично решить проблему уменьшения численности населения. Правительством России в Концепции демографической политики (2007 г.) поставлена задача по обеспечению миграционного прироста населения, из расчета более 300 тыс. человек в год [50].

На вопрос: «Какое количество мигрантов находится в стране в настоящее время?», – однозначный ответ, вероятно, сможет дать только перепись населения, которая прошла в октябре–ноябре 2021 г., а окончательные итоги будут подведены и опубликованы до конца 2022 г.

В настоящее время, по официальным данным Росстата, ежегодно в страну въезжает 10630000 иностранных граждан, а покидают страну 10280000 иммигрантов (таким образом, в среднем на территории страны остается более 350 тыс. чел) [52–54], что свидетельствует о выполнении положений Концепции демографической политики (2007 г.) [50].

Прогнозы сокращения и старения населения во многих странах показывают неизбежный рост потребности в иммигрантах.

В конце декабря 2019 г. Росстат опубликовал на своем сайте уточненный демографический прогноз населения до 2035 г., в котором представил три варианта прогноза изменения численности населения: низкий, средний и высокий – на основе различных предположений о тенденциях рождаемости, смертности и миграции [36; 53; 54]. Данные прогноза уточняются ежегодно. В 2020 г. и в 2021 г. уточнения демографического прогноза не проводились, и это связано с проведением переписи населения [54].

По вариантам прогноза Росстата, численность населения России к 2036 г. может значительно уменьшиться (пессимистический вариант) либо увеличиться (оптимистический вариант) (табл. 6) [36].

Пессимистичный (низкий, наихудший) вариант прогноза предполагает снижение численности населения на начало 2036 г. (до 134277.2 тыс. чел.). Миграционный прирост в 2035 г., в этом варианте, снизится до 15.7 тыс. человек [36; 53].

Средний, наиболее реалистичный вариант прогноза показывает снижение численности

населения к началу 2036 г., а миграционный прирост к 2035 г. останется примерно на уровне 2020 г. – 263.6 тыс. человек. Этот вариант отражает инерционное социально-экономическое развитие страны, а также реализацию всех государственных программ. Ожидаемая продолжительность жизни в этом варианте прогноза возрастет до 79.1 лет в 2035 г. [36; 53; 54], что соответствует целевым показателям, характеризующим достижение национальных целей к 2030 г.

Оптимистичный (высокий, наилучший) вариант предполагает изменения в лучшую сторону в естественном и миграционном движении населения за счет увеличения рождаемости и продолжительности жизни населения [53]. Рост населения страны – до 150.1 млн человек на начало 2036 г. – произойдет за счет снижения смертности и увеличения числа иммигрантов в 2035 г. до 386.8 тыс. человек [36; 53; 54].

Итак, прогноз Росстата [36] подтверждает, что без иммигрантов население страны будет быстро сокращаться. Замедлить или прекратить убыль населения России может «стратегия активного привлечения иммигрантов», которая предполагает, что количество иммигрантов должно превышать 1 млн человек в год, особенно после 2025 г. Это может привести к изменению состава населения страны, в том числе и этнического: к середине XXI в. иммигранты составят «свыше трети населения России», во второй половине столетия – более половины, а к концу века россияне окажутся в меньшинстве, что не может не вызывать тревогу [26].

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Ядром теорий миграции является работа географа Э. Равенштейна, который рассматривал относительно простые формы перемещения населения, основанные на движении из бедных стран в богатые, т.е. массовые миграции. Им сформулированы 11 законов миграции, некоторые из которых и сегодня являются актуальными. Современные теории миграции более сложны, основаны на учете значительного числа факторов и условий. Сегодня нет единой теории миграции, так как существующие теории разработаны в отрыве друг от друга, отличаются фрагментарностью и рассматривают только некоторые аспекты. Также нет единого мнения по вопросу о природе, причинах и последствиях миграционных процессов, так как «миграция слишком многообразна, чтобы ее можно было объять единой теорией» [55].

Россия в современных условиях является привлекательной как страна с развивающейся экономикой, которая нуждается в пополняемых трудовых резервах, в том числе с низкой квалификацией, для иммигрантов из Закавказья и центральноазиатских государств. Однако наличие большое количества иммигрантов, имеющих низкую квалификацию, тормозит развитие нашей страны. Показатели миграционной ситуации [12–14; 18–23] подтверждают, что в нашу страну охотно приезжают иностранные граждане для реализации своих целей (работа, учеба, туризм). Во внешней миграции значительна доля перемещений, носящих социально-трудовой характер: в связи с работой и учебой, как в прибытии, так и в миграционном приросте. Происходящие миграционные процессы в России в современных условиях представляют определённые социально-экономические и политические угрозы.

Действующие сегодня законодательные акты в России не способны оказать существенное влияние на происходящие миграционные процессы. Причина в том, что миграция как явление не зависит от воли правительства или государства в целом. Миграционные потоки существовали на всем протяжении истории человечества, и их невозможно остановить. Вместе с тем в целях недопущения необратимых, губительных для государства событий миграционные процессы требуют жесткого контроля и управления.

Управление иммиграцией необходимо направить на регулирование миграционных потоков и на пресечение нелегальной иммиграции. Целесообразно в управлении иммиграцией в России рассмотреть возможность применения зарубежных моделей. При рассмотрении опыта ряда иностранных государств необходимо учитывать и те ошибки, которые были совершены ими ранее. Наверное, самым главным будет решение о создании комфортных условий для иммигрантов, предоставив возможности легального трудоустройства, получения образования, приобретения недвижимости, доступа к медицинскому обслуживанию, т.е. предоставив условия для интеграции и адаптации в России. Государство обязано сделать все для повышения уровня жизни и самих граждан России, чтобы они чувствовали свою социальную защищенность и уверенность в завтрашнем дне.

На основании проведенного анализа предлагаются следующие меры:

– разработать и принять новый закон «Об иммиграции», в котором необходимо четко обозначить цели иммиграционной политики, определить пределы иммиграции, ввести и закрепить основные понятия («иммигрант», «временный иммигрант», «постоянный иммигрант» и т.д.),

определить порядок въезда/выезда, получения вида на жительство, принятия гражданства и т.д., ужесточить санкции (упростив процедуры отзыва вида на жительство, депортации с закрытием права въезда, в том числе до 10 лет);

– разработать правовые акты, позволяющие принимать на обучение с заключением контрактов иностранных студентов, изъявивших желание получить российское гражданство, предоставляя льготы;

– разработать и принять экономически обоснованный правовой акт, который позволит осуществлять расселение иммигрантов по территориям, выгодным субъектам РФ, возложив ответственность за прием, проживание, контроль над мигрантами на сами субъекты, органы местного управления и представителей бизнеса (на примере законодательства ФРГ);

– усовершенствовать имеющуюся в МВД России систему «Папилон» для практического проведения обязательной дактилоскопии всех въезжающих иностранных граждан, создав общую доступную базу данных иммигрантов для всех регионов страны;

– ввести и закрепить ответственность за интеграцию иммигрантов, возложив ее как на конкретные государственные структуры, так и на самих прибывших мигрантов.

Предложенные меры позволят определить интеграцию как процесс индивидуального развития иммигранта, который позволит ему участвовать в жизни российского общества, без оказания влияния на его собственную культуру идентичности и вероисповедание. Дальнейшее развитие России невозможно без иностранных граждан (иммигрантов), поэтому руководству страны при принятии управленческих решений необходимо четко понимать суть проблемы, своевременно и эффективно принимать меры, которые позволят нивелировать возможные негативные последствия в сфере иммиграции.

Список литературы

1. Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения: Социальный бюллетень / В. Трубин, Н. Николаева, С. Мякишева, А. Хусаинова; Аналитический центр при Правительстве РФ. 2018. Май.

2. Трофимова О.Е. Европейские подходы к теориям миграции: особенности формирования // Общественные науки и современность. 2020. № 5. С. 53–66.

3. Абылкаликов С.И., Винник М.В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 12. С. 1–19.

4. Castles S., Miller M.J. The Age og Migration: International Population Movements in the Modern World. London: Macmillan, 1996.

5. International Migration 2020 Highlights. New York: United Nations, 2020.

6. Ravenstein E.G. The Law of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885 (June). Vol. 48. № 2. P. 167–325.

7. Зомбарт В. Буржуа. М., 1994. С. 227–232. URL: www.bookz.ru/authors/zombart-verner.html.

8. Саманчина Ж.Б. Обзор классических и современных западных теорий миграции // Известия вузов (Кыргызстан). 2012. № 6. С. 207–211.

9. Fairchild H.P. Immigration: A World Moment and American Significance. Rev.edition. N.Y.: Macmillan, 1925.

10. Gonzales N.L. Family organization in five types of migrator wage labor // American Antropologist. 1961. Vol. 63.

11. Lee Everett S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, № 1. P. 47–57.

12. Massey D., Joaquin A., Koucouci A. et al. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, № 3. P. 431–466.

13. Kritz M., Lim L.L., Zlotnik H. International Migration Systems: A Global Approach. Oxford: Clarendon Press, 1992.

14. Козыкина Н.В. Теоретико-методологические подходы к изучению международной миграции: концепция «миграционных систем» // Вестник ЧитГУ. 2010. № 10. С. 81–86.

15. Шарапов А. Согласование приоритетов миграционной политики // Государственная служба. 2009. № 1. С. 50–54.

16. Kritz M., Keely Ch., Tomasi S. Global Trends in Migration: Theory and Research in International Population Movements. New York: Center for Migration Studies, 1981.

17. Migration Without Borders. UNESCO Publishing, Paris: Berghahn Books. New York: Oxford, 2007. P. 103.

18. Portes A., Escobar C., Radford A.W. Immigrant Transnational Organizations and Development: A Comparative Study // International Migration Review. 2007. Vol. 41.

19. Glick S.N. Transmigrations and Nation-States: Something Old and Something New in the U.S. Immigrant Experience // The Handbook of International Migration / Ed. by C. Hirschmann, P. Kasinitz, J. De Wind. N.Y.: The Russel Sage Foundation, 1999.

20. Castles S. The Myth of the Controllability of Difference: Labor Migration, Transnational Communities and State Strategies in East Asia [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/most/apmrcast.html (дата обращения: 12.05.2022).

21. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: МАКС-Пресс, 1999.

22. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития 2020. № 30. С. 15–19 [Электронный ресурс] / Институт Гайдара. URL: https://www. iep.ru/ru/publikatcii/category/1374.html?section=1374&PAGEN_1=3 (дата обращения: 11.02.2022).

23. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция: основные тренды января–февраля 2021 года // Мони-

торинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития 2021. № 10. С. 16–19 [Электронный ресурс] / Институт Гайдара. URL: https://www.iep.ru/ru/publikatcii/category/1374.html?section=1374&PAGEN_1=3 (дата обращения: 02.02.2022).

24. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения / Исп. Е.Б. Деминцева, Н.В. Мкртчян, Ю.Ф. Флоринская; Центр стратегических разработок. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427665 (дата обращения: 12.02.2022).

25. Пери Дж. Лебединая песня иммигранта. Иммиграция может разрешить демографическую дилемму, но только при правильной политике // Финансы и развитие. 2020. № 3. С. 26–29.

26. Вишневский А. Альтернативы миграционной стратегии [Электронный ресурс] // Россия в глобальной экономике. 2004. № 12. URL: https://polit.ru/article/2004/12/23/vishnevsky/ (дата обращения: 02.02.2022).

27. Ивахнюк И.В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. / Науч. ред. И.Н. Тимофеев, Е.С. Алексеенкова; Центр стратегических разработок М.: РСМД, 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/1dc/1dcc72a85ade745d88e727db92284966.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

28. Морозова Н.М., Алымова А.Г., Яковлева Е.С. Иммиграция и миграционная политика в странах Северной Европы [Электронный ресурс] // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 87–96. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

29. Мамонтова Э.А. Новая редакция Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года: новые акценты [Электронный ресурс] // Миграционное право. 2020. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

30. Демографический ежегодник России. 2021: стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2021.

31. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году (Статистический бюллетень) [Электронный ресурс]. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

32. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году (Статистический бюллетень) [Электронный ресурс]. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

33. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 году (Статистический бюллетень) [Электронный ресурс]. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

34. Численность постоянного населения на 1 января [Электронный ресурс] / Росстат. URL: https://showdata.gks.ru/report/278928/ (дата обращения: 06.02.2022).

35. Социально-экономическое положение России – 2021 г. [январь–октябрь] [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm (дата обращения: 06.01.2022).

36. Демографический прогноз населения до 2035 года [Электронный ресурс] / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 02.02.2022).

37. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2016 год / МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/9266550/ (дата обращения: 02.02.2022).

38. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 год / МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162186/?print=1 (дата обращения: 02.02.2022).

39. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2018 год / МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/15850787/?print=1 (дата обращения: 02.02.2022).

40. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 год / МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/19364859/?print=1 (дата обращения: 02.02.2022).

41. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 год / МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548/?print=1 (дата обращения: 02.02.2022).

42. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 год / МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104434/?print=1 (дата обращения: 02.02.2022).

43. Статистика международной миграции. Практическое руководство для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Женева: ООН, 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/RUS_International_Migration_Statistics_Practical_Guide.pdf (дата обращения: 08.01.2022).

44. Миграция в России, предварительные итоги 2020 года [Электронный ресурс] / Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» // Демографический еженедельник «Демоскоп Weekly». 2021. № 895-896 (2 марта – 4 апреля). URL: www.demoscope.ru/weekly/2021/0895/print.php (дата обращения: 08.01.2022).

45. Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы (Вып. 41) / Ин-т Гайдара. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020.

46. Естественная убыль населения в России за год превысила 1 млн человек [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/28/01/2022/61f3bbaa9a794767f04fdaa7 (дата обращения: 27.01.2022).

47. Эксперты признают, что не понимают причины аномального притока мигрантов [Электронный ресурс]. URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/07/23/ (дата обращения: 04.09.2021).

48. Ромашенко С. В России разрешат двойное гражданство [Электронный ресурс]. URL: https://p.dw.com/p/3QXbg (дата обращения: 04.09.2021).

49. В МВД назвали вклад работающих по патентам иностранцев в бюджет за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1115298/2021-01-23/ (дата обращения: 03.02.2022).

50. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 09 окт. 2007 г. № 1351. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

51. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 31 окт. 2018 г. № 622. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

52. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]: послание Президента РФ от 15 янв. 2020 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

53. Росстат опубликовал прогноз изменения численности населения к 2036 году [Электронный ресурс] / ТАСС. URL: https://tass.ru/economika/7433139 (дата обращения: 02.02.2022).

54. Росстат сделал прогноз об убыли населения на ближайшие 16 лет [Электронный ресурс] / РБК. URL: https://www.rbc.ru/society/27/12/2019/5e053fb69a7947adc5872160 (дата обращения: 02.02.2022).

55. Аранго Х. Объяснение миграции: критический обзор // Международный журнал социальных наук. 2001. № 32. С. 44–59.

MIGRATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF THE SOCIO-DEMOGRAPHIC SITUATION IN MODERN RUSSIA

A.V. Gorodnov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article deals with the conceptual apparatus and some classical theories of migration processes, developed by foreign scientists, which are the scientific and methodological basis of modern migration science. Such modern theories of population migration as the synthetic theory of D. Massey, the concept of transnational migration by S. Glick, the theory of migration systems by M. Kritz, which are insufficiently studied by domestic researchers, are considered. The article describes in detail the main demographic trends on the territory of the country, shows the connection of demographic processes taking place in our country with immigration processes. Migration legislation is analyzed, and ways of solving migration problems are proposed.

Keywords: immigration, international migration, classical and modern theories of migration, migration processes, migration legislation, socio-demographic situation.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.147
DOI 10.52452/18115942_2022_4_154

МЕТОДИЧЕСКОЕ И РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ

© 2022 г.

А.С. Андрианова

Андрианова Анна Семеновна, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь
andrian-anna@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.01.2022
Статья принята к публикации 19.10.2022

Академическая компетентность курсантов представляет собой совокупность универсальных компетенций, позволяющих обучающимся самостоятельно получать, обрабатывать и применять знания в области юриспруденции, а также применять их при решении практических задач, связанных с осуществлением правоохранительной деятельности. В статье характеризуются структурные элементы системы методического и ресурсного обеспечения развития академической компетентности курсантов. В качестве системообразующих факторов построения данной системы выступают этапы профессионализации курсантов в образовательном процессе учреждения высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь: адаптация курсантов в образовательном пространстве учреждения высшего образования, индивидуация курсантов в образовательном пространстве учреждения высшего образования, интеграция курсантов в сферу правоохранительной деятельности. Элементами предлагаемой системы методического и ресурсного обеспечения развития академической компетентности курсантов являются материальная (ресурсное обеспечение учебного процесса) и идеальная (функциональные возможности и продукты мыслительной деятельности преподавателя) составляющие. Содержание предлагаемого методического и ресурсного обеспечения включает в себя совокупность вариативных заданий, уровень проблемности которых зависит от этапа профессионализации курсантов: на этапе адаптации – задания и упражнения с минимальным уровнем проблемности, направленные на усвоение определенной информации; на этапе индивидуации – задания и упражнения как с низкопродуктивным уровнем проблемности, предполагающие воспроизведение курсантами юридической информации, так и с высокопродуктивным уровнем проблемности, предусматривающие применение полученных знаний для разрешения ситуаций, связанных с профессиональной деятельностью сотрудника органов внутренних дел Республики Беларусь; на этапе интеграции – задания и упражнения с максимально продуктивным уровнем проблемности, предполагающие самостоятельное разрешение курсантами ситуаций, наиболее часто встречающихся в практической деятельности конкретного подразделения органов внутренних дел Республики Беларусь.

Ключевые слова: академическая компетентность, методическое обеспечение, ресурсное обеспечение, курсант, юридическое образование.

Введение

Внедрение в образовательный процесс компетентностной модели предопределяет необходимость модернизации методов и форм обучения, применяемых в учреждениях профессионального образования различного уровня, в том числе и учреждениях высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – УВО МВД). Еще одним фактором, актуализирующим данную задачу, является изменение требований, предъявляемых государством и обществом к выпускнику учреждения профессионального образования.

Заказчики кадров (МВД Республики Беларусь, территориальные органы внутренних дел Республики Беларусь (далее – ОВД)) заинтересованы в молодых специалистах, способных успешно разрешать проблемные ситуации, возникающие в профессиональной деятельности, применять полученные теоретические знания на практике, быстро адаптироваться и действовать в изменяющихся жизненных условиях, преодолевать повышенные физические, психологические и моральные нагрузки. Все эти качества образуют академическую компетентность курсантов.

Целью данной статьи является характеристика методического и ресурсного обеспечения

развития академической компетентности курсантов УВО МВД в процессе изучения юридических дисциплин.

Теоретико-методологические подходы

Методологическими основами разработанной системы методического и ресурсного обеспечения развития академической компетентности курсантов выступают деятельностный (Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, Н.Ф. Талызина и др.), акмеологический (А.А. Бодалев, В.Т. Ганжин, Н.В. Кузьмина, А.А. Деркач, А.М. Зимичев и др.), личностно ориентированный (Т.Н. Фролова, Е.В. Бондаревская, В.П. Сериков, И.С. Якиманская, А.А. Плигин и др.) и компетентностный (Дж. Равен, А.В. Хуторской, И.А. Зимняя, В.А. Болотов, Ю.Г. Татур и др.) подходы, основанные на ориентации педагогической деятельности на поддержание и обеспечение процессов самореализации личности, развитие ее индивидуальности, поэтапное формирование универсальных компетенций.

Выбор методов и организационных форм осуществления и контроля деятельности обучающихся, а также системы методического и ресурсного обеспечения развития академической компетентности курсантов предопределяется целью и спецификой каждого из этапов их профессионализации в образовательном процессе УВО МВД. Существующие в педагогике исследования в области организации процесса обучения курсантов посвящены изучению особенностей отдельных этапов профессионализации обучающихся. Так, в работах М.В. Сидоровой, Ю.В. Кечкина, Н.Н. Ивашко, С.А. Голобородько, П.Ю. Аксеновой, А.Х. Кодзокова, И.В. Ревкова и др. выявлены характерные черты процесса адаптации курсантов к обучению в УВО МВД. Порядок организации самостоятельной учебно-познавательной деятельности курсантов, направленной на усвоение знаний в сфере юриспруденции, описан в трудах Н.В. Пахомовой, А.А. Розина, Т.С. Купавцева, А.О. Шангутова, Н.Н. Горача, О.А. Филофеева, М.М. Гупалова и др. Формированию у курсантов системы знаний и представлений о себе и о специфике деятельности, осуществляемой сотрудниками ОВД, готовности обучающихся к осуществлению профессиональной правоохранительной деятельности посвящены диссертационные исследования В.В. Гуменного, В.Н. Горяйнова, А.А. Новикова, В.Б. Дворцова, В.М. Баранова и др.

Анализ работ в сфере организации обучения курсантов позволил определить закономерности и принципы организации процесса развития академической компетентности курсантов с учетом этапов их профессионализации в образовательном процессе УВО МВД, а также разработать соответствующее методическое и ресурсное обеспечение. Уменьшение количества часов, отводимых на аудиторные занятия, а также на изучение отдельных дисциплин не позволяет вводить в учебный план дополнительные дисциплины, а потому система методического и ресурсного обеспечения развития академической компетентности курсантов УВО МВД должна носить встроенный характер и «не требовать введения отдельных содержательных организованностей» [1, с. 74].

Результаты и обсуждение результатов

В качестве *структурных элементов системы методического и ресурсного обеспечения развития академической компетентности курсантов выделим материальную и идеальную составляющие*, содержащие информацию и инструменты деятельности как преподавателя, так и обучающегося. Системообразующими факторами построения вышеобозначенной системы являются этапы профессионализации курсантов в образовательном процессе УВО МВД: «адаптация курсантов в образовательном пространстве УВО МВД, индивидуация курсантов в образовательном пространстве УВО МВД, интеграция курсантов в сферу правоохранительной деятельности» [2, с. 154].

Материальная составляющая – совокупность таких ресурсов обеспечения учебного процесса, как бумажные носители, электронные ресурсы и технические средства обучения.

К бумажным носителям относятся методические рекомендации по изучению учебных дисциплин, учебная, научная и специальная литература, периодические издания по юридическим наукам, нормативные правовые акты и др. Разработка методических рекомендаций по учебной дисциплине позволяет, с одной стороны, алгоритмизировать процесс подготовки курсантов к занятиям, придает ему единообразие, а с другой – позволяет каждому курсанту построить собственную стратегию для формирования необходимых компетенций будущего сотрудника ОВД. В методических рекомендациях учебный материал разбит на темы в соответствии с учебной программой. Академическая компетентность курсантов «не формируется в рамках какой-то одной дисциплины, важны интеграционные усилия … всей образовательной среды вуза» [3, с. 5], она формируется «в рамках различных форм организации образовательного процесса независимо от конкретной

учебной дисциплины» [4, с. 128], поэтому методические рекомендации по учебной дисциплине имеют инвариантную структуру для всех учебных дисциплин, изучаемых курсантами в процессе обучения в УВО МВД, и включают в себя следующие разделы:

– введение, в котором содержится перечень компетенций, формируемых в рамках конкретной учебной дисциплины в соответствии с образовательным стандартом, а также цели и задачи учебной дисциплины, ее место в системе других учебных дисциплин;

– тематический план, содержащий указание на количество тем и число аудиторных и внеаудиторных часов, отводимых на их изучение, в соответствии с учебной программой дисциплины;

– рекомендации по изучению каждой из тем учебной программы, включающие вопросы для рассмотрения на лекционных и семинарских занятиях, задания для подготовки к практическим занятиям, задания для самоконтроля, рекомендации по самостоятельному изучению учебного материала, перечень рекомендуемой литературы и т.д.;

– материалы для подготовки к текущей аттестации, в качестве которых выступают вопросы для подготовки к зачету (экзамену), тестовые задания и т.д.

Специфика этапов профессионализации курсантов в образовательном пространстве УВО МВД учитывается при разработке и включении в методические рекомендации по учебным дисциплинам заданий для самоконтроля. Так, методические рекомендации по учебной дисциплины «Общая теория государства и права» (1 курс) содержат такие задания, как ведение понятийного словаря, заполнение таблиц, конспектирование научного текста; методические рекомендации по учебной дисциплине «Гражданский процесс» (3 курс) – задачи с несколькими вариантами решений для выработки умений применять теоретические знания на практике, перечень вопросов для подготовки сообщений по проблемным аспектам данной учебной дисциплины (например, содержание деятельности сотрудников ОВД по подготовке материалов к рассмотрению в суде дела о направлении лица в лечебно-профилактический профилакторий); методические рекомендации по учебной дисциплине «Криминология и профилактика преступлений» (4 курс) – задания по подготовке планов общей и индивидуальной профилактической работы с лицами, имеющими судимость за совершение определенного вида преступления, задания по определению показателей преступности и др.

В систему электронных ресурсов входят справочная правовая система «Эталон», электронные учебно-методические комплексы дисциплин, Internet-ресурсы (https://pravo.by, https://www.belstat.gov.by, https://www.mvd.gov.by, https://elibrary.ru, https://biblioclub.ru и др.), электронные учебники, программное обеспечение для организации обучения в дистанционной форме и т.д.

Технические средства обучения представлены интерактивными досками, проекторами, телевизорами, компьютерами, полигонами, интерактивным тиром и т.д. В период пандемии COVID-19 имеющиеся на базе УВО МВД технические средства позволили быстро и качественно организовать обучение курсантов и проведение представительных мероприятий (конференций, семинаров, олимпиад) различного уровня (областных, республиканских, международных) в дистанционной форме.

Идеальная составляющая связана с функциональными возможностями (ораторские умения, владение невербальными средствами передачи информации, аналитические способности) и продуктами мыслительной деятельности преподавателя (инфографика, таблицы, схемы, диаграммы, ментальные карты, денотатные графы, кластеры, фишбоуны и др.) [5, с. 6].

Повышение качества подготовки профессиональных кадров, а также эффективность модернизации образовательного процесса в УВО МВД прямо пропорционально зависит от уровня «профессиональной компетентности педагогических работников, осознания необходимости в изменениях и развитии новых компетенций» [6, с. 5]. Специфика процесса обучения в УВО МВД предполагает наличие в структуре профессиональной компетентности преподавателя следующих качеств:

– потребность в повышении уровня методологической культуры;

– знание особенностей процесса обучения в УВО МВД и, как следствие, умение оказать психолого-педагогическую поддержку курсанту;

– ориентация процесса преподавания на раскрытие сущности и специфики профессиональной деятельности сотрудников ОВД;

– знание требований, предъявляемых государством и обществом к сотруднику ОВД, и реализация их в образовательном процессе.

Результаты интеллектуальной деятельности преподавателя УВО МВД применяются при проведении аудиторных занятий по юридическим дисциплинам как в классической, так и в инновационной формах. Причем вторые интегрируются в первые, наполнив их новым содержанием и возможностями.

К классическим аудиторным формам организации образовательного процесса в УВО МВД относятся лекции, семинарские и практические занятия, практики. Порядок использова-

ния данных форм в учебном процессе достаточно полно описан в педагогической литературе, однако обеспечение развития академической компетентности курсантов предопределяет необходимость изменения их содержания. Так, классическая информационная лекция, основанная на монологической передаче информации, трансформируется в следующие формы:

1. Лекцию-визуализацию, предполагающую использование средств наглядности как самостоятельных носителей информации, внедрение в образовательный процесс мультимедийных средств, соединяющих в едином модуле текст, графику, аудио- и видеоинформацию [5, с. 9]. Содержание информации, представляемой при помощи мультимедийных средств, должно удовлетворять таким требованиям, как однородность и краткость. Визуализируется информация в форме ключевых «кадров», на которых представлен не текст, а картинки, схемы, ментальные карты и т.д., что способствует удержанию внимания обучающихся, построению последовательности суждений, установлению взаимосвязи между кластерами информации, позволяет задействовать ассоциативное мышление и творческие способности как преподавателя, так и курсантов. Более того, радиантный способ представления информации способствует ее быстрому и легкому запоминанию, а затем и воспроизведению;

2. Проблемную лекцию, на которой познавательный процесс приближается к исследовательской деятельности через создание преподавателем учебных ситуаций, задач, разрешаемых обучающимися. Метод изложения материала – диалог, в котором лектор при помощи таких методических приемов, как постановка проблемных вопросов, выдвижение и опровержение либо подтверждение гипотез и др., вовлекает курсантов в совместное размышление над поставленной проблемой [7, с. 105];

3. Лекцию вдвоем, где моделируются реальные профессиональные ситуации, обсуждаются теоретические вопросы с разных позиций двумя специалистами, демонстрируется культура совместного поиска решения проблемной задачи, ведения дискуссии [7, с. 62]. Курсанты как активные участники процесса задают вопросы, высказывают свою точку зрения по обсуждаемым вопросам. Реализация данной формы проведения лекционного занятия возможна с использованием современных средств телекоммуникации (видео-конференц-связи), когда в качестве одного из лекторов выступает преподаватель иного учреждения высшего образования как Республики Беларусь, так и зарубежного вуза-партнера, либо сотрудник ОВД, иного правоохранительного органа.

4. Лекцию с заранее запланированными ошибками, когда материал излагается с заранее заложенными ошибками, подобранными преподавателем, список которых доводится до сведения обучающихся в конце лекции. Задача курсантов – отметить в конспекте обнаруженные ошибки и соотнести их с ошибками, предъявленными в конце занятия. Каждая из ошибок разбирается преподавателем совместно с обучающимися;

5. Лекцию – пресс-конференцию, что требует активной подготовки к занятию не только преподавателя, но и обучающихся, которые должны задать в начале лекции вопросы, возникшие в ходе самостоятельного изучения темы. Преподаватель в ходе изложения материала акцентирует внимание на моментах, являющихся ответами на заданные вопросы [8, с. 110].

Рассмотренный перечень форм проведения лекционных занятий является открытым. В педагогической науке предлагаются и иные способы организации изложения материала на лекции: лекция-беседа, диалогическая лекция, лекция-дискуссия, лекция с применением обратной связи и т.д. [9, с. 44–54].

Применение той либо иной формы проведения лекционных занятий предопределяется спецификой этапа профессионализации курсантов в образовательном процессе УВО МВД. Так, на этапе адаптации в образовательном пространстве УВО МВД у курсантов возникают сложности с запоминанием больших объемов информации, структурированием текста, умением эффектно подать, продемонстрировать результаты своей деятельности, поэтому лекция-визуализация является эффективной формой проведения лекционных занятий на данном этапе.

Проведение лекционных занятий в форме проблемных лекций и лекций вдвоем целесообразно для курсантов УВО МВД второго и третьего курсов (этап индивидуации в образовательном пространстве УВО МВД), поскольку способствует развитию таких элементов академической компетентности, как способность к внутреннему диалогу, самостоятельное мышление, умение планировать свои действия, вырабатывать стратегии деятельности.

Лекция с запланированными ошибками и лекция – пресс-конференция – эффективные формы проведения лекционных занятий для этапа интеграции курсантов в сферу правоохранительной деятельности, так как активизируют внимание, способствуют развитию навыков самостоятельной работы, умений выявлять про-

Таблица

Формы проведения семинарских занятий и задания для организации самостоятельной работы курсантов в зависимости от этапа их профессионализации в образовательном процессе УВО МВД

Этап профессионализации	Форма проведения семинарского занятия	Задания для организации самостоятельной работы курсантов
Адаптация курсантов в образовательном пространстве УВО МВД	1. Опрос 2. Развернутая беседа по вопросам, определенным планом семинарского занятия 3. Обсуждение подготовленных рефератов, устные доклады обучающихся с последующим обсуждением 4. Письменная контрольная работа по отдельным вопросам темы 5. Комментированное чтение первоисточников	1. Проанализируйте дефиницию понятия, выделите его существенные признаки. Результаты представьте в виде ментальной карты либо схемы 2. Решите тестовые задания (закрытого типа) 3. Решите задачи (имеющие однозначное решение) 4. Подготовьте сообщение по заданной теме 5. Законспектируйте научный текст
Индивидуация курсантов в образовательном пространстве УВО МВД	1. Развернутая беседа по вопросам, определенным планом семинарского занятия 2. Письменная контрольная работа по отдельной теме 3. Теоретическая конференция, проводимая сразу в нескольких учебных группах (взводах) 4. Семинар-экскурсия 5. Проблемный семинар (семинар-дискуссия)	1. Составьте ментальную карту темы, изучаемой на семинарском занятии 2. Решите тестовые задания (открытого типа) 3. Решите задачи (имеющие несколько вариантов решения) 4. Подготовьте сообщение по теме в рамках тематики занятия 5. Подготовьте вопросы по заданной теме для обсуждения на занятии
Интеграция курсантов в сферу правоохранительной деятельности	1. Развернутая беседа по вопросам, определенным планом семинарского занятия 2. Семинар-коллоквиум 3. Семинар – пресс-конференция 4. Семинар-исследование	1. Подготовьте инфографику по теме семинарского занятия 2. Выполните практические задания (заполните процессуальные документы, составьте план работы сотрудника ОВД и др.) 3. Проанализируйте свой опыт практической деятельности в подразделении ОВД, составьте задачи для решения на занятиях и подготовьте варианты их решения 4. Подготовьте рекомендации для практической деятельности сотрудников ОВД 5. Подготовьте вопросы по заданной теме для обсуждения на занятии

блемы и формулировать вопросы, развивают коммуникативные навыки обучающихся.

Семинарские занятия – вид аудиторных занятий, на которых происходит обобщение, систематизация знаний, полученных в ходе лекций и самоподготовки по определенной теме, блоку. Реализуемые на практике модели семинарских занятий можно разделить на две группы: репродуктивные (классические), на которых обучающиеся воспроизводят учебный материал по заранее определенным вопросам, и творческие семинарские занятия [10, с. 17–18].

Переход от классических форм проведения семинарских занятий к творческим предопределяется этапом профессионализации курсантов в образовательном процессе УВО МВД. Так, на этапе адаптации целесообразно проведение семинарских занятий в классической форме с использованием элементов инновационных методов обучения. На старших курсах – творческих семинаров, особенность которых состоит в доминировании активности обучающихся, их взаимодействии друг с другом. Специфика этапа профессионализации курсантов учитывается при разработке заданий для организации самостоятельной работы при подготовке к занятию (таблица). Изменяется и роль преподавателя – от управления к определению ориентиров деятельности курсантов на занятии.

Практические занятия – еще один вид аудиторных занятий, целью которых является формирование умений и навыков практического применения теоретических знаний для решения практических задач, непосредственно связанных с будущей профессиональной деятельностью обучающихся [11, с. 49]. Одной из эффективных форм проведения практических занятий являются деловые игры. В педагогике выделяют следующие виды имитационных педагогических игр:

– ситуационно-ролевые игры-упражнения, основная цель которых – развитие профессиональных способностей, формирование конкретных навыков, качеств личности, выработка умений решения практических задач;

– ситуационно-ролевые игры, при которых проигрывается большая по содержанию, сложная по исполнению, по взаимосвязям ситуация, которая должна получить развитие, а не закончиться проигрыванием заданного сюжета;

– деловые игры, направленные на формирование профессиональных и деловых умений обучающихся [12, с. 20].

Практические занятия могут проводиться в форме «мастер-классов» и «творческих мастерских», являющихся способами реализации коучинг-стратегии, направленной на построение эффективного взаимодействия курсанта и преподавателя и позволяющей расширить область познания, повысить эффективность процесса обучения [13, с. 219–220].

Помимо аудиторных занятий на развитие академической компетентности курсантов положительное влияние оказывает вовлечение обучающихся в научно-исследовательскую деятельность, позволяющую сформировать такие качества личности, как самостоятельность, критичность, независимость суждений, систематичность мышления и т.д. Для успешности научной деятельности курсант должен обладать такими умениями, как целеполагание, проектирование, конструирование, оптимальный выбор индивидуального стиля собственной учебной и научно-исследовательской деятельности, рефлексия (самоанализ) как процесса деятельности, так и ее результатов. Все эти качества составляют методологическую основу будущей профессиональной деятельности сотрудника ОВД.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что предлагаемое методическое и ресурсное обеспечение включает материальную и идеальную составляющие и представляет собой совокупность вариативных заданий: на этапе адаптации преобладают задания и упражнения с минимальным уровнем проблемности, направленные на усвоение определенной информации; на этапе индивидуации – задания и упражнения как с низкопродуктивным уровнем проблемности, предполагающие воспроизведение курсантами юридической информации, так и с высокопродуктивным уровнем проблемности, предусматривающие применение полученных знаний для разрешения ситуаций, связанных с профессиональной деятельностью сотрудника ОВД; на этапе интеграции – задания и упражнения с максимально продуктивным уровнем проблемности, предполагающие самостоятельное разрешение курсантами ситуаций, наиболее часто встречающихся в практической деятельности конкретного подразделения ОВО.

Список литературы

1. Гелясина Е.В. Содержание процесса формирования метапредметных компетентностей учащихся в условиях профильного обучения // Педагогическая наука и образование. 2016. № 4. С. 66–74.

2. Андрианова А.С. Особенности развития академической компетентности курсантов в процессе обучения в учреждениях высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (31). С. 153–157.

3. Мухамедьярова Н.А. Организационно-педагогические условия формирования метапредметных компетенций у будущих педагогов системы дополнительного образования // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5. С. 18–26.

4. Казакова Е.И., Тарханова И.Ю. Оценка универсальных компетенций студентов при освоении образовательных программ // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 127–135.

5. Махотин Д.А., Лесин С.М. Технические и мультимедийные средства обучения в образовательном процессе // Методические ориентиры. 2015. № 12 (48). С. 6–9.

6. Голубовский В.Н., Сычева Ю.С. Совершенствование системы профессионального образования Республики Беларусь в интересах развития инновационной экономики // Профессиональное образование. 2019. № 2. С. 3–7.

7. Башевой С.И., Кузнецова Э.И. Применение методов активного обучения в форме «Лекция вдвоем» в преподавании ряда дисциплин // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2012. № 2. С. 58–63.

8. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высшая школа, 1991. 207 с.

9. Водяникова И.Ф., Фатхи Т.Б. Методика преподавания гуманитарных дисциплин: Учебное пособие. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет, 2018. 111 с.

10. Андрианова А.С. Современные формы проведения семинарских занятий: теоретический и практический аспект // Актуальные проблемы профессионального образования в Республике Беларусь и за рубежом: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 14 дек. 2018 г. / Витеб. филиал Междунар. ун-та «МИТСО»; редкол.: А.Л. Дединкин (гл. ред.) [и др.]. Витебск, 2018. С. 17–20.

11. Журавлев В.В. Дидактические особенности организации практических занятий в вузе // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2008. № 1. С. 48–54.

12. Ложникова Н.А. Имитационная педагогическая игра // Специалист. 2005. № 2. С. 19–21.

13. Бобряшова О.В. Педагогические условия формирования профессионально-эстетической компетентности будущего дизайнера // Вестник ОГУ. 2014. № 5 (166). С. 216–222.

METHODOLOGICAL AND RESOURCE SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF ACADEMIC COMPETENCE OF CADETS

A.S. Andrianova

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

The academic competence of cadets is a set of universal competencies that allow students to independently obtain, process and apply knowledge in the field of jurisprudence, as well as apply them in solving practical problems related to the implementation of law enforcement activities. The article characterizes the structural elements of the system of methodological and resource support for the development of academic competence of cadets. The system-forming factors of the construction of this system are the stages of professionalization of cadets in the educational process of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus: adaptation of cadets in the educational space of higher education institutions, individualization of cadets in the educational space of higher education institutions, integration of cadets in the field of law enforcement. The elements of the proposed system of methodological and resource support for the development of academic competence of cadets are material (resource support of the educational process) and ideal components (functional capabilities and products of the mental activity of the teacher). The content of the proposed methodological and resource support includes a set of variable tasks, the level of problemativeness of which depends on the stage of professionalization of cadets: at the stage of adaptation – tasks and exercises with a minimum level of problemativeness aimed at assimilation of certain information; at the stage of individuation – tasks and exercises with both a low-productive level of problemativeness, involving the reproduction of legal information by cadets, and with a highly productive level of problemativeness, providing for the application of the acquired knowledge to resolve situations related to the professional activities of an employee of the internal affairs bodies of the Republic of Belarus; at the stage of integration – tasks and exercises with the most productive level of problemativeness, involving the independent resolution by cadets of situations most often encountered in the practical activities of a particular unit of the internal affairs bodies of the Republic of Belarus.

Keywords: academic competence, methodological support, resource support, cadet, legal education.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_4_161

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ СПО В УСЛОВИЯХ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ

© 2022 г.
Е.П. Антипова, Л.К. Габышева, С.Л. Фоменко, А.П. Усольцев

Антипова Елена Петровна, к.пед.н.; доц.; директор Института гуманитарного и социально-экономического образования
Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург
elena.antipova@rsvpu.ru
Габышева Людмила Константиновна, к.соц.н.; доц.; проректор по образовательной деятельности
Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург
lyudmila.gabysheva@rsvpu.ru
Фоменко Светлана Леонидовна, д.пед.н.; проф.; заведующий кафедрой высшего педагогического образования
Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург
Svetlana.fomenko@rsvpu.ru
Усольцев Александр Петрович, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры педагогики и психологии образования
Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург
alusolzev@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.09.2022
Статья принята к публикации 15.11.2022

Проанализирована практика внедрения онлайн-образования в системе СПО, выделены основные категории проблем: материально-технические, управления, квалификации педагогов и методические. Для каждой категории проблем указаны возможные пути их решения.

Отдельно акцентируется внимание на концепции транспрофессионализма, в рамках которой онлайн-технологии становятся необходимым средством обеспечения возможностей студенту СПО максимально использовать весь потенциал учебного учреждения для своей полипрофессиональной подготовки.

Кратко рассматриваются основные направления развития информационных технологий в контексте обеспечения онлайн-образования.

Ключевые слова: онлайн-образование, система СПО, дистанционное обучение, проблемы онлайн-образования.

Введение

Вынужденное ускорение процессов цифровизации, в первую очередь онлайн-образования, не обусловило появления каких-то новообразований, новых революционных направлений, новых подходов и концепций в трансформации образования. Все происходящие изменения были прогнозируемы, неожиданной была лишь скорость их применения, которая отчётливо высветила существующие проблемы, не только и даже не столько связанные чисто с цифровизацией, сколько с собственными, внутренними проблемами системы образования. В полной мере это относится и к системе СПО, в которой существуют те же самые проблемы, что в школе и вузе, различающиеся лишь специфичными деталями.

Главное прогнозируемое изменение – это внедрение онлайн-технологий в образование, которое, вследствие пандемии, стремительно перешло в следующую стадию – в онлайн-образование, реализуемое исключительно через информационно-коммуникационные технологии. Такой мгновенный качественный скачок не был подготовлен в полной мере ни технически, ни методически, ни как-то ещё. Это относится не только к РФ, такая же ситуация наблюдается во всём мире без всяких исключений.

Сегодня произошёл возврат к очной форме обучения, но трансформация образования в онлайн-среду, как и имеющиеся при этом проблемы, никуда не исчезли. На основе глобального опыта по экстремальному переходу к онлайн-образованию важно понять, в каких направлениях происходит трансформация системы СПО и какие при этом проблемы можно спрогнозировать.

Необходимо определить основные проблемы трансформации системы СПО, возникающие при внедрении онлайн-образования; указать возможные пути решения этих проблем с учётом специфики системы СПО.

Методология

Вопросы соотношения дистанционного и очного обучения в системе СПО рассмотрены

В.И. Блиновым, И.С. Сергеевым. Вначале, определяясь с используемой терминологией, они отмечают, что «термин «смешанное обучение» имеет два принципиально различных значения: 1) «онлайн + очное» обучение и 2) «онлайн + автономное» обучение; второе значение приближается по смыслу к понятию «дистанционное обучение» вплоть до полной неразличимости» [1]. Далее они определяют, что в рамках своей статьи будут рассматривать смешанное обучение лишь в первом его значении, как сочетание электронного и контактного обучения («online + offline»). Мы будем в своей статье тоже придерживаться этой позиции, так как дистанционное обучение, реализуемое по формуле «только онлайн», представляется не просто преждевременным, а, возможно, нежизнеспособным в принципе, особенно применительно к сфере СПО. Далее ими рассмотрены различные типологии моделей смешанного обучения, на разных уровнях учебного процесса: на уровне учебного плана; на уровне учебного предмета; на уровне раздела или темы в рамках учебного предмета; на уровне учебного занятия; на уровне технологии обучения. Комбинация различных вариантов на каждом из уровней позволяет реализовать большое количество вариантов использования онлайн-технологий в самом широком диапазоне – от полностью очного обучения до полностью дистанционного. Указание авторами возможных недостатков при реализации того или иного варианта оказалось полезным для выделения групп проблем, возникающих при трансформации системы СПО под влиянием онлайн-технологий.

В качестве эмпирической базы данных использовались данные мониторинга экономики образования Высшей школы экономики [2, 3], а также данные экспресс-исследования, приведённые В.И. Блиновым, И.С. Сергеевым, Е.Ю. Есениной [4].

Для обсуждения развития онлайн-образования как информационной технологии мы использовали классификацию информационных технологий, предложенную Марией Джанелли. Она выделила когнитивизм, бихевиоризм, конструктивизм, теорию цифровых медиа и теорию активного обучения [5]. В рамках когнитивизма информационные технологии используются для специального представления сложного материала в уже переработанном обобщённом виде в виде схем, таблиц, визуальных «картинок», в том числе и анимированных. В основе бихевиоризма как направления находится оперативная обратная связь, позволяющая обучающемуся быстро освоить некоторые алгоритмы. Средства информационных технологий в этом случае обеспечивают необходимые характеристики обратной связи, в том числе за счёт автоматизации проверки. Конструктивизм связан с организацией взаимодействия учителя и учащихся, их сотрудничества и кооперации. В большей степени он связан с решением технических и организационных вопросов дистанционной, как синхронной, так и асинхронной, связи субъектов образовательного процесса между собой. Теория деятельности и активного обучения обеспечивает устойчивый тренд развития образования, обозначаемый термином «геймификация», она направлена на повышение учебной активности и формирование мотивации путём использования квестов, командных игр, викторин, олимпиад и пр. И, наконец, «теория цифровых медиа» определяется акцентом на технических средствах как таковых, причём не на программных средствах, а их физическом наполнении.

В качестве методологического направления развития профессионального образования, которое в будущем будет обслуживаться онлайн-технологиями, нами выбрана концепция профессионального саморазвития и транспрофессионализма, разрабатываемая группой авторов под руководством Э.Ф. Зеера [6]. Концепция транспрофессионализма, по мысли авторов, может быть реализована через майноры – «технологии амплификации квалификации человека, расширения его социально-профессиональной компетентности, актуализации саморазвития и саморегуляции профессиональной деятельности» [7]. Эти технологии будут ориентированы на развитие транспрофессиональных качеств личности (социально-профессиональной динамичности, прогностических способностей, готовности к нововведениям, социально-профессиональ-ной мобильности, сверхнормативной социально-профессиональной активности) и будут составлять методологическую основу как отдельных онлайн-курсов, так и всего образования [7].

Результаты

В процессе анализа научно-методических работ, собственного опыта авторов были выявлены проблемы встраивания онлайн-технологий в образовательный процесс системы СПО. Рассмотрим эти проблемы по мере возрастания их фундаментальности и, соответственно, сложности устранения.

1. *Материально-технические проблемы*

Самые очевидные проблемы использования онлайн-технологий – это материально-техничес-

кие проблемы, которые можно разбить на несколько категорий.

Первая категория – это проблема обеспечения техническими средствами универсального пользования, необходимыми для взаимодействия субъектов образовательного процесса в дистанционном формате. По результатам опроса преподавателей по оценке значимости препятствий при переходе на дистанционное обучение, проведённого В.И. Блиновым, И.С. Сергеевой, Е.Ю. Есениной, как «непреодолимое препятствие» наибольшую долю ответов получили: технические проблемы (слабый Интернет, перегрузка сервера и/или платформ онлайн-обучения и т.д.); общий дефицит времени; дефицит материально-технической базы [4].

Ту же самую проблему отмечают и за рубежом. Большинство респондентов отмечает, что для использования цифровых инструментов в работе не хватает компьютеров, планшетов и ноутбуков [8].

Проблемы видятся неодолимыми с точки зрения конкретного преподавателя в конкретном учебном учреждении. И с этим невозможно не согласиться: если нет сети Интернет и компьютера, то вести занятия онлайн невозможно. Но с точки зрения всей системы образования, решение именно этих проблем в рамках учреждений СПО совершенно понятно и возможно в кратчайшие сроки, всё зависит от управленческой воли и наличия материальных возможностей.

Но есть другая сторона проблемы, значительно более сложная, она связана с техническим обеспечением студентов для работы дома. Материальное положение многих семей не позволяет обеспечить каждого ребёнка в семье компьютером/ноутбуком и предоставить ему отдельное рабочее место. Для системы СПО эта проблема является более острой, чем для студентов вузов, так как семья среднестатистического студента, обучающегося в системе СПО, заметно беднее семьи студента вуза. Эту проблему отчётливо выявили В.И. Блинов, И.С. Сергеев, Е.Ю. Есенина, анализируя опросные листы студентов СПО [4].

Следующая проблема материально-технического характера связана с программным обеспечением. По данным В.И. Блинова [4], преобладает использование неплатформенных средств, что в общем-то ещё раз демонстрирует тот факт, что синергетические свойства педагогической системы каждый раз позволяют справляться с вызовами, к которым система управления оказывается неготовой. Эта проблема руководителями и педагогами видится часто совсем в другой плоскости: неумение ориентироваться в имеющихся ресурсах, растерянность понимаются как проблема избытка ресурсов и отсутствия указаний, какие из них использовать. Мы не разделяем таких призывов к единообразию используемых платформ, решение проблемы лежит не в насаждении всем всего одинакового, а в предложении качественных продуктов и помощи в их внедрении. Общую проблему и возможный вариант решения достаточно чётко описали региональные руководители Республики Татарстан: «Когда мы массово перешли к дистантной форме, возникло большое количество предложений – начиная с платформ, в которых можно работать, заканчивая конкретными образовательными ресурсами. Поэтому основная задача сейчас состоит в том, чтобы провести систематизацию и разобраться в этом море информационных ресурсов. Важно при этом не ограничивать в выборе ни преподавателей, ни образовательные учреждения, то есть главные вопросы [заключаются] в том, чтобы дать пользователям обоснованные рекомендации и обучить их» [3].

Для системы СПО значительно более острой является специфичная проблема, связанная с необходимостью использования не только программ общего пользования, но и большого количества специализированного оборудования и ПО. Эту проблему отмечают все региональные руководители СПО: «Система СПО очень разнородна, в наших колледжах реализуются 180 образовательных программ. Понятно, что разработчиков специального ПО и цифровых учебных материалов очень мало. Некоторые ниши совершенно не закрыты, потому что крупным издательствам и другим организациям, которые занимаются разработкой контента, это невыгодно; образовательный продукт, разработанный для отдельной специальности или отдельной группы СПО, просто не окупится. Например, нас интересует тема цифрового земледелия» [3].

В итоге можно сделать вывод, что для системы СПО ключевыми проблемами в материально-техническом обеспечении онлайн-обучения являются и будут в ближайшее время оставаться проблемы обеспечения возможностей студентов для занятий дома и проблемы специализированного ПО, необходимого для обучения отдельным узким профилям профессиональной подготовки.

2. *Проблемы управления*

Проблемы учёта и оплаты работы педагогов, контроля за их деятельностью, разработка форм отчётности имеют важное значение в обеспечении комфортных рабочих условий для преподавателя и студента. Недостатки в этом аспекте вызывают конфликты между всеми

участниками образовательного процесса (студентами, преподавателями, администрацией, родителями) и значительно снижают общую эффективность работы как образовательной организации в целом, так и отдельных педагогов.

Одна часть этих проблем имеет технический, организационный характер, осложняется различными бюрократическими процедурами, но она не обусловлена диалектически неразрешимыми противоречиями (если не брать саму проблему наличия бюрократических тормозов развития). Проблемы управления нельзя недооценивать, но и переоценивать их тоже не следует. Как показал опыт, в критических ситуациях бюрократические процедуры смягчаются или вовсе исчезают без каких-то заметных последствий в организации обучения, что со всей очевидностью показывает избыточность и ненужность многих из них. Подтверждением может служить тот факт, что дефицит локальной нормативной базы и отсутствие методических рекомендаций по переходу на дистанционное обучение как существенные, острые или непреодолимые проблемы назвала минимальная доля респондентов [4].

Вторая часть организационных проблем является более сложной, она входит в более широкую проблему, связанную с квалификацией работников управления и педагогов, которая рассмотрена ниже.

3. *Проблемы квалификации педагогов*

Успешное внедрение онлайн-технологий в первую очередь определяется квалификацией педагога: его умениями по использованию средств ИКТ, методическим и педагогическим мастерством и мотивацией на изменение организации обучения. Известны случаи, когда педагог, вынужденный внезапно перейти на дистант, использовал платформу вебинара только для того, чтобы диктовать студентам под запись текст своих лекций, а затем требовал показать записанный текст этих лекций. Очень часто встречающейся практикой стала пересылка студентам материала (монографии/учебника) и вопросов к зачёту/экзамену. Общение преподавателя со студентом предполагается лишь один раз – на экзамене. Естественно, что при этом качество профессиональной подготовки падает, возрастает количество неуспешных студентов, особенно при изучении специфичных технических дисциплин.

К сожалению, бывает так, что курсы, позиционируемые как «онлайн-курсы», по сути оказываются весьма похожи на вышеприведённый пример. Это отмечает и В.И. Блинов: «Достаточно тревожный момент: де-факто под названием «онлайн-курсов» во многих случаях могут реализовываться «дидактические суррогаты», может быть и обеспечивающие видимость занятости педагога и студента, но не дающие заметных педагогических результатов. Или все-таки дающие? Увы, этого не знает никто» [4].

Значительные проблемы в перестройке учебного процесса возникли у преподавателей, не имеющих педагогического образования и ведущих специальные профессиональные дисциплины, не связанные с педагогикой. Именно эти специалисты являются главными хранителями и трансляторами узкопрофессиональных компетенций и составляют фундамент профессионального образования. Феномен таких преподавателей был исследован А.П. Усольцевым и Е.С. Кощеевой и был назван «педагогическим непрофессионализмом» [9]. Авторы на основе анализа анкетирования преподавателей вузов сделали следующие выводы: эти преподаватели позиционируют себя не как педагоги, а как учёные, предметные профессионалы; они испытывают проблемы в общении со студентами и в использовании средств ИКТ в большей степени, чем преподаватели с педагогическим образованием; они не придают значения методическим аспектам своей работы и не видят смысла в повышении своей квалификации на курсах методической направленности; курсы повышения квалификации «по разнарядке» для таких педагогов крайне неэффективны, не отвечают на их запросы, а вызывают лишь негативное отношение. И хотя исследование проводилось по отношению к преподавателям вуза, можно с большой степенью уверенности утверждать, что с преподавателями системы СПО картина будет идентичной.

Возможное решение проблемы «приобщения к цифре» основной массы высококвалифицированных специалистов узких предметных областей заключается в привлечении в организацию квалифицированных консультантов, которые могут помочь преподавателю по его запросу, на его рабочем месте – «тут и сейчас». Это отмечают представители администрации учреждений СПО: «Нехватка методистов, готовых к внедрению современных методик и технологий, – одно из главных ограничений для цифровизации системы СПО» [3]. Можно сформулировать вывод о том, что эффективная подготовка педагогов к внедрению онлайн-технологий в свой образовательный процесс возможна при организации их взаимодействия с квалифицированным консультантом, доступным для педагога в любое время по мере необходимости.

4. *Методические проблемы*

Методические проблемы можно назвать сущностными проблемами диалектического

характера, решение которых в принципе невозможно, но перманентное движение к их решению определяет развитие всей образовательной системы. В этом аспекте внедрение онлайн-технологий в учебный процесс вовсе не самоценно, их ценность определяется лишь мерой пользы для решения каких-то проблем. Всплеск их применения в пандемию совершенно очевидно это доказал – без них учебный процесс был бы в тех условиях просто невозможен. Но когда пандемия пройдёт, вопрос целесообразности перехода к онлайн-образованию становится вполне уместным, так как наряду с достоинствами они имеют ряд принципиально неустранимых недостатков.

Первая ключевая проблема связана с тем, что онлайн-технологии не могут обеспечить практическую подготовку: нельзя дистанционно научить сварке или штукатурным работам. Поэтому «полный онлайн» в обучении практическим умениям в принципе невозможен. Возникает вопрос: как можно использовать онлайн-технологии для повышения эффективности практической подготовки? И если ответа нет, то нет и необходимости внедрять онлайн-обучение в эту сферу.

«Цифровизация СПО – процесс более сложный, чем цифровизация общего образования, потому что СПО предполагает большой объем практики. Есть такие элементы учебного плана, которые не поддаются цифровизации, например производственная практика. Когда мы готовились в условиях карантина к демонстрационному экзамену, наши эксперты вели подготовку в дистантном режиме, но это было достаточно сложно. Поэтому ограничения на цифровизацию СПО связаны с этой спецификой», – отмечают региональные руководители Республики Татарстан» [3]. Отметим, что со временем автоматизируются все или почти все производственные процессы, управление которыми будет осуществляться дистанционно. Естественно, что в этом случае онлайн-обучение в практической подготовке становится действенным инструментом, целесообразным в массовом применении.

Следующая «ахиллесова пята» онлайн-технологий заключается в организации внимания слабомотивированных обучающихся. Если в классической ситуации на лекции или практике студент вынужден хотя бы изображать активность, то в онлайн-режиме ему даже это не требуется. Ради справедливости надо заметить, что это не столько недостаток онлайн-технологий, сколько недостаток веками сложившейся практики обучения, в которой проблема низкой мотивации скрыта имитацией деятельности учеников на занятии.

Именно поэтому успешность применения онлайн-технологии конкретным преподавателем в первую очередь зависит от его педагогического мастерства в мотивации студентов: в его собственной увлечённости, интересной подаче материала, в организации самостоятельной работы студентов и её контроле и т.п. Впрочем, и без онлайн-технологий его педагогическая успешность зависит от этого же, просто в онлайн-варианте проблема мотивации становится очевидно наблюдаемой. Наша личная практика это подтверждает: мотивированные, активные студенты в онлайн-варианте не испытывают никаких проблем и обучаются не хуже, чем обычно, тогда как немотивированные студенты при переходе на онлайн показывают значительное ухудшение успеваемости.

На уровне отдельных учебных занятий или учебных предметов смешанное обучение развивается усилиями отдельных педагогов. Несомненно, что выявленные при этом преимущества использования смешанного обучения будут способствовать всё большему распространению онлайн-технологий в учебный процесс. В этом случае онлайн-технологии выполняют локальные функции, скорее организационного характера. Но общее стратегическое направление развития системы образования должно влиять на смешанное обучение на уровне учебного плана и учебного предмета. Поэтому важно понять, в каком стратегическом направлении будет трансформироваться вся система СПО и какую роль в этих изменениях будут играть онлайн-технологии.

Сегодня в основу профессионального образования заложен компетентностный подход, доказавший свою высокую эффективность именно в системе СПО. Перенос этого подхода в систему высшего образования, на наш взгляд, оказался не столь успешным. Главное достоинство компетентностного подхода, заключающееся в минимизации затрат на подготовку к выполнению специалистом чётко определённого функционала алгоритмических действий и на проверку этой готовности, превратилось в недостаток: смена профессиональных компетенций не успевает за темпами научно-технического развития, а формулировка неких «общих», «универсальных» компетенций уводит компетентностный подход в слабоструктурированные, творческие области, для которых он является непригодным. Наблюдается явление, названное нами инфляцией компетентностного подхода [10].

Дальнейшее развитие компетентностного подхода разработано Э.Ф. Зеером. В качестве концепта нового подхода предлагается термин «транспрофессионализм». Под транспрофесси-

онализмом понимается интегральное качество специалиста, характеризующее его способность осваивать и выполнять деятельность из разных видов и групп профессий [6]. «Транспрофессионализм представляет собой выход за рамки одной профессии, ее обогащение знаниями, технологиями, относящимися к другим видам профессиональной деятельности, развитие новых ключевых компетенций, позволяющих находить комплексные и уникальные решения на основе трансдисциплинарного синтеза и межпрофессиональных коммуникаций» [7].

Не вдаваясь в предлагаемую Э.Ф. Зеером логико-смысловую модель транспрофессионализма субъектов техномических профессий, укажем, что она организуется на основе блочно-модульной структуры, предлагающей обучающимся индивидуальные образовательные траектории и требующей от них высокой степени самостоятельности, соорганизованности с другими участниками образовательного процесса, интенсивной коммуникации в профессиональной среде. Всё это невозможно без технологий онлайн-образования, которые из вспомогательного инструмента превращаются в основное средство реализации концептуальных изменений в системе СПО. В этом случае онлайн-образование станет необходимым не по форс-мажорной причине, вызванной негативными пандемийными обстоятельствами, а по причине необходимости дальнейшего развития.

Развитие онлайн-образования в условиях трансформации СПО можно рассматривать на основе классификации, предложенной М. Джанелли [5]:

а) в рамках когнитивизма будет меняться содержательное наполнение контента онлайн-курсов, оно будет адаптироваться для более быстрого и качественного усвоения студентом учебного материала путём структуризации текста и его интеграции с другими формами представления информации: таблицами, аудио- и видеоматериалами, анимацией и т.п;

б) бихевиористическое направление развития онлайн-образования будет происходить в рамках интерактивного взаимодействия студента с программой, которая будет «нести ответственность» за усвоение репродуктивных умений и навыков и освобождать преподавателя от рутинной проверки множества одинаковых заданий для творчества и общения со студентами. Общение и кооперация всех участников образовательного процесса, их синхронная и асинхронная связь, рассматриваемые в рамках конструктивизма, являются ключевыми организационными пунктами структуры онлайн-образования, технической и методической основой общего алгоритма любой онлайн-программы, отражающего её идеологию;

в) направление развития онлайн-образования в соответствии с теорией деятельности и активного обучения «внутри» организационного алгоритма онлайн-курса позволит органично включать в него разные активизирующие средства (игры, квесты, олимпиады и пр.), призванные повысить интенсивность работы обучающихся, сформировать их интерес к курсу;

г) технические средства (виртуальная и дополненная реальность, возрастание скорости передачи данных, 3D-печать и пр.) будут предоставлять все новые и новые возможности для развития онлайн-образования при реализации вышеуказанных направлений.

Заключение

Проблемы реализации онлайн-образования можно разделить на следующие категории: материально-технические, управления, квалификации педагогов и методические.

Материально-технические проблемы особую остроту имеют относительно обеспечения всех студентов равными возможностями для дистанционной работы.

Проблем управления, принципиально неразрешимых, мы не обнаруживаем. Но подчёркиваем опасность «забюрокрачивания» онлайн-образования, способного значительно затормозить и дискредитировать любую самую хорошую идею.

Проблемы квалификации педагогов критично зависят от их возможностей обращаться за оперативной технической помощью на местах и неформального отношения к повышению своей методической квалификации (особенно преподавателям без педагогического образования).

Основные направления трансформации системы СПО, возникающие при внедрении онлайн-образования, целесообразно связывать с реализацией идеи транспрофессионализма, заключающейся в обеспечении студенту максимальной свободы выбора профессиональных траекторий и возможностей для подготовки к широкому спектру различных видов профессиональной деятельности.

Идея транспрофессионализма будет определять использование информационно-коммуникационных технологий в обслуживании онлайн-образования во всех основных направлениях их развития: когнитивизма, бихевиоризма, конструктивизма, теории активного обучения и теории цифровых медиа.

Статья выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ «Институционализация онлайн-образования в трансформирующейся образовательной среде СПО и модификация инстру-

ментов подготовки педагогических работников СПО в условиях цифровой трансформации» (прикладное исследование, № 073-00104-22-01).

Список литературы

1. Блинов В.И., Сергеев И.С. Модели смешанного обучения в профессиональном образовании: типология, педагогическая эффективность, условия реализации // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 1(44). С. 4–25.

2. Романова О.А. Цифровая трансформация колледжей: внедрённые инновации и перспективы развития: Информационный бюллетень / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. 5 с. (Мониторинг экономики образования; № 12).

3. Дудырев Ф.Ф., Анисимова К.В., Романова О.А., Петров Е.Е. Цифровизация системы среднего профессионального образования: кейсы Республики Татарстан, Белгородской и Московской областей: Информационный бюллетень / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. 40 с. (Мониторинг экономики образования; № 2).

4. Блинов В.И., Сергеев И.С., Есенина Е.Ю. Внезапное дистанционное обучение: первый месяц аврала // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 6–33.

5. Джанелли М. Электронное обучение в теории, практике и исследованиях // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 81–90.

6. Зеер Э.Ф. Концепция профессионального развития человека в системе непрерывного образования // Педагогическое образование в России. 2012. № 5. С. 122–127.

7. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э., Бердникова Д.В., Борисов Г.И. Методологические основы транспрофессионализма субъектов техномической деятельности // Педагогическое образование в России. 2018. № 11. С. 38–47.

8. Глушко Д.Е., Романова О.А., Белова Е.А. Цифровизация среднего профессионального образования в Европе: компетенции преподавателей и практика применения новых технологий // Мониторинг экономики образования. Информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований. 2021. № 9.

9. Усольцев А.П., Кощеева Е.С. Феномен педагогического непрофессионализма преподавателей вузов // Педагогическое образование в России. 2022. № 3. С. 26–41.

10. Усольцев А.П. Инфляция компетентностного подхода в отечественной педагогической науке и практике // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 1. С. 9–23.

11. Белова И.А. Анализ факторов, влияющих на развитие онлайн-обучения в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4(462). С. 161–172.

12. Мониторинг цифровизации, выводы [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2021/08/25/1414842504/ib_2_2021.pdf

13. Федотова Н.И. Психологические особенности эмоционального выгорания преподавателей высшей школы // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 10. С. 319–329. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29909874_29162576.pdf. (дата обращения: 10.02.2022).

TRANSFORMATION OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF SPO IN THE CONDITIONS OF ONLINE EDUCATION

E.P. Antipova[1], L.K. Gabysheva[1], S.L. Fomenko[1], A.P. Usoltsev[2]

[1]Institute of the Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg
[2]Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg

The article analyzes the practice of introducing online education into the system of secondary vocational education. It highlights the main categories of problems: technical, management, teacher qualifications and methodological ones.

Possible solutions to each category of problems are provided in the article.

Another concept that the article focuses upon is transprofessionalism. Within this concept online technologies become a necessary means of enabling students to maximize the full potential of the educational institution for their multiprofessional training.

The main directions of information technology development in the context of online education are briefly considered.

Keywords: online education, vocational education, distance learning, problems of online education.

УДК 378.147.88
DOI 10.52452/18115942_2022_4_168

ВЛИЯНИЕ НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

© 2022 г.

Е.А. Градалева

Градалева Екатерина Александровна, к.филол.н.; доц.; доцент кафедры педагогики, межкультурной коммуникации и русского как иностранного Самарского государственного технического университета
katerina-888@bk.ru

Статья поступила в редакцию 09.08.2022
Статья принята к публикации 19.10.2022

Статья посвящена изучению влияния научных конференций и конкурсов на английском языке на обучение студентов вузов лингвистических и технических специальностей. Целью исследования является определение преимуществ учебной деятельности такого рода. Осуществлен анализ опыта проведения IX и X конкурса презентаций на английском языке на базе Самарского государственного технического университета (СамГТУ) в 2021–2022 гг., который включал беседу с участниками, анкетирование, изучение отзывов студентов и их научных руководителей. Применялись количественные и качественные методы исследования. Анализ выявил положительные стороны и проблемные моменты мероприятий на английском языке, показал, насколько они интересны, полезны и актуальны для студентов, какой этап подготовки к конференции они мыслят наиболее увлекательным, что является основным источником познания, где будут использовать полученные знания, какие критерии оценивания докладов считают первостепенными. Автор делает выводы о том, что благодаря такому виду учебной деятельности не только повышается мотивация к изучению языка и улучшается владение языком, но и развиваются исследовательские навыки, ораторское мастерство, появляется опыт использования разнообразных технических средств. Взаимодействие с участниками из других вузов позволяет получить новые знания и понять траекторию своего дальнейшего развития. Автор подчеркивает, что дистанционный формат организации научных мероприятий показал свою эффективность в СамГТУ, расширив контингент участников и жюри, а также обеспечив доступность для лиц с ОВЗ.

Ключевые слова: научное мероприятие, научная конференция, дистанционный формат, дистанционное обучение, английский язык, высшее образование.

Введение

Динамические изменения, происходящие в обществе, предъявляют к молодым специалистам новые требования, которые заключаются не только в оперировании профессиональными знаниями и умениями, но и во владении коммуникативными навыками. Кроме того, XXI век характеризуется постоянно растущим объемом информации и скоростью технических нововведений, влияющих на мобильность людей. Обществу нужны специалисты, способные адаптироваться к быстро меняющимся требованиям, владеть иностранным языком и знать современные информационно-коммуникативные технологии. Соответственно, основной задачей преподавателей предметов гуманитарного цикла, в том числе и иностранного языка, становится организация процесса обучения таким образом, чтобы такие навыки развивались как на занятиях, так и во внеурочное время. Эффективным решением может стать организация научных проектов и конференций с участием студентов различных вузов России и зарубежных стран.

По мнению Г.С. Кригер, значимость проведения научных мероприятий для студентов определяется тем, что они повышают интерес к процессу обучения, приобщают к научно-исследовательской работе, способствуют приобретению навыков публичных выступлений [1, с. 48]. Г.П. Сечина рассматривает научно-техническую конференцию в качестве побудительной мотивации студентов к обучению, поэтому предлагает привлекать их к участию на самых ранних этапах обучения в высшей школе [2]. Такая форма работы со студентами формирует навыки поиска, отбора и анализа информации по конкретной теме, позволяет научиться выбирать из большого текстового объема только самую важную информацию, необходимую для своего исследования, готовить устное публичное выступление, оформлять презентацию с мультимедийной поддержкой [3, с. 130].

Целью нашего исследования стало выявление преимуществ, которые получают студенты в процессе участия в научных мероприятиях на английском языке. Как отмечается в научной

литературе, конференции на английском языке обеспечивают усвоение профессиональной лексики, развивают навыки чтения и реферирования иноязычной литературы, формируют способность общения на иностранном языке во время публичного выступления. При организации таких мероприятий можно моделировать ситуации профессиональной деятельности, познавать различные цифровые технологии как для извлечения информации, так и для анализа и презентации результатов [4, с. 40]. Наш опыт проведения ежегодного конкурса презентаций на английском языке на базе СамГТУ показывает дополнительные возможности, которые предоставляют участникам такие мероприятия. При этом они играют важную роль не только в обучении студентов лингвистических направлений подготовки, но и технических.

Существенным в процессе исследования стал вопрос о результативности проведения научных конференций и конкурсов на английском языке в дистанционном формате. Позволяет ли он сохранить все преимущества, которые мы видим при таком роде деятельности в очной форме. Еще до пандемии COVID-19 зарубежные ученые начали обосновывать положительное влияние технологий на научную коммуникацию, были проведены дистанционные проекты, описаны положительные моменты такого формата [5–7]. В СамГТУ в 2017 г. был организован проект по межкультурной коммуникации International Conference Project on Global Issues совместно с американским университетом Notre Dame College (г. Кливленд), где в качестве средств связи использовались Skype и Facebook [8]. Данный опыт показал положительные результаты, в том числе расширение географии и возможность участия лиц с ОВЗ [9]. Как отмечают Е.Н. Сергеева, Е.А. Ухналёва, дистанционный формат позволяет оптимизировать организационную подготовку к мероприятиям, экономит время и материальные ресурсы, поднимает статус мероприятия до международного уровня, способствует установлению контактов между вузами-участниками [10, с. 91–92]. Это подтверждает и опрос по итогам проведения IX и X конкурса презентаций на английском языке на базе СамГТУ в 2021–2022 гг., который будет подробно описан в данной работе.

Теоретические основы исследования

В настоящее время педагогическими исследователями и учеными накоплен определенный опыт организации научных мероприятий как в очном формате, так и с применением информационных и коммуникационных технологий и ресурсов сети Интернет [11–15].

В книге Conferences and Conventions: a Global Industry Т. Роджерс описывает продуктивные методы организации международных конференций, подчеркивая, что конференции играют важную роль в профессиональном и образовательном пространстве, способствуя обмену знаниями, развитию научных исследований, познанию новых технологий, они позволяют обрести новые связи и мотивируют к дальнейшей деятельности [16]. В книге Academic Conferences as Neoliberal Commodities Д.Дж. Николсон делится своим опытом посещения научных мероприятий в качестве слушателя и докладчика. Конференция определяется им как социально значимая официальная встреча, основу которой составляет интеллектуальная коммуникация. Научная конференция – это не только обмен опытом и знаниями, но и своего рода биржа. Это и путешествие, и рынок, где можно приобрести идеи, ценности и репутацию [17, с. 6]. Любая конференция включает в себя не только обмен информацией. Это социальное пространство, где исследователи встречаются друг с другом, находят новые контакты, поддерживают уже существующие, беседуют и инициируют сотрудничество. В результате, конференции имеют как научное, так и социальное влияние [18].

К сожалению, не всегда конференции нацелены на развитие науки, и некоторые организации проводят их с целью монетизации. Канадские ученые изучили типичные особенности мошеннических конференций и в своей работе описали удобный метод подбора подходящих научных мероприятий высокого уровня [19].

Основным языком, на котором происходит коммуникация на международных конференциях, является английский. Как отмечают зарубежные языковеды, он никогда не перестанет быть основным средством общения в социальном, культурном, экономическом и политическом контекстах [20]. В этом смысле австралийские лингвисты А. Пенникук и К.Н. Кандлин вводят понятие Worldliness of English, называя английский языком мира [21].

Безусловно, для успешного участия в конференциях по специальности на международной арене российским студентам необходимо в первую очередь получить опыт выступления на английском языке в рамках своего вуза и вузов нашей страны. Именно поэтому очень важно организовывать такие мероприятия и дать им возможность развивать свои языковые навыки.

Иногда студентам очень трудно преодолеть языковой барьер, они боятся говорить на иностранном языке перед большим количеством людей, среди которых могут быть и носители языка. Преподавателям следует предоставить

им возможность потренироваться, а затем поощрять их. После этого они становятся более уверенными в своих силах и в своих языковых умениях, что повышает их мотивацию к обучению для достижения успеха в будущем [22, с. 641]. В китайском университете студентам были предложены специальные курсы по подготовке к выступлению на конференциях The English Course for International Academic Conferences (ECIAC). Стимулом к созданию стало исследование, подтверждающее трудности, с которыми встречаются студенты университета, выступая на английском языке [23].

В образовательном процессе важную роль играет подготовка к научной конференции. В это время студенты много читают на иностранном языке при поиске необходимой информации. Кроме того, им требуется не только отобрать теорию, но и синтезировать ее при подготовке своего доклада, создать презентацию и написать статью для публикации. Участие в международных конференциях помогает обучаемым совершенствовать все четыре вида речевой деятельности на иностранном языке: чтение, письмо, аудирование и говорение. Участники конференции также учатся планировать время, работать самостоятельно, брать на себя ответственность за свое обучение. Развитие данных качеств является одной из основных задач педагога в образовательном процессе. Во время заседания секции студенты могут сравнить свои результаты с другими и получить отзыв от членов жюри. Определенные выводы о результатах работы в этот момент делает и научный руководитель участника, понимая, к чему следует стремиться в дальнейшем [22, с. 641].

По результатам проведения научно-практических конференций на английском языке в техническом вузе О.В. Абрамова отмечает, что в процессе подготовки достигаются поставленные цели, и в итоге при выступлении с докладом студенты показывают высокий уровень владения языком, уверенно себя чувствуют в процессе коммуникации и свободно отвечают на вопросы, легко пользуются техническими средствами [15, с. 744].

По мнению Н.Н. Ачкасовой, формирование мотивации к изучению языка должно стать центральным звеном в обучении студентов-нелингвистов. Именно на этом будут базироваться все остальные составляющие процесса обучения иностранному языку. Одним из наиболее эффективных средств мотивации является научная конференция (конкурс презентаций, проектов, видеороликов). Автор выделяет два основных требования, которым должно соответствовать такое мероприятие: осуществление реального профессионального общения (очно или онлайн) и использование широкого спектра цифровых средств обучения как инструментов учебной деятельности студента и обучающей деятельности преподавателя. Электронные технологии в основном рекомендуется применять как источники тестового, аудиовизуального материала для развития навыков и умений во всех видах речевой деятельности [14, с. 110].

С 2020 г. благодаря дистанционному формату организации конференций студенты получили больше возможностей участия в мероприятиях различных вузов России и других стран, они стали доступны всем желающим. По данным кафедры педагогики, межкультурной коммуникации и русского как иностранного СамГТУ, количество студентов – участников конференций увеличилось в три раза. В 2021 г. студенты вуза смогли принять участие в масштабном международном проекте по бизнесу и межкультурной коммуникации Global Case Study Challenge, организованном на базе четырех европейских вузов (сайт: https://www.globalcasestudychallenge.com). Работа проходила полностью дистанционно на платформах Moodle и Zoom.

Веб-конференции, как и очные мероприятия, позволяют студентам участвовать в содержательных научных беседах, помогают развивать профессиональные навыки, которыми должны обладать выпускники. Исследователями было выявлено, что подготовка и участие в них вызывают больше вовлеченности в предмет, чем другие виды деятельности на занятии, в том числе и изучение учебных пособий [24, с. 68].

Для общения и обмена информацией в дистанционном режиме предлагается использовать ряд апробированных методов. Первой ступенью является создание сайта конференции, где размещается вся необходимая информация, включая сроки регистрации и подачи тезисов, программа, спикеры и т.д. Социальные сети могут быть применены для рекламы мероприятия с целью привлечения более широкой аудитории (например, Twitter). Все объявления непосредственно перед началом конференции и инструкции о том, как зайти на веб-конференцию, ссылки на сеансы Zoom и рекомендации для докладчиков лучше отправлять по электронной почте. Для дальнейшего взаимодействия с участниками, решения технических проблем, быстрого распространения информации и для связи между организаторами рекомендуется использовать Slack (сайт: https://slack.com). Для хранения информации предлагается Google Workspace (https://workspace.google.com/). Расписание заседаний секций, ан-

нотации докладов и многое другое может быть представлено при помощи веб-сервиса Bitbucket (сайт: https://bitbucket.org/beroe/conference-generator) [25].

Образовательные платформы Moodle, Edmodo, MS Teams, Google Classroom положительно зарекомендовали себя в процессе электронного обучения и могут быть использованы при организации дистанционных конференций и проектов [26, с. 50]. Чаще других положительно характеризуют платформу Zoom, выделяя ряд важных функций. Демонстрация экрана применяется для представления презентаций, инфографики и видеороликов, а также может стать альтернативой доски, используемой при традиционных встречах, на которой можно писать и рисовать схемы. Кроме того, необходима функция комментирования [13, с. 166]. Как показывает практика, во время масштабных мероприятий с большим количеством участников высказаться всем желающим не удается, и обсуждение в чате во время и после презентации происходит достаточно активно. Там же выступающий может увидеть поступившие вопросы и незамедлительно ответить.

Американский фонд для слепых гарантирует удобство использования платформы Zoom для организации дистанционных конференций с инклюзией. Она совместима с распространенными программами для чтения с экрана (NVDA, JAWS, VoiceOver, Android Talkback), здесь есть функция управления с клавиатуры, соответствующий цветовой контраст позволяет обеспечить четкое и доступное изображение для пользователей с нарушениями зрения [27].

Однако, несмотря на большое количество положительных моментов, во время дистанционной конференции организаторы и участники могут испытать и ряд проблем, которых могло бы не возникнуть при очном проведении. К примеру, это могут быть технические сложности как с использованием самих технологий, так и с доступом в Интернет [26, с. 51].

В целом многие исследователи сходятся во мнении о положительном влиянии научных конференций на процесс обучения. Особый акцент делается на важной роли международных конференций, где студентам предоставляется возможность выступить на иностранном языке. Такие научные мероприятия стали доступными для многих именно благодаря дистанционному формату с применением современных информационных технологий.

Методы

В инструментарий исследования вошли теоретические и эмпирические методы: обобщение данных социально-педагогических исследований, изучение опыта организации всероссийских и международных научных мероприятий, в том числе конференций для лиц с ОВЗ, анализ собственного опыта проведения IX и X конкурса презентаций на английском языке в 2021–2022 гг., который включал беседу с участниками, анкетирование, изучение отзывов студентов и их научных руководителей.

В анкетировании приняли участие 172 участника конкурса презентаций, проводимого на базе СамГТУ в дистанционном формате в 2021 г. и в смешанном формате в 2022 г. Респонденты обучаются на всех курсах бакалавриата и магистратуры в вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Тольятти, Новосибирска, Омска, Томска, Череповца, Иваново, Воронежа, Ульяновска, Благовещенска, Тамбова, Саранска, Магадана, Челябинска, Барнаула, Екатеринбурга, Белгорода, Уфы, Краснодара, Орла, Махачкалы, Грозного, Владивостока, Пскова, Нижнего Новгорода, Казани. Доля студентов СамГТУ составила 7%. Доля участников, обучаемых на специальностях, связанных с английским языком, – 36%. Остальную часть составили студенты технических направлений подготовки.

После мероприятия участников просили заполнить анкету анонимно с указанием формы участия. Для сбора информации использовалось средство GoogleForms. Опрос включал 17 вопросов об эффективности конференции: насколько она была интересной, полезной и актуальной, какие были положительные и отрицательные стороны, какие трудности испытали, какой формат проведения предпочтут в следующем году (если не очно, то почему), какие технические возможности дистанционного формата понравились, какой этап подготовки к конференции был наиболее интересным, что было основным источником познания, где будут использовать полученные знания, какие критерии оценивания докладов считают первостепенными. Применялись количественные и качественные методы исследования. 13 вопросов имели варианты ответов, остальные вопросы требовали развернутого ответа.

28 участников и 6 научных руководителей (они же и члены жюри) из различных вузов России согласились пройти собеседование на платформе Zoom для более детального обсуждения качества организации мероприятия и используемых средств.

В адрес оргкомитета поступило 13 отзывов о конференции в письменном виде на электронную почту и на страницу в VK (9 – от научных руководителей, 2 – от участников и 2 – от слушателей).

Результаты

Международный конкурс презентаций на английском языке проводится на базе СамГТУ с 2012 г. Каждый год предлагается разная тематика, связанная с актуальными проблемами современного общества: глобализация и информационные технологии, лидерство и другие профессиональные и коммуникативные навыки XXI века, конкурентоспособность на рынке труда и способствующие этому педагогические инновации, преодоление стресса в изменяющемся мире, устойчивое развитие и экологичность, ценности, бизнес и транскультурное взаимодействие.

Широкое распространение конкурс презентаций получил с 2020 г., когда был введен дистанционный формат участия. В 2020 г. в нем приняли участие 84 человека, в 2021 г. – 153 человека, в 2022 г. – 157 человек. В жюри вошли научные руководители участников из других вузов России, США, Индии, преподаватели из Канады и Великобритании. Максимальное количество сторонних членов жюри насчитывалось в 2022 г. – 19 человек в 9 секциях конференции, 7 из которых проходили полностью дистанционно.

Для тех, кто не может приехать очно, предлагается 2 формы участия: выступление с презентацией в Zoom и заранее записанное видео, которое выкладывается на канал кафедры в YouTube, где все желающие могут посмотреть работы и обсудить их в комментариях. В 2022 г. около 20% студентов пожелали выступить очно, доля участников с заранее записанным видео составила 16%. В анкетировании 64.3% респондентов ответили, что через год предпочтут выступление в Zoom, 26.2% планируют прибыть очно, 9.5% пришлют заранее записанное видео.

Ответы на открытый вопрос о том, что понравилось больше всего на конференции, можно разделить на несколько категорий.

1. Плодотворную коммуникацию с другими участниками и жюри отметили 33% респондентов. Упоминалось о том, что судьи были доброжелательными, заинтересованными, придерживались креативного подхода к оценке конкурсантов. Понравился интерактив во время заседания, интересные доклады других участников, разнообразные презентации и их оформление с видео и анимационными эффектами. Была возможность задать вопросы, послушать ответы, сравнить мнения. В беседах с членами жюри часто звучало мнение о том, что дистанционный формат конференции позволил преподавателям из разных городов встретиться друг с другом, обсудить доклады, увидеть, какими исследованиями увлечены студенты и педагоги из других вузов.

2. Качество организации мероприятия описали 21% респондентов. Была отмечена своевременная реакция организаторов на поступающие вопросы перед конференцией, строгое соблюдение временных рамок во время выступлений, доброжелательное отношение модераторов, дружеская, приятная обстановка на конференции (по ответам участников дистанционных секций).

3. Формат проведения мероприятия отметили 17% участников. В ответах на данный вопрос указывается важное влияние дистанционного формата на георгафию участников. Было также отмечено, что на платформе Zoom выступать менее страшно, чем очно в вузе, слушать других легче, так как можно сидеть с выключенной камерой. Однако 7% участников предпочитают, чтобы камера была включена не только у выступающего и жюри, но и у всех слушателей. Однако студенты, которые приняли участие очно, не собираются менять форму участия через год, поскольку считают, что выступление в вузе перед аудиторией более полезно для развития коммуникативных навыков и ораторского мастерства. Положительно характеризуется возможность участия в виде заранее записанного видео на канале YouTube. Некоторые студенты попробовали несколько форматов и подчеркнули, что каждый из них позволяет получить новый опыт презентации материалов, совершенствовать свои навыки.

4. Выступление на английском языке стало значимым для 16% студентов. Они писали о том, что в процессе подготовки они смогли улучшить свой уровень языка, в том числе заняться произношением и пополнить словарный запас.

5. Тематику конкурса и уровень докладов оценили 13% участников. Темы конференции были охарактеризованы как интересные и актуальные, для некоторых важную роль сыграла предоставленная возможность публикации исследования в журнале, входящем в перечень ВАК.

Деятельность в рамках научного мероприятия можно разделить на несколько этапов: подготовка презентации или видео, представление презентации или просмотр своего видео на YouTube, прослушивание других презентаций или просмотр других видео на YouTube, обсуждение своего исследования после презентации, получение отзыва экспертов о своей работе, посещение вебинаров по тематике конференции. Наиболее интересным студентам мыслится этап подготовки к конференции, то есть работа над собственным исследованием (38%). Во время собеседования участники описывали эффективное взаимодействие с преподавателем, инте-

рес к теме, плодотворные репетиции. Для 28.5% респондентов самым увлекательным и мотивирующим этапом стало представление результатов исследований, когда они получили возможность услышать другие доклады, увидеть записанные видео и понять, что нет предела совершенству. Момент выступления самым значимым считают 14.3% участников, когда они смогли испытать сильные эмоции, получить опыт публичного выступления, пообщаться на английском. Для 9.5% самым важным моментом конференции стали комментарии членов жюри о проекте, которые помогли понять вектор дальнейшего исследования.

В анкетировании по результатам конкурса презентаций 2021 г. были отмечены некоторые проблемные моменты, которые в 2022 г. удалось избежать. Было введено больше номинаций помимо призовых мест для повышения мотивации. Кроме того, было предложено разделить в разные секции студентов языковых и технических специальностей. Во-первых, разный уровень языковой подготовки может влиять на общую оценку исследования. Во-вторых, студенты педагогических специальностей склонны представлять свои курсовые и дипломные работы, которые обладают большей глубиной исследования, чем работы студентов технических специальностей, которые создают проекты специально для конкурса. Опыт 2022 г. с таким разделением студентов в разные секции показал положительные результаты.

В 2022 г. в анкетировании появились отличные от предыдущего года пожелания. Было предложено разделить бакалавриат и магистратуру в разные секции, сделать разные подсекции для тех, кто представляет доклады индивидуально, и тех, кто проводит исследование в группах по 2–3 человека, выложить контакты участников на сайте (по желанию), чтобы они смогли найти друг друга и общаться после конференции, рядом с оценками видео добавить комментарии экспертов. Также было высказано мнение о том, что следует распределять участников в секции, где будет менее 12 человек. Это позволит увеличить время на каждого конкурсанта с 7 до 10 минут. В рамках конкурса необходимо раскрыть минимум 2 ядерных понятия, представив исследование. Пытаясь уложиться во время, студенты жертвуют цельностью материала, качеством аргументации, раскрывая их в нескольких предложениях, от этого страдает убедительность и, соответственно, оценка, хотя тема может быть перспективная.

Трудности с подготовкой к конференции и презентацией материалов испытали 9% участников. Они касались поиска необходимой информации для теоретической части доклада, недостатка времени, волнения во время выступления.

Для оценивания результатов исследований были разработаны следующие критерии:

– информативность (наличие новой, интересной и полезной информации, соответствующей тематике конкурса);

– структурированность (логичность разделов, связность и ясность изложения);

– оформление презентации (наглядность, креативность);

– ораторские способности и взаимодействие с аудиторией, ответы на вопросы;

– разнообразие лексических и грамматических структур.

Данные критерии одобрены членами жюри вузов-участников и используются с 2020 г. По результатам опроса в 2021 г., 83.3% респондентов ответили, что жюри были объективны при выборе победителей, 9.6 % были не согласны с оценками экспертов, объясняя это отсутствием деления на языковые и неязыковые специальности. Остальные не смогли оценить объективность судейства, обозначив, что они не являются профессионалами в этом. В 2022 г. после введенных изменений по распределению по секциям 100% респондентов согласились с мнением жюри.

В анкетировании студентам требовалось самим определить наиболее эффективные критерии, по которым они бы желали оценивать свои выступления. На первое место поставили владение языком (48% ответов), далее по значимости – наличие собственного анализа (24%), ораторские способности и взаимодействие с аудиторией (14%), структура и логика (6%), творческая составляющая (3%), соответствие теме (3%). В единичных ответах упоминалось о способности отвечать на вопросы аудитории и экспертов, наличии полезной и интересной информации, тактичном поведении.

В целом научные мероприятия на английском языке показали свою эффективность при обучении студентов не только лингвистических, но и технических специальностей. Они позволяют участникам представить свои исследования экспертам и сверстникам из других городов и стран, познать новое во время подготовки и при прослушивании докладов, получить объективную оценку своей работы, улучшить свой уровень языка и совершенствовать навыки публичных выступлений. Конференции и конкурсы такого рода для 72% участников являются очень интересными (5 баллов из 5), 53% респондентов планируют участие в следующем году, остальные указали на возможное участие,

при этом ни один не обозначил отказ. Большинство студентов (83.3%) считают, что смогут применить полученные знания в будущем. Такие высокие показатели, безусловно, говорят о необходимости проведения таких мероприятий в рамках учебного процесса.

Заключение и обсуждение

Организация конференций на английском языке оказывает положительное влияние на процесс обучения для студентов лингвистических и нелингвистических специальностей:

1. Повышается мотивация к изучению иностранного языка, улучшается владение языком. Важно, что язык здесь выступает не как цель, а как средство;
2. Возрастает интерес к исследовательской работе, формируются исследовательские способности, в том числе навыки поиска и отбора необходимой информации;
3. Развиваются навыки публичного выступления;
4. Учатся пользоваться разнообразными техническими средствами;
5. Взаимодействуют с участниками из других вузов, познают новое из их исследований, понимают траекторию своего дальнейшего развития;
6. Получают возможность оценки своей работы экспертами из других вузов.

Опыт проведения научных мероприятий в других вузах также показал повышение мотивации и развитие многих из вышеперечисленных способностей [3, 4, 12, 14–16, 18, 24].

По результатам нашего исследования, российские студенты участвуют в конференциях, так как желают представить свое исследования сверстникам и экспертам из других городов, осознают их значимость для развития языковых навыков и ораторского мастерства, хотят научиться преодолевать страх публичных выступлений. Причины во многом сходятся с теми, которые перечисляют исследователи из Латвии [22]. Зарубежными авторами выделен еще один мотивирующий стимул к участию – возможность посетить другие города и страны [28], который не упоминали наши респонденты.

В настоящее время наиболее удобной формой организации научных мероприятий считается дистанционная. Такой формат не только показывает такую же эффективность, как и очный, но и предоставляет дополнительные возможности, в том числе обеспечивая доступность для всех, в том числе для лиц с ОВЗ. Как показывает наш опрос, только около четверти участников имеют возможность и желание приехать очно, большинство планируют дистанционное участие и на следующий год. Действительно, с 2020 г. многие вузы стали проводить конференции дистанционно, и за это время студенты привыкли к такой возможности, поэтому сейчас целенаправленно ищут мероприятия, где они смогут выступить из дома. Очная конференция никогда не сможет иметь такую же широкую географию, как дистанционная. Возможность выступать из дома перед участниками и жюри из различных городов 70.7% наших респондентов считают самым важным преимуществом дистанционного формата. По данным зарубежных исследователей, около 80% респондентов выражают желание иметь возможность дистанционного участия в предстоящих научных конференциях. Авторы подчеркивают необходимость предоставления возможности выступить онлайн, а также обеспечения доступности материалов очных докладов для тех, кто не смог приехать [25].

Таким образом, участие в научных мероприятиях на английском языке способствует развитию профессиональных и коммуникативных навыков. Это не только совершенствование владения иностранным языком, но и процесс исследования и творчества, позволяющий познать что-то интересное, увидеть новые возможности, а также выразить свое видение и поделиться опытом. Дистанционный формат организации таких мероприятий дает шанс принять участие всем желающим, включая тех, кто ранее был не способен присутствовать очно.

Список литературы

1. Кригер Г.С. Проведение студенческих конференций как одно из необходимых условий профессионального развития // Современные проблемы развития образования. 2018. № 6. С. 44–48.

2. Сечина Г.П. Студенческая научно-техническая конференция – побудительная мотивация студентов к процессу обучения // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 12. С. 380–382. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/studencheskaya-nauchno-tehnicheskaya-konferentsiya-pobuditelnaya-motivatsiya-studentov-k-protsessu-obucheniya/viewer (дата обращения: 28.07.2022)

3. Авдонина М.Ю., Жабо Н.И. Студенческая конференция на иностранных языках как компонент профессиональной подготовки экологов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. 2011. № 12. С. 130–141.

4. Светова Е.А. Студенческая конференция на английском языке как форма междисциплинарного взаимодействия в высшей школе // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2019. № 10–3 (35). С. 39–41.

5. Clouet R. Understanding and assessing intercultural competence in an online environment: A case study of transnational education program delivery between college students in ULPGC, Spain, and Ices, France // Revista Española De Lingüística Aplicada (RESLA (Revista Espanola De Linguistica Aplicada)). 2013. № 26. P. 139–157.

6. Shuter R. Intercultural new media studies: The next frontier in intercultural communication // Journal of Intercultural Communication Research. 2012. Vol. 41. № 3. P. 219–237.

7. Thorne S.L. The 'Intercultural Turn' and language learning in the crucible of new media // In: F. Helm & S. Guth (Eds.) Telecollaboration 2.0 for Language and Intercultural Learning, Bern: Peter Lang, 2010. P. 139–164.

8. Gradaleva E.A., Houston M. Transnational projects in higher education: Development of intercultural communication skills by means of joint research // Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. 2018. Vol. I. P. 124–139.

9. Градалева Е.А., Хьюстон М. Стратегии проведения дистанционных научных мероприятий для лиц с нарушениями зрения // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2021. № 18 (4). С. 35–44.

10. Sergeeva E.N., Ukhnalyova E.A. Features of the content and organization of extracurricular activities in universities (on the example of the Russian as a Foreign Language Olympiad) // Research Result. Pedagogy and Psychology of Education. 2022. Vol. 8. № 2. P. 84–93.

11. Кириллова В.В. Многоаспектность языковой подготовки студентов-нефилологов для участия в международной конференции на иностранном языке // Профессионально-ориентированное обучение языкам: реальность и перспективы: Сборник статей Ежегодной всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 2021. С. 347–352.

12. Корская Л.А., Пунгина Е.Р. Опыт организации внеаудиторной деятельности студентов в системе дистанционного обучения // Совершенствование качества образования: Сборник статей XVIII (XXXIV) Всероссийской научно-методической конференции. Братск, 2021. С. 193–197.

13. Милосердова Е.М. Русский клуб как лингвокультурная адаптация иностранных студентов в условиях дистанционного обучения // Вестник педагогических наук. 2021. № 4. С. 165–168.

14. Ачкасова Н.Н. Конкурс научных докладов с учетом профессиональных запросов как средство формирования мотивации к изучению английского языка у студентов неязыкового вуза // Сибирский педагогический журнал. 2021. № 5. С. 105–113.

15. Абрамова О.В. Практический анализ опыта проведения студенческой научно-практической конференции на иностранном языке в техническом вузе // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 1–1. С. 743–748.

16. Rogers T. Conferences and conventions: A global industry. London: Routledge, 2013. 440 p.

17. Nicolson D.J. Academic conferences as neoliberal commodities. Scotland: Palgrave Macmillan Cham. 2017. 78 p.

18. Hauss K. What are the social and scientific benefits of participating at academic conferences? Insights from a survey among doctoral students and postdocs in Germany // Research Evaluation. 2021. Vol. 30. Issue 1. P. 1–12.

19. Lang R., Mintz M., Krentz H.B. et al. An approach to conference selection and evaluation: Advice to avoid «predatory» conferences // Scientometrics. 2019. № 118. P. 687–698.

20. McKay S.L., Bokhorst-Heng W.D. International English in its sociolinguistic contexts: Towards a socially sensitive EIL Pedagogy. New York: Routledge, 2017. 228 p.

21. Pennycook A., Candlin C.N. The cultural politics of English as an international language. London: Routledge, 2017. 390 p.

22. Malinovska L. Development of engineering student skills and competencies through participation at international scientific conferences // Engineering for Rural Development. 2012. P. 638–643. URL: https://www.tf.llu.lv/conference/proceedings2012/Papers/114_Malinovska_L.pdf (дата обращения: 29.07.2022).

23. Xiaoyun Sun, Yuzhang Wu & Bing Ni. Interdisciplinary strategy to train graduate students in English communication for international academic conferences // Medical Teacher. 2014. **36 (2)**. P. 180–181.

24. Dyment J.E., Downing J. Online initial teacher education students' perceptions of using web conferences to support professional conversations // Australian Journal of Teacher Education. 2018. Vol. 43. № 4. P. 68–91.

25. Stefanoudis P.V., Biancani L.M., Cambronero-Solano S., et al. Moving conferences online: Lessons learned from an international virtual meeting // Proc. R. Soc. B. 2021. Vol. 288. Issue 1961. URL: https://royalsocietypublishing.org/doi/full/10.1098/rspb.2021.1769 (дата обращения: 30.07.2022).

26. Бузина Ю.Н., Бернацкая М.В. Применение информационных технологий в процессе реализации иноязычного образования в неязыковых вузах // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74–2. С. 48–52.

27. American Foundation for the Blind. URL: www.afb.org (дата обращения: 31.07.2022).

28. Kim C.S., Kim P.B., Milne S., O'Neill L.K. Choice factors and preferences of attendees at academic hospitality and tourism conferences // Event Management. 2020. Vol. 24. № 2–3. P. 335–346.

THE ROLE OF SCIENTIFIC EVENTS IN ENGLISH FOR UNIVERSITY STUDENTS

E.A. Gradaleva

Samara State Technical University

The article observes the influence of scientific events in English on teaching university students of linguistic and technical majors. The research aims at defining the advantages of such activities as part of the curriculum. It examines the expe-

rience of holding IX and X International Scientific Conference for Students in English at Samara State Technical University in 2021–2022. Quantitative and qualitative methods of research have been used, including interviews, questionnaire survey, analysis of reviews of students and their scientific supervisors. The findings show advantages and disadvantages of such events. The author reveals if they are considered to be interesting, useful and challenging for students, finds out the most motivating stage of preparation, the best resource for learning and the way they are going to apply new knowledge and skills in their future. The most relevant criteria for assessing their performance at the conference are discussed. The author concludes that such scientific events do not only increase students' motivation for learning the language and develop English proficiency, but also help to obtain research skills, experience in dealing with information technologies, public speaking skills. Interaction with students from other universities makes it possible to broaden their knowledge and understand the best trajectory for their research in the future. The author states that online scientific conferences have proved to be effective according to the experience of Samara State Technical University making scientific events accessible for all people, including those who live in distant areas and those who have health limitations.

Keywords: scientific event, scientific conference, online conference, distance learning, English as a foreign language, higher education.

УДК 372.851
DOI 10.52452/18115942_2022_4_177

МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ БЛОКА МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН С БЛОКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ФИНАНСОВО-СТРАХОВЫХ ДИСЦИПЛИН ДЛЯ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ПРОФИЛЯ «ФИНАНСЫ И СТРАХОВАНИЕ»

© 2022 г.

С.М. Маркова, Е.А. Кузнецова

Маркова Светлана Михайловна, д.пед.н.; проф.; заведующий кафедрой профессионального образования и управления образовательными системами
Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина
MarkovaSM@mininuniver.ru
Кузнецова Екатерина Андреевна, старший преподаватель кафедры страхования, финансов и кредита
Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина
devinyls@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 31.08.2022
Статья принята к публикации 17.10.2022

Показана роль межпредметных связей между дисциплинами блока математических дисциплин и дисциплинами блока профессиональных финансово-страховых дисциплин будущих бакалавров профиля «Финансы и страхование». Определено место дисциплины «Финансовая математика» как связующего звена между указанными блоками дисциплин, формирующего математическую базу получаемой студентами профессии работников в финансовой, кредитной и страховой сфере. Приведены примеры задач, предлагаемых студентам в рамках финансово-страховых дисциплин и наглядно показывающих роль высшей математики как базиса дисциплин профессионального финансово-страхового блока.

Ключевые слова: межпредметные связи, обучение математике в вузе, финансовая математика, бакалавры направления «Финансы и страхование».

Введение

Проблема продуктивного обучения высшей математике в вузе будущих бакалавров профиля «Финансы и страхование» остается актуальной для подготовки будущих бакалавров финансово-страховой сферы. Раскрытие межпредметных связей блока математических дисциплин с блоком финансово-страховых дисциплин повысит заинтересованность будущих бакалавров в изучении профильных дисциплин, основанных на применении обширного математического аппарата. Наблюдение, наш опыт работы в вузе и анкетирование будущих бакалавров профиля «Финансы и страхование» показали, что студенты-финансисты в недостаточной степени осознают значимость углубленного математического образования финансовой направленности для решения задач профессиональной деятельности, чему способствует большое число прикладных программ, позволяющих решать возникающие вопросы без наличия необходимых знаний высшей математики. Кроме того, в должном объёме отсутствует современная учебно-методическая литература, освещающая прикладные аспекты применения математических знаний в будущей профессиональной деятельности бакалавров профиля «Финансы и страхование».

Степень разработанности проблемы

Вопрос обучения математике в высших учебных заведениях всегда выступал актуальным объектом исследования в трудах современных авторов. К ним следует отнести работы, в которых анализируются проблемы обеспечения профессиональной направленности обучения математике студентов различных направлений подготовки [1–4]; вопросы обучения студентов экономических специальностей узкоспециализированным математическим дисциплинам исследуются в работах [5–8]; но работ, посвященных обучению математике будущих бакалавров профиля «Финансы и страхование», недостаточно, что и подтверждает актуальность темы нашего исследования.

Основная часть

В блок дисциплин высшей математики, изучаемых в вузе будущими бакалаврами профиля «Финансы и страхование», включены темы таких разделов, как «Математический анализ»,

Рис. Графическое изображение межпредметных связей блока математических дисциплин с блоком профессиональных финансово-страховых дисциплин для будущих бакалавров профиля подготовки «Финансы и страхование»

«Теория вероятностей», «Математическая статистика». Блок профессиональной направленности профиля «Финансы и страхование» содержит такие дисциплины, как финансы и кредит, финансовый менеджмент, финансовые риски, математическое обеспечение экономических решений, финансовый анализ, страховой практикум, инвестиции, согласно ФГОС ВО 38.03.01 «Экономика» от 12 августа 2020 г., № 954.

Финансовая математика представляет собой связующий элемент между блоком дисциплин высшей математики и дисциплинами финансово-страхового блока для построения математических моделей, описывающих экономические процессы и закономерности. При углубленном изучении процессов, которые анализируются с помощью ее инструментов, обязательны знания, полученные при изучении таких разделов, как математический анализ, теория вероятностей, математическая статистика, теория случайных процессов во времени. Каждый из указанных элементов позволяет сформулировать математическую оценку процессов страховой и финансовой отрасли. На рисунке представлено схематическое изображение основных сегментов высшей математики, составляющих фундамент дисциплины, а также указаны профильные предметы, использующие инструментарий финансовой математики при решении большого круга задач.

Рассмотрим указанные взаимосвязи более детально.

Инструменты математического анализа используются в финансовой математике повсеместно, поскольку основной акцент в изучении процессов финансового и страхового характера делается на предположениях неопределенности их развития в будущем и большинство функций выстраиваются с помощью интегрального и дифференциального исчисления. Простейшие расчеты роста итоговых сумм по вкладам, дисконтирование будущих доходов или расходов также проходят с применением аппарата математического анализа. Стоит отметить, что ключевой инструментарий построения прогностических моделей изучения рынка берется именно из инструментов математического анализа. Можно утверждать, что без усвоения материала о построении и анализе функций, понимания основ интегрального и дифференциального исчисления осваивать эффективно профильный материал математического содержания невозможно [9].

Поскольку финансовая математика представляет собой инструмент для принятия управленческого решения на перспективу, т.е. принятие такого решения может оказать значительное влияние на финансовое состояние в будущем, для анализа необходимы методы сбора, обработки, синтеза полученной информации и оценки достоверности прогноза развития события, которое подвергается оценке. Для более результативного решения необходимо располагать знаниями дисциплины «Математическая статистика». В первую очередь данный раздел высшей математики применяется при построении нетто-ставок для страховой деятельности в сегменте актуарной математики, которая является частью финансовой математики. Вместе с этим обработка массивов данных с помощью инструментов статистического анализа позволяет реализовывать эконометрические расчёты, дающие перспективные показатели развития финансовых рынков. Оценка факторов, оказывающих значительное влияние на математические модели, выстраиваемые для описания фи-

нансовых процессов, реализуется через корреляционно-регрессионный анализ и позволяет выделить значимые процессы, оказывающие влияние на изменение исследуемых показателей в будущем. В подавляющем большинстве случаев математическая статистика выступает для финансовой математики как действенный инструмент не только для сбора и обработки информации, но и для построения вероятностной оценки наступления того или иного события или развития финансовой операции по одному из сценариев [10].

Инструмент математической статистики обширно используется для построения прогноза инфляционного показателя, когда обучающиеся самостоятельно, без использования данных, размещенных в официальных источниках, выбирают ценовые показатели по определённому набору товаров, изучают динамику цен и рассчитывают коэффициенты, позволяющие сделать обоснованный прогноз инфляционного обесценивания. Вместе с этим в ряде задач им предлагается сделать оценку факторов, оказывающих влияние на изменение цен на продукты, и вывод о значимости или ничтожности влияния того или иного фактора на изменение цены.

Говоря о вероятностном характере финансовых операций, в силу неопределенности развития финансово-страхового сектора и множества факторов внутреннего и внешнего происхождения, влияющих на него, можно отметить, что данная особенность сферы, которая применяет финансовую математику как ключевой инструмент, отражена через применение методов дисциплины «Теория вероятностей». Одними из областей практического применения финансовой математики являются процессы инвестирования и хеджирования рисков; поскольку источником риска выступает неопределенность оцениваемого процесса, то инструменты теории вероятностей позволяют дать оценку инвестиционному портфелю с позиции возможности достижения планируемой доходности, заложенной инвестором. Одним из ключевых разделов теории вероятностей для финансовой математики выступает раздел «Теория случайных процессов в непрерывном времени», поскольку природа финансовых операций, изменение не только доходности, но и стоимости денег во времени требуют специальных методов оценки финансовых решений [11].

Как можно отметить, названные разделы высшей математики являются ключевыми и формируют математическую базу для финансовой математики, поскольку ее модели выстраиваются через применение инструментов указанных разделов науки.

Сама финансовая математика широко используется при подготовке будущих бакалавров и изучении ими профильных дисциплин. Рассмотрим применение инструментов финансовой математики более детально.

Дисциплина «Финансы и кредит», направленная на формирование знаний о природе финансов государства и общества, истории развития кредитных отношений, включает блок расчета простых и сложных процентов для демонстрации природы формирования итоговых сумм по банковским договорам депозита и кредитования.

Пример 1. Вексель на сумму 20000 руб., срок платежа по которому наступает через 1.8 года, учтен по сложной процентной ставке 18% годовых. Определить сумму, полученную владельцем векселя при учете, и дисконт при ежегодном и ежемесячном дисконтировании.

Пример 2. Ссуда была выдана на два года – с 1 мая 2018 года по 1 мая 2020 года. Размер ссуды 10 млн руб. Необходимо распределить начисленные проценты (ставка 14% ACT/ACT) по календарным годам.

При решении задач подобного характера, направленных на проведение расчетов по банковским операциям депозита и кредитования, используются методы дисконтирования, расчёта сложного и простого процента с применением степенных функций различного порядка.

Темы, освещающие природу возникновения денег и изменения их покупательной способности, демонстрируют данные процессы, используя принципы эквивалентности финансовых операций и учета инфляционного воздействия на денежную массу при совершении финансовых сделок различного вида. Освоенные на практических занятиях дисциплины «Финансовая математика» правила расчёта по банковским операциям позволяют упростить анализ процессов, происходящих в финансово-кредитной сфере страны, строить и проводить анализ графиков погашения задолженностей, проводить расчеты по ипотечным ссудам.

Пример 3. Месячный темп инфляции составляет:

а) постоянную величину, равную 4%;

б) α_1= 4%, α_2 = 3%, α_3 = 2%.

Найти индекс цен и темп инфляции за 12 месяцев. Определить обесцененную наращенную сумму, если на сумму 1 млн руб. в течение указанных сроков начислялась простая процентная ставка 9% годовых (Y=360), и определить ставку, при которой наращение равно потерям из-за инфляции [12].

При решении задач по оценке инфляционного влияния на финансовые операции используется как аппарат построения степенной функции для вывода показателя инфляционного

процесса, так и методы эквивалентного сравнения финансовых операций для их оценки.

Пример 4. Платежи постнумерандо образуют регулярный во времени поток, первый член которого равен 15 млн руб. Последующие платежи увеличиваются каждый раз на 2 млн руб. Начисление процентов производится по 20% годовых. Срок выплат 10 лет. Определить современную и итоговую суммы платежей. Дать оценку влияния динамики платежей на рассчитываемые показатели.

При построении математических моделей для определения характеристик денежных потоков используются методы определения современной стоимости потока, операции со степенными показателями и оценками приведенных сумм.

Для дисциплины «Финансовые риски» инструменты финансовой математики применяются для оценки риска, уровня вероятности его проявления и влияния его на финансовую операцию. Оценка риска и его факторов является ключевой составляющей в процессе управления ими и важна для предварительного анализа планируемых и проектируемых финансовых операций. Вероятностный метод с помощью статистической оценки и имитационного моделирования позволяет оценить как деятельность субъекта в целом, так и конкретное мероприятие или проект, который оно проектирует.

Пример 5. Определите теоретическую стоимость облигации с нарицательной стоимостью 1000 руб., купонной ставкой 16% годовых и сроком погашения через 6 лет, если рыночная норма прибыли по финансовым инструментам такого класса 12%. Процент по облигации выплачивается два раза в год.

Пример 6. Компания гарантирует выплату дивидендов в размере 6 000 руб. на акцию в конце каждого года в течение неопределенно долгого времени. Стоит ли покупать акции этой компании по 35 000 руб. за бумагу, если есть возможность разместить денежные средства на депозит под 15% годовых?

Пример 7. Необходимо оценить эффективность страхования финансового риска предприятия. Исходные данные: стоимость активов предприятия 1 млн руб., ожидаемый уровень убытка по данному риску колеблется от 30 до 70 тыс. руб. (средний размер 50 тыс. руб.), размер страховой премии 70 тыс. руб., страховое возмещение уплачивается в полном размере фактического убытка без франшизы, размер формируемого резервного фонда 70 тыс. руб., рентабельность активов 10%, рентабельность краткосрочных финансовых инвестиций в среднем 5%, страховой период 1 год [13].

При решении задач по оценке риска весь процесс поиска решения может быть разделен на две части: в первой дается оценка вероятности проявления риска с помощью инструментария теории вероятностей, а в последующем идет расчет самих показателей риска, итогов финансовых операций с применением аппарата математического анализа. Оценка риска чаще всего проводится в разрезе построения инвестиционных проектов и в дальнейшем применяется при изучении дисциплины «Инвестиции».

При изучении инвестиций, порядка планирования и реализации инвестиционной деятельности на первое место выходит не только многовариантность инвестиционного решения, но и то, каким образом будет развиваться инвестиционная деятельность и как в дальнейшем она отразится на работе предприятия. Для формирования такой оценки применяются подходы оценки денежных потоков, в которых платежи распределены во времени, и с помощью инструментов финансовой математики происходит оценка современной стоимости будущих поступлений и платежей, формирование общего вывода о перспективности инвестиций. В данной дисциплине финансовая математика выступает как инструмент обработки информации о планируемой инвестиционной деятельности с учетом статичности или динамичности элементов денежного потока, возникающего при инвестиционных операциях.

Пример 8. Инвестору за 5 лет необходимо накопить капитал для реализации инвестиционного проекта в сумме 2.5 млн руб., определить периодически депонируемый поток платежей (ежемесячно) от дохода, по ставке 14% годовых.

Дисциплины «Финансовый анализ» и «Финансовый менеджмент» используют одинаковый инструментарий финансовой математики, поскольку финансовый анализ выступает одним из ключевых элементов управления предприятием. Финансовые расчеты проводятся относительно оценки принимаемых финансовых решений в рамках управления предприятием, построения его финансовой стратегии, в оценке поиска перспективных направлений деятельности, в оценке риска банкротства. Во многом применяемый математический аппарат перекликается с тем, что используется в дисциплинах «Финансовые риски» и «Инвестиции», в силу тесной взаимосвязанности и взаимодополняемости дисциплин.

Пример 9. Предприятие рассматривает вопрос о приобретении оборудования. Первый вариант – лизинг за 6 млн руб. с рассрочкой платежа в течение четырех лет. Второй вариант – покупка на заводе-изготовителе за 4.8 млн руб.

Ставка налога на прибыль равна 20%. Предоплата и остаточная стоимость оборудования равны нулю. Можно получить кредит в банке под 12% годовых. Используется равномерное начисление износа. Сравните варианты принятия финансового решения и сформулируйте свое предложение.

Для курса «Математическое обеспечение экономических решений» финансовая математика выступает одним из ключевых элементов математического обеспечения дисциплины: для оценки риска экономических решений, учёта влияния инфляционных процессов и их развития на ближайший период. Также математические инструменты, заложенные в курсе «Финансовая математика», – это база для расчетов прогнозных показателей экономических решений, построения графиков расчетов по обязательствам, оценки доходности операций на момент принятия решения и по итогам его реализации.

Дисциплина «Страховой практикум» весь математический аппарат, основные математические модели и методы, используемые для расчетов характеристик продолжительности жизни, разовых и периодических премий, страховых надбавок для различных видов страхования жизни и пенсионных схем, черпает из актуарной математики, которая является разделом финансовой математики, направленным на обеспечение страховой деятельности. С помощью нее происходит вычисление страховых премий в случае страхования жизни, ожидаемой текущей стоимости выплат, показателей, характеризующих различные виды рент. Изучается использование коммутационных функций, расчет нетто-премии по договорам страхования жизни с различными условиями выплат страховых взносов и премий.

Пример 10. Возраст страхователя 41 год. Страховая сумма по договору 5 млн руб. Нагрузка в структуре страхового тарифа 5%. Определить нетто-ставку страхового тарифа при пожизненном страховании на случай смерти, брутто-ставку страхового тарифа, сумму страховой премии. Для расчётов воспользуйтесь таблицей смертности.

Пример 11. Рассчитать единовременную нетто-ставку на 100 руб. страховой суммы по страхованию гражданина в возрасте 45 лет на случай смерти через 10 лет. Срок страхования – 10 лет.

Как правило, все задачи, касающиеся расчетов по операциям страхования, используют все элементы математического блока: статистические методы необходимы для обеспечения первичного сбора и обработки информации для договоров страхования различного вида, теория вероятностей позволяет определить вероятностные показатели наступления страхового случая, а методы математического анализа – построить модель расчета показателей договора страхования нетто- и брутто-ставок.

Таким образом, можно отметить, что, включая в себя множество инструментов и методов высшей математики, финансовая математика, как блок высшей математики, выступает ключевым элементом для качественного изучения большого числа дисциплин при подготовке будущих бакалавров направления «Финансы и страхование».

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что акцентирование внимания на наличие явных межпредметных связей блока математических дисциплин и дисциплин профессионального финансово-страхового блока при подготовке будущих бакалавров профиля «Финансы и страхование» актуально для понимания обучающимися важности осознания внутренней природы финансово-страховых операций, порядка их осуществления и оценки с позиции профессионального подхода. По причине сложности информации и большого ее объема зачастую материалу математического блока обучающимися не уделяется должного внимания, упускаются ключевые моменты, которые в последующем используются в разделе финансовой математики и составляют фундамент профессиональных компетенций будущих бакалавров профиля «Финансы и страхование». Обозначение и сосредоточение внимания на данном аспекте позволит добиться наиболее продуктивного результата не только в обучении высшей математике, но и в целом в подготовке будущих бакалавров профиля «Финансы и страхование».

Выводы

Показано, что обучение высшей математике в вузе является базисом профессиональной подготовки будущих бакалавров профиля «Финансы и страхование».

Построены межпредметные связи между дисциплинами математического блока и дисциплинами блока финансово-страховых дисциплин.

Определено место финансовой математики как связующего звена между математическим блоком и блоком профессиональных дисциплин через практические и ситуационные задачи профессиональной деятельности.

Приведены примеры применения методов математического анализа, теории вероятностей, математической статистики для решения задач профильного блока («Финансы и кредит», «Финансовый менеджмент», «Финансовые риски»,

«Математическое обеспечение экономических решений», «Финансовый анализ», «Страховой практикум», «Инвестиции»).

Список литературы

1. Шмонова М.А. Контекстные математические задачи как средство развития исследовательской деятельности студентов медицинских специальностей в вузе: Автореф. дис. … канд. пед. наук. Орел, 2019. 28 с.

2. Торопова С.И. Методика реализации профессиональной направленности обучения математике студентов экологических направлений подготовки: Автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2019. 24 с.

3. Растопчина О.М. Контекстный подход к формированию прогностической компетенции при обучении высшей математике студентов естественнонаучного направления: Автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2019. 24 с.

4. Котова Л.В. Профессиональная направленность математической подготовки учителя информатики при обучении методам и средствам защиты информации: Автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2018. 28 с.

5. Лаврентьева Л.В. Профессионально-ориентированная методическая система обучения актуарной математике студентов экономических специальностей вуза: Автореф. дис. … канд. пед. наук. Н. Новгород, 2004. 24 с.

6. Кузнецова Е.А. Применение информационных систем при организации дистанционного изучения дисциплины «Финансовая математика» // Наука и образование в современном вузе: вектор развития: Материалы научно-практической конференции, Шуя, 13 мая 2021 года. Шуя: Издательство Шуйского филиала ИвГУ, 2021. С. 100–101.

7. Кузнецова Е.А., Червова А.А. Использование цифровой образовательной среды при изучении дисциплины «Финансовая математика» студентами экономических специальностей в вузе // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: Материалы XIV Международной научной конференции, посвященной Году науки и технологий Российской Федерации, 205-летию начала подготовки педагогов в Ивановской области, Москва–Иваново–Шуя, 6–7 октября 2021 года / Отв. редактор А.А. Червова. Москва–Иваново–Шуя: Шуйский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет», 2021. С. 88–90.

8. Кузнецова Е.А., Морозов М.К. Информационные технологии как эффективный инструмент при изучении дисциплины «Практикум по финансовой математике» студентами экономических специальностей // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: Материалы XIII Международной научной конференции, Москва–Иваново–Шуя, 25 сентября 2020 года. Шуя: Ивановский государственный университет, 2020. С. 84–85.

9. Зверева Л.Г., Корманенко Н.В., Кузнецова Ю.С. Современные тенденции развития методики обучения математике // The Scientific Heritage. 2019. № 40-3 (40). С. 16–18.

10. Храмова А.В., Кузнецова Е.А. Современные аспекты преподавания финансово-экономических дисциплин // Актуальные вопросы финансов и страхования России на современном этапе: Материалы IV региональной научно-практической конференции преподавателей вузов, ученых, специалистов, аспирантов, студентов, Нижний Новгород, 01 декабря 2017 года / Мининский университет. Нижний Новгород: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», 2017. С. 265–268.

11. Шестакова Л.Г. Сочетание теоретической и практической подготовки в обучении методике математики студентов непедагогических направлений // Актуальные проблемы математики и естественных наук: Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию доцента Р.А. Акбердина, Петропавловск, Барнаул, Сургут, Новосибирск, 04 февраля 2022 года. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2022. С. 485–490.

12. Яцко В.А. Финансовая математика. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2021. 142 с.

13. Шиловская Н.А. Финансовая математика: Учебник и практикум. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2017. 202 с.

INTER-SUBJECT RELATIONS OF THE BLOCK OF MATHEMATICAL DISCIPLINES WITH THE BLOCK OF PROFESSIONAL FINANCIAL AND INSURANCE DISCIPLINES FOR FUTURE BACHELORIES OF THE TRAINING PROFILE «FINANCE AND INSURANCE»

S.M. Markova, E.A. Kuznetsova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

The role of interdisciplinary connections between the disciplines of the block of mathematical disciplines and the disciplines of the block of professional financial and insurance disciplines of future bachelors of the profile "Finance and insurance" is shown. The place of the discipline "Financial mathematics" is determined as a link between the indicated blocks of disciplines and forming the mathematical base of the received profession «Financier" and «Insurer». Examples of tasks offered to students within the framework of financial and insurance disciplines and clearly showing the connection of higher mathematics with the disciplines of the professional financial and insurance block are given.

Keywords: interdisciplinary communications, teaching mathematics at the university, financial mathematics, bachelors of the direction «Finance and insurance».

УДК 372.851
DOI 10.52452/18115942_2022_4_183

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ К РАЗРАБОТКЕ И ПРИМЕНЕНИЮ ТЕХНОЛОГИЙ ДОПОЛНЕННОЙ И ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2022 г.

М.А. Родионов, О.А. Кочеткова

Родионов Михаил Алексеевич, д.пед.н.; проф.; заведующий кафедрой информатики и методики обучения информатике и математике Пензенского государственного университета
do7tor@mail.ru
Кочеткова Ольга Анатольевна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры информатики и методики обучения информатике и математике Пензенского государственного университета
gorelovaoa@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.10.2022
Статья принята к публикации 15.11.2022

Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что, несмотря на широкие образовательные возможности технологий виртуальной (VR) и дополненной реальности (VR), большинство учителей испытывают сложности использования их в своей профессиональной деятельности и плохо представляют, как можно применять указанные технологии в образовательной практике. В статье представлена авторская методика подготовки магистров педагогического образования программы «Математическое образование» к созданию и использованию AR/VR-технологий в учебном процессе в рамках дисциплины «Цифровые образовательные ресурсы в профессиональной деятельности», описано содержание этапов формирования готовности студентов к такому использованию. Также будущие учителя разрабатывают технологические карты уроков на основе применения современных технологий.

Ключевые слова: подготовка магистров, методическая подготовка учителя математики, дополненная и виртуальная реальности.

Введение

Цифровизация полностью трансформирует нашу жизнь, соответственно, у сферы образования в настоящее время нет иного выбора, кроме как разрабатывать методы и средства внедрения инновационных цифровых технологий в процесс обучения [1]. Помимо широко распространенных мобильных приложений, платформы EdTech, инструментов дистанционного обучения, есть и две другие технологии, на которые стоит обратить особое внимание: виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR) [10]. AR/VR-технологии позволяют обучающимся коммуницировать с моделируемой реальностью и реальностью, которая дополняется виртуальными элементами, что способствует получению опыта практической симуляции явлений и процессов [2, 3]. Также рассматриваемые технологии облегчают восприятие пространственных математических понятий, помогают сделать примеры нагляднее, содерйствуют в организации и проведении интерактивных уроков, в том числе при помощи дистанционных образовательных технологий.

Под виртуальной реальностью будем понимать технологию, которая с помощью цифровой техники помогает создавать потенциальный виртуальный мир, ощущаемый человеком с помощью органов чувств, с целью выхода за границы привычной реальности [4].

Дополненная реальность – это среда, в реальном времени дополняющая окружающее пространство различными данными с помощью цифровых устройств. В качестве виртуальных объектов может выступать информация, представленная в графической, видео-, текстовой, аудиоформе [5].

На наш взгляд, существуют следующие варианты применения образовательного AR/VR-контента в системе образования:

1) изучение и применение в рамках школьных дисциплин;

2) изучение как элемента дополнительного образования;

3) изучение как отдельного завершенного курса.

Соответственно, при подготовке будущих учителей необходимо обеспечить освоение ими современных и востребованных информационных технологий по разработке интерактивного цифрового контента, в частности образовательных ресурсов в формате AR/VR-приложений, акцентировать внимание на перспективы и эффективность применения рассматриваемых технологий [6–8].

Методы исследования

Анализ учебной литературы по методике обучения математике в школе; изучение теоретических основ методической подготовки будущего учителя математики; обзор работ, рассматривающие технологии дополненной реальности в современном школьном образовании.

Результаты и обсуждение результатов

Внедрение AR/VR-технологий в образовательный процесс поможет преподавателям, студентам и поставщикам решений для обучения решить следующие проблемы:

– восприятие сложной информации и отработка конкретных навыков;

– обработка больших объемов данных и представление их в интерактивной форме;

– демонстрация применимости теоретических знаний, предоставляемых во время уроков;

– сохранение знаний и приведение приобретенных навыков в соответствие с практическими требованиями к работе;

– вовлечение учеников в образовательный процесс с исключительным опытом [5, 9, 10].

Проиллюстрируем сказанное на примере. Одной из актуальных проблем математического образования является проблема развития пространственного мышления обучающихся. Отметим, что геометрический материал в 7–9 классах в основном направлен на изучение различных плоскостных объектов и обучающиеся не рассматривают задачи по изображению пространственных фигур вообще [11, 12]. Одними из основных причин неумения изображать геометрические фигуры являются неразвитое пространственное мышление обучающихся, а также дефицит времени на уроках стереометрии, в результате чего чертежи выполняются схематически, пропускаются задачи на построение циркулем и линейкой. Таким образом, в старших классах на уроках геометрии (стереометрии) учителя сталкиваются с такими проблемами как: потеря геометрического воображения, неспособность чтения изображений пространственных тел, множество ошибок в изображениях пространственных фигур и их комбинаций, неспособность воспринять плоский чертеж как пространственный, невозможность определить отношение между отдельными элементами изображенных плоскостных объектов [13, 14]. Пространственная геометрия является одной из основных тем в школьном курсе математики, использование компьютера в изучении которых наиболее естественно и эффективно.

Современные образовательные технологии, основанные на использовании цифрового контента, дают возможность переосмыслить организационные подходы к изучению математического, в том числе и геометрического материала [1, 13]. На наш взгляд, пространственная геометрия является одной из областей математики, использование в изучении которой современных цифровых технологий будет наиболее эффективно и наглядно.

Изучение основ AR/VR-технологий предлагаем включать в курс «Цифровые образовательные ресурсы в профессиональной деятельности» для магистров педагогического образования по профилю «Математическое образование».

Цель дисциплины – развитие цифровых и методических компетентностей учителей, применение в практике обучения технологий дополненной и виртуальной реальности.

Общая трудоемкость курса 72 часа, из них 32 отводится на изучение AR/VR-технологий (16 ч. – самостоятельной работы, 16 ч. – аудиторной работы).

Задачи дисциплины:

– ознакомление с технологиями дополненной и виртуальной реальностей, возможностями их применения в образовании;

– развитие мотивации к изучению данного современного направления;

– обучение созданию проектов с дополненной и виртуальной реальности образовательного назначения.

Содержание программы позволяет студентам сформировать базовые компетенции по работе с AR/VR-технологиями путем погружения в проектную деятельность. В курсе выделены следующие этапы:

Этап 1. *Пропедевтический.* Проводится диагностика уровня профессиональной компетентности студентов в использовании методов обучения с применением современных информационных технологий и общего представления о технологиях дополненной и виртуальной реальностей.

На этом этапе важно провести анализ рассматриваемых технологий и выбор программной платформы для разработки AR/VR. Также можно провести первичный опрос на понимание технологий. Примерное тестирование может быть следующим:

1. Знаете ли Вы о AR/VR-технологиях?

1) Слышал о технологиях, но никогда не использовал.

2) Слышал о технологиях, использовал в повседневной жизни.

3) Нет.

2. Как Вы считаете, может ли рядовой учитель использовать их в урочной и внеурочной деятельности?

1) Да, самостоятельно разрабатывать и использовать.

2) Да, но с техническим сопровождением специалиста.

3) Нет – эти технологии трудны в использовании.

3. Как Вы считаете, эти технологии сложны в разработке?

1) Да, они доступны только ИТ-специалистам.

2) Требуются профессиональные навыки и большие временные затраты.

3) Не сложны, так как можно использовать готовые приложения.

Этап 2. *Основной.* Изучение необходимого теоретического материала и применение его на лабораторных занятиях.

Тема 1. AR/VR-технологии в образовательном процессе.

Цель: ознакомление с AR/VR-технологиями, формирование компетенций по работе со специальным оборудованием технологий.

Содержание:

– изучение теоретических основ технологий дополненной и виртуальной реальностей;

– знакомство с оборудованием и ПО для погружения в дополненную и виртуальную реальности в образовательном процессе;

– сравнение дополненной реальности и виртуальной реальности;

– тестирование и анализ устройств и обучающих приложений;

– анализ практического опыта использования AR/VR-технологий в образовательном процессе.

Методы: лекция, презентация, интерактивные задания, работа с готовыми дидактическими материалами, выполнение практических и самостоятельных работ.

Тема 2. Технология проектирования образовательных AR-приложений.

Цель: изучение технологии дополненной реальности.

Содержание:

– тенденции и краткая история развития AR;

– обзор возможностей использования в различных сферах деятельности, в том числе и образовании;

– основные термины и понятия дополненной реальности;

– ознакомление с межплатформенной средой разработки Unity 3D, базовая физика;

– этапы разработки AR-проекта.

Методы: лекция, презентация, интерактивные задания, работа с готовыми дидактическими материалами, выполнение практических и самостоятельных работ.

Тема 3. Технология проектирования образовательных VR-приложений.

Цель: теоретические принципы работы с VR.

Содержание:

– тенденции и краткая история развития VR;

– основные понятия, принципы и инструментарий разработки VR-систем;

– этапы и технологии создания систем VR, структура и компоненты;

– создание приложения для VR-устройств.

Методы: лекция, презентация, выполнение практических и самостоятельных работ.

Тема 4. Применение AR/VR-технологий в учебном процессе по математике и во внеурочной деятельности.

Содержание: примеры применения дополненной и виртуальной реальности в учебном процессе по математике. Приложения в работе современного учителя: основные проблемы и ограничения.

Методы: лекция, интерактивные задания, работа с готовыми дидактическими материалами, выполнение практических и самостоятельных работ.

На лабораторных и самостоятельных работах рекомендуем использовать примеры из реальных учебников, учебных пособий и дидактических материалов для того, чтобы показать, как текущие учебники можно сделать более наглядными для восприятия, «живыми» и привлекательным.

Формы текущего контроля на каждом этапе: отчет по практической работе.

Этап 3. *Завершающий.* Повторная диагностика сформированных знаний, умений и навыков.

На этом этапе студентам рекомендуется ответить на те же вопросы, что и на этапе 1. Это позволит проверить изменения в развитии цифровых и методических компетентностей, определить отношение к AR/VR-технологиям.

Далее приведем примеры разработанного комплекса практических заданий.

Пример 1. Заполните конспект-схему «Устройства AR/VR» (рис. 1).

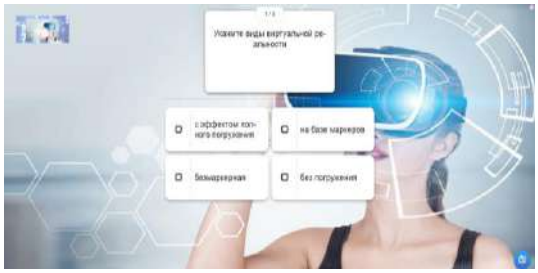
Пример 2. Интерактивная викторина «Введение в AR/VR» (рис. 1): https://learningapps.org/watch?v=pvmmivz0v21

Задание 3. Хронология «История развития виртуальной и дополненной реальности» (рис. 2): https://learningapps.org/watch?v=pcqcurcet21

Заключение

Таким образом, после изучения курса «Цифровые образовательные ресурсы в профессиональной деятельности» студенты педагоги-

Конспект-схема



Интерактивная викторина

Рис. 1.

Рис. 2. Хронология «История развития виртуальной и дополненной реальности»

ческого образования программы «Математическое образование» будут знать: тенденции развития и виды AR/VR-технологий; сферы применения образовательных AR/VR-проектов в математическом образовании. Будут уметь: применять технологии дополненной и виртуальной реальности в профессиональной деятельности; создавать изображения для проектов; пользоваться готовыми проектами и программами. Овладеют навыком создания обучающих проектов на основе дополненной и виртуальной реальности. Так же отметим, что технологии виртуальной и дополненной реальности относятся к сквозным технологиям цифровой экономики, являющейся одним из приоритетных национальных проектов.

В целом технологии мобильного обучения, дополненной и виртуальной реальностей, облачные технологии, как показывает наш опыт преподавания, являются эффективным средством обеспечения адаптивности образовательной системы, ее «способностью» постоянно приспосабливаться к усложняющимся процессам и моделям окружающего мира, оперированию все большим количеством информации и новыми способами ее представления. Учителю при этом необходимо постоянно корректировать свою методику обучения, перерабатывать представления основных дидактических единиц, смещать акцент образования с усвоения фактов на овладение способами взаимодействия с миром.

Список литературы

1. Родионов М.А., Диков А.В. «Промышленные цифровые технологии» в предпрофессиональной подготовке школьников // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 4 (64). С. 160–1169.

2. Joseph C. Augmented reality and virtual reality to aid students with learning disability: a review // International Journal of Scientific and Technology Research. 2020. Т. 9. № 2. С. 6475–6478.

3. Григорьев С.Г., Родионов М.А., Кочеткова О.А. Образовательные возможности технологий дополненной и виртуальной реальности // Информатика и образование. 2021. № 10 (329). С. 43–56.

4. Тахиров Б.Н. Понятие виртуальной реальности // Наука, образование и культура. 2020. № 8. С. 12–14.

5. Кочеткова О.А., Пудовкина Ю.Н., Варлашина С.Ю., Наземнова Н.В., Гусарова М.Н. Дополненная

реальность как инновационная технология организации образовательного процесса по информатике // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 5. С. 10.

6. Арсентьев Д.А. Внедрение элементов дополненной реальности в учебно-методическую литературу // Университетская книга: традиции современность: Материалы научно-практической конференции. Абрау-Дюрсо, 2015. С. 18–22.

7. Гриншкун А.В. Технологии дополненной реальности и подходы к их использованию при создании учебных заданий для школьников // Вестник МГПУ. Серия информатика и информатизация образования. 2017. № 3 (41). С. 99–105.

8. Лапчик М.П. Подготовка педагогических кадров в условиях информатизации образования: Учеб. пособие. М.: БИНОМ, 2013.

9. Белова О.П., Коткина М.В. Визуализация образовательного контента на основе применения технологии дополненной реальности // Сборник материалов II Международной очно-заочной научно-практической конференции, 2018. С. 199–206.

10. Иванова А.В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 3 (106). С. 88–107.

11. Далингер В.А. Цифровые образовательные ресурсы на службе у методики обучения геометрии в школе // Информация и образование: границы коммуникаций. 2020. **12 (20).** С. 47–50.

12. Титоренко С.А., Иванов О.Н. Современные проблемы методики изучения школьного курса геометрии // Некоторые вопросы анализа, алгебры, геометрии и математического образования. 2018. № 8. С. 311–313.

13. Балаян Э.Н. Геометрия: задачи на готовых чертежах для подготовки к ЕГЭ: 10–11 классы. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013.

14. Смирнова И.М. Организация метапредметной деятельности старшеклассников при обучении геометрии // Наука и школа. 2018. № 3. С. 17–23.

PREPARATION OF FUTURE TEACHERS FOR THE DEVELOPMENT AND APPLICATION OF AUGMENTED AND VIRTUAL REALITY TECHNOLOGIES IN PROFESSIONAL ACTIVITIES

M.A. Rodionov, O.A. Kochetkova

The relevance of the problem under study lies in the fact that, despite the wide educational opportunities of virtual (VR) and augmented reality (VR) technologies, most teachers experience difficulties using them in their professional activities and have little idea how these technologies can be applied in educational practice. The article presents the author's methodology for preparing masters of pedagogical education of the program «Mathematical Education» for the creation and use of AR / VR technologies in the educational process within the discipline «Digital educational resources in professional activity», describes the content of the stages of formation of students' readiness for such use. Also, future teachers develop technological maps of lessons based on the use of modern technologies.

Keywords: master's degree training, methodical training of a mathematics teacher, augmented and virtual reality.

УДК 378
DOI 10.52452/18115942_2022_4_188

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ПАНДЕМИИ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ЭКОСИСТЕМУ

© 2022 г.

А.Ю. Румянцева, О.А. Тарутько

Румянцева Анна Юрьевна, к.э.н.; доц.; проректор по научной работе и международной деятельности
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
a.rumyantseva@spbacu.ru
Тарутько Ольга Алексеевна, к.э.н.; доцент кафедры международных финансов и бухгалтерского учета
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
o.zaitseva@spbacu.ru

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
Статья принята к публикации 17.10.2022

Пандемия коронавируса оказала колоссальное влияние на все сферы общественной жизни, образование на всех уровнях также не является исключением. Эпидемиологическая обстановка как в Российской Федерации, так и в мире в целом диктует новые правила «игры» для образовательных организаций и определяет необходимость разработки мер и правил для обеспечения возможности непрерывно осуществлять деятельность. Данная статья посвящена современным тенденциям развития онлайн-образования, раскрытию роли пандемии как основного драйвера данного процесса, а также анализу ее влияния на образовательную экосистему. В работе исследованы результаты экстремального перехода образовательного процесса в онлайн-среду, проанализирован опыт ряда организаций высшего образования Российской Федерации. Кроме того, проанализированы препятствия, возникающие на пути развития онлайн-образования, разработан ряд практических рекомендаций, направленный на их преодоление, а также выявлены ключевые тренды образовательной экосистемы. Также подробно рассмотрены преимущества дистанционного формата обучения с позиции оптимизации траектории обучения и приумножения гибкости данного процесса. Слабый уровень капитализации человеческого потенциала в Российской Федерации определяет необходимость модернизации образования, привлечения дополнительного финансирования и некоторой настройки образовательных программ для обеспечения возможности более гибкой интеграции в международное образовательное пространство.

Ключевые слова: онлайн-образование, дистанционное обучение, оптимизация траектории обучения, пандемия.

Введение

Пандемия коронавирусной инфекции нанесла серьезный и неожиданный удар по всем сферам жизнедеятельности. Не остался в стороне и рынок образовательных услуг, эпидемия затронула его на всех уровнях. Некоторые организации сравнительно быстро и гибко перешли в дистанционный режим работы, другие столкнулись с трудностями, к которым не были готовы. Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что на сегодняшний день продолжаются споры в академическом и научном сообществе относительно того, какой формат более эффективен, не страдает ли качество образования в онлайн-среде, как такой переход сказывается на вовлеченности студентов, требует ли больше усилий от педагога и т.д. Цель данной статьи заключается в выявлении трендов развития образовательной экосистемы и разработке рекомендаций, направленных на преодоление существующих барьеров на пути его развития и способных облегчить учебным заведениям реализацию дистанционного формата. В качестве задач, решение которых необходимо для достижения поставленной цели, следует выделить следующие:

– исследовать проблемы перехода высших учебных заведений Российской Федерации на дистанционный режим работы;

– изучить препятствия, возникающие на пути развития онлайн-образования;

– выявить преимущества дистанционного формата обучения;

– сформулировать современные тренды развития онлайн-образования;

– разработать практические рекомендации, направленные на преодоление существующих барьеров.

Под образовательной экосистемой в настоящей статье понимается целостная многоуровневая система, объединяющая совокупность субъектов, организаций и сообществ, участвующих в процессе обучения, и нацеленная на формирование и распространение знаний, умений и навыков.

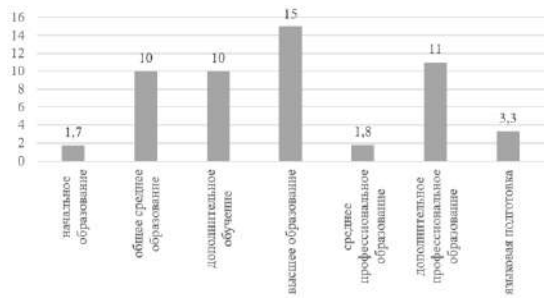


Рис. 1. Объем рынка онлайн-образования в Российской Федерации в 2021 году, млрд рублей [7]

Несмотря на тот факт, что иначе как форс-мажорной ситуацией переход в дистант учебных заведений, связанный с пандемией коронавируса, не назовешь, следует отметить, что система высшего образования в целом и отдельные университеты в частности достаточно оперативно отреагировали на новую угрозу и внедрили в свою деятельность меры, нацеленные на снижение распространения заболеваемости. Пандемия дала мощный толчок развитию онлайн-образования в мире. Можно выделить ряд конкретных последствий эпидемии, которые можно трактовать как драйверы развития.

Так, ряд компаний предоставили открытый доступ к онлайн-ресурсам. На период пандемии Coursera открыла доступ к огромному количеству МООС на безвозмездной основе [1], Udacity предоставила месячную подписку на безвозмездной основе [2], Harvard University предоставляет бесплатный доступ к более чем 100 курсам разной продолжительности [3], СПбГУ увеличил количество курсов в открытом доступе до 132 и это далеко не единственные примеры.

Для упрощения адаптации учебных заведений к новым реалиям некоторые организации оказывали методическую поддержку вузам. Так, например, European University Association организовала и провела большое количество вебинаров, посвященных различным аспектам работы университетов в период пандемии [4].

Был усилен сбор и анализ данных, включая опрос и анкетирование преподавателей и студентов. Различные исследовательские центры проводят подобного рода исследования с целью оказания помощи университетам в планировании дальнейшей работы. Некоторые из ресурсов носят информационный характер и способны стать незаменимым инструментом для проведения анализа. Примером может служить визуализированная карта закрытия школ и университетов в мире, представленная на сайте ЮНЕСКО и позволяющая получить информацию о продолжительности таких периодов в разрезе стран в динамике [5]. А Европейская ассоциация международного образования представила результаты исследования, посвященного различным аспектам работы высших учебных заведений в условиях начала пандемии, основанного на опросе респондентов из 38 стран [6].

С начала изоляции, вызванной темпами распространения COVID-19, невероятно увеличился спрос на онлайн-курсы и подписки на образовательные интернет-ресурсы. В изоляции интерес потребителя к цифровым сервисам предоставления услуг, различным платформам, включая образовательные ресурсы, вырос. Рост спроса повлиял на предложение, и в сетевом пространстве появилось много нового. Информация об объеме рынка онлайн-образования в Российской Федерации в 2021 году по различным сегментам представлена на рис. 1.

По оценке Skyeng, за пандемию российский рынок онлайн-образования вырос почти в два раза [8], а по данным [9], в 2020 году российский рынок EdTech увеличился на 20–25%, достигнув 55–60 млрд рублей. Данное обстоятельство продиктовано как необходимостью использования вспомогательных платформ для обеспечения образовательного процесса, так и желанием посвятить высвободившееся время саморазвитию при отсутствии возможности иначе организовать досуг.

Методы исследования

Исследование тенденции развития онлайн-образования и анализ влияния пандемии на дистанционное обучение базируется на диалектическом методе познания, а также применении сбора, анализа и обобщения информации, индукции и дедукции, проведении регрессионного, статистического и логического анализа.

Проблемы перехода университетов в дистанционный формат и препятствия на пути развития онлайн-образования

Экстремальный перенос образовательного процесса в дистанционный формат обнаружил немалое количество проблем, с которыми столкнулись как учебные заведения, так и другие субъекты образовательной экосистемы.

Например, отсутствие лицензионного программного обеспечения, необходимого для одновременного подключения большого количества обучающихся к электронной образовательной среде, ограничило возможности университетов по быстрому переносу всех видов занятий в формат онлайн. Вузам потребовалось время на приобретение нового программного обеспе-

чения или настройку, расширение возможностей имеющегося. Так, например, в Санкт-Петербургском университете технологий управления и экономики в образовательном процессе использовалось несколько программных продуктов для студентов разных форм обучения, при этом координацию сотрудников и студентов серьезно облегчили возможности электронной образовательной среды университета.

Нехватка электронных курсов и методических материалов в подходящем для восприятия в электронной среде формате, необходимость их корректировки под дистанционную среду также стали серьезным препятствием на пути одномоментного перехода в формат онлайн без влияния на качество учебного процесса.

Острой оказалась и проблема цифрового неравенства регионов, а также отсутствие возможностей у некоторых категорий обучающихся полноценно подключаться к занятиям и выполнять задания из-за отсутствия персональных компьютеров и/или доступа к сети Интернет. По данным Федеральной службы государственной статистики [10], численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2019 году составляла 12.3%, а в 2020 году составила 12.1% от общей численности населения. При этом в 2019 году 26% приходится на домашние хозяйства из числа малоимущих с тремя и более детьми, обеспечить параллельное обучение которых в режиме онлайн представляется крайне сложной или невыполнимой задачей. Вопросы цифрового неравенства решаются на федеральном уровне, но тем не менее оно не устранено полностью не только в отдаленных регионах, но и на территории европейской части России, где в некоторых населенных пунктах нет выхода в Интернет и даже голосовой связи [11].

Также следует отметить, что переход образовательного процесса в онлайн-формат привел к повышению нагрузки как на педагогов, так и на обучающихся. Необходимость настройки преподаваемых курсов, поиска существующих и разработки новых методических материалов для обеспечения качественного обучения, необходимость в дополнительных консультациях, создания адекватной поддержки преобразованию практических занятий – все это привело к существенному повышению нагрузки.

Кроме того, в условиях удаленной работы важное значение имеет способность к самоорганизации. Так, например, студентам заочной формы обучения, получающим часто не первое образование, как правило, гораздо проще ответственно подойти к образовательному процессу, чем студентам младших курсов очной формы обучения.

Несмотря на проблемы, с которыми столкнулись учебные заведения при переходе в удаленный режим работы, российские университеты достаточно быстро адаптировались к ситуации. Это во многом связано с тем, что многие университеты имели дистанционные программы и ранее. Так, например, Университет ИТМО [12], как и ряд других, предоставил студентам возможность освоения образовательных программ по индивидуальному учебному плану, а Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого [13] сделал график работы преподавателей гибким для обеспечения эффективной организации учебного процесса по индивидуальным траекториям обучения.

Представители Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в статье [14] отмечают снижение институциональной и академической автономии и неэффективность иерархических моделей управления в такой ситуации, а также указывают на необходимость реструктуризации университетов в современных условиях.

Широкое внедрение технологий в жизнь современного человека не обходит стороной и образовательную сферу. В настоящее время можно говорить о глобальном влиянии на образование со стороны процессов цифровой трансформации. Несмотря на ускоренные темпы развития образовательного рынка в период пандемии, имеют место препятствия, возникающие на пути данного процесса.

Так, одним из основных препятствий можно выделить отсутствие системы признания равенства между онлайн- и традиционной формой получения знаний. Во многом это объясняется достаточно низким качеством онлайн-контента. Большинство работодателей готовы безоговорочно принимать традиционные документы, будь то диплом, удостоверение или сертификат, полученный по результатам очного обучения. Онлайн-программы некоторых известных университетов или центров также имеют признание, но большое количество онлайн-курсов и школ, организующих их, такого престижа и значимости не имеют.

Другим препятствием является недостаточность внедрения технологий в учебный процесс. Статистика обеспеченности образовательных организаций компьютерами, в том числе обеспечивающими доступ в Интернет, в Российской Федерации неутешительная. Так, по итогам 2019 года в среднем по стране на 100 обучающихся общеобразовательных организаций приходится всего 15 компьютеров, выходом в Интернет обеспечены всего 11 из них. В организациях профессионального образования данный

показатель находится на уровне 17 (с Интернетом 14), а среди учебных заведений высшего образования 27 (с доступом в Интернет 25) [15, с. 211].

Разумеется под влиянием современных тенденций игнорировать значимость внедрения технологий просто не представляется возможным. Однако пытаясь расширить степень проникновения технологий в учебный процесс, университеты сталкиваются с ограниченностью развития цифровой инфраструктуры, отсутствием готовности работать в интерактивных форматах, необходимостью обучения и переподготовки преподавателей и, как следствие, с необходимостью осуществления серьезных инвестиционных вливаний, направленных на развитие цифровой инфраструктуры университета.

В качестве еще одного препятствующего фактора следует отметить очень низкий процент тех, кто осваивает онлайн-курсы до конца. Так, по данным [16], в среднем за 5 лет показатель отсева записавшихся на курсы слушателей составляет 96%.

Преимущества дистанционного формата обучения

Как уже говорилось, пандемия коронавируса дала существенный толчок развитию онлайн-образования. Причем современного потребителя интересует дистанционное обучение на разных уровнях. Серьезный скачок спроса произошел на рынке дополнительного образования как детей, так и взрослых, одновременно с этим вынужденный перенос образовательного процесса университетов и школ позволил прочувствовать порядок онлайн-освоения долгосрочных программ. Несмотря на все сложности, онлайн-формат имеет большое количество уникальных преимуществ. В частности, к ним относятся:

– экономия времени (студентам и преподавателям не нужно тратить время на то, чтобы добраться до аудитории, это время может быть потрачено с пользой для учебного процесса);

– отсутствие привязки к одному месту (на связь можно выходить из любой точки мира при наличии стабильного интернет-соединения, а комфортная обстановка способна снижать тревожность и стресс);

– упрощение процедуры сбора аналитической информации (применение программного обеспечения позволяет автоматизировать сбор данных об активности студентов, посещаемости занятий, своевременности выполнения заданий, уровне успеваемости как в целом, так и в разрезе различных групп и многую другую информацию);

– гибкая настройка траектории обучения (практика онлайн-курсов и смешанного обучения (когда онлайн-курсы сопровождаются семинарами и консультациями на местах, а контроль проводится в очном формате) создает практически безграничное поле возможностей в образовательной сфере [17]);

– расширение возможностей привлечения к образовательному процессу преподавателей из других регионов и даже стран;

– расширение влияния на международной образовательной арене, получение международного признания реализуемых образовательных программ.

Результаты

Массовый переход в онлайн-режим студентов, преподавателей и сотрудников университетов, спровоцированный темпами распространения COVID-19, произошел 16 марта 2020 года. На этот момент в 73 университетах Санкт-Петербурга количество обучающихся составляло более 340 тысяч студентов, из них свыше 31 тысячи – иностранцы, 46 тысяч – студенты творческих специальностей.

Необходимость оперативного реагирования на ситуацию со стороны университетов обусловливает трансформацию рынка высшего образования. Приведенные в статье данные, анализ преимуществ и барьеров позволяют сформулировать ряд ключевых трендов образовательной экосистемы.

1. В 2019 – 2021 гг. в образовательной экосистеме наблюдалось увеличение объемов рынка, обусловленное резким ростом спроса. Однако в 2022 году в Российской Федерации высшие учебные заведения полностью или практически полностью вернулись к традиционному формату обучения, ограничения, связанные с пандемией, ужесточаются или ослабляются в зависимости от эпидемиологической ситуации, и образовательные организации научились эффективно работать в новых реалиях. Возвращение к традиционным форматам, отсутствие массовой самоизоляции, влияние высокого санкционного давления и снижение продаж в сфере EdTech позволяют прогнозировать замедление темпов роста объема рынка EdTech в ближайшие годы. В пользу этой тенденции также свидетельствуют опросы обучающихся, многие из которых не готовы к обучению в формате онлайн и, получив такой опыт при освоении образовательных программ, не рассматривают для себя возможности удаленного обучения ни на программах высшего образования, ни, например, на языковых курсах.

2. Предыдущий тренд находится в тесной взаимосвязи со вторым. Так, в 2022 году можно

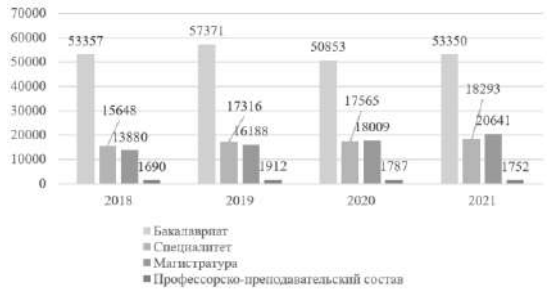


Рис. 2. Динамика количества поступающих на программы высшего образования и педагогов, задействованных в реализации программ высшего образования, из числа иностранных граждан, чел. [18]

говорить о росте качества образовательного онлайн-контента. Компании, способные предлагать контент более высокого качества, постепенно вытесняют неконкурентоспособных игроков с рынка, ведь в онлайн-среде существуют широкие возможности получения обратной связи от потребителя и репутация компании с продуктом низкого качества часто опережает красивые рекламные предложения. Также фактором, влияющим на повышение качества, является тот факт, что с начала 2020 года компании научились адаптироваться к запросам потребителей, дифференцировать продукт в столь новых и незнакомых условиях работы. Необходимость создания предложения, способного удовлетворить спрос и современные потребительские предпочтения на высококачественный образовательный продукт, вынуждает разработчиков курсов все больше внедрять различные тренажеры, симуляторы и квизы, в том числе для упрощения восприятия материалов взрослой аудиторией, повышения практической направленности и обеспечения возможности по формированию компетенций, на освоение которых направлен курс.

3. По данным опроса платформы Skyeng Education System for University, проведенного перед началом 2020/21 учебного года, 44% респондентов высказались против начала учебного года в онлайн-формате. Подобного рода опросов и анкет достаточно много, и результаты всех подобных исследований сводятся к тому, что большая часть студентов не поддерживает обучение в онлайн-формате по разным причинам. Такие результаты опросов несколько ограничивают образовательные организации в вопросах разработки новых, более гибких образовательных программ, с интегрированными онлайн-курсами. Наличие спроса на классическое обучение и одновременный интерес ряда абитуриентов к более гибким гибридным программам, позволяющим осваивать дисциплины как в онлайн-режиме, так и офлайн, способны приводить к дубляжу образовательных программ или к снижению популярности программ среди тех или иных групп поступающих.

4. Еще одним интересным трендом является отсутствие снижения количества иностранных студентов в российских вузах. Казалось бы, закрытие границ, ограничения, связанные с темпами распространения COVID-19, существенно снизили возможности как для реализации программ академической мобильности, так и поступления в зарубежные учебные заведения. Однако, по данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, тенденции к снижению числа иностранных студентов в российских учебных заведениях высшего образования не наблюдается. Количество принятых на обучение по программам бакалавриата в 2021 году студентов из числа иностранных граждан как на места, финансируемые за счет средств федерального бюджета, так и по договорам об оказании платных образовательных услуг почти на 5% больше, чем в 2020 году. По программам специалитета и магистратуры с допандемийного 2018 года по 2021 год количество принятых на обучение неуклонно растет. Количество преподавателей демонстрирует неоднозначную динамику: в 2020 и 2021 годы значения показателей выше, чем в 2018, при этом в 2019 году наблюдался прирост и по отношению к нему в 2020 и 2021 годах очевиден небольшой спад притока преподавателей из числа иностранных граждан. Динамика поступающих на программы высшего образования различных уровней с 2018 по 2021 год, а также количество педагогов из числа иностранных граждан представлены на рис. 2.

Количество иностранных студентов в Российской Федерации демонстрирует неуклонный многолетний рост. Так, по данным [18] можно составить таблицу, иллюстрирующую данный тренд в разрезе программ разного уровня.

Так, по данным таблицы видно, что совокупное количество студентов из числа иностранных граждан без учета поступающих в 2021 году составило 332.9 тыс. человек, в 2020 году данный показатель был на уровне 322.3 тыс. человек, в 2019 году – 308.5 тыс. человек, а в 2018 году – 285.2 тыс. человек. Таким образом, с 2018 года наблюдается рост количества иностранных студентов, осваивающих программы высшего образования, на 17%.

Наибольшие доли среди иностранных студентов бакалавриата в 2021 году приходятся на граждан Узбекистана, Таджикистана, Китая, Киргизской Республики, Туркменистана, Казахстана, Республики Беларусь. Среди студентов программ специалитета помимо вышепере-

Таблица

Динамика количества студентов из числа иностранных граждан, чел.

Наименование показателей	Программы бакалавриата				Программы специалитета				Программы магистратуры			
	2018	2019	2020	2021	2018	2019	2020	2021	2018	2019	2020	2021
Поступили	53357	57371	50853	53350	15648	17316	17565	18293	13880	16188	18009	20641
Численность студентов, без учета поступивших	163758	171517	175178	175287	57460	64815	72705	76812	26204	30452	33332	36582
Выпуск	24482	26703	25568	26490	5406	5986	6207	7213	7930	8978	9261	10545

численных, много граждан Индии и Египта, а среди студентов магистратуры наибольший удельный вес приходится на граждан Республики Казахстан (более 30% от поступивших в 2021 году) и Китая (почти 24% от поступивших в 2021 году).

5. Пандемия привнесла в образовательный процесс большую гибкость и цифровую направленность, ограничив возможности проведения массовых мероприятий. Университеты многих стран существенно расширили предложение в сфере краткосрочных онлайн-программ, в том числе зимних и летних школ, семинаров для студентов и преподавателей в формате вебинаров, часто предлагаемых на безвозмездной основе.

Рекомендации, направленные на преодоление барьеров внедрения онлайн-обучения

В первую очередь, хотелось бы отметить, что представляется крайне важным продолжать реализацию поддерживающих мер, запущенных в разгар пандемии, так как их значение велико не только в сложные с эпидемиологической точки зрения моменты.

Раскрыв препятствия, возникающие на пути развития образовательной экосистемы в период пандемии в целом и онлайн-образования в частности, и проблемы перехода учебных заведений на дистанционный режим работы, можно сформулировать ряд конкретных мероприятий и рекомендаций, направленных на преодоление барьеров внедрения и развития онлайн-обучения, актуальных для применения как в Российской Федерации, так и в других странах, а именно:

– расширять предложения, позволяющие осваивать образовательные программы в формате онлайн. В связи с невозможностью построения точных прогнозов относительно результатов пандемии коронавирусной инфекции и ее последствий крайне сложной представляется разработка долгосрочных стратегий деятельности образовательных организаций. Многие учебные заведения имели дистанционные программы до 2019 года, но, как правило, количество данных программ существенно меньше, чем программ, реализуемых в традиционной форме. Следует расширить перечень программ, позволяющих получить образование полностью в дистанционном формате, это позволит студентам не покидать родные регионы с целью посещения занятий, что даже при условии отсутствия локдауна будет способствовать ограничению миграции вируса, отсутствию дополнительных расходов со стороны студентов, связанных с проживанием вне дома, и т.д. Однако крайне важной системной проблемой является исследование предпочтений поступающих для определения типов и форм реализации образовательных программ, так как если рассматривать вопрос расширения предложения дистанционных программ, следует уделить отдельное внимание гибридным программам, совмещаю-

щим традиционное очное обучение с освоением части программ в онлайн-формате, например в форме электронных курсов;

– внедрять практики реализации международной академической мобильности в онлайн-формате. Исходя из того факта, что онлайн-образование позволяет придерживаться более гибкого подхода при построении траектории обучения, персонализировать ее, то следует обратить внимание на возможности студента осваивать часть дисциплин в рамках программ академической мобильности в университетах-партнерах из других стран. Реализация таких возможностей в формате онлайн позволит большему числу студентов получить опыт обучения за границей, а университетам расширить свое влияние на международной арене и привлекать больше иностранных студентов;

– применять смешанный формат обучения при освоении образовательных программ, так как он способен серьезно изменить структуру учебных планов. Роль дистанционного обучения будет заключаться в дополнении привычных форм контактной работы, а за счет реализации возможности получения образования по индивидуальной траектории более организованные студенты смогут осваивать материал самостоятельно, опережая одногруппников, или погружаться в заинтересовавшие их темы более глубоко;

– внедрять в работу практики академической амнистии, позволяющей не учитывать низкие результаты успеваемости, полученные в период пандемии, что позволит снизить страхи и опасения со стороны студентов относительно удаленного формата обучения;

– использовать в учебном процессе стратегии вовлечения студентов для сохранения стабильного психологического климата, а также возможности подстраивать курс под существующие запросы в зависимости от полученной обратной связи;

– укреплять меры финансовой и иной поддержки студентов. Различные группы населения могут характеризоваться различным уровнем социальной защиты, финансовых накоплений и т.д. Такого рода неравенство во многом обострилось в период COVID-19, что, несомненно, требует определенных системных шагов, направленных на преодоление такого рода неравенства. Необходима поддержка со стороны государства и/или учебных заведений, ассоциаций и т.д. Стипендиальные программы, волонтерские движения, разовые финансовые выплаты, скидки или отсрочки в оплате обучения и иные меры способны при сравнительно невысоком уровне затрат демонстрировать высокий уровень отдачи;

– предоставлять поддержку учебным заведениям, активно внедряющим различные меры финансовой и иной поддержки студентов, включая различные налоговые, финансовые и иные льготы;

– уделять повышенное внимание компетентности педагогов в области цифровой грамотности. При полной реализации программ в формате онлайн обеспечивать тестирование педагогов на уровень профпригодности в условиях цифровизации и работы в дистанционном формате. Для обеспечения качества подготовки студентов внедрять интерактивные онлайн-методики, при необходимости организовывать обучение и повышение квалификации профессорско-преподавательского состава.

Индекс человеческого капитала и ВВП на душу населения говорит о том, что система образования не дорабатывает в части формирования и быстрого обновления современных знаний, навыков и компетенций для постиндустриальной экономики [19, с. 15]. Таким образом, слабый уровень капитализации человеческого капитала определяет необходимость модернизации образования, обеспечения возможности более гибкой интеграции в международное образовательное пространство, что определенно требует привлечения дополнительного финансирования.

Заключение

Высокий уровень сплоченности организаций высшего образования, поддержка со стороны государства, международных сообществ и ассоциаций позволили успешно пройти возникшее на пути развития испытание на прочность. Образовательные организации разных стран справлялись с проверкой эффективности своей работы по-разному. Учебные заведения некоторых стран не смогли в полной мере перейти на дистанционный формат, другим это удалось при серьезной поддержке со стороны, а кто-то продемонстрировал невероятную гибкость, и экстремальный переход в таких организациях не сопровождался особыми сложностями.

В России отрасль EdTech развита сравнительно неплохо и большинство университетов, пройдя небольшой реабилитационный период, успешно перешли в онлайн-формат. Однако, несмотря на наличие уникальных преимуществ и рост популярности онлайн-обучения, на данный момент оно не способно полностью вытеснить и заменить классическое очное обучение. Система развития высшего образования будет находиться под влиянием двух трендов, сторонники которых будут либо поддерживать, либо отторгать онлайн-обучение. Несмотря на неоднозначность мнений, нельзя отрицать, что пандемия COVID-19 продемонстрировала воз-

можности дистанционного обучения и раскрыла положительные аспекты дистанционного формата как неотъемлемого элемента развития современной образовательной экосистемы. Перевод части обучения в цифровой формат способен создавать эффективную, персонализированную и гибкую образовательную среду.

Список литературы

1. Coursera Together: Free online learning during COVID-19 // Coursera Blog. URL: https://blog.coursera.org/coursera-together-free-online-learning-during-covid-19/ (дата обращения: 20.03.2022).

2. Free online tech courses to boost your skills as you quarantine // Сайт IDG Communications. URL: https://www.cio.com/article/193266/free-online-tech-courses-to-boost-your-skills-as-you-quarantine.html (дата обращения: 10.02.2022).

3. Free Courses // Сайт Harvard University. URL: https://pll.harvard.edu/catalog/free (дата обращения: 17.02.2022).

4. Official site of The European University Association. URL: https://eua.eu/events.html (дата обращения: 22.03.2022).

5. Global monitoring of school closures // Сайт UNESCO. URL: https://en.unesco.org/covid19/educationresponse (дата обращения: 08.01.2022).

6. Rumbley L.E. Coping with COVID-19: International higher education in Europe. Amsterdam: The European Association for International Education (EAIE), 2020. URL: https://www.eaie.org/our-resources/library/publication/Research-and-trends/Coping-with-COVID-19--International-higher-education-in-Europe.html (дата обращения: 22.03.2022).

7. Forecast market volume of online education in Russia in 2021 // Сайт Statista Inc. URL: https://www.statista.com/statistics/1072423/online-education-market-volume-in-russia-by-type/ (дата обращения: 22.02.2022).

8. Колесникова К. Ученье – сайт // Российская газета. 2021. Федеральный выпуск № 3 (8354). URL: https://rg.ru/2021/01/12/v-2021-godu-rynok-onlajn-obrazovaniia-v-rossii-prodolzhit-vzryvnoj-rost.html (дата обращения: 15.03.2022).

9. Вынужденное развитие: пандемия спровоцировала взрывной рост рынка EdTech // Сайт АО «ДП Бизнес Пресс». URL: https://www.dp.ru/a/2021/08/18/Vinuzhdennoe_razvitie (дата обращения: 08.01.2022).

10. Официальный сайт Федеральной службы государственной стаистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 14.06.2022).

11. Как в России решается проблема цифрового неравенства // Сайт Союза предприятий печатной индустрии (ГИПП). URL: https://gipp.ru/overview/novye-media-tekhnologii-internet/kak-v-rossii-reshaetsya-problema-tsifrovogo-neravenstva/?sphrase_id=21482%20%20accessed (дата обращения: 22.02.2022).

12. ITMO University Transferring Students to Online and Distance Learning // Сайт Университета ИТМО. URL: https://news.itmo.ru/en/education/official/news/9253 (дата обращения: 22.01.2022).

13. COVID-19: Polytech Switches to Distance Learning // Сайт Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. URL: https://www.english.spbstu.ru/media/news/other/covid-19-polytechnic-switches-online-training/ (дата обращения: 15.03.2022).

14. Abramov R., Terentyev E. Pandemic effects on russian higher education: Force majeure notes // Higher Education in Russia and Beyond. 2021. № 2 (27). P. 23–24. URL: https://herb.hse.ru/data/2021/04/27/1378832089/HERB_27_view.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

15. Информационное общество в Российской Федерации. 2020: статистический сборник [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст дан. (33.6 Мб). М.: НИУ ВШЭ, 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf#page=216&zoom=100,0,0 (дата обращения: 20.03.2022).

16. 10 reasons why elearning loses students // eLearning Industry. URL: https://elearningindustry.com/reasons-why-students-fail-study-online (дата обращения: 15.03.2022).

17. Rumyantseva A., Tarutko O. Modern digital educational environment as a tool for the education development in Russia // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 315. Int. Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2019). P. 94–97. URL: https://doi.org/10.2991/icpcs-19.2019.22 (дата обращения: 22.03.2022).

18. Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (дата обращения: 14.06.2022).

19. Кузьмин Я.И., Овчарова Л.Н., Якобсон Л.И. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие. М. 2018. URL: https://www.hse.ru/data/2018/04/09/1164472034/%D0%9A%D0%B0%D0%BA_%D1%83%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%8C_%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB.pdf

ANALYSIS OF THE PANDEMIC IMPACT ON THE EDUCATIONAL ECOSYSTEM

A.Yu. Rumyantseva, O.A. Tarutko

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The COVID-19 pandemic significantly influenced on all the spheres of social life. All levels of education are not the exception. The epidemic situation in the Russian Federation as well as all over the world makes educational institutions develop new rules of the game. It defines the purpose of the article – development of measures overcoming existing barriers to the online education development. The article is devoted to modern tendencies in online education, analyzing the role of

the pandemic as the key driver of the process. In the paper the results of the extreme transition of studies to online environment during the pandemic are investigated, the experience of a number of the Russian universities is analyzed. Besides, a review of the most popular online platforms in the Russian Federation is formed; advantages and disadvantages are singled out. Obstacles on the way of development of online education are analyzed; practical recommendations aimed at overcoming the obstacles are given. Also the advantages of online format of studies from the perspective of educational path's/trajectory's optimization and additional flexibility of the process are considered in details in the article. Low level of human potential capitalization in Russia defines the necessity of education modernization, attraction of additional financing and certain adjustment of educational programs which will provide opportunities of flexible integration to international educational space.

Keywords: online education, distant learning, educational trajectory's optimization, a pandemic.

УДК 378.147.31
DOI 10.52452/18115942_2022_4_197

ИССЛЕДОВАНИЕ ПУТЕЙ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ИЗ СТРАН-ЧЛЕНОВ ШОС

© 2022 г.

Лю Цзинцзюань

Лю Цзинцзюань, д.филол.н.; старший преподаватель, заведующий кафедрой русского языка Шанхайского политико-юридического университета, Китай
jingjuan1203@163.com

Статья поступила в редакцию 02.09.2022
Статья принята к публикации 26.10.2022

Международное образование для подготовки межкультурных специалистов играет ключевую роль в содействии экономическому росту, социальному развитию и расширению сотрудничества между странами-членами ШОС. В таких условиях странам следует углублять международное образовательное сотрудничество вузов в различных областях на разных уровнях. Обучение китайской культуре имеет большое значение в развитии гуманитарного обмена между Китаем и другими странами-членами ШОС. В соответствии с текущей ситуацией с обучением китайской культуре иностранных студентов из стран-членов ШОС, в статье предложены троичная логика продвижения обучения китайской культуре в вузах Китая (теоретическая логика, реалистическая логика и культурная логика) и инновационные идеи обучения китайской культуре. Выявлены необходимость и практическое значение повышения роли обучения китайской культуре в качестве связующего звена в международной коммуникации, реализации культурно-гуманистической функции для формирования кросс-культурной грамотности иностранных студентов, построения модели кросс-культурной адаптации с многообразными и многоканальными путями. Показано, что для решения актуальных проблем в обучении китайской культуре необходимо найти правильные пути и принять эффективные меры по улучшению качества обучения китайской культуре иностранных студентов, повышению международной конкурентоспособности и оптимизации модели подготовки международных специалистов. В частности, рассмотреть дизайн верхнего уровня учебной программы, внедрить открытую инновацию системы обучения китайской культуре, создать бренд-проект по обучению китайской культуре и т.д.

Ключевые слова: обучение китайской культуре; иностранные студенты; страна-член ШОС; межкультурная коммуникация; культурная адаптация.

Введение

В современных условиях интеграции всемирного образовательного пространства необходима подготовка специалистов к межкультурной коммуникации. Обучение китайской культуре иностранных студентов из стран-членов ШОС стало важной составной частью образовательного обмена между Китаем и другими странами-членами ШОС. С одной стороны, Китай создает разные каналы и платформы для проведения многоуровневых и многопрофильных обменов и сотрудничества. С другой стороны, Китай активно поддерживает меры, принимаемые другими странами-членами ШОС, по совместному формированию образовательных фундаментов межкультурной коммуникации и подготовки специалистов со знанием китайского языка. В частности, Университет ШОС создан в контексте инициативы «Один пояс, один путь», что способствует продвижению международного сотрудничества в области высшего образования и углублению развития межкультурного обмена. Являясь важной частью подготовки межкультурных специалистов в сфере образовательного сотрудничества, обучение китайской культуре имеет большое значение для гуманитарного обмена между странами-членами ШОС.

По мере бурного развития цифровой, коммуникационной и сетевой технологий и усиления культурной глобализации и синтеза обучение китайской культуре иностранных студентов из стран ШОС встречает новые возможности и вызовы. Для вузов Китая, несущих ответственность подготовки иностранных студентов по специальности китайского языка как иностранного, повышение уровня и качества обучения китайской культуре представляет собой важные меры для создания инновационной системы учебных программ по китайскому языку как иностранному. В современную технологическую эпоху как правильно понять роль китайских вузов в развитии знания о китайской культуре у иностранных студентов, как повысить качество культурного образования, как улуч-

шить культурную атмосферу в кампусе, как обеспечить долгосрочный образовательный эффект, как осуществить эпохальную инновацию образования в этой области – все эти вопросы достойны дальнейшего изучения.

Троичная логика обучения китайской культуре иностранных студентов из стран-членов ШОС

1) Теоретическая логика

В настоящее время люди уже осознали, что очарование или сила национальной культуры ни в каком случае не остаётся только в лингвистическом смысле Соссюра как «внутренняя структура», а отражается в концепции «мягкая сила», выдвинутой Йозефом Наем. Национальная культура тихо и неизбежно проникает в жизнь народов других стран мира, распространяет культурную традицию, идеологию и ценности, на основе которых конструируется внешний государственный имидж. Китай придает большое значение развитию знания о китайской культуре у иностранных студентов из стран-членов ШОС, уделяет особое внимание продвижению выдающейся китайской традиционной культуры и позволяет им узнавать, понимать, уважать и признавать китайскую цивилизацию, чтобы укреплять основы общественного мнения и формировать хороший международный имидж «Культурный Китай».

Особый статус в реализации инициативы «Один пояс, один путь» имеют страны-члены ШОС, у иностранных студентов из которых уровень владения китайским языком и культурой оказывает уникальное незаметное влияние на продвижение данного стратегического взаимодействия на высоком уровне между двумя сторонами. В целях содействия постоянному и всестороннему развитию международных культурных обменов обучение китайской культуре для иностранных студентов становится одной из важнейших учебных программ по подготовке специалистов, использующих китайский язык в качестве средства коммуникации с представителями-носителями разных культур, а также продвигает инновационный переход и созидательное развитие китайской традиционной культуры в процессе обучения. Опираясь на профессиональную особенность и местную культуру, вузы должны формировать уникальную модель обучения китайской культуре, постепенно укреплять двунаправленное построение обучения в классе и внеклассной практики, а также формировать многоканальную когнитивную основу для культурного образования, продвигаемого вузами, реализуемого кафедрами и преподавателями и признаваемого студентами.

2) Реалистическая логика

В настоящее время существует много проблем, связанных с обучением китайской культуре иностранных студентов из стран-членов ШОС. В новую эпоху ряд реальных ситуаций, таких как масштабный рост количества иностранных студентов, приезжающих в Китай, особенности студентов разного происхождения, межкультурные различия и многообразие ценностных ориентаций личности, принесли много трудностей организации обучения китайской культуре иностранных студентов в вузах Китая.

Ученые выяснили, что трудность и сложность построения системы обучения в этой области в основном отражается в трех аспектах [1]: во-первых, у иностранных студентов возникают проблемы отождествления с китайской историей и культурой из-за таких факторов, как климатические условия, культура питания и гуманистическая атмосфера. В результате проблемы кросс-культурной адаптации иностранных студентов становятся более заметными в плане социально-культурной и психологической адаптации.

Во-вторых, система обучения китайской культуре в вузах Китая относительно отстала от времени. Кроме того, содержание обучения имеет тенденцию к формализации и однообразию, а традиционное обучение реализуется без учета организационной гибкости и индивидуализации. Учебный дизайн составлен неинтересно. Модель обучения ограничена традиционными устоявшимися барьерами «больше внимания языку, меньше культуре». В системе оценки обучения отсутствует многомерное взаимодействие. В результате всё это делает невозможным удовлетворение потребностей иностранных студентов в понимании китайской традиционной культуры.

В-третьих, способность, прирост, скорость и эффективность подготовки педагогических кадров, владеющих русским языком, не адаптируются к растущему числу иностранных студентов и их потребности в развитии знания о китайской культуре. Это, безусловно, не способствует лучшей и быстрой интеграции иностранных студентов этой группы в новую жизнь и новую среду и не способствует быстрому повышению качества обучения и глубокому пониманию очарования китайской традиционной культуры.

3) Культурная логика

Выдающаяся китайская традиционная культура – это важный идеологический ресурс для обучения иностранных студентов, положитель-

но влияющий на становление личности и формирование нравственного поведения как в обществе, так и в личной жизни. Обучение китайской культуре имеет огромное практическое и ценностное значение. В частности, хорошо рассказать истории о Китае иностранным студентам из стран-членов ШОС, формировать национальный имидж и реализовать функцию культурного образования в полной мере – всё это имеет стратегическое значение для строительства «Один пояс, один путь». Обучение китайской культуре позволяет иностранным студентам глубоко понять моральные концепции и нормы, мудрость и духовно-культурное наследие, содержащиеся в традиционной китайской культуре, правильно играть роль в содействии обменам и взаимному обогащению между цивилизациями. Обучение китайской культуре иностранных студентов из стран-членов ШОС способствует повышению общего образовательного уровня этой группы иностранных студентов, а также приносит пользу межкультурной коммуникации, обмену и сотрудничеству между странами.

2. Инновационные идеи обучения китайской культуре иностранных студентов из стран-членов ШОС

1) Повышение роли обучения китайской культуре в качестве связующего звена в международной коммуникации

Ученые обсудили вопросы взаимодействия языка и культуры в современной методике обучения китайскому языку как иностранному с разных точек зрения. В соответствии с новой перспективой развития международной культуры, для развития методики обучения культуре при преподавании и исследовании китайского языка как иностранного необходимо трансформировать концепции «культурные стереотипы» и «культурная привязанность», подчеркивать значение культурной интеграции и уделять внимание культурным факторам в учебном процессе. В настоящее время дальнейшее расширение культурного пространства иностранных студентов в процессе обучения китайской культуре и повышение статуса и роли китайской культуры в высшем образовании являются неизбежным требованием времени и потребностями в конструировании учебной дисциплины. Ученые пришли к общему мнению, что необходимо срочно решить проблемы взаимоотношения китайского языка как иностранного и китайской культуры, взаимоотношения обучения китайскому языку как иностранному и обучения китайской культуре, а также взаимоотношения содержания обучения китайской культуре и методов организации учебной деятельности. В общем, уже установлена «многомерная модель обучения языку и культуре» [2], и подчеркнуты важность включения культурного образования в учебную программу и необходимость обновления традиционной образовательной концепции [3]. При конструировании учебной дисциплины необходимо способствовать эффективной интеграции китайской культуры в процессе обучения китайскому языку как иностранному и выделить функцию китайской культуры в повышении качества усвоения учебного материала и способности к самостоятельному восприятию знания. Одновременно с учетом особенности иностранных студентов из стран-членов ШОС следует интегрировать высококачественные учебные ресурсы, соответственно создать подходящие курсы китайского языка, внедрить систему эффективного управления обучением, систему организации учебной деятельности и систему оценки эффективности обучения, чтобы способствовать творческому преобразованию и инновационному развитию выдающейся традиционной китайской культуры в мире.

2) Реализация культурно-гуманистической функции для формирования кросс-культурной грамотности учащихся

Воспитательные ценности имеет выдающаяся китайская традиционная культура, в которой содержится этическая система, дающая основу для стабильности, мира и гармонии в обществе. В частности, «благожелательность» (жэнь) в конфуцианстве, «управление бездействием» (у вэй) в даосизме, «всеобщая любовь» (цзянь ай) и «отрицание нападений» (фэй гун) в моизме, «верховенство закона» (фа чжи) в легизме и другие философские мысли, отражающие духовные силы, основные нравственности и ценности китайской нации, играют роль «мягкой силы» в духовно-нравственном воспитании международных специалистов. Чтобы полностью реализовать образовательную функцию китайской традиционной культуры в новую эпоху, необходимо стремиться к прорывным инновациям в построении механизмов развития системы образования, разработке учебных программ, создании культурной среды кампуса и организации воспитательной деятельности вне класса. Это требует от вузов совершенствования гарантийного механизма для обеспечения творческого преобразования и развития китайской культуры, планирования научно-исследовательской работы, улучшения системы оценивания образовательных достижений, органичной интеграции обучения китайской куль-

туре в учебную программу иностранных студентов, создания ключевого проекта «Духовно-нравственное воспитание личности», а также обеспечения долгосрочной эффективности образовательных результатов. К тому же необходимо формировать китайскую культурную среду в кампусе, обогатить формы культурно-просветительской деятельности вне класса, усилить практическую и прикладную направленность в обучении китайской культуре, популяризировать выдающуюся китайскую традиционную культуру, что позволяет иностранным студентам понять, признать, любить и активно распространять китайскую культуру. И таким образом реализуется образовательный эффект китайской культуры в процессе обучения, общения и практики.

3) Построение модели кросс-культурной адаптации с многообразными и многоканальными путями

По мере бурного развития международных обменов и сотрудничества в области экономики, культуры и образования в мире проблемы конфликтов и взаимодействия идеологий, культур и цивилизаций всё больше получали широкое внимание со стороны академических кругов. Ученые признали термин «культурная адаптация», предложенный антропологами Р. Редфилдом (Redfield), Р. Линтоном (Linton) и М. Херсковитсом (Herskovits) в 1936 году: культурная адаптация относится к изменению исходной культурной парадигмы одной или обеих сторон, когда группы с разным культурным происхождением начинают поддерживать непрерывный и непосредственный контакт [4]. Ученые обнаружили, что социально-культурная адаптация в целом затрудняет иностранных студентов в Китае [5]. Особенно, в процессе китайской культурной адаптации иностранные студенты из стран-членов ШОС сталкиваются со многими культурными конфликтами под влиянием таких различных факторов, как изменение образа жизни, окружающей среды, политической и экономической системы и психологического состояния. В процессе обучения китайской культуре следует полностью учитывать внутренние и внешние факторы, влияющие на культурную адаптацию, и применять многообразный и многоканальный подход для построения модели межкультурной адаптации и постепенного установления системы кросс-культурной адаптации в гармоничном и динамическом равновесии. Конкретно, вузы могут оказывать иностранным студентам социальную поддержку и помощь по трем аспектам: создание гармоничной и равноправной международной среды кампуса, помощь им в создании целостной социальной сети и повышение их собственной межкультурной чувствительности. Это помогает им развивать эмоциональную близость и чувство сопричастности, позволяющие им активно взаимодействовать с китайской культурой, понимать и уважать китайскую культуру, чтобы дискриминация и предубеждение, личностные различия, ресурсы преодоления трудностей, когнитивные оценки и другие негативные факторы не влияли на процесс культурной адаптации иностранных студентов.

Путь оптимизации обучения китайской культуре иностранных студентов из стран-членов ШОС

1) Создание дизайна верхнего уровня учебной программы и улучшение качества обучения китайской культуре иностранных студентов

Обучение китайской культуре иностранных студентов представляет собой систематический проект. Системное проектирование учебной программы должно осуществляться с целью подготовки квалификационных международных специалистов, а также необходимы разработка и построение предметной системы обучения, системы измерения и признания зачетных единиц, системы механизмов обучения и системы целевой оценки эффективности обучения.

«Дизайн верхнего уровня» – это понятие, происходящее из областей естествознания и инженерного проектирования. Для конкретного объекта используются системные теории для предложения общих стратегических идей и методов реализации сверху донизу, с целью уточнения анализа, оптимизации структуры, интеграции ресурсов, достижения прогрессивной цели, проведения немедленного контроля и передачи своевременной обратной связи. Дизайн верхнего уровня учебной программы китайской культуры относится к систематическому анализу, разработке, внедрению контроля и обратной связи по идее, общему мышлению и целям обучения китайской культуре иностранных студентов. На макроуровне дизайн верхнего уровня обучения китайской культуре в основном включает в себя идеи, подходы и цели, а на микроуровне он включает анализ, проектирование, реализацию, контроль и обратную связь.

Конкретно говоря, необходимо сформулировать и реализовать систематическую программу обучения китайской культуре в соответствии с местной культурой стран-членов ШОС и реальными потребностями иностранных студентов в обучении китайской культуре, органично связывая и интегрируя обучение китайской культуре с их родной культурой. Тем самым плано-

мерно и целенаправленно создавать различные вспомогательные платформы для обучения китайской культуре, а также продолжать расширять и увеличивать излучение и влияние качественного образования китайской культуры, с развитием которого связывают духовный, культурный и нравственный потенциал общества, эстетический и культурный вкус и гуманистическое качество индивида. Таким образом, обучение китайской культуре должно быть основано на воспитании культурного человека и продвижении и развитии талантов.

2) Внедрение открытой инновации системы обучения китайской культуре и повышение международной конкурентоспособности

Согласно официальной статистике Министерства образования, участие Китая в международном высшем образовании в основном сосредоточено в странах и районах вдоль «Пояса и пути» [6]. Масштабы приема иностранных студентов в Китай продолжают расширяться, он уже стал самой большой страной назначения в Азии для иностранных студентов [7]. Очевидно, что обучение иностранных студентов в странах-членах ШОС имеет большое значение для создания нового полюса роста для международного образования. При построении системы обучения китайской культуре следует придерживаться инновационной практики в соответствии с уникальностью и особенностью групп иностранных студентов из стран-членов ШОС, а также необходимо построить открытую систему обучения китайской культуре, что способствует взаимодействию и продвижению обучения китайской культуре и воспитанию качества иностранных студентов. Перед возможностями и проблемами международной конкуренции в области образования, необходимо понять, что адаптивность, всесторонность, креативность и другие общие характеристики необходимы для развития международных талантов. Подготовка глобальных лидеров «граждан мира» [8], несущих мир и счастье народам в мире, и развитие практических и инновационных «специалистов с широким кругозором, знакомых с международными правилами и способных участвовать в международных соревнованиях» [9], стали основной шкалой ценностей и шкалой суждений в обучении иностранных студентов.

Для выполнения и реализации этих задач необходимо интегрировать все факторы, способствующие развитию знания о китайской культуре для иностранных студентов с открытым горизонтом, повышать уровень и качество подготовки специалистов и формировать преимущества обучения. Таким образом, при построении открытой системы обучения китайской культуре следует:

– усилить интеграцию настроек учебной программы, создать открытую систему учебной программы с закономерностью единства и многообразия, создать комбинацию обязательных курсов, курсов по выбору и программы для самообучения, объединить обучение в классе и обучение вне класса, а также объединить теоретические курсы, практические курсы и экспериментальные курсы в одну единую учебную систему;

– придерживаться идеи открытого образования «привлечение интеллигенции», постоянно повышать квалификацию педагогов, усиливать обмен педагогическими ресурсами и создавать открытый механизм трудоустройства, позволяющий укреплять сотрудничество между вузами и предприятиями, в стране и за рубежом;

– укрепить открытость формы обучения китайской культуре и создать открытый режим обучения, который сочетает в себе теоретическое обучение и практическое обучение, обучение в классе и вне класса;

– повысить всесторонность оценки учащихся и создать открытую систему оценки, сочетающую оценки знания, способности и качества индивида. При построении открытой системы обучения китайской культуре объективно интегрируются различные типы, стили и формы обучения, а также интегрируется содержание обучения китайской культуре разных уровней и направлений, что может удовлетворить многоуровневые и всесторонние потребности иностранных студентов в знаниях.

Конкретно, на основе международного сотрудничества в области образования следует образовать выдающихся специалистов-международников в сфере межкультурной коммуникации, создавать облачные классы для интеграции и инноваций обучения китайской культуре. К тому же следует опираться на «умные кампусы» для формирования образовательной платформы китайской культуры и повышения качества обучения. Одновременно составить инновационные учебники для повышения эффективности действующей учебной программы.

3) Создание бренда-проекта по обучению китайской культуре и оптимизация модели подготовки международных специалистов

В целях дальнейшей оптимизации модели подготовки международных специалистов необходимо по образовательной идее «разнообразие и интеграция» всесторонне продвигать создание «Бренда-проекта обучения китайской культуре иностранных студентов». Опираясь на проекты-бренды, создать модели обучения китайской культуре в вузах, которые играют важную и незаменимую роль в улучшении сплоченности коллектива и имиджа личности, по-

вышении эффективности долгосрочной программы обучения и наращивании «мягкой силы» в контексте развития знания о китайской культуре.

Во-первых, для создания проекта-бренда обучения китайской культуре необходимо повысить узнаваемость бренда и создать собственный логотип. Вузы должны придавать большое значение проекту-бренду образования в области китайской культуры, уделять большое внимание рассмотрению, созданию, выращиванию, продвижению проекта и оказывать полную политическую, финансовую и кадровую поддержку. Кроме того, следует назначить специального человека, который должен отвечать за проект, следить, направлять и контролировать весь процесс работы для обеспечения благополучной реализации проекта. Необходимо интегрировать все ресурсы обучения и в полной мере использовать коллективный разум, позволяющий преподавателям и студента активно участвовать в создании и управлении проектами.

Во-вторых, вузы должны закрепить позиционирование бренда-проекта обучения китайской культуре на основе особенности вуза, реализовать дифференцированные стратегии, выделить характеристики индивидуальности и сосредоточиться на поддержке и развитии проектов китайской традиционной культуры, отражающих уникальные культурные гены, культурный темперамент и особенности вуза.

В-третьих, в процессе создания бренда-проекта обучения китайской культуре следует разработать, формировать и развивать концепцию бренда-проекта и подготовиться к долгосрочному строительству и усердной работе и постепенно расширять влияние бренда.

Наконец, использовать различные каналы и средства при распространении и продвижении бренда-проекта, чтобы привлекать внимание иностранных студентов в стране и за рубежом, и установить хорошую репутацию через создание благоприятного имиджа.

Итак, необходимо придавать большое значение построению бренда-проекта обучения китайской культуре. Постепенно укреплять коннотацию бренда, формировать его особенность, расширять его эффект и влияние, и в конечном итоге установить стратегию бренда, повысить имидж бренда и сравнительные преимущества высшего профессионального образования в странах мира [10].

Заключение

Таким образом, студенты из стран-членов ШОС, приезжающие в Китай, как межкультурные коммуниканты, непосредственно испытывают китайскую культуру и китайскую мудрость и могут продвигать создание пути мирного развития и человеческого сообщества. Обучение китайской культуре иностранных студентов из стран-членов ШОС играет важную роль в воспитании международных специалистов с межкультурной компетентностью, укреплении международной репутации Китая и углублении гуманитарных обменов. В новую эпоху необходимо постоянно совершенствовать систему управления, систему образования и систему обслуживания, связанные с обучением китайской культуре для иностранных студентов в Китае, а также постепенно углублять сотрудничество в области международного образования. Одновременно, система обучения китайской культуре обеспечивает инновационный переход и созидательное развитие китайской традиционной культуры для иностранных студентов из стран-членов ШОС.

Работа выполнена при поддержке Отдела международных связей (Офиса иностранных студентов) Шанхайского политико-юридического университета.

Список литературы

1. He Y.Y., Gu Y.F., Song X.Y. Analysis of the current situation and improvement strategies of Chinese cultural education of foreign students from Russian-speaking countries in Shanghai // Shanghai Education. 2019. № 34. P. 69–71.

2. Chen S. Research on teaching strategies for learning language and culture. Beijing: Beijing Language and Culture University press, 2001. 212 p.

3. Li R.L., Wu M. On the two principles of teaching vocabulary teaching in TCSL // Language Teaching and Linguistic Studies. 2005. № 2. P. 41–47.

4. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation // American Anthropologist. 1936. Vol. 38 (1). P. 149–152.

5. Zhu G.H. Cross cultural adaptation among international students in P.R.C. Institutions of higher education. Doctoral Dissertation of East China Normal University. 235 p.

6. Министерство образования КНР. Информация о продвижении совместного строительства образовательной акции «Один пояс, один путь». URL: http://www.moe.edu.cn/jybxwfb/moe_2069/xwfbh2017n/xwfb170419/170419sfcl/201704/t20170419302850.html (дата обращения: 18.08.2022).

7. Министерство образования КНР. Статистика иностранных студентов, обучающихся в Китае в 2018 году. URL: http:/www.moe.gov.cn/jybxwfb/gzdtgzdt/s5987/201904/t20190412377692.html (дата обращения: 18.08.2022).

8. IBO. The International Baccalaureate 50 Years of Education for a Better World. URL: https//www.ibyb.org/news/new-book-highlights-increasing-relevanceof-international-education-over-past-50-years (дата обращения: 01.08.2022).

9. Министерство образования КНР. Национальный план среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования (2010–2020 гг.). URL: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/info_list/201407/xxgk171904.html (дата обращения: 01.08.2022).

10. Fang B. On the education of international students studying in higher vocational colleges in china under the background of «the Belt and Road»: Opportunities, difficulties and strategies // Vocational and Technical Education. 2020. Vol. 41 (22). P. 13–19.

STUDY ON TEACHING CHINESE CULTURE TO FOREIGN STUDENTS FROM SCO COUNTRIES

Liu Jingjuan

Shanghai University of Political Science and Law

International education for the training of intercultural specialists plays a key role in promoting economic growth, social development and expansion of cooperation among the SCO member countries. Under such conditions, countries should deepen international educational cooperation of universities in various fields at a high level. The teaching of Chinese culture is of great importance in the development of humanitarian exchange between China and the SCO member countries. In accordance with the current situation with the teaching of Chinese culture to foreign students from the SCO member countries, the article proposes a ternary logic for promoting the teaching of Chinese culture in Chinese universities (theoretical logic, realistic logic and cultural logic) and innovative ideas for teaching Chinese culture. The necessity and practical significance of increasing the role of teaching Chinese culture as a link in international communication, the implementation of the cultural and humanistic function for the formation of cross-cultural literacy of foreign students, building a model of cross-cultural adaptation with diverse and multi-channel paths are revealed. It showed that in order to solve urgent problems in teaching Chinese culture, it is necessary to find the right ways and take effective measures to improve the quality of teaching Chinese culture to foreign students, increase international competitiveness and optimize the model for training international specialists. In particular, consider the design of the upper level of the curriculum, implement open innovation of the Chinese culture teaching system, establish a Chinese culture teaching brand project, etc.

Keywords: teaching Chinese culture; foreign students; SCO member country; intercultural communication; cultural adaptation.

УДК 378
DOI 10.52452/18115942_2022_4_204

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВИРТУАЛЬНЫХ ТРЕНАЖЕРОВ КУРСАНТАМИ ВУЗОВ МЧС РФ ПРИ ПРОХОЖДЕНИИ ПРАКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ПОЖАРНО-СПАСАТЕЛЬНОЙ АКАДЕМИИ)

© 2022 г.

А.А. Червова, И.А. Войкин

Червова Альбина Александровна, д.пед.н.; проф.; заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры математики, информатики и методики обучения Шуйского филиала Ивановского государственного университета
innovacia-sgpu@mail.ru
Войкин Илья Александрович, начальник отдела практической подготовки Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России
dr.voikin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2022
Статья принята к публикации 28.10.2022

На сегодняшний день подготовка квалифицированного специалиста в системе МЧС РФ представляет собой значимую социальную задачу, от качественного решения которой зависит безопасность российских граждан. В настоящей статье авторы анализируют роль применения виртуальных тренажеров, имитирующих экстремальные ситуации, с которыми сталкиваются в своей профессиональной деятельности сотрудники МЧС, в системе учебной подготовки курсантов первого и второго года обучения. На примере Ивановской пожарно-спасательной академии обучение пожарных и спасателей анализируется как комплексный и последовательный процесс с применением возможностей дополненной реальности, не имеющей аналогов в рамках подготовки учащихся в высших школах МЧС России.

Ключевые слова: МЧС РФ, курсанты, Ивановская пожарно-спасательная академия, профессиональная подготовка, профессиональная деятельность, предпрактика, пожаротушение, виртуальная реальность, дополненная реальность, виртуальные тренажеры, виртуальные занятия, система обучения, профессиональные компетенции, специальные дисциплины.

Введение

Формирование компетентного специалиста представляет собой длительный и комплексный процесс. В Ивановской пожарно-спасательной академии подготовка специалистов в области пожарно-спасательной деятельности начинается с первого курса обучения.

Достижение необходимого уровня подготовки к исполнению профессиональных обязанностей курсантов вузов МЧС обеспечивается за счет реализации практико-ориентированного обучения, в результате которого специалист в области пожарно-спасательной деятельности приобретает компетенции, необходимые для дальнейшей профессиональной деятельности. Образовательный процесс при этом строится на основе компетентностного подхода. Несмотря на то, что в современной отечественной науке до настоящего времени не сложилось единого определения относительно сущности последнего, в наиболее общем виде под ним следует понимать «совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов» [1, с. 12].

Степень разработанности проблемы

Различные аспекты вхождения курсантов в будущую профессиональную деятельность являлись актуальными объектами исследования в трудах современных авторов. К их числу следует отнести работы М.М. Крупчак, Д.И. Добрынина, Д.Р. Гареева, Е.Ю. Якименко, Б.М. Динаева, А.В. Волкова, в которых анализируется проблема психологической готовности курсантов к будущему исполнению профессиональных обязанностей [2–4], а также совершенствования профессионально значимых навыков курсантов в рамках процесса обучения в высшей школе [5, 6]. Наконец, за последние годы выходили исследования В.С. Бартош, С.В. Безнедельного, В.В. Сай, В.В. Вирячева, в которых анализировались вопросы внедрения дополненной реальности в учебный процесс с целью его оптимизации, улучшения показателей сформированности компетенций курсантов вузов МЧС на каждом курсе и к моменту окончания учебного заведения [7, 8].

Основная часть

Вхождение курсантов в будущую профессиональную деятельность осуществляется постепенно, от курса к курсу. По мере перехода студентов на следующую ступень обучения происходит усложнение стоящих перед ними профессиональных задач. Система подготовки курсантов в Ивановской пожарно-спасательной академии отличается от других высших учебных заведений тем, что происходит формирование компетенций на практике посредством виртуальных тренажеров, разработанных по проекту коллектива авторов – сотрудников Академии.

На первом курсе основное место отводится теоретическому компоненту профессионального образования курсантов. В числе дисциплин, осваиваемых ими в течение первого академического года обучения, наряду с общеобразовательными предметами, присутствуют спецдисциплины («Профессиональная подготовка», «История пожарной охраны» и «Основы первой помощи»). Количество академических часов на освоение специальных дисциплин увеличивается от семестра к семестру. В рамках первого года обучения их число (36 часов) еще незначительно и призвано сформировать базовые, теоретические знания в области пожарной безопасности: об основах противопожарной деятельности и ее истории, профессиональной этики, оказания первой помощи, межпредметных связях спецдисциплин. При этом уже на первом курсе, в соответствии с учебным планом по специальности «Пожарная безопасность – 20.05.01», для курсантов предусмотрена учебная практика в должности пожарного пожарно-спасательной части.

В течение первого года обучения среди основных форм занятий с курсантами следует отметить лекции, семинарские занятия, самостоятельные и практические работы. При этом занятия со студентами строятся по принципу чередования лекционных материалов, семинаров, учебная деятельность на которых осуществляется в малых группах, самостоятельных и практических работ. В частности, тематика лекций первых лет обучения посвящена введению в специальность, принципам пожарно-спасательной подготовки, а также формированию безопасной окружающей среды, что находит выражение в их названиях: «Задачи и определение пожарно-спасательной подготовки», «Разделы, изучаемые по пожарно-спасательной подготовке», «Основные подходы к созданию и обеспечению функционирования АПК (аппаратно-программный комплекс) «Безопасный город» [9].

Достижение образовательных задач первых лет обучения курсантов в Ивановской пожарно-спасательной академии сегодня осуществляется также с использованием возможностей дополненной реальности. Последнюю, в свою очередь, следует рассматривать в качестве результата добавления к воспринимаемым как составляющие реального мира мнимых объектов в качестве вспомогательной информации, позволяющей существенно оптимизировать процесс обучения. Как следствие, под виртуальными занятиями необходимо понимать обучение с использованием средств дополненной реальности. Применение ее возможностей позволяет студентам опробовать знания, полученные в теории, на практике, в ситуации опасности в смоделированном виртуальном пространстве. Работа курсантов на виртуальных тренажерах является предпрактикой, играющей огромную роль в процессе профессиональной подготовки будущих сотрудников МЧС РФ, без которой невозможно подготовить компетентного специалиста к деятельности в экстремальных ситуациях [10]. Компетенции, которые приобретают студенты в результате выполнения лабораторных, самостоятельных работ, существенно углубляются за счет применения виртуальных тренажерных комплексов (в первые годы обучения в учебном процессе используются базовые виртуальные тренажеры, содержание которых усложняется от курса к курсу). Начиная с 2020 г. в Ивановской пожарно-спасательной академии активно развивается комплексный проект образовательной среды с применением технологий виртуальной реальности. На первом году обучения в Ивановской пожарно-спасательной академии при помощи виртуального тренажера в учебной пожарно-спасательной части обучающиеся получают первоначальные навыки и компетенции, соответствующие должности «Пожарный».

Комплекс включает три основных элемента, а именно: 1) автоматизированное рабочее место руководителя занятий, предназначенное для управления программным обеспечением комплекса и организации учебного процесса, а также для ведения электронного журнала; 2) автоматизированные рабочие места пожарных, обозначаемые № 1 и № 2; 3) специальная экипировка, позволяющая создать условия полного погружения в чрезвычайную ситуацию: нагревательный жилет, имитирующий повышение теплового потока при приближении обучающегося к очагу пожара; виар-гарнитура в виде панорамной маски, позволяющая сымитировать работу в дыхательном аппарате и производить радиообмен между участниками тушения и ру-

Таблица 1

Компетенции курсантов Ивановской пожарно-спасательной академии 1-го и 2-го года обучения до и после занятий на виртуальных тренажерах

Компетенции курсантов первого года обучения (1-й семестр) до применения виртуальных тренажеров	Компетенции курсантов первого года обучения (2-й семестр) после применения виртуальных тренажеров	Компетенции курсантов второго года обучения (1-й семестр) до применения виртуальных тренажеров	Компетенции курсантов второго года обучения (2-й семестр) после применения виртуальных тренажеров
Владение базовыми знаниями в области пожарно-спасательной деятельности, формирования условий безопасной окружающей среды, приобретение навыков оказания первой помощи пострадавшим при пожаре или ЧС	Формирование базовых навыков в должности «Пожарный»: тушение пожаров в 10 различных локациях, определение месторасположения пожарно-технического вооружения в автомобиле, освоение алгоритма сборки рукавной линии, основ боевой деятельности при тушении пожаров	Владение навыками использования пожаро-спасательной техники, средств индивидуальной защиты, самоспасания и транспортировки пострадавших при пожарах и ЧС, формирование навыков командной работы	Формирование базовых навыков в должности «Командир отделения»: работы с личным составом, а также взаимодействия с начальником караула, ориентирования на местности, несения ответственности за выполнение личным составом поставленных задач, проверки наличия средств индивидуальной защиты и самоспасания пожарных, пожарного инструмента, средств спасения людей, организации боевых действий по тушению пожаров

ководителем занятия; специальное виар-оборудование, имитирующее наличие баллонов дыхательного аппарата; имитатор рукавной линии.

Данный виртуальный тренажер позволяет курсантам приобретать первичные навыки по тушению пожаров в десяти различных локациях. По результатам выполнения учебных задач студенты первого года обучения узнают месторасположение пожарно-технического вооружения в автомобиле, изучают алгоритм сборки рукавной линии, основы боевых действий по тушению пожара на различных объектах.

В течение последующих лет обучения в Ивановской пожарно-спасательной академии МЧС России происходит усложнение виртуальных сценариев по сравнению с первым годом обучения [11, с. 116]. Посредством использования аппаратной части, расположенной в многофункциональном учебно-тренировочном комплексе Академии, с обучающимися второго года обучения проводятся занятия по направлению «Пожаротушение» с отработкой навыков, необходимых для освоения компетенций по должности «Командир отделения», а также по направлению ГО и ЧС в роли участников ликвидации последствий ЧС различного характера.

Таким образом, на втором курсе обучения курсанты посредством виртуальных занятий решают более сложные задачи, нежели на первом курсе: здесь средства дополненной реальности не просто призваны сформировать компетенции в области работы с пожарной техникой и защитным оборудованием, закрепить последовательность действий пожарных и спасателей при работе в условиях слабой видимости и задымленности, но и помогают курсантам опробовать свои знания в конкретной руководящей должности. На данном этапе виртуальные практикумы позволяют подготовить курсантов к работе с личным составом, взаимодействию с начальником караула, ориентированию на местности тушения пожара, несению ответственности за выполнение личным составом поставленных задач, осуществлению проверки наличия средств индивидуальной защиты и самоспасания пожарных, пожарного инструмента, средств спасения людей, организации боевых действий по тушению пожаров.

Компетенции, которые приобретают курсанты первого и второго курса обучения до и после прохождения занятий на виртуальных тренажерах, можно представить в виде таблицы (табл. 1).

На рисунках 1 и 2 проиллюстрирован процесс использования виртуальных тренажеров на первом и втором курсе обучения.

Применение возможностей дополненной реальности, создающей эффект полного погружения, позволяет повысить скорость реакции курсантов на непредвиденные ситуации более чем на 35%, увеличить скорость разворачивания рукавной линии более чем на 40 %, сформировать коммуникативные компетенции при работе в группе. Это было подтверждено в ходе эксперимента, в котором принимали участие 54 курсанта (по 27 курсантов 1-го и 2-го года обучения). Основными критериями изменений в области профессиональной подготовки курсантов выступали скорость их реакции на непредвиденные ситуации, измеряемая в миллисекундах, а также скорость разворачивания рукавной линии, измеряемая в секундах, что демонстрирует объем временных затрат на совершение конкретного действия.

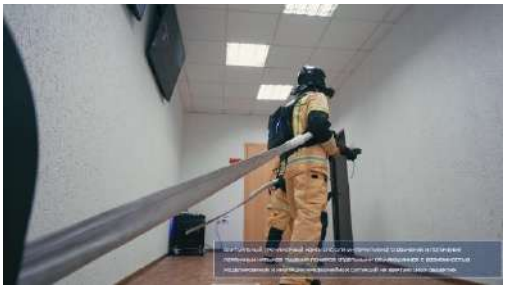


Рис. 1. Работа на виртуальном тренажере
(в виар-оборудовании с имитатором рукавной линии) курсантов первого года обучения

Рис. 2. Работа на виртуальном тренажере курсантов второго года обучения

Таблица 2

Результаты применения виртуальных тренажеров при подготовке курсантов 1-го и 2-го года обучения

1-й курс (до обучения на виртуальных тренажерах)	1-й курс (после обучения на виртуальных тренажерах)	2-й курс (до обучения на виртуальных тренажерах)	2-й курс (после обучения на виртуальных тренажерах)
Скорость реакции на непредвиденные ситуации	возросла на (15±1)%	сохранилась на уровне 1-го курса	возросла на (20±1)%
Скорость разворачивания рукавной линии	возросла на (10±1)%	сохранилась на уровне 2-го курса	возросла на (30±1)%

Заключение

Таким образом, общие знания, приобретаемые курсантами в рамках освоения лекционного курса, самостоятельных и практических занятий первого и второго года обучения в Академии, конкретизируются и углубляются посредством использования виртуальных тренажеров. В течение первого и второго курса студенты приобретают навыки деятельности в конкретной должности, что предполагает формирование в их сознании алгоритма подхода к решению соответствующих профессиональных задач. Компетенции, приобретаемые ими, расширяются от курса к курсу, так как сменяется перечень задач различных должностных лиц, в роли которых курсанты пробуют свои силы в виртуальной среде.

Виртуальные тренажерные комплексы позволяют студентам отрабатывать в виртуальной среде как комплексные сценарии обучения, так и частные нестандартные ситуации, с которыми могут столкнуться выпускники Академии в будущем не только в области пожаротушения и ЧС, но и в сфере профилактики и расследования пожаров.

Выводы

Профессиональная подготовка будущих пожарных и спасателей представляет собой длительный и поэтапный процесс. Формирование и углубление практических навыков, приобретаемых в рамках реализации традиционных форм обучения, сегодня успешно дополняется за счет компьютеризации образования, внедрения виртуальных тренажеров. Сценарии прохождения виртуальных заданий соответствуют той ступени обучения, на которой находятся курсанты.

Виртуальные тренажеры, позволяющие закрепить знания теоретического уровня, являются необходимой составляющей практико-ориентированного обучения курсантов вузов МЧС России.

Список литературы

1. Бермус А.Т. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании // Эйдос: интернет-журнал. 2005. № 4.

2. Крупчак М.М. Оптимизация условий личностного роста курсантов пожарно-технических вузов МЧС России: Автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2008. 26 с.

3. Добрынин Д.И., Гареев Д.Р. Психолого-педагогические особенности формирования профессиональной готовности курсантов и слушателей учебных заведений ГПС МЧС к деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 11-2. С. 45–61.

4. Якименко Е.Ю. Формирование психологической готовности курсантов МЧС к профессиональной деятельности // Вестник Командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь. 2012. № 2 (16). С. 122–127.

5. Динаев Б.М. Совершенствование профессионально-прикладной физической подготовки курсантов в вузах пожарно-технического профиля: Дис. … канд. пед. наук. Шуя, 2009. 157 с.

6. Волков А.В. Формирование профессиональной компетентности курсантов образовательных учреждений МЧС России в процессе изучения специальных дисциплин: Дис. … канд. пед. наук. Шуя, 2010. 177 с.

7. Бартош В.С. Виртуальная реальность: новые методы подготовки личного состава МЧС // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2010. Т. 1. № 3. С. 204–209.

8. Безнедельный С.В., Сай В.В., Вирячев В.В. Применение средств виртуальной реальности при подготовке специалистов МЧС России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2021. № 3 (52). С. 23–28.

9. Тематический план по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности». Специальность 20.05.01 «Пожарная безопасность». На 2021–2022 учебный год. 1 год обучения (очная форма). 17 с.

10. Войкин И.А., Червова А.А. Состояние проблемы подготовки курсантов вузов МЧС России в процессе прохождения практики на материале современных диссертационных исследований // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: Материалы XIV Международной научной конференции. Москва–Иваново–Шуя, 6–7 октября 2021 / Отв. ред. А.А. Червова. Иваново: Изд-во ШФ Ивановского государственного университета, 2021. С. 16–17.

11. Червова А.А., Войкин И.А. Влияние прохождения практики на будущую профессиональную деятельность сотрудников МЧС РФ // Школа будущего. 2022. № 2. С. 110–119.

ON THE USE OF VIRTUAL SIMULATORS BY CADETS OF UNIVERSITIES OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING PRACTICAL TRAINING (ON THE EXAMPLE OF THE IVANOVO FIRE AND RESCUE ACADEMY)

***A.A. Chervova*[1], *I.A. Voikin*[2]**

[1]Ivanovo State University, Shuisky Branch
[2]Ivanovo Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia

To date, the training of a qualified specialist in the system of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation is a significant social task, on the qualitative solution of which the safety of Russian citizens depends. In this article, the authors analyze the role of the use of virtual simulators simulating extreme situations faced by emergency workers in their professional activities in the system of training cadets of the first and second years of study. On the example of the Ivanovo Fire and Rescue Academy, the training of firefighters and rescuers is analyzed as a complex and consistent process using the capabilities of augmented reality, which has no analogues in the training of students in higher schools of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

Keywords: EMERCOM of the Russian Federation, cadets, Ivanovo Fire and Rescue Academy, professional training, professional activity, pre-practice, firefighting, virtual reality, augmented reality, virtual simulators, virtual classes, training system, professional competencies, special disciplines.

УДК 378.1
DOI 10.52452/18115942_2022_4_209

КРЕАТИВНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ФАКТОР ПЕРСПЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2022 г.

Т.Т. Щелина, Е.В. Лёвкина, Э.Г. Патрикеева

Щелина Тамара Тимофеевна, д.пед.н.; проф.; директор Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
arz65@mail.ru
Лёвкина Елена Викторовна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры общей педагогики и педагогики профессионального образования Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
levkina_alena11@mail.ru
Патрикеева Элла Геннадьевна, к.психол.н.; доц.; доцент кафедры общей и практической психологии Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ellapatrik@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.06.2022
Статья принята к публикации 17.10.2022

Рассматривается проблема перспектив и ключевых направлений развития российского высшего образования, что предполагает развитие инновационного мышления и креативности преподавателя высшей школы. Раскрыты теоретические основы развития креативности преподавателя вуза, представлен авторский подход к понятию «креативность преподавателя вуза»; описаны технологии развития креативности преподавателя (из опыта Арзамасского филиал ННГУ); даётся психологическое обоснование использования стратегической сессии как средства развития креативности преподавателя вуза. Авторами анализируется цикл проведенных в филиале сессий, задуманный как реализация ключевых направлений Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»; представлен опыт реализации наиболее актуальных инновационных технологий в практике работы преподавателей Арзамасского филиала ННГУ; предложены методические рекомендации по развитию креативности преподавателя вуза.

Ключевые слова: креативность, креативное развитие, стратегическая сессия, преподаватель, перспективы высшего образования, инновации в высшем образовании.

Введение

Сегодня происходят значимые изменения в сфере образования, которые, несомненно, связаны с постоянными и быстрыми обновлениями технологий, главным образом информационных, процессами трансформации в социальной сфере как в России, так в мировом пространстве.

Согласно положениям документа «Ключевые направления развития российского образования для достижения целей и задач устойчивого развития в системе образования до 2035 г.», современный рынок труда неукоснительно требует людей, обладающих высокой стрессоустойчивостью, гибкостью мышления, адаптивностью, а главное креативностью, готовых к организации самостоятельной деятельности в непривычных условиях. При этом современные школа и вуз на данный момент пока не закладывают таких основ в должном объеме [1].

В связи с данными обстоятельствами научно-технологическое развитие России предполагает в постоянно меняющихся и нестабильных условиях модернизацию отечественного образования с учётом мировых тенденций. Роль университета здесь ключевая – именно от преподавателя вуза, от его ключевых личностных характеристик, его профессиональной деятельности зависит уровень знаний и компетенций современных выпускников, которые впоследствии станут ведущими специалистами на современном рынке труда.

В этом смысле нужны преподаватели нового формата – умеющие самостоятельно ставить и решать в том числе нестандартные задачи, обладающие междисциплинарными знаниями, способные формулировать и решать ключевые проблемы общества и государства, а также осознающие свои профессиональные задачи и обязанности в новых социокультурных условиях. Достаточно длительное время миссией преподавателя вуза была исключительно передача опыта и знаний молодым специалистам. Но сегодня требуется переход к построению уникальной отечественной вузовской подготовки, которая предполагает развитие инновационного

мышления и опыта активного действия в различных сферах деятельности человека.

Ответом на запрос научного сообщества, представителей реального сектора экономики и государственной власти является формирование в вузе инновационной среды, предполагающей наличие команды инновационно мыслящих преподавателей, способных эффективно организовать учебно-воспитательный процесс, в том числе в условиях дистанционного и смешанного форматов обучения [2].

В связи с этим в 2021/22 уч. году на базе Арзамасского филиала ННГУ стартовал цикл стратегических сессий для сотрудников, направленных на определение путей повышения креативности и эффективности работы преподавателя в современных условиях учебно-воспитательного процесса вуза.

Следует отметить, что организация цикла сессий филиала задумана как реализация ключевых направлений Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», разработанной ведущими учёными Национального исследовательского Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского [3]. Миссия университета на сегодняшний день заключается в подготовке высококвалифицированных кадров для работодателей, а также в обеспечении социально ответственного и патриотического воспитания молодежи, развитии творческих способностей на основе системной интеграции образовательной, исследовательской и инновационной деятельности. Среди важных стратегических проектов реализации программы университета можно выделить проект «Креативная личность».

В связи с этим в качестве одного из ключевых приоритетов программы выступает развитие креативности преподавателей, и, следовательно, одной из главных задач филиала на сегодняшний день является анализ и распространение богатого и успешного профессионального опыта арзамасских педагогов и психологов в данном аспекте, определение и обобщение наиболее актуальных инновационных технологий в практике работы преподавателей Арзамасского филиала ННГУ.

Теоретические основы

Актуальность развития креативности преподавателя высшей школы определяется, как мы видим, как социальной, так и практической значимостью проблемы самосовершенствования личности педагога в профессиональной деятельности. В современных условиях развития российского общества и модернизации системы высшего педагогического образования в Российской Федерации возникает необходимость поиска новых ресурсов для качественной подготовки будущих специалистов, обладающих креативным мышлением.

Так, по мнению доктора педагогических наук А.В. Морозова, «креативный образовательный процесс предоставляет возможность каждому студенту на любом образовательном уровне не только развить исходный творческий потенциал, но и сформировать потребность в дальнейшем самопознании, творческом саморазвитии, сформировать объективную самооценку».

Заметим, что в отечественной науке проблему креативности начиная со второй половины XX века рассматривали Д.Б. Богоявленская, Ч.К. Борисов, А.В. Брушлинский, Н.Ф. Вишнякова, М.С. Каган, А.Г. Ковалев, А.Н. Лук, А.М. Матюшкин, Я.А. Пономарев, В.Г. Рындак, И.Э. Стрелкова и другие ученые и исследователи.

Теоретическая основа креативности раскрывалась и в работах многих зарубежных авторов (Г.Ю. Айзенк, Ф. Баррон, Д. Векслер, М. Бертхаймер, Дж. Гилфорд, Х. Грубер, Р. Крачфилд, А. Маслоу, С. Медник, Р. Стенберг, Р.Е. Тафель, Е. Торренс, М. Уоллах, Дж. Хеслруд, Э. Шехтель и др.).

Помимо этого изучались такие аспекты проблемы:

– психолого-педагогические основы творчества, развития (А.В. Брушлинский, И.С. Кон, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов);

– субъект-субъектное взаимодействие и продуктивное общение (А.А. Бодалев, Л.С. Выготский, А.Г. Ковалев, Б.Ф. Ломов);

– личностные корреляты креативности (Л.Б. Ермолаева-Томина, А.Н. Лук, Р.В. Рескин);

– развитие творческого потенциала и креативности, воспитание коммуникативной компетентности и коммуникативной культуры (Эд. Де Боно, М.С. Каган, Р. Крачфилд, А.М. Матюшкин, А.Л. Петровская, Е. Торренс, М. Уоллах);

– диагностика креативности (Д.Б. Богоявленская, Н.Ф. Вишнякова, Дж. Гилфорд, Л.Б. Ермолаева-Томина, Е. Торренс, Н.Б. Шумакова, Е.И. Щебланова) [4].

На наш взгляд, креативность является многоуровневой личностной характеристикой, которая включает в себя три стороны: личностную (предполагает креативную направленность личности), процессуальную (владение инновационными образовательными технологиями, умение организовать учебно-воспитательный процесс по-новому, максимально и быстро достигая образовательный эффект) и результативную (предполагает наличие значимых личных профессиональных достижений и достижений своих студентов).

Отметим, что креативность является не только источником творческой профессиональной деятельности преподавателя высшей школы, но и также основой его эффективности. При этом высокий уровень креативности обеспечивает более эффективную, успешную, продуктивную и продолжительную профессиональную деятельность. Важно, если преподаватель является не только её участником, но и сам является её разработчиком, активно внедряя новые идеи в собственную практику и практику работы коллег.

Этапы и результаты исследования, их обсуждение

Арзамасский филиал ННГУ в течение 2021/22 учебного года выстраивал и реализовывал технологию развития креативности преподавателей вуза на двух уровнях.

Внутренний уровень предполагал:

1) создание в филиале научно-методической комиссии, которая вырабатывает стратегию и основные направления развития креативности сотрудников филиала;

2) организацию цикла стратегических сессий по обозначенной проблематике на темы: «Эффективный преподаватель в условиях дистанта», «Креативность как фактор эффективности работы преподавателя в современном образовательном пространстве», «Инновационные технологии в образовательном процессе вуза», «Формирование стрессоустойчивости преподавателя в условиях инновационности и креативности»;

3) организацию Декады педагогики и психологии, Недели студенческой науки в инновационных форматах проведения занятий и мероприятий с привлечением актива студентов (форум, хакатон и др.).

Внешний уровень включал:

1) участие преподавателей в курсах повышения квалификации «Цифровые технологии в преподавании профильных дисциплин» на базе АНО ВО «Университет Иннополиса», «Инновационные педагогические практики в образовании» на базе МГПУ и др.;

2) работу на инновационных площадках образовательных учреждений города и районов Нижегородской области;

3) участие в форумах, семинарах и конференциях различного уровня инновационной проблематики в качестве докладчиков;

4) проведение мастер-классов и открытых занятий с использованием ресурсов и инновационного потенциала профессионального коллектива вуза.

Особую роль в развитии креативности преподавателей и сотрудников филиала сыграли стратегические сессии, которые были организованы под руководством ведущих преподавателей кафедры общей педагогики и педагогики профессионального образования, кафедры общей и практической психологии.

Так, 3 декабря 2021 г. на базе филиала в рамках традиционной Декады педагогики и психологии состоялось уникальное мероприятие – первая стратегическая сессия «Эффективный преподаватель в условиях дистанта», целью которой было определить пути повышения эффективности организации учебно-воспитательного процесса в вузе в условиях дистанционного и смешанного форматов обучения. Участниками стали преподаватели психолого-педагогического факультета (4 группы по 7 человек), а также группа студентов психолого-педагогического факультета (7 человек). Для организации работы сессии были заготовлены необходимые материалы: ручки, маркеры, листы формата А2 (6 шт.), цветная бумага (для деления на команды), стикеры, раздаточный материал (проблематика).

Это был первый опыт преподавателей осмыслить и оценить потенциал участия Арзамасского филиала в реализации программы «Приоритеты 2030» [2]. В рамках сессии были озвучены ключевые направления программы «Приоритеты 2030», приоритеты развития университета, в которые необходимо «вписать» богатый и успешный профессиональный опыт арзамасских учёных.

В целом сессия состояла из нескольких этапов и предлагала участникам выбрать роль в рабочей группе:

– дизайнер запроса – участник группы, который взаимодействует с модераторами (уточняет правильность понимания задания, задаёт вопросы и т.д.);

– дизайнер проекта – участник, который выдвигает общую идею для обсуждения;

– дизайнер групповой коммуникации – участник, который организует обсуждение в группе, задаёт уточняющие вопросы при обсуждении, задаёт тон работы в группе;

– дизайнер содержания – участник, который фиксирует высказывания остальных участников группы, систематизирует и записывает на лист бумаги;

– дизайнер результата – участник, который озвучивает и защищает перед аудиторией итоговые идеи группы.

Первый этап сессии («Как мотивировать студента на обучение в условиях дистанционного и смешанного форматов обучения?») включал выделение критериев высокой мотивации учебной деятельности студентов, определение

путей повышения мотивации учебной деятельности студентов, а также выявление причин и проблем мотивации учебной деятельности студентов.

Второй этап сессии («Как научить студента работать в ЭИОС вуза?») позволил раскрыть сущность ЭИОС вуза и её компоненты, определить проблемы использования ЭИОС вуза в работе преподавателя и обучении студента, наметить пути повышения эффективности работы в ЭИОС вуза (с позиции преподавателя и студента).

Третий этап сессии («Как организовать воспитательную среду вуза в условиях дистанционного и смешанного форматов обучения?») предполагал рассмотрение понятия «воспитательная среда вуза», выявление проблем развития воспитательной среды вуза в условиях дистанционного и смешанного форматов обучения, а также описание путей повышения эффективности воспитательной работы в условиях дистанционного и смешанного форматов обучения.

Четвёртый этап сессии предполагал подготовку документа «Общие рекомендации по повышению эффективности организации учебно-воспитательного процесса в вузе в условиях дистанционного и смешанного форматов обучения» с определением критериев эффективности работы преподавателя в условиях дистанта.

Таким образом, в рамках работы сессии были вычленены основные проблемы, связанные с обучением и воспитанием студентов, предложены пути их решения, определены критерии эффективности работы преподавателя в условиях дистанта. Данное мероприятие позволило взглянуть на «болевые точки» в современной ситуации организации образовательного и воспитательного процесса, посмотреть с разных точек зрения и позиций на существующие проблемы и их пути решения. Данное мероприятие заложило начало большой работы на перспективу.

В рамках реализации стратегических проектов ННГУ по программе «Приоритет 2030» 9 декабря 2021 г. прошла ещё одна стратегическая сессия «Креативность как фактор эффективности работы преподавателя в современном образовательном пространстве», целью которой стало определение путей повышения кретивности и эффективности работы преподавателя в современных условиях учебно-воспитательного процесса в вузе. Активными участниками стали деканы факультетов, заведующие кафедрами и представители ППС от каждой кафедры (5 групп по 7 человек).

На организационном этапе «Сущность и показатели креативности преподавателя в современном образовательном пространстве» была определена сущность понятия «креативный преподаватель». Креативность рассмотрена как готовность решать профессиональные задачи в условиях постоянных изменений. При этом были определены ключевые показатели креативности преподавателя, среди которых: подвижность, заключающаяся в способности быстро выдвигать большое количество идей; гибкость, проявляющаяся в оценке проблем со всех сторон и нахождении закономерностей; оригинальность – способность мыслить нестандартно; разработанность, выражающаяся в способности углублять и детализировать идеи; открытость, сопротивление замыканию — постоянное впитывание новой информации, активное взаимодействие с коллегами.

На первом этапе («Дефициты и профициты креативности преподавателей в современном образовательном пространстве») велась как индивидуальная работа «Мои личностные ресурсы и дефициты креативности», так и групповая работа, которая была направлена на выявление общих профицитов и дефицитов креативности преподавателей.

В рамках второго этапа («Возможности повышения креативности преподавателей в современном образовательном пространстве») были определены способы развития креативности преподавателя через использование ресурсов и потенциала профессионального коллектива вуза.

На заключительном, третьем этапе («Эффективные коммуникации в профессионально-педагогической деятельности преподавателя как способ развития креативности») группами были разработаны межфакультетские мероприятия, направленные на развитие креативности преподавателей вуза.

15 апреля 2022 г. на базе Арзамасского филиала ННГУ состоялся межкафедральный научно-практический семинар «Инновационные технологии в образовательном процессе вуза» в форме стратегической сессии. Организатором мероприятия стала кафедра общей педагогики и педагогики профессионального образования под руководством д.пед.н., профессора Т.Т. Щелиной.

В стратегической сессии приняли участие четыре команды, представленные деканами факультетов, заведующими кафедрами и ведущими преподавателями – представителями всех факультетов филиала. Четвертую команду представляли руководители структурных подразделений филиала.

Следует отметить несомненную значимость стратегических сессий, ставших уже традиционными для филиала, направленных в первую очередь на креативный вариант развития преподавателя, модернизацию его методов, средств и приемов обучения в целях подготовки высо-

коквалифицированных специалистов, востребованных на рынке труда и вносящих весомый вклад в развитие нашей страны.

На первом этапе работы участникам сессии было предложено, опираясь на собственный профессиональный опыт, обозначить свое понимание таких ключевых понятий, как инновации, инновации в образовании, привести примеры инновационных технологий в образовательном процессе вуза. К инновационным технологиям, работающим на повышение качества образования, являющимся ответом на вызовы в условиях современных реалий вуза, участники встречи отнесли следующие: геймификацию, учебную фирму, кейс-технологии, перевернутое обучение, технологию дополненной реальности, квест-технологию, технологию развития критического мышления, имитационные игры, интеллект-карты и др. [5].

На следующем этапе отдельные участники поделились собственным опытом реализации инновационных технологий в образовательной практике вуза (с докладами и наглядной презентацией выступили ведущие преподаватели Арзамасского филиала). Слушатели познакомились с опытом реализации следующих технологий: игровой технологии, мобильного обучения, квест-технологии, ролевой игры, метафорических карт, метаплана, технологии критического мышления.

На заключительном этапе семинара команды обсуждали проблемные зоны в освоении и применении инновационных технологий в образовательном процессе вуза, пути их преодоления. Среди проблемных зон были выделены следующие: отсутствие мотивации, недостаточная профессиональная компетентность, эмоциональное выгорание, слабое владение цифровым инструментарием, недостаточное материально-техническое обеспечение образовательного процесса вуза и др. Решение обозначенных проблем участники видели в организации мастер-классов по обучению тем или иным инновационным технологиям, создании библиотеки инновационных технологий в вузе, использовании бережливых технологий, профилактике эмоционального выгорания, саморесурсировании, курсах повышения квалификации, совместном со студентами обмене опытом.

В завершение работы участники сессии были погружены в процесс рефлексии и с помощью инфокарт анализировали полезность и результативность работы в группе, степень обогащённости собственного опыта по итогам мероприятия, наличие инновационного опыта на факультете.

Анализ полученных результатов работы свидетельствует о заинтересованности участников в обозначенной проблематике, о богатом опыте использования инновационных технологий в образовательном процессе Арзамасского филиала ННГУ, о необходимости и желании обмениваться опытом с коллегами, совершенствуя свой профессионализм и выстраивая совместно с коллегами новые, перспективные линии развития системы обучения и воспитания студентов в вузе [6, с. 64–65].

Отметим, что описанные нами технологии взаимодействия с преподавателями с целью раскрытия личностных ресурсов, развития креативности имеют психологические основания. Для получения обратной связи от участников стратегических сессий нами была разработана анкета. Анализ ответов респондентов на вопросы анкеты позволил сформулировать следующие выводы.

Использование технологий творческого самовыражения в процессе взаимодействия с преподавателями различных факультетов нашего вуза позволяет существенно улучшить степень восприятия коллегами новой информации, отличной от консервативных личных и профессиональных установок, расширяет сферу применения воспринятого «нового» в дальнейшей профессиональной деятельности.

Креативное развитие личности в процессе реализации активных методов социально-психологического обучения проходит наиболее эффективно, так как в коммуникативном и образовательном пространстве стратегической сессии созданы условия, способствующие активизации творческих ресурсов как опытного, так и молодого преподавателя:

– происходит безоценочное изучение личного опыта преподавания в определенной области в ходе равноправного субъект-субъектного диалога;

– активизируется рефлексивный ретроспективный анализ собственной педагогической деятельности у каждого участника;

– модератором в обучающейся группе создается атмосфера психологической безопасности, взаимоподдержки и доверия; модератор мотивирует участников, структурирует ролевое взаимодействие, организует тайм-менеджмент;

– поддерживается четкое соблюдение основных принципов ведения групповой работы (очередность, добровольность, доброжелательность, искренность, персонализация обращения и пр.), что снимает напряжение и стрессогенность ситуации, в то же время побуждает участников решать профессиональные задачи в ситуации неопределенности;

– смоделированная в ходе стратегической сессии ситуация неопределенности характеризуется многовариативностью развития, неоднозначностью решения и исхода, поэтому побуждает участника анализировать факторы, связи, условия, самостоятельно выбирать оптимальные методы и средства для принятия решения в контексте поставленных на мероприятии профессиональных задач.

Созданные психологические условия позволяют в ходе стратегических сессий реализовать модель креативного развития ППС вуза, которая предполагает использование методов психологического моделирования различных коммуникативных стратегий, направленных на достижение целей через налаживание связей с аудиторией; арт-педагогических технологий, позволяющих в наглядной форме структурировать информацию, проработать основные трудности, связанные со служебными взаимоотношениями, и оказать позитивное влияние на формирование как профессиональных, так и личностных компетенций участников.

Выводы

Анализ опыта, научно-методической и практической деятельности Арзамасского филиала ННГУ позволяет сформулировать ряд рекомендаций и выделить несколько стратегий для развития креативности у преподавателей современного вуза, среди которых:

1) привлечение преподавателей к моделированию возможных изменений в организации, структуре и содержании образовательного процесса;

2) использование естественного мозгового штурма (индивидуального и группового) при разработке проектов решения ключевых и рядовых проблем внутри вуза;

3) целенаправленное и своевременное внесение корректив в рабочую документацию вуза, обеспечивающую реализацию образовательного процесса, относительно использования новых педагогических технологий и инноваций (РПД, ФОС, РПП и др.);

4) организация в вузе работы научно-методического центра (комиссии), задачами которого будет являться создание условий, способствующих повышению профессиональной компетентности педагогических работников вуза, развитию их творческого потенциала, готовности к освоению инноваций в высшем образовании, полноценной профессиональной и личностной самоорганизации;

5) создание проблемных групп и авторских коллективов преподавателей под решение конкретных задач, в состав которых будут входить как опытные, так и молодые, инновационно мыслящие специалисты, коллаборация смешанных команд (по возрасту, опыту, принадлежности к кафедре, факультету и т.п.);

6) привлечение к работе в команде и организации внутривузовских научно-образовательных и просветительских мероприятий студентов из числа наиболее креативных на основе взаимовыгодного сотрудничества;

7) повышение мотивации преподавателей к развитию креативности путём финансового стимулирования освоения ими и распространения инновационной деятельности как внутри вуза, так и за его пределами (в регионе, на уровне РФ);

8) обеспечение непрерывности процесса формирования творческого мышления и развития творческих способностей как у студентов, так и у преподавателей.

Как показывает практика, формирование креативности и развитие творческой индивидуальности преподавателя вуза способствуют повышению его компетентности и профессионализма. В связи с этим мы предлагаем разработать и внедрить новое направление курсов повышения квалификации для подготовки преподавателей современного вуза, способных целенаправленно формировать компетенции у будущих специалистов, развивать у них способности, обеспечивающие возможность исследовать, проектировать, создавать новое в разных областях науки (сферы психолого-педагогического образования). В качестве примера могут служить такие программы, как «Эффективный преподаватель», «Инновационные технологии в образовательном процессе вуза», «Креативность как фактор эффективности работы преподавателя в современном образовательном пространстве», целью которых является формирование и развитие гибкости и оригинальности мышления, адаптация преподавателя вуза, как представителя педагогического сообщества, к нарастающей скорости технологических, социальных и иных инноваций в культурно-образовательном пространстве современного общества.

Список литературы

1. Проект документа «Ключевые направления развития российского образования для достижения Целей и задач устойчивого развития в системе образования до 2035 г.». URL: http://edu2035.fironir.ru/index.php/stati-opublikovannye-uchastnikami-soobshchestva/86-klyuchevye-napravleniya-2035 (дата обращения: 16.05.2022).

2. Щелина Т.Т. Преподаватель высшей школы: самоопределение и развитие в меняющихся условиях // Личностно-профессиональное и карьерное развитие: актуальные исследования и форсайт-проекты: Сборник статей XIV Международной научно-прак-

тической конференции / Под ред. Л.М. Митиной. М.: Изд-во «Перо», 2018. С. 81–84.

3. Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030». URL: http://www.unn.ru/site/about/ofitsialnye-svedeniya-i-dokumenty/programmy-razvitiya/programma-strategicheskogo-akademicheskogo-liderstva-prioritet-2030 (дата обращения: 16.05.2022).

4. Морозов А.В. Формирование креативности преподавателя высшей школы в системе непрерывного образования: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. 445 с. РГБ ОД, 71:05-13/88. URL: https://www.dissercat.com/content/formirovanie-kreativnosti-prepodavatelya-vysshei-shkoly-v-sisteme-nepreryvnogo-obrazovaniya (дата обращения: 16.05.2022).

5. Лёвкина Е.В. К вопросу об организации инфозон как средства повышения мотивации к изучению литературы // Филологическое образование в условиях электронно-цифровой среды. Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 30 мая 2018 года / Редкол.: Т.Г. Галактионова, Е.И. Казакова, В.Е. Пугач. СПб.: ЛЕМА, 2018. С. 66–68.

6. Калинина Т.В., Патрикеева Э.Г., Трухманова Е.Н. Готовность педагога к воспитательной работе в условиях вузовского образования / Научно-методический электронный журнал Концепт. 2020. № 2. С. 55–68.

TEACHER'S CREATIVITY AS A FACTOR OF PROSPECTIVE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION

T.T. Shchelina, E.V. Levkina, E.G. Patrikeeva

Arzamas branch of the Nizhny Novgorod State University named after I.I. N.I. Lobachevsky

The article deals with the problem of prospects and key directions for the development of Russian higher education. Currently, a transition is being made to building a unique domestic university training, which involves the development of innovative thinking and creativity of a higher education teacher. The article analyzes the theoretical foundations for the development of creativity of a university teacher, presents the author's approach to the concept of "creativity of a university teacher"; technologies for the development of teacher creativity (from the experience of the Arzamas branch of UNN); the psychological substantiation of the use of the strategic session as a means of developing the creativity of a university teacher is given. The authors of this work analyze the cycle of sessions carried out in the branch and conceived as the implementation of key areas of the Strategic Academic Leadership Program "Priority 2030". The article substantiates the importance of analyzing and disseminating the rich and successful professional experience of Arzamas teachers and psychologists, identifying and summarizing the most relevant innovative technologies in the practice of teachers at the Arzamas branch of UNN. The article presents methodological recommendations for the development of creativity of a university teacher.

Keywords: creativity, creative development, strategic session, teacher, prospects for higher education, innovations in higher education.

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (68)

2022

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 28,7. Усл. печ. л. 24,9. Тираж 100 экз. Заказ № 30.
Дата выхода в свет: 13.02.2023
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет